This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 3099.06

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

JOHN HARVEY TREAT

OF LAWRENCE, MASS.

(Class of 1862)

А. С. Ермоловъ.

Sloornik russo

Нашъ земельный вопросъ.

I.
Земля и трудъ.

II.
Крестьяне и земля.

III.
Дѣйствительность и земельныя утопіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. КИРШБАУМА.
1906.

C 3305.12

~~Eco. 3178.5~~

Sloan 3099.06

HARVARD COLLEGE
OCT 28 1914
LIBRARY

Treat fund

Главныя задачи и цѣль этой книги всего полнѣе выражаются заглавіемъ первой вступительной ея главы „Надо въ земельномъ вопросѣ разобраться“. Глава эта, написанная подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ осеннихъ погромовъ, забастовокъ, безпорядковъ и той общей смуты, которая въ то время широкою волною разлилась по русской землѣ, является исходною точкою всего моего труда. Смута эта глубоко охватила и сельское населеніе, которое ринулось на погромы, думая этимъ путемъ достигнуть разрѣшенія земельнаго вопроса въ томъ именно направленіи, которое наше крестьянство отчасти само, отчасти подъ вліяніемъ агитаціи, только себѣ и представляло,—отобраніе земли у помѣщиковъ, переходъ ея полностью къ крестьянамъ. Если впослѣдствіи безпорядки нѣсколько и улеглись, погромы пріостановились, пожары потухли, — мѣстами потому, что громить и жечь больше нечего было,—то трудно сказать, долго ли это успокоеніе продлится, не есть ли это только временное затишье предъ новой бурей? Разрѣшеніе земельнаго вопроса въ смыслѣ дополнительнаго надѣленія ихъ землею, крестьяне ждутъ отъ Думы, посылая въ нее своихъ представителей со строгимъ наказомъ— поставить его на первую очередь, при чемъ большинство изъ нихъ и не подозрѣваетъ всей его сложности, всей трудности его разрѣшенія и даже той опасности, съ которою всякія радикальныя въ желаемомъ ими направленіи мѣры могутъ быть сопряжены для нихъ самихъ. Многія стороны дѣла, какъ, напримѣръ, вопросъ о размѣрахъ земельнаго фонда въ Россіи, о значеніи частно-владѣльческаго хозяйства для общей экономіи страны и для тѣхъ же крестьянъ, какъ источника заработковъ, ими и не затрагиваются, ни въ какой разсчетъ не принимаются. Земля — ихъ лозунгъ, а все другое, что съ передачею имъ этой земли связано, всѣ возможныя послѣдствія этой мѣры, и даже тѣ выгоды или невыгоды, которыя съ осуществленіемъ

ея сопряжены, въ соображенія ихъ не входятъ, ихъ въ данную минуту не интересуютъ и даже самаго существованія многихъ изъ этихъ вопросовъ они не подозрѣваютъ.

Къ сожалѣнію, мнѣ приходится отмѣтить, что и научная литературная разработка нашего аграрнаго вопроса, не взирая на то, что посвящаемыя ему сочиненія, брошюры, журнальныя и газетныя статьи насчитываются теперь едва ли не тысячами, все еще внесла въ него слишкомъ мало свѣта, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, пожалуй, еще только усугубила ту путаницу понятій, которая царитъ по этому вопросу въ умахъ не однихъ только крестьянъ,—благодаря неправильности, утопичности исходныхъ точекъ зрѣнія съ одной стороны, и неполнотѣ, недостаточности, а порой и игнорированію фактическихъ данныхъ съ другой. Многія изъ выдвигаемыхъ нынѣ теорій, изъ проектируемыхъ для разрѣшенія или урегулированія земельнаго вопроса мѣръ грѣшатъ прежде всего недостаточно сознательнымъ отношеніемъ къ дѣйствительнымъ условіямъ русской жизни, не сообразуются съ истиннымъ положеніемъ Россіи вообще и сельскаго ея населенія въ частности, съ разнообразнымъ характеромъ отдѣльныхъ мѣстностей; все подводится подъ одинъ шаблонъ, въ основу котораго кладется та или другая теорія, являющаяся иногда плодомъ чисто предвзятой идеи, но не опирающаяся на твердые факты. Часто все строится на статистическихъ данныхъ, на среднихъ ариѳметическихъ выводахъ изъ цифръ, которыя либо сами по себѣ представляются сомнительными, либо только маскируютъ истину, благодаря произвольнымъ ихъ обобщеніямъ, за которыми жизнь съ ея разнообразными проявленіями и запросами совершенно исчезаетъ. И часто возникаютъ споры, идетъ горячая полемика между приверженцами разныхъ мнѣній, именно изъ-за этихъ цифръ, болѣе нежели изъ-за существа дѣла, и вопросъ, вмѣсто разъясненія, только еще болѣе затемняется и запутывается. Мнѣ и самому, конечно, пришлось прибѣгать къ цифрамъ, къ нашему далеко не совершенному статистическому матеріалу, но болѣе для того, чтобы доказать невозможность основанія на немъ какихъ либо теорій, а тѣмъ паче какихъ либо практическихъ мѣропріятій, и тѣ цифры, которыми я счелъ возможнымъ воспользоваться, при всемъ убѣжденіи моемъ въ ихъ крайней неполнотѣ,

приводились мною лишь постолько, посколько даже и этотъ неполный матеріалъ могъ служить подтвержденіемъ тѣхъ заключеній и выводовъ, къ которымъ я приходилъ не на основаніи голыхъ цифръ, а на основаніи наблюденія дѣйствительности. Къ этому изученію—не книгъ, не статистическихъ таблицъ, не отвлеченныхъ и иногда совершенно безпочвенныхъ теорій,—а дѣйствительной народной жизни, я и призываю всѣхъ тѣхъ, кому дороги истинные интересы нашихъ крестьянъ, кто желаетъ вѣрнымъ путемъ идти на встрѣчу ихъ нуждамъ, не поддаваясь ихъ иногда почти безсознательнымъ и даже гибельнымъ для нихъ самихъ стремленіямъ. Безъ такого изученія мы вопроса не разрѣшимъ, да и изучать дѣло надо безъ всякой предвзятой тенденціи, съ полною объективностью, строя выводы на фактахъ, а не подгоняя факты подъ теорію. Нынѣ же, и до тѣхъ поръ, пока это изученіе не будетъ положено въ основу всего дѣла, мы сталкиваемся, и все будемъ сталкиваться, со всевозможными взглядами, теоріями, увлеченіями, разнообразными до безконечности и часто другъ другу діаметрально противоположными, даже когда исходная точка ихъ одна—народное благо. Только каждый понимаетъ это благо по своему, каждый находитъ его въ томъ, или иномъ, смотря по тому, какъ кто себѣ представляетъ народную жизнь и судьбы русскаго крестьянства. Одни считаютъ условія Россіи и свойства нашего крестьянина столь своеобразными, столь отличными отъ того, что когда либо существовало и существуетъ въ другихъ странахъ, что никакіе западно-европейскіе примѣры, никакіе уроки исторіи къ намъ не подходятъ и мы должны идти своимъ самобытнымъ, нигдѣ не извѣданнымъ путемъ, хотя бы для этого пришлось начинать съ разрушенія и того сравнительно невысокаго уровня культуры, котораго намъ удалось уже достигнуть. Мы, якобы, призваны сказать свое новое слово, явиться піонерами новаго строя общественной жизни,—за нами, увлеченные нашимъ примѣромъ, уже въ хвостѣ послѣдуютъ и другія страны свѣта, которыя связаны своимъ прошлымъ и не могутъ такъ легко съ нимъ порвать, тогда какъ мы должны, очертя голову, ринуться впередъ въ неизвѣстное, но заманчивое будущее. Другіе, и я въ томъ числѣ, стремятся доказать, напротивъ того, что многое изъ того, что составляетъ въ

настоящее время наше горе, является результатомъ отнюдь не нашей самобытности, а только нашей косности, отсутствія у насъ знаній,—даже убѣжденія въ его необходимости прежде всего. Никакихъ новыхъ путей мы не проложимъ, никакимъ новымъ словомъ міра не удивимъ,—удивляемъ мы его только нашимъ настоящимъ сумбуромъ,—а должны примириться съ тою мыслью, что намъ надо идти впередъ обычнымъ путемъ, давно уже нашими западно-европейскими сосѣдями пройденнымъ и на которомъ мы едва ли не на нѣсколько столѣтій отъ нихъ отстали. Иначе мы рискуемъ забресть въ такія дебри, выходъ изъ которыхъ будетъ еще труднѣе, чѣмъ изъ настоящаго положенія, и сопряжены съ еще большими жертвами и потерями. На вѣрный же путь мы станемъ лишь въ томъ случаѣ, если будемъ считаться съ фактами, не закрывая передъ ними глаза потому только, что они съ тою или другою теоріею не мирятся, и признаемъ существованіе такихъ законовъ экономической жизни, которые столь же незыблемы и непреложны, какъ и законы природы. Волей-неволей, люди должны примириться съ тѣмъ, что они измѣнить не въ состояніи,—хотя бы съ фактомъ, напримѣръ, что, какъ ни считай, хоть всю землю бери, для надѣленія всѣхъ земледѣльцевъ и даже всѣхъ жителей русскаго государства десятью-пятнадцатью десятинами на душу, земли не хватитъ, огульная же прирѣзка крестьянамъ какой нибудь десятины или двухъ, еслибы даже было откуда ихъ взять, въ сущности весьма немногое въ ихъ положеніи измѣнитъ, и изъ бѣды не выведетъ. Производить же для этого эксперименты, ставящіе на карту всю организацію народнаго хозяйства, весь строй нашей экономической жизни, едва-ли не слишкомъ рискованно, — невѣдомо еще, куда насъ подобные опыты приведутъ. Если же отнестись къ дѣлу здраво, то окажется, что незачѣмъ къ нимъ и прибѣгать, такъ какъ все то, что дѣйствительно необходимо въ интересахъ русскаго крестьянства, можетъ быть достигнуто безъ обращенія къ какимъ-либо чрезвычайнымъ и во всякомъ случаѣ обоюдоострымъ мѣрамъ. Надо только не задаваться несбыточными мечтами, не увлекаться мыслью, что все, что складывалось вѣками, можетъ быть въ одинъ день перекроено, перестроено на новыхъ основа-

ніяхъ и что тогда водворится на землѣ общее благоденствіе. Жизнь скачками не идетъ и никакого насилія надъ собою не выноситъ...

Первыя восемь главъ этой книги были напечатаны въ видѣ отдѣльныхъ статей въ газетѣ „Слово“, въ январѣ, февралѣ и мартѣ этого года. Вторая глава третьей части появилась въ «Новомъ Времени». Но такъ какъ всѣ онѣ составляютъ одно цѣлое, то я рѣшилъ издать ихъ отдѣльно, нѣсколько передѣлавъ, еще разъ провѣривъ разсчеты и дополнивъ новыми главами, составляющими дальнѣйшее развитіе предъидущихъ. Моя работа нѣсколько затянулась, по условіямъ предварительнаго помѣщенія въ повременномъ изданіи, и вышла болѣе обширною, нежели я предполагалъ сначала, потому что выдвигались все новые вопросы, появлялись новые проекты, сочинялись одна за другою разныя аграрныя программы, съ которыми приходилось считаться и ихъ разбирать, опять таки съ точки зрѣнія соотвѣтствія ихъ истиннымъ интересамъ и нуждамъ русскаго народа, которыя я всегда старался ставить на первый планъ. Хотя я конечно не могу считать свой трудъ разрѣшающимъ земельный вопросъ, но почту свою цѣль достигнутою, если мнѣ удастся въ немъ хотя нѣсколько распутаться, отдѣлить въ немъ истину отъ заблужденій, и тѣмъ помочь разрѣшенію его въ будущемъ, соединенными силами представителей всѣхъ слоевъ населенія, въ нашихъ новыхъ высшихъ Государственныхъ учрежденіяхъ, призванныхъ вѣдать судьбами русской земли и для которыхъ правда должна быть дороже всего. Не думаю, чтобы противъ этой правды я въ чемъ либо погрѣшилъ, но сказаннаго мною еще недостаточно, чтобы освѣтить ее со всѣхъ сторонъ. Это уже дѣло дальнѣйшихъ изслѣдованій и трудовъ, въ которыхъ мѣстные люди, люди земли, не увлеченные никакими теоріями и знающіе жизнь какъ она есть, съумѣютъ лучше нашего разобраться.

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе I

I. Земля и трудъ.

I. Надо въ земельномъ вопросѣ разобраться 1
II. Истинные размѣры нашего земельнаго фонда 9
III. Земля и трудъ 20
IV. Что говорятъ намъ цифры 35

II. Крестьяне и земля.

I. Крестьянское землевладѣніе и землепользованіе 61
II. Крестьянскія аренды 87
III. Гдѣ и какъ помочь крестьянской земельной нуждѣ 99
IV. Что возможно, чего нельзя, и что необходимо сдѣлать 113
V. Какъ обезпечить успѣшность хозяйства на пріобрѣтаемыхъ крестьянами земляхъ 129
VI. Переселенческій вопросъ 147

III. Дѣйствительность и земельныя утопіи.

I. Запросы и факты дѣйствительной жизни 177
II. Ученіе объ общинномъ артельномъ хозяйствѣ 207
III. Идея націонализаціи земли 230
IV. Аграрныя программы разныхъ нашихъ политическихъ партій . . 252
V. Въ чемъ же истина 264

I.

Земля и трудъ.

I.

Надо въ земельномъ вопросѣ разобраться.

Не легко въ настоящую минуту, при непотухшемъ еще заревѣ догорающихъ господскихъ усадебъ, подъ грохотъ крестьянскихъ топоровъ, разбивающихъ помѣщичьи дома, заводы и хозяйственныя постройки частновладѣльческихъ имѣній, и посреди суровыхъ экзекуцій надъ виновниками всѣхъ этихъ дикихъ, нерѣдко кровавыхъ, оргій,— не легко съ должнымъ спокойствіемъ, безпристрастіемъ и объективностью отнестись къ вопросу о крестьянскомъ малоземельѣ, которое обыкновенно выставляется у насъ какъ главная, если не единственная, причина этихъ, такъ называемыхъ, аграрныхъ безпорядковъ. А между тѣмъ, въ вопросѣ этомъ необходимо разобраться, и возможно скорѣе, тѣмъ болѣе, что всякое неправильное рѣшеніе его, всякій недостаточно продуманный и взвѣшенный шагъ, могутъ причинить новыя бѣды какъ Россіи вообще, такъ въ частности и тому же крестьянскому населенію, которому признается необходимымъ теперь же помочь. Хотя вопросу о крестьянскомъ землевладѣніи и землепользованіи посвящена у насъ цѣлая обширнѣйшая литература и надъ нимъ трудились лучшіе представители нашей экономической науки, онъ даже и въ теоріи еще не только не рѣшенъ, но, быть можетъ, еще болѣе затемненъ противорѣчивостью высказываемыхъ по поводу него сужденій и предлагаемыхъ для его практическаго разрѣшенія мѣръ. Начиная отъ самыхъ радикальныхъ требованій, выставляемыхъ лозунгомъ нашихъ крайнихъ партій — вся земля крестьянамъ,— или, что почти то же, уничтоженіе частнаго землевладѣнія и націонализація земли,— вплоть до мнѣній о томъ, что благосостояніе крестьянъ зависитъ не отъ того, что у нихъ земли мало, а отъ лѣни, безпечности и пьянства мужика, отъ низкаго уровня полевой культуры на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ, и что задача не въ увеличеніи площади этихъ земель, а во введеніи на нихъ болѣе раціональнаго, интенсивнаго хозяйства, — вездѣ приходится сталкиваться съ цѣлымъ рядомъ теорій и пред-

ложеній, въ основу которыхъ кладется та или иная исходная, большею частью апріорная, точка зрѣнія ихъ авторовъ, слишкомъ мало иногда считающихся съ дѣйствительностью, или закрывающихъ глаза передъ тѣмъ, что съ защищаемой ими теоріею не мирится. Однимъ словомъ, слишкомъ часто хотятъ лѣчить болѣзнь, не поставивъ предварительнаго діагноза. Оттого и предлагаемыя противъ этой болѣзни средства въ однихъ случаяхъ слишкомъ радикальны — могутъ оказаться хуже самой болѣзни,— въ другихъ напротивъ, настолько палліативны, что больной рискуетъ умереть прежде, нежели они проявятъ свое дѣйствіе.

Не мнѣ, конечно, возражать противъ необходимости заботъ о поднятіи сельскохозяйственной культуры на крестьянскихъ земляхъ, и не мнѣ доказывать, что вполнѣ возможное на дѣлѣ повышеніе урожайности хотя бы на одно зерно, считая на самъ (т. е. въ урожаѣ противъ посѣва), дало бы такой избытокъ въ нашемъ хлѣбномъ сборѣ, при которомъ отошло бы въ область преданій то хроническое недоѣданіе, отъ котораго нынѣ страдаетъ значительная часть нашего сельскаго населенія, притомъ по преимуществу тамъ, гдѣ земледѣліе составляетъ единственный источникъ его существованія, не исключая и самыхъ плодородныхъ, въ почвенномъ отношеніи, мѣстностей Россіи, въ раіонѣ нашего чернозема. Я не остановлюсь въ данномъ случаѣ и надъ тѣмъ страннымъ на первый взглядъ фактомъ, что нужда и бѣдность крестьянъ у насъ, можно сказать, обратно пропорціональны качеству земли,— гдѣ земля богаче, плодороднѣе, тамъ народъ бѣднѣе, а гдѣ земля плохая, песчаная, глинистая и безъ обильнаго удобренія, безъ приложенія усиленнаго труда, ничего не родитъ, какъ, напримѣръ, въ нашихъ западныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ, тамъ крестьянство сравнительно зажиточнѣе, и если почти никогда однимъ своимъ хлѣбомъ круглый годъ не прокармливается, то не знаетъ зато и періодическихъ голодовокъ, отъ которыхъ все чаще и чаще страдаетъ населеніе нашихъ среднечерноземныхъ, восточныхъ и южныхъ губерній. Разсмотрѣніе причинъ этихъ явленій завело бы меня слишкомъ далеко въ область агрономіи, которой я въ данной статьѣ не хочу касаться, но я долженъ, однако, констатировать это явленіе, какъ фактъ, неподлежащій сомнѣнію; не противорѣчатъ ему и гораздо болѣе рѣдкіе, почти исключительные случаи повальныхъ неурожаевъ въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ сѣверныхъ губерній,— Олонецкой, Псковской, Архангельской и т. п., но эти года населеніе переживаетъ тутъ сравнительно легче, съ меньшимъ колебаніемъ обычнаго уровня своего

благосостоянія, нежели въ губерніяхъ черноземныхъ, гдѣ, какъ говорятъ народныя пословицы, „одинъ годъ десять лѣтъ вѣку заѣлъ“, „въ годъ обѣднѣешь,— въ десять годовъ не поправишься“. Когда же неурожаи слѣдуютъ одни за другими чаще, чѣмъ черезъ десять лѣтъ, то значитъ, и нѣтъ мужику никогда поправки...

Всѣ эти факты заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія при изученіи вопроса о положеніи крестьянъ во всей его совокупности, но, тѣмъ не менѣе, не о нихъ здѣсь рѣчь, такъ какъ я имѣю въ виду въ настоящую минуту остановиться исключительно на вопросѣ о крестьянскомъ малоземельи, въ которомъ, какъ уже сказано, многіе видятъ теперь главную причину крестьянской бѣдности, корень претерпѣваемыхъ крестьянами, а слѣдовательно и всей страною, бѣдъ. Большинство писавшихъ по этому вопросу, въ особенности въ послѣднее время, въ послѣдніе, можно сказать, дни, выдаетъ это за фактъ непреложный, всякое сомнѣніе въ которомъ не допускается, и грозитъ жестокой травлей или бойкотомъ тому, кто рѣшится его высказать. Я и не рѣшаюсь на это, не потому, чтобы я боялся какого-либо бойкота, а только потому, что не считаю вопросъ столь простымъ, чтобы его можно было рѣшить однимъ взмахомъ пера,— и тѣмъ менѣе взмахами крестьянскихъ топоровъ, разрушающихъ помѣщичьи усадьбы и хозяйства, якобы изъ-за того, что крестьянамъ безъ прирѣзки земли, безъ новаго „дополнительнаго надѣла“, нельзя долѣе на свѣтѣ жить, и все равно, коли пропадать, такъ уже за одинъ разъ, какъ будто бы говорятъ они.

Но спрашивается, такъ ли это и можно ли считать вопросъ столь просто и радикально разрѣшаемымъ? Отобрать земли у помѣщиковъ,— за справедливое вознагражденіе, путемъ выкупа — говорятъ одни,— даромъ,— говорятъ другіе,— пользовались баре на своемъ вѣку, пора другимъ мѣсто уступить, пусть земля достается тому, кто самъ своими мозолистыми руками ее обрабатываетъ и на сколько онъ можетъ ее обработать. Надѣлили крестьянъ землею одинъ разъ, выкупили ее у помѣщиковъ, не спрашивая ихъ на то согласія, да только малость прошиблись, не разсчитали, что народъ-то будетъ размножаться, а земля расти не будетъ, оттого и ввели въ положеніе о крестьянахъ такую необдуманную фразу, что „помѣщики, надѣливъ крестьянъ въ постоянное пользованіе, за установленныя повинности, землею, на основаніи мѣстныхъ положеній, не обязаны впредь ни въ какомъ случаѣ надѣлять ихъ какимъ бы то ни было, сверхъ того, количествомъ земли“...

И вотъ, приходится это дѣло поправлять и съизнова налаживать, дополнительный надѣлъ крестьянамъ отводить,— да только можно ли ручаться за то, что и этого новаго надѣла надолго хватитъ? Или придется со временемъ и еще разъ надѣлять, и еще,— какъ будто площадь русской земли безгранична,— только бери, на всѣхъ ея, матушки, хватитъ, и нынче, и всегда! Очевидно, что такъ разсуждать нельзя, и даже тѣ, которые нынѣ проповѣдуютъ дополнительный надѣлъ, сознаются, что они смотрятъ на эту мѣру, какъ на палліативную, осуществимую сейчасъ и могущую облегчить самую острую нужду, впредь до того времени, когда свободный, развитой и грамотный крестьянинъ съумѣетъ усвоить себѣ и примѣнить на своей землѣ пріемы улучшеннаго интенсивнаго хозяйства, необходимость котораго въ будущемъ и они не отрицаютъ.

Посмотримъ теперь, въ малоземельи ли заключается вся бѣда нашего крестьянства, и если да, то въ какой мѣрѣ возможно ей пособить дополнительнымъ надѣломъ. Но прежде всего я поставлю вопросъ, что собственно слѣдуетъ разумѣть подъ малоземельемъ и какой размѣръ землепользованія могъ бы считаться для крестьянъ достаточнымъ? Мнѣ пришлось на своемъ вѣку изъѣздить всю Россію (кромѣ самыхъ сѣверныхъ губерній) и значительную часть Сибири. Оказалось, что нѣтъ такой мѣстности въ Россіи,— кромѣ развѣ сѣверныхъ губерній,— гдѣ не приходилось бы выслушивать жалобъ на малоземелье, на земельное утѣсненіе. Жалобы эти раздаются, напримѣръ, на Сѣверномъ Кавказѣ, въ казачьихъ станицахъ, гдѣ надѣлы достигаютъ еще и нынѣ 20 и болѣе десятинъ на душу. Слышны онѣ и въ Сибири, гдѣ старожилы крайне враждебно смотрятъ на новоселовъ, въ пользу которыхъ отводится часть тѣхъ земель, которыя они издавна считали своими, не зная имъ ни конца, ни края. Приходилось мнѣ, напримѣръ, въ Олонецкой и въ Пермской губерніяхъ встрѣчаться съ надѣлами въ 30 — 40 и болѣе десятинъ на душу, изъ которыхъ фактически утилизируется лишь незначительная часть. Что же, и это считать малоземельемъ, и такимъ крестьянамъ отводить дополнительные надѣлы? А кочевники, какъ, напримѣръ, киргизы-скотоводы въ Тургайской области, заявляютъ, что имъ нельзя существовать, не имѣя въ своемъ распоряженіи для выпаса своихъ коней, верблюдовъ и рогатаго скота менѣе 150 - - 200 десятинъ на кибитку, въ то время, какъ русскіе поселенцы въ той же Тургайской степи благоденствуютъ на нѣсколькихъ ими же распаханныхъ десятинахъ земли и образовали тамъ многолюдныя,

цвѣтущія селенія. Очевидно, что дѣло, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не въ абсолютномъ малоземельи, а въ недостачѣ земли для сохраненія стародавнихъ формъ экстенсивнаго хозяйства, не соотвѣтствующихъ болѣе ни измѣнившимся условіямъ жизни, ни современной численности населенія. Но измѣнять формы хозяйства можно, хотя это требуетъ и труда, и времени, и знаній,—а создавать вновь землю нельзя,—для отжившихъ, но упорно удерживаемыхъ пріемовъ земледѣлія ее всегда будетъ недоставать.

На ряду съ этимъ, въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ (напр. Вятской, Вологодской, Пермской) приходится встрѣчаться и съ такими фактами, какъ отказы крестьянъ отъ своихъ надѣловъ, обложенныхъ нѣсколькими копѣйками выкупныхъ платежей на десятину, но которыхъ при первобытныхъ формахъ хозяйства эти надѣлы не въ состояніи окупить. Оставляя, однако, въ сторонѣ эти окраины, признавая ихъ условія исключительными, и обращаясь къ губерніямъ центральной Россіи, мы и въ нихъ прежде всего столкнемся съ фактомъ чрезвычайнаго разнообразія величины крестьянской надѣльной земли, начиная отъ ¼ десятины на ревизскую душу крестьянъ, сидящихъ на дарственномъ надѣлѣ, продолжая низшимъ, среднимъ и высшимъ надѣлами крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, которые въ среднемъ рѣдко превышали 3 — 3½ дес. на ревизскую душу, и кончая 8 — 10 и даже 15 десятинами на душу крестьянъ государственныхъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что особой разницы въ благосостояніи крестьянъ, размѣры землепользованія коихъ столь различны, за исключеніемъ только дѣйствительно бѣдственнаго положенія тѣхъ изъ нихъ, которые сидятъ на даровомъ, нищенскомъ надѣлѣ,—во многихъ случаяхъ констатировать нельзя, а напротивъ, иногда крестьяне на меньшихъ надѣлахъ живутъ зажиточнѣе, нежели въ селеніяхъ многоземельныхъ. Правда, что послѣднимъ приходилось и за землю уплачивать больше,—но я полагаю, что и теперь едва ли можетъ идти рѣчь о даровой прирѣзкѣ дополнительныхъ надѣловъ. Далѣе, о какой цифрѣ прирѣзки можно говорить? Мнѣ приходилось слышать отъ горячихъ поборниковъ идеи дополнительнаго надѣленія крестьянъ на счетъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, монастырскихъ, церковныхъ,—съ отнятіемъ у духовенства тѣхъ 33 десятинъ на причтъ, которыми оно пользуется,—и частновладѣльческихъ, съ допущеніемъ принудительнаго отчужденія послѣднихъ, что размѣръ надѣла долженъ быть возстановленъ до той высшей нормы, которая была принята при освобожденіи крестьянъ при первомъ ихъ надѣленіи. А такъ какъ населеніе

съ тѣхъ поръ увеличилось примѣрно въ полтора раза, то, слѣдовательно, и дополнительный отводъ земли долженъ быть сдѣланъ по этому разсчету, т. е. надо увеличить надѣлъ въ полтора раза противъ настоящаго его размѣра,— тогда на наличную душу возстановится прежняя норма. Только указанная выше пестрота въ размѣрѣ надѣленія крестьянъ въ эпоху освобожденія при этомъ, повидимому, упускается изъ виду,— крестьяне же подъ желаемымъ ими дополнительнымъ надѣленіемъ, несомнѣнно, понимаютъ соотвѣтственную прирѣзку всѣмъ, и разъ будетъ провозглашенъ принципъ новаго надѣленія землею, потребуютъ его въ соотвѣтственной пропорціи для всѣхъ, и дѣйствительно малоземельныхъ, и многоземельныхъ, даже въ землѣ не нуждающихся, подобно тому, какъ въ годы голодовокъ, при раздачѣ продовольственной помощи, крестьяне богатые, вполнѣ обезпеченные, имѣющіе десятки четвертей хлѣба на продажу, настойчиво требуютъ себѣ выдачи хлѣба — царскаго пайка,— наравнѣ съ крестьянами нищими, дѣйствительно голодающими. Ужъ коли вышла царская милость, говорятъ они, такъ пускай она для всѣхъ будетъ равной. Не подлежитъ сомнѣнію, что тотъ же принципъ будетъ выставленъ ими и въ случаѣ царской милости на счетъ земли, и ни съ какимъ другимъ способомъ отвода дополнительнаго надѣла крестьяне не примирятся.

Другой способъ исчисленія размѣра потребной добавочной площади земли, тоже имѣющій своихъ защитниковъ, основывается на разсчетѣ рабочей силы взрослаго крестьянина и крестьянскаго двора. Тутъ пріемы исчисленія примѣняются разные, причемъ нѣкоторые изслѣдователи доходятъ до нормы въ 8 десятинъ на взрослаго рабочаго и до 25 — 40 десятинъ въ среднемъ на крестьянскій дворъ. Третій способъ, наконецъ, заключается въ исчисленіи нормальнаго бюджета крестьянскаго двора, при чемъ констатируется, что доходность надѣльныхъ земель покрываетъ лишь около одной трети и не свыше половины годовыхъ расходовъ крестьянина, и исчисляется, какая площадь земли потребна для того, чтобы онъ могъ съ нея покрыть всю сумму своего годового расходнаго бюджета. При этомъ получаются нормы земельнаго обезпеченія, превышающія въ два или даже въ три раза настоящія площади крестьянскихъ надѣловъ, но упускается изъ виду, что если взять за основаніе при дополнительномъ надѣленіи любую изъ исчисленныхъ такимъ образомъ земельныхъ нормъ, то оказалось бы, что съ обращеніемъ въ пользу крестьянъ всѣхъ пригодныхъ для распашки земель всѣхъ упомянутыхъ выше ка-

тегорій, со включеніемъ всѣхъ земель частновладѣльческихъ и, слѣдовательно, съ полнымъ упраздненіемъ частновладѣльческаго хозяйства на Руси, земли для такого надѣленія все же на всѣхъ не хватило бы,—если только не брать въ счетъ Большеземельскую тундру, острова Колгуевъ, Вайгачъ и т. п., и всѣ лежащія за сѣвернымъ полярнымъ кругомъ земли Сибири, да безводныя солончаковыя степи средней Азіи. Крестьяне же, мечтающіе о дополнительномъ надѣлѣ, разсчитываютъ на отводъ его изъ близлежащихъ къ нимъ земель, у себя дома, и недоумѣваютъ, какъ поступить, когда, по ихъ же разсчету, ближайшихъ помѣщичьихъ и иныхъ земель для этого не хватитъ. Пускай тогда жребій между нами бросаютъ, кому на новыя мѣста идти, кому дома оставаться. Но если крестьянамъ позволительно объ этихъ новыхъ мѣстахъ мечтать и рисовать ихъ себѣ гдѣ-то въ Бѣлой Арапіи, у Зеленаго клина, подъ Китайскимъ рубежомъ и т. п., то тѣмъ, кто рѣшается писать по аграрному вопросу, едва ли столь же простительно фантазировать на тему широкаго переселенія всего избыточнаго въ Европейской Россіи крестьянскаго населенія, сверхъ исчисленныхъ ими земельныхъ нормъ—въ восточныя губерніи Россіи, въ Сибирь, въ Туркестанъ, на Кавказъ и т. п. О дѣйствительной колонизаціонной емкости этихъ областей они очень мало освѣдомлены, а priori считая ее едва ли не безграничной,—одна Сибирь до 100 милліоновъ душъ вмѣститъ!—и еще менѣе принимаютъ во вниманіе ту разительную разницу въ климатическихъ, почвенныхъ и хозяйственныхъ условіяхъ, съ которыми новоселамъ приходится встрѣчаться на новыхъ мѣстахъ и передъ которыми они нерѣдко пасуютъ, долгіе годы не будучи въ состояніи къ нимъ приноровиться, а иногда обезкураженные, разоренные въ конецъ, разочарованные въ томъ сибирскомъ Эльдорадо, которое имъ представлялось издали столь заманчивымъ, возвращаются домой, образуя самый несчастный и обездоленный контингентъ, годъ отъ году, къ сожалѣнію, увеличивающійся, обратныхъ переселенцевъ. Превосходныя, богатыя фактическимъ матеріаломъ изслѣдованія А. А. Кауфмана*) наглядно доказали какъ призрачную тщету всѣхъ праздныхъ мечтаній насчетъ безграничности сибирскихъ земель, такъ и невозможность разсчитывать на сколько-нибудь широкое развитіе въ будущемъ переселенія, противъ настоящихъ, или вѣрнѣе бывшихъ до Японской войны, его размѣровъ въ 180,000, maximum—200,000

*) А. А. Кауфманъ. „Переселеніе и колонизація“. Спб. 1905 г.

душъ — въ годъ. Но что же значатъ эти цифры передъ ежегоднымъ нашимъ приростомъ населенія, опредѣляемымъ безъ малаго въ 1½ милліона? Есть еще открыватели Америки, указывающіе на возможность водворенія переселенцевъ въ нашихъ сѣверныхъ, малонаселенныхъ губерніяхъ, — Вятской, Вологодской, Пермской, Олонецкой, даже Архангельской,— тамъ де обширные казенные лѣса, которые нынѣ почти не эксплоатируются, тамъ лежащіе втунѣ пустыри, на которые только стоитъ пустить переселенцевъ. Къ сожалѣнію, эта Америка уже давно открыта, открыта она и для переселенцевъ, но и на счетъ ея надо посбавить фантазіи. Въ этихъ губерніяхъ уже нѣсколько лѣтъ работали и продолжаютъ работать отряды бывшаго министерства земледѣлія, образовывающіе переселенческіе участки, но какъ выборъ подходящихъ участковъ, такъ и заселеніе ихъ идутъ медленнѣе, чѣмъ даже въ Сибири, такъ какъ борьба съ суровою природою, съ тяжелыми климатическими и неблагопріятными почвенными условіями здѣсь еще труднѣе, да и не заманишь туда переселенцевъ изъ нашихъ черноземныхъ губерній, а тѣмъ болѣе степняковъ съ юга Россіи или изъ Малороссіи. Стремятся же на эти участки по преимуществу люди мѣстные или изъ близлежащихъ губерній, которымъ стало уже и тутъ тѣсно, въ виду своеобразнаго у русскаго люда понятія о земельной тѣснотѣ. Притомъ все, что было въ этихъ губерніяхъ лучшаго, какъ, напримѣръ, заливные луга по берегамъ рѣкъ, покосы на лѣсныхъ полянахъ, уже давно забраны мѣстными жителями и вошли въ отведенные имъ надѣлы. На боровыя же и большею частью песчаныя мѣста, какъ и на болота, поддающіяся разработкѣ лишь при условіи дорого стоющаго предварительнаго осушенія, едва ли найдется много охотниковъ идти. Есть затѣмъ, правда, разныя пустоши, которыя только номинально считаются лѣсами, въ губерніяхъ Новгородской, Псковской, Тверской, Костромской, Владимірской; но хорошо если и такихъ земель наберется нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ во всѣхъ этихъ губерніяхъ, вмѣстѣ взятыхъ,— фондъ, для переселенческаго дѣла тоже не особенно большой. Наконецъ, есть еще пригодныя для заселенія земли въ губерніяхъ Самарской, Уфимской, Оренбургской и еще болѣе — въ областяхъ Уральской и Тургайской, но это все же капля въ морѣ, если смотрѣть на всѣ эти земли какъ на запасъ, который могъ бы способствовать разсселенію и разрѣженію населенія въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ оно особенно сгустилось, и откуда идутъ наибольшія жалобы на малоземелье.

II.

Истинные размѣры нашего земельнаго фонда.

Такъ какъ вопросъ объ ограниченности нашего свободнаго земельнаго запаса все еще встрѣчаетъ скептиковъ, то обратимся прежде всего къ казеннымъ и удѣльнымъ землямъ, на счетъ которыхъ фантазіи особенно разыгрываются и въ которыхъ многіе видятъ богатый государственный фондъ для облагодѣтельствованія крестьянскаго населенія. Необходимо выяснить, гдѣ же эти земли и достаточно ли ихъ, чтобы онѣ могли служить сколько нибудь серьезнымъ фондомъ для облегченія крестьянской нужды въ землѣ. Тутъ опять фантазіи разыгрываются, и мнѣ приходилось читать и слышать цифры въ 130 — 150 милліоновъ десятинъ, на которыхъ можно водворить 15 — 20 милліоновъ душъ, и т. п. Къ сожалѣнію, эти цифры весьма далеки отъ истины, и если общая площадь казенныхъ и удѣльныхъ земель дѣйствительно абсолютно и велика, то надо разобрать, изъ чего она состоитъ, прежде, чѣмъ строить на ней какія-либо заманчивыя перспективы. Остановлюсь прежде всего на земляхъ казенныхъ. Общая площадь казенныхъ земель въ Европейской Россіи (со включеніемъ губерніи Ставропольской, областей Терской и Кубанской) опредѣлялась, по даннымъ бывшаго министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за 1901 годъ, въ 112,280 тысячъ дес., но изъ этой площади до 108,024 тысячъ десятинъ считалось подъ лѣсомъ, и притомъ изъ нея же до 78,840 тысячъ десятинъ приходится на долю губерній сѣверныхъ, Архангельской, Вологодской и Олонецкой, 16,270 тысячъ десятинъ въ губерніяхъ Новгородской, Пермской и Вятской. Общая площадь казенныхъ лѣсовъ въ остальныхъ губерніяхъ Европейской Россіи опредѣлялась въ 13,000 тысячъ десятинъ, но и изъ этой площади до 6 милліоновъ десятинъ упадаетъ на лѣсистыя губерніи: Костромскую, Казанскую, Уфимскую, Нижегородскую, Минскую (Полѣсье), Волынскую, С.-Петербургскую, Гродненскую, а на долю всѣхъ прочихъ губерній приходится только 7 милліоновъ, въ томъ числѣ около 1 милліона въ областяхъ Кубанской и Терской (горные лѣса). Если несомнѣнно, что въ губерніяхъ сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ часть лѣсныхъ пространствъ, далеко не всегда цѣнныхъ и продуктивныхъ, можетъ быть, хотя и съ большими издержками, обращена подъ полевую

культуру, подъ покосы и выгоны, то едва ли кто-либо рѣшится предлагать то же въ отношеніи лѣсовъ въ губерніяхъ среднихъ, южныхъ, юго-восточныхъ и юго-западныхъ. Не касаясь здѣсь спорнаго вопроса о вліяніи лѣсовъ на климатъ, нельзя не признать, что отводъ этихъ лѣсныхъ пространствъ въ надѣлъ мѣстному населенію повлекъ бы за собою въ весьма близкомъ будущемъ полное обезлѣсеніе этихъ губерній, отъ котораго прежде всего пострадали бы интересы того же населенія. Опытъ уже доказалъ, что, за рѣдкими исключеніями, крестьяне своихъ лѣсовъ сохранить не могутъ, да и не имѣло бы никакого смысла отводить казенные лѣса въ надѣлъ крестьянамъ, съ запретомъ ихъ расчистки и обращенія въ пашни. Съ другой стороны, тотъ же опытъ показалъ, что въ рукахъ казны лѣса сохраняются всего лучше и въ нихъ же крестьяне находятъ отпускаемый имъ часто на весьма льготныхъ условіяхъ лѣсной матеріалъ, потребный на постройки, на топливо и т. п., не говоря уже про то, что въ годы острой нужды крестьяне получаютъ въ казенныхъ лѣсахъ заработки, въ видѣ широко поставленныхъ общественныхъ работъ, къ которымъ пришлось обратиться и послѣ неурожая 1905 года для помощи населенію. Такой видъ помощи — доставленіе крестьянамъ заработковъ,— неизмѣримо лучше даровой раздачи хлѣба или даже выдачи его въ ссуду, при всегда присущей крестьянству и часто оправдывающейся надеждѣ, что погашенія этихъ ссудъ въ концѣ концовъ съ него не потребуютъ. Возможно ли съ спокойной совѣстью говорить о предоставленіи казенныхъ лѣсовъ въ надѣлъ населенію подъ вырубку и распашку, т. е. о полномъ обезлѣсеніи страны, при нашихъ климатическихъ условіяхъ, при потребности крестьянъ въ строевомъ матеріалѣ на постройку избъ, въ дровахъ на ихъ отопленіе въ теченіе нашей долгой зимы и т. п.? Вѣдь уже теперь во многихъ губерніяхъ крестьяне, не имѣя лѣса по близости, отапливаютъ свои хаты соломой, кизякомъ, въ ущербъ скотоводству и плодородію земли. Неужели допустима мысль о томъ, чтобы въ этомъ направленіи дѣлать еще дальнѣйшіе шаги? Очевидно, поэтому, что, говоря о казенныхъ земляхъ, какъ фондѣ для дополнительнаго надѣленія крестьянъ, можно основываться только на той части ихъ, которая составляетъ земли, не покрытыя лѣсомъ и годныя подъ распашку, т. е. о такъ называемыхъ земельныхъ оброчныхъ статьяхъ вѣдомства государственныхъ имуществъ. Общая площадь такихъ земель опредѣляется всего въ 4.200,000 дес., однако и изъ нихъ приходится исключить немалую долю земель, хотя и могущихъ служить для цѣлей хозяйственныхъ, но только

въ видѣ сѣнокосовъ и пастбищъ, пространства песчаныя, солончаковыя, безводныя, непригодныя для обращенія ни подъ заселеніе, ни подъ полевую культуру. Такихъ земель въ одной Астраханской губерніи насчитывается нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ, да не мало ихъ и въ южной части Самарской губерніи, въ губерніи Таврической и другихъ. За вычетомъ этихъ земель, общую площадь которыхъ можно, не опасаясь преувеличенія, опредѣлить въ полмильона десятинъ, остается пригодныхъ для полевой культуры казенныхъ земель не болѣе 3.700,000 десятинъ. Но и эти земли распредѣлены по всему пространству Россіи крайне неравномѣрно. Наибольшая ихъ часть приходится на долю Самарской губерніи, около 1.400,000 десятинъ, въ губерніяхъ Херсонской — 311,500 десятинъ, Саратовской — 222,300 десятинъ, Таврической — 205,000 десятинъ, Екатеринославской — 90,000 десятинъ, Харьковской — 77,000 десятинъ, Тамбовской — 68,500 десятинъ, во всѣхъ остальныхъ значительно менѣе; въ губерніяхъ же, въ которыхъ сельское населеніе наиболѣе страдаетъ отъ малоземелья, казенныхъ земель и совсѣмъ мало: въ Полтавской, напримѣръ, всего 3,607 десятинъ, въ Тульской — 746 десятинъ, въ Курской — 190 десятинъ; есть и такія мѣстности, особенно въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ въ рукахъ казны остался только лѣсъ, земельныхъ же угодій совсѣмъ нѣтъ. Очевидно, такимъ образомъ, что разсчитывать на казенныя земли тамъ именно, гдѣ крестьянское населеніе всего болѣе въ нихъ нуждалось бы, нельзя, такъ какъ пространство ихъ либо совершенно ничтожно, либо ихъ и совсѣмъ не имѣется: всѣ земли, какія здѣсь нѣкогда принадлежали казнѣ, пошли на надѣленіе мѣстныхъ же бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Отсюда видно, что если признать необходимость надѣленія малоземельныхъ крестьянъ этихъ губерній казенною землею, то это было бы возможно не иначе, какъ при условіи переселенія ихъ въ упомянутыя выше губерніи, гдѣ такихъ земель осталось сравнительно больше. Но и тутъ было бы крайне ошибочно считать, что всѣ эти земли представляются свободными и что казна можетъ располагать ими по своему произволу для нуждъ переселенческаго дѣла. Въ дѣйствительности это не такъ. Существуетъ очень распространенное мнѣніе, что казна при эксплотаціи своихъ земель преслѣдуетъ исключительно фискальныя цѣли, сдаетъ ихъ съ торговъ крупными участками тому, кто предложитъ высшую за нихъ арендную плату, при чемъ эти съемщики, съ своей стороны, передаютъ эти земли въ субъ-аренду за цѣну вдвое-втрое повышенную противъ того, что они сами казнѣ за нее уплачиваютъ

и являются, такимъ образомъ, безпощадными эксплоататорами крестьянской нужды. Если много лѣтъ тому назадъ такой порядокъ въ дѣйствительности и имѣлъ мѣсто, то уже начиная съ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, министерство государственныхъ имуществъ стало постепенно переходить къ другой системѣ, и были выработаны льготныя правила для передачи казенныхъ земельныхъ угодій непосредственно въ руки крестьянскихъ обществъ, товариществъ и отдѣльныхъ крестьянъ,—безъ торговъ и минуя всякихъ посредниковъ. Еще болѣе рѣшительные шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы министерствомъ земледѣлія, особенно въ послѣдніе годы, при чемъ въ основу установленныхъ въ этомъ отношеніи правилъ была положена опредѣленная мысль о томъ, что казенныя земли должны, прежде всего, служить для потребностей нуждающагося въ землѣ мѣстнаго населенія, самое же опредѣленіе условій сдачи, арендныхъ цѣнъ и выборъ тѣхъ крестьянъ, которымъ земли должны быть отводимы преимущественно передъ другими, менѣе въ нихъ нуждающимися, предоставленъ губернскимъ присутствіямъ, въ составъ коихъ входятъ, какъ извѣстно, представители земства и непремѣнные члены по крестьянскимъ дѣламъ, которые и разсматриваютъ ходатайства крестьянъ въ связи съ заключеніями по нимъ мѣстныхъ земскихъ начальниковъ. При опредѣленіи же размѣра арендной платы, послѣдняя устанавливается обыкновенно нѣсколько ниже среднихъ арендныхъ цѣнъ на частновладѣльческія земли, и по истеченіи срока контрактовъ съ крестьянами если и повышается, то въ умѣренномъ размѣрѣ, большею же частью земля оставляется за прежними арендаторами крестьянами. Въ настоящее время можно считать, что уже свыше 85% всѣхъ казенныхъ земель находится въ рукахъ крестьянъ, а есть губерніи, гдѣ въ ихъ рукахъ свыше 95% этихъ земель. Переходъ земель изъ рукъ прежнихъ съемщиковъ-спекулянтовъ въ руки крестьянъ шелъ непрерывно, но, очевидно, не могъ совершиться сразу, такъ какъ надо было выжидать истеченія сроковъ контрактовъ съ прежними арендаторами. Притомъ нѣкоторыя оброчныя статьи, особенно въ юго-восточныхъ губерніяхъ, по безводію, солончаковому характеру и т. п. причинамъ для полевой культуры совсѣмъ непригодны, а только могутъ служить для нагула скота или выпаса овецъ, и потому въ аренду крестьянами не берутся.

Всѣ же остальныя казенныя земли, за немногими исключеніями, уже теперь служатъ для нуждъ большею частью малоземельнаго мѣстнаго крестьянскаго населенія, почему и эти земли

едва ли могутъ считаться свободнымъ земельнымъ фондомъ. Можно, конечно, измѣнить условія пользованія ими этого населенія и вмѣсто сдачи ихъ въ аренду отвести ихъ тѣмъ же крестьянамъ въ надѣлъ, но суть дѣла отъ этого не измѣнится. Разсчитывать же на нихъ, какъ на фондъ для переселенія малоземельныхъ крестьянъ изъ другихъ губерній, едва ли было бы даже справедливо, такъ какъ это значило бы отнимать землю у однихъ крестьянъ, мѣстныхъ, чтобы отдавать ее другимъ, чужакамъ. Впрочемъ, изслѣдованія, произведенныя въ восточныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ чинами бывшаго министерства земледѣлія, при участіи чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ, показали, что тутъ можно выкроить, безъ особаго ущерба для мѣстнаго населенія, нѣкоторую площадь — 300 — 400 тысячъ десятинъ подъ переселеніе, но очевидно, что цифра эта совершенно ничтожна по отношенію къ общей цифрѣ малоземельныхъ крестьянъ въ Россіи.

На ряду съ казенными землями, въ проектахъ лицъ, мечтающихъ о широкомъ надѣленіи крестьянъ землею, фигурируютъ обыкновенно земли удѣльныя, кабинетскія и т. п. Но послѣднія имѣются только въ Сибири, въ Алтайскомъ и Нерчинскомъ округахъ, первыя же, т. е. удѣльныя земли, могутъ дать еще неизмѣримо менѣе, нежели земли казенныя. Общая площадь удѣльныхъ земель въ Россіи составляетъ 8.025,000 десятинъ; изъ этого количества 5.930,000 десятинъ находятся подъ лѣсными дачами, при томъ такъ же, какъ и лѣса казенные, по преимуществу расположены въ сѣверныхъ губерніяхъ (въ губ. Архангельской, Вологодской, Костромской и сѣверной части Новгородской) и большею частью вовсе непригодны для распашки. Земельныхъ же оброчныхъ статей — до 2.000,000 десятинъ, въ томъ числѣ сдаваемыхъ подъ сельскохозяйственное пользованіе 1.866,000 десятинъ; изъ нихъ наиболѣе значительная часть, свыше 800,000 десятинъ, приходится на губерніи: Самарскую, Симбирскую, Саратовскую; въ центральной черноземной полосѣ около 65,000 десятинъ, въ верхнемъ Поволжьи, въ губерніяхъ Казанской и Нижегородской,— 17,500 десятинъ и т. п. Если эти земли и считать фондомъ для переселенія и отвода дополнительныхъ надѣловъ крестьянамъ, то, очевидно, что и этотъ фондъ представляется, относительно, весьма незначительнымъ; притомъ, удѣльныя земли, точно такъ же, какъ и казенныя, уже и теперь въ значительной своей части находятся въ рукахъ мѣстнаго крестьянскаго населенія, во многихъ мѣстахъ до 90 проц., а въ Поволжьи и до 95 проц. всей ихъ площади. Значитъ и тутъ пришлось бы земли отнимать у однихъ крестьянъ,

чтобы передавать другимъ, или же только видоизмѣнить условія пользованія ими.

Если по даннымъ статистики землевладѣнія за 1887 годъ, опубликованнымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и на которыя авторы статей по аграрному вопросу всего чаще ссылаются, общая площадь земель казенныхъ и удѣльныхъ опредѣлялась въ 152 милліона десятинъ, у насъ же получилось, согласно вышеизложенному, всего 120.325,000 десятинъ, то противорѣчія между этими цифрами въ сущности нѣтъ, такъ какъ въ счетъ первой цифры вошли и неудобныя земли, которыхъ мы не считали, но которыя очевидно, ни для колонизаціи, ни для сельскохозяйственнаго пользованія не пригодны.

Еще менѣе надеждъ можно возлагать на земли монастырскія. Многіе монастыри у насъ, несомнѣнно, очень богаты, но главное ихъ богатство заключается въ денежныхъ капиталахъ и въ разныхъ драгоцѣнностяхъ; общая площадь земельнаго владѣнія монастырей составляетъ, по даннымъ Святѣйшаго Синода за 1890 годъ, всего 451,000 десятинъ, въ томъ числѣ лѣса 230,000 десятинъ и пахатныхъ земель 122,000 десятинъ; кое гдѣ монастырямъ принадлежатъ хорошіе заливные луга. Церковныя земли, составляющія въ среднемъ, какъ извѣстно, тридцать три десятины на причтъ, если въ общемъ и представляютъ довольно значительную площадь (1.672,000 десятинъ, въ томъ числѣ пахотной земли 1.154,000 дес.), то, очевидно, что отчужденіе этихъ земель для предоставленія ихъ крестьянамъ возможно лишь при коренной реформѣ положенія у насъ духовенства, для котораго земли эти представляютъ пока главное обезпеченіе. Кромѣ того, принимая во вниманіе, что средняя численность у насъ прихожанъ на одну церковь составляетъ до 700 душъ мужского пола, въ случаѣ отвода церковной земли крестьянамъ, на каждую наличную душу пришлось бы изъ нихъ не болѣе 113 саженъ, или 0,05 десятины, т. е. такая площадь, которая на улучшеніе быта крестьянъ никакого вліянія оказать не можетъ.

Сверхъ земель монастырскихъ и церковныхъ есть еще земли городскія, принадлежащія разнымъ учрежденіямъ, и земли казачьи. Общая площадь всѣхъ этихъ земель, вмѣстѣ взятыхъ, составляла въ 1887 году, по даннымъ центральнаго статистическаго комитета, около 8 милліоновъ десятинъ, въ томъ числѣ свыше 3-хъ милліоновъ войсковыхъ земель Оренбургскаго казачьяго войска. Есть еще до 19 милліоновъ десятинъ земель (считая вмѣстѣ съ неудобными) казачьихъ — станичныхъ и запасныхъ,— въ области

войска Донского и въ другихъ казачьихъ областяхъ, но объ обращеніи въ надѣлъ крестьянамъ земель городскихъ и казачьихъ едва ли можетъ идти рѣчь, такъ какъ онѣ служатъ для потребностей городовъ и казачьихъ войскъ, имѣя характеръ частной собственности, только принадлежащей юридическимъ лицамъ, а потому и на нихъ въ данномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ на сколько-нибудь значительную ихъ часть, тоже никакихъ надеждъ возлагать нельзя. Такимъ образомъ, весь запасъ земель, который съ извѣстной натяжкой можно считать свободнымъ для дополнительнаго надѣленія или переселенія крестьянъ, сводится къ непокрытымъ лѣсами землямъ казеннымъ и удѣльнымъ, да къ нѣкоторой части лѣсныхъ пространствъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерній, которыя, какъ выше указано, уже и теперь предназначены для цѣлей колонизаціи.

Судить о томъ, какъ велика будетъ въ общемъ площадь такихъ земель, теперь невозможно, за неимѣніемъ для того достаточныхъ данныхъ и за невозможностью рѣшить a priori, какая часть ихъ окажется пригодной для сельскохозяйственной культуры и можетъ быть отведена переселенцамъ безъ ущерба для интересовъ мѣстнаго старожилаго населенія. Для непосредственнаго же отвода крестьянамъ пригодныхъ для сельскохозяйственной культуры земель, уже и нынѣ, какъ сказано, въ огромномъ большинствѣ случаевъ состоящихъ въ фактическомъ ихъ пользованіи, могли бы служить до 4 милліоновъ десятинъ земель казенныхъ, да около 2 милліоновъ десятинъ удѣльныхъ, итого, значитъ, всего самое большее 6.000,000 десятинъ,— цифра хотя и солидная, но все же весьма незначительная, если смотрѣть на нее какъ на фондъ для дополнительнаго надѣленія крестьянъ землею, отъ котораго они фактически весьма мало выиграли бы, такъ какъ они большею частью этихъ земель уже и нынѣ пользуются, а при такомъ отводѣ земли эти только бы перемѣнили хозяевъ,— съ выгодою для однихъ, но съ большимъ ущербомъ для другихъ, въ обоихъ случаяхъ крестьянъ же.

Остаются земли частновладѣльческія, къ которымъ простираютъ свои взоры защитники какъ теоріи о сосредоточеніи всей земли въ рукахъ крестьянъ, такъ и не идущіе столь далеко поборники идеи новаго дополнительнаго надѣленія крестьянъ землею,— по мнѣнію однихъ, на условіяхъ обязательнаго государственнаго выкупа, по мнѣнію же другихъ — съ насильственнымъ безвозмезднымъ ихъ отобраніемъ. Посмотримъ, насколько частновладѣльческія земли могли бы удовлетворить вожделѣніямъ предста-

вителей обѣихъ этихъ партій. Общая площадь частновладѣльческихъ земель, по даннымъ за 1877 годъ, въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи опредѣлялась (со включеніемъ земель башкировотчинниковъ) въ 105,626 тысячъ десятинъ, при общей въ то же время площади крестьянскихъ надѣльныхъ земель въ 142.562,700 десятинъ. Но изъ всей площади земель частновладѣльческихъ свыше 12½ милліоновъ десятинъ уже тогда принадлежали, на правахъ частной собственности, крестьянамъ, да сверхъ того при посредствѣ крестьянскаго банка въ ихъ же руки перешло свыше 9 милліоновъ десятинъ, что доводитъ площадь земель частнаго владѣнія до 84.126,000 десятинъ, при чемъ въ этотъ счетъ входятъ и земли неудобныя, и лѣса. Пространство такихъ неудобныхъ для хозяйственнаго пользованія угодій тогда же (въ 1887 г.) опредѣлялось для лѣсовъ — въ 38.313,000 десятинъ (съ тѣхъ поръ эта цифра, вѣроятно, нѣсколько сократилась), для земель неудобныхъ — въ 11.320,700 десятинъ. По отношенію къ частновладѣльческимъ лѣснымъ пространствамъ можетъ быть примѣнено то же, что сказано выше въ отношеніи лѣсовъ казенныхъ,— на сѣверѣ и въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, гдѣ сосредоточена значительная ихъ часть, нѣкоторая доля ихъ можетъ быть обращена подъ полевую культуру, другія же или совсѣмъ для того непригодны, или не могутъ быть превращены въ другой видъ угодій, потому что растущій на нихъ лѣсъ обслуживаетъ потребности горныхъ заводовъ (въ губерніяхъ Пермской, Вятской, Уфимской, Вологодской); между тѣмъ, только на долю этихъ губерній упадаетъ 14,170 тысячъ десятинъ частновладѣльческихъ земель. Если изъ общей площади земель частновладѣльческихъ (105.626,000 десятинъ) вычесть земли, уже перешедшія въ руки крестьянъ, лѣса и неудобныя пространства, то земель, пригодныхъ для хозяйственнаго пользованія, окажется нынѣ въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ, не крестьянскаго сословія, до 35.000,000 десятинъ. Если прибавить къ этому 6.000,000 десятинъ земель казенныхъ и удѣльныхъ, съ добавленіемъ еще примѣрно пятой части земель монастырскихъ, городскихъ и принадлежащихъ разнымъ другимъ учрежденіямъ, что составитъ не свыше 2.000,000 десятинъ (не включая въ счетъ земель казачьихъ, какъ имѣющихъ совершенно спеціальное назначеніе обезпеченія военной охраны государства) — то весь земельный фондъ, изъ котораго могло бы состояться дополнительное надѣленіе крестьянъ землею, составитъ 43.000,000 десятинъ, — для округленія примемъ даже 45.000,000. Отнеся эту цифру къ площади крестьянскихъ надѣльныхъ земель, мы получимъ увеличеніе послѣдней на

30 проц., т е. по разсчету на наличную мужскую душу прибавка составитъ, къ обычно принимаемой средней цифрѣ надѣльной земли— 2,6 десятины—всего 0,8 десятины,—для ровнаго счета скажемъ 1 десятина. Спрашивается, неужели такая прибавка можетъ составить благополучіе крестьянина и изъ-за нея стоитъ упразднять частную земельную собственность, уничтожать культуру, разрушать заводы — сахарные, винокуренные, пускать подъ ножъ скотъ улучшенныхъ породъ, и пр., и пр.?

Не о такой прирѣзкѣ мечтаютъ крестьяне, между которыми распространенъ теперь слухъ, что *Витя* обѣщалъ всѣмъ прирѣзать по 5 десятинъ на душу; не о ней хлопочутъ, конечно, и тѣ, которые разсчитываютъ, что для поднятія благосостоянія сельскаго населенія надо довести площадь земельнаго владѣнія каждаго крестьянскаго двора до 20, а по другимъ еще далѣе идущимъ разсчетамъ — и до 40 десятинъ. Сдѣлаемъ разсчетъ, на сколько такая мѣра была бы осуществима: крестьянскихъ дворовъ въ 46 губерніяхъ Европейской Россіи, по которымъ имѣются свѣдѣнія, насчитывается безъ малаго 10½ милліоновъ (10.497,744); надѣльной земли на каждый дворъ приходится нынѣ въ среднемъ 8,7 десятины, при чемъ площадь надѣла колеблется отъ 4,8 десятины въ Подольской губерніи, до 17,3 десятинъ въ Самарской губ. и 27,2 дес. въ Оренбургской. Для того чтобы надѣлить эти 10½ милліоновъ дворовъ 20 — 40 десятинами на дворъ, потребовалось бы прирѣзать крестьянамъ этихъ только 46 губерній въ первомъ случаѣ 118.000,000, во второмъ — 328.000,000 десятинъ. Но надо же и о томъ подумать, гдѣ ихъ взять? Если ввести въ разсчетъ всѣ лѣса Россійской Имперіи, пустивъ ихъ подъ топоръ, всѣ болота и пески, всѣ тундры сѣвернаго края, то и тогда бы земли для такого надѣленія не хватило. А между тѣмъ наши мечтатели и на этомъ не останавливаются. Еще на дняхъ мнѣ пришлось прочитать въ газетахъ телеграмму изъ Новочеркасска отъ союза сторонниковъ мирнаго разрѣшенія земельнаго вопроса, предлагающихъ «немедленное опубликованіе основного земельнаго закона, устанавливающаго право *каждаго русскаго гражданина* (слѣдовательно, рѣчь тутъ уже идетъ не объ однихъ крестьянахъ) занять на семью участокъ *отъ 40 до 50 десятинъ удобной государственной земли*». Всего любопытнѣе при этомъ, что союзъ, задаваясь такими манилловскими фантазіями, въ то же время не предлагаетъ насильственной ликвидаціи частной земельной собственности, какъ это дѣлаютъ другіе. За то въ этой же телеграммѣ указывается, что «населенію должны быть предоставлены свободныя, а также на-

ходящіяся во временномъ пользованіи кочевниковъ, государственныя земли на востокѣ Европейской Россіи, въ Средней Азіи и въ Сибири. Изъ этихъ земель, *по изслѣдованію агрономовъ*, двѣсти пятьдесятъ милліоновъ десятинъ годны къ немедленному заселенію земледѣльцами». Не знаю, какіе агрономы и какими изслѣдованіями обнаружили такую громадную площадь свободныхъ и немедленно пригодныхъ для заселенія земель, которую правительство, понимай, конечно, бюрократія, по своей близорукости проглядѣло, между тѣмъ какъ при наличности ея весь земельный вопросъ рѣшается такъ легко и просто. Конечно, если взять востокъ Европейской Россіи, Среднюю Азію и Сибирь въ смыслѣ географическихъ терминовъ, то земли тамъ найдется и гораздо болѣе, нежели 250 милліоновъ десятинъ, но при условіи введенія въ счетъ и сѣверныхъ тундръ, и тайги, и горъ Уральскихъ и Сибирскихъ, и безводныхъ степей Средней Азіи, и солонцовъ при-Аральской пустыни, и безводныхъ же солончаковыхъ пространствъ степныхъ областей, которыя, правда, находятся въ пользованіи кочевниковъ (подлежащихъ, по тому же проекту новочеркасскаго союза, немедленному обращенію въ осѣдлое состояніе), но которыми нынѣ и кочевники-то со своими стадами могутъ пользоваться, какъ пастбищами, только извѣстное, очень короткое, время года, безпрерывно переходя съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ истребленія и выгоранія растительности; новымъ же поселенцамъ изъ русскихъ, водворенныхъ въ этихъ областяхъ на мѣстахъ, первоначально признанныхъ годными для заселенія, уже не разъ приходилось сниматься и переходить на новые участки, изъ-за полнаго недостатка питьевой воды и осолоненія ея даже въ колодцахъ, дававшихъ сперва прѣсную воду. Желающихъ составить себѣ вѣрное понятіе о дѣйствительной, а не фантастической емкости Сибири, восточныхъ и сѣверо-восточныхъ областей Европейской Россіи, отсылаемъ еще разъ къ упомянутому уже выше труду А. А. Кауфмана: «Переселеніе и колонизація», въ которомъ указывается, что почти всѣ непосредственно пригодныя для заселенія и не состоящія въ пользованіи старожилаго населенія земли Сибири, со включеніемъ степныхъ областей, уже заняты переселенцами изъ внутреннихъ губерній, и новыхъ можно приглашать только въ дикую и уже никакъ не пригодную для немедленнаго занятія земледѣльцами тайгу; сѣверныя и восточныя губерніи Европейской Россіи могутъ принять сколько-нибудь значительное число переселенцевъ тоже не иначе, какъ послѣ тяжкаго труда раскорчевки и обращенія подъ культуру лѣсныхъ

пространствъ, по характеру своему немногимъ уступающихъ сибирской тайгѣ, а мѣстами и послѣ предварительнаго осушенія болотъ; туркестанскія же степи — не иначе, какъ послѣ предварительнаго орошенія, требующаго колоссальныхъ затратъ и долгихъ лѣтъ для своего выполненія. Гдѣ же есть въ Средней Азіи земли, немедленно пригодныя для занятія земледѣльцами, этого не знаю ни я, ни кто-либо изъ настоящихъ, а не фантастическихъ агрономовъ; не знаетъ этого и никто изъ жителей Средней Азіи, которымъ, наоборотъ, хорошо извѣстно, что тамъ уже и нынѣ всѣ земли, пригодныя для культуры и орошенныя, до клочка разобраны туземцами и немногими водворенными въ краѣ русскими поселенцами, притомъ по разсчету, конечно, не 40—50 десятинъ на семью, а во много разъ меньше. Что же касается до земель Тургайской и Уральской областей, которыя тоже входятъ въ фантастическій планъ новочеркасскаго союза, то вотъ что говоритъ о нихъ Вице-Директоръ департамента государственныхъ земельныхъ имуществъ г. Забѣлло, отчетъ котораго по командировкѣ въ эти области недавно напечатанъ въ Извѣстіяхъ Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія: «Ни Тургайская, ни тѣмъ болѣе Уральская области не могутъ быть разсматриваемы какъ весьма значительный земельный фондъ для дальнѣйшей колонизаціи. Въ первой изъ нихъ, именно почти исключительно въ Кустанайскомъ уѣздѣ, уже использовано подъ переселенческіе участки до 800,000 дес. и, несмотря на установленный довольно серьезный запасъ излишковъ (въ Актюбинскомъ уѣздѣ до 2½ милл. дес., а въ Кустанайскомъ въ незатронутыхъ работами районахъ — до 2 милл. дес.), при данныхъ почвенныхъ условіяхъ обратить подъ переселенческіе участки едва ли окажется возможнымъ даже половину этихъ излишковъ, такъ что въ общемъ итогѣ колонизаціонная емкость Тургайской области можетъ выразиться приблизительно въ 1½—2 милл. дес. свободныхъ и пригодныхъ для переселенія площадей. Что касается Уральской области, то наличность пригодныхъ для сельскохозяйственнаго пользованія земель обнаружена преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ области (въ Уральскомъ и частью Темирскомъ уѣздахъ), гдѣ туземное населеніе наиболѣе густо и само уже обратило подъ хлѣбопашество большинство удобныхъ для того пространствъ; поэтому, въ этихъ мѣстностяхъ излишнихъ земель сравнительно немного, изъятіе же изъ пользованія киргизовъ и этого небольшого запаса будетъ крайне чувствительно для ихъ интересовъ. Въ остальныхъ мѣстностяхъ области (преимуще-

ственно въ средней ея полосѣ, болѣе или менѣе удовлетворительной въ почвенномъ отношеніи) климатическія условія даютъ мало надежды на возможность насажденія здѣсь прочной земледѣльческой культуры въ широкихъ размѣрахъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время; это можетъ быть дѣломъ далекаго будущаго, при условіи производства здѣсь обводнительныхъ и оросительныхъ работъ на счетъ государства. Во всякомъ случаѣ колонизаціонная емкость всей Уральской области измѣряется не милліонами, а лишь сотнями тысячъ десятинъ пригодныхъ для колонизаціи пространствъ».

Отсюда видно, что, какъ ни считать, ни на счетъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, монастырскихъ, ни на счетъ пространствъ, состоящихъ въ пользованіи кочевниковъ, ни на счетъ даже всѣхъ земель частновладѣльческихъ, въ Европейской Россіи нельзя облагодѣтельствовать крестьянское населеніе и обезпечить его землею по вышеприведеннымъ рецептамъ; лица, пропагандирующія такія идеи среди нашихъ крестьянъ, и сами стоятъ на ложномъ пути и принимаютъ великій грѣхъ на душу, соблазняя ихъ, а въ дѣйствительности приводя ихъ только къ погромамъ, къ разрушенію помѣщичьихъ усадебъ, которыя имъ же давали обильные заработки, къ уничтоженію усовершенствованной культуры, фабрикъ, заводовъ — во имя лозунга, выставленнаго на знамени соціалистовъ и возвѣщеннаго въ недавнемъ манифестѣ всевозможныхъ союзовъ и бунда—«вся земля — крестьянамъ».

III.

Земля и трудъ.

Посмотримъ теперь, что сулило бы самимъ крестьянамъ, тѣмъ труженикамъ, которые своими руками землю обрабатываютъ, сами пашутъ, сами хлѣбъ сѣютъ,— а затѣмъ и всей странѣ, осуществленіе идеи соціалистовъ. Вѣдь конечную цѣль всякой работы составляютъ тѣ выгоды, которыя отъ нея получаются, и съ этой точки зрѣнія всего важнѣе знать, что же крестьяне въ концѣ концовъ на этой землѣ выпашутъ, и надо заботиться о томъ, чтобы трудъ ихъ былъ употребленъ возможно производительнѣе. Да и земля, сама по себѣ, представляетъ лишь своего рода орудіе производства; сельскохозяйственное же производство требуетъ приложенія трехъ факторовъ: земли, труда и капитала, но никакая экономиче-

ская наука не учитъ, что всѣ эти три фактора должны быть непремѣнно сосредоточены въ однѣхъ рукахъ. Напротивъ, они всего чаще бываютъ разъединены между разными лицами и даже земля большею частью у насъ принадлежитъ не одному землевладѣльцу, а ему и капиталисту, владѣльцу выпущенныхъ подъ нее закладныхъ листовъ, вмѣстѣ, что отнюдь не препятствуетъ совокупному примѣненію этихъ трехъ элементовъ для цѣлей производства, при чемъ только необходимо, чтобы всѣ участвующія въ дѣлѣ стороны получали себѣ справедливое вознагражденіе за то, что онѣ въ него вносятъ. Съ этой точки зрѣнія можно говорить о томъ, что рабочіе на фабрикахъ, крестьяне при полевыхъ работахъ, въ экономіяхъ землевладѣльцевъ, получаютъ за свой трудъ недостаточное вознагражденіе,— это другой вопросъ, требующій особаго разсмотрѣнія. Но надо выяснить и то, лучше ли будетъ вознаграждаться крестьянскій трудъ при примѣненіи его исключительно на собственной землѣ? На это безъ колебанія можно отвѣтить — нѣтъ, будетъ вознаграждаться хуже, производительность этого труда уменьшится, такъ какъ самое производство будетъ вестись безъ капитала, котораго у крестьянъ нѣтъ, безъ знаній, которыхъ у нихъ тоже нѣтъ; орудія обработки станутъ хуже, удобряться земля будетъ меньше, а то и вовсе останется безъ удобренія, урожайность ея понизится, отчего потеряетъ и все государство. Въ концѣ концовъ выгоды крестьянъ съ передачею всѣхъ земель въ ихъ собственность, какъ говорятъ одни,—въ ихъ пользованіе,— говорятъ другіе, что съ данной точки зрѣнія безразлично,— только уменьшатся, и экономическое положеніе ихъ не улучшится, а ухудшится, да къ тому же они не будутъ находить и достаточнаго приложенія для своего труда, который и нынѣ, при нашихъ условіяхъ, въ области исключительно земледѣльческой культуры, используется ими не вполнѣ. Этимъ отчасти объясняется, между прочимъ, и то, почему крестьяне въ этой области, не взирая даже на плодородіе ея почвы, въ общемъ, бѣднѣе, нежели въ мѣстностяхъ съ худшею почвою, но гдѣ земледѣліе не составляетъ единственнаго источника ихъ существованія,— гдѣ на ряду съ нимъ существуютъ лѣсные заработки, кустарное производство, даже отхожіе промыслы на фабрики и заводы, въ города и т. п. Въ прежнее время, въ чисто земледѣльческихъ губерніяхъ существовалъ одинъ видъ заработка, дававшій возможность крестьянину использовать свой трудъ и трудъ своей лошади въ зимнее время — это именно извозъ, но съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ онъ, если не исчезъ совершенно, то упалъ

значительно, и это отразилось пагубно на благосостояніи крестьянъ этихъ мѣстностей, такъ какъ потери его нечѣмъ было возмѣстить,— зимою работы нѣтъ, а самому ѣсть и лошадь кормить все равно надо. Этимъ же объясняется и то, что тамъ, гдѣ имѣются заводы — свеклосахарные, винокуренные, крахмальные, маслобойные и иные, дающіе возможность крестьянамъ примѣнить свой трудъ въ зимнее время, — и экономическое положеніе ихъ лучше, и даже въ неурожайные годы они не такъ бѣдствуютъ, какъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ все населеніе живетъ исключительно отъ земли. А между тѣмъ, вѣдь именно къ этому хотятъ привести и всю Россію, съ передачею всей земли въ руки крестьянскаго населенія, — тогда вѣдь уже ни одного завода не останется, никакихъ постороннихъ давальщиковъ работы болѣе не будетъ, а на своей землѣ, какъ бы велика ни была ея площадь, всего своего труда крестьяне приложить не будутъ въ состояніи. И въ общемъ денежный приходъ крестьянскаго двора, слагающійся нынѣ изъ доходовъ отъ своей земли и отъ примѣненія своего труда не только на ней, но и на сторонѣ, на земляхъ помѣщичьихъ, на мѣстныхъ же заводахъ и т. п., не возрастетъ, а сократится. Конечно, могутъ сказать,— и такія идиллическія мечтанія мнѣ приходилось слышать, — что крестьяне могутъ завести и свеклосахарные, и винокуренные заводы и всякія иныя техническія производства для переработки продуктовъ своего хозяйства на артельныхъ, кооперативныхъ началахъ, могутъ даже, чтобы не утратить выгодъ крупнаго хозяйства, обрабатывать свои земли сообща, общимъ трудомъ,—но въ эту область чистой утопіи, нигдѣ въ мірѣ не нашедшей себѣ еще практическаго примѣненія, я считаю совершенно излишнимъ вдаваться. Скажу только одно — гдѣ же крестьяне возьмутъ, и кто имъ дастъ капиталы, необходимые на возведеніе и оборудованіе всякихъ заводовъ и фабрикъ, какъ они справятся съ продажею продуктовъ ихъ производства и т. п.? Очевидно, что это имъ совершенно не подъ силу, и что всѣ эти фабрики, заводы, съ переходомъ всѣхъ земель въ крестьянскія руки, или даже съ оставленіемъ въ рукахъ частныхъ землевладѣльцевъ 14 — или даже 50 — 100 десятинъ на каждую душу, какъ это милостиво предлагаютъ нѣкоторые, будутъ сметены окончательно съ лица русской земли. Впрочемъ, мы можемъ видѣть, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ раіонѣ подстроенныхъ соціалистами-агитаторами аграрныхъ безпорядковъ, этому исчезновенію уже положено начало и не мало такихъ заводовъ разрушено, сожжено, уничтожено и, вѣроятно, не будетъ болѣе от-

строено вновь на прежнихъ мѣстахъ, хотя тѣ же крестьяне, которые ихъ громили, теперь сами умоляютъ владѣльцевъ о ихъ возобновленіи. Чтобы показать, что крестьяне съ уничтоженіемъ, напримѣръ, свеклосахарнаго завода теряютъ на заработкахъ, приведу разсчетъ тѣхъ выгодъ, которыя они отъ такого завода имѣютъ, по сравненію съ тѣмъ, что они могутъ получить послѣ его уничтоженія и перехода всѣхъ земель въ ихъ руки. Для большей достовѣрности возьму данныя не апріорныя, а заимствованныя изъ отчетности одного завода средняго размѣра, съ выварkою всего 150 тысячъ пудовъ сахара, въ Подольской губерніи.

Заводъ этотъ перерабатываетъ въ среднемъ 100 тысячъ берковцевъ, получаемыхъ съ 1,000 десятинъ посѣва свекловицы, изъ которыхъ — 600 десятинъ посѣва экономическаго и 400 десятинъ окрестныхъ плантаторовъ. Свекла не можетъ занимать въ сѣвооборотѣ болѣе $^1/_5$ части всей площади пахатныхъ земель и потому, чтобы имѣть подъ свеклой 1,000 десятинъ, общая площадь пахатныхъ земель должна быть не менѣе 5,000 десятинъ. Изъ нихъ въ данномъ случаѣ 3,000 десятинъ въ экономическомъ хозяйствѣ и 2,000 десятинъ такой же земли, принадлежащей сосѣдямъ, ставящимъ свеклу на заводъ. При посѣвѣ свеклы, требующей высокой культуры земли и обильнаго удобренія, экономическое хозяйство на 3,000 десятинахъ обусловливаетъ денежный расходъ въ среднемъ около 35 рублей на десятину пахатной земли, изъ коихъ не менѣе 20 рублей составляютъ заработокъ мѣстныхъ крестьянъ, а на всѣ 3,000 десятинъ посѣва — 60,000 рублей.

Плантаторское хозяйство, по такому же разсчету, съ добавленіемъ расхода на доставку свеклы, обходящейся при среднемъ разстояніи не менѣе 5 рублей на десятину общей площади, считая по 25 рублей на десятину, даетъ мѣстному населенію 50,000 рублей.

Кромѣ того, то же населеніе за уборку озимаго хлѣба, производимую въ данномъ имѣніи за вознагражденіе натурою въ $^1/_8$ часть урожая, при 100 пудахъ въ среднемъ озимой пшеницы съ десятины и цѣнѣ въ 80 коп. за пудъ, отъ 1,000 десятинъ посѣва получаетъ 12,500 пудовъ озимой пшеницы, что также даетъ ему доходъ въ 10,000 рублей.

Кромѣ этого заработка чистыми деньгами въ 120,000 рублей отъ работъ въ заводскомъ хозяйствѣ и у сосѣдей-плантаторовъ, крестьяне получаютъ такое количество кормовъ, въ формѣ свекольной ботвы, жома, патоки, права выпаса скота и лошадей на

свекольныхъ поляхъ послѣ уборки свеклы, и т. п., что имѣютъ возможность держать значительное количество рабочихъ воловъ и лошадей, хотя эта выгода ихъ и не поддается болѣе точному цифровому учету. Не мѣшаетъ добавить еще и то, что работа крестьянъ по культурѣ сахарной свеклы почти никогда не совпадаетъ съ циклами работъ ихъ въ зерновомъ хозяйствѣ и производится большею частью въ такое время, когда крестьяне свободны отъ работъ на своихъ поляхъ.

Наконецъ, отъ работъ на самомъ заводѣ мѣстное населеніе имѣетъ заработокъ, при стоимости 1 пуда сахара себѣ до 2 рублей, около 15 коп. на пудъ производства и по 5 коп. на пудъ за работу по подвозкамъ и отвозкамъ разныхъ матеріаловъ, а всего на пудъ сахара 20 коп., или на всѣ 150,000 пудовъ произведеннаго сахара — 30,000 рублей.

Такимъ образомъ, общій доходъ мѣстнаго крестьянскаго населенія составляетъ нынѣ отъ такого завода до 150,000 рублей въ годъ,— не считая того, что заводъ даетъ сверхъ этого всему другому служащему на немъ персоналу,— директору, мастерамъ, сахароварамъ и т. п.

Представимъ себѣ теперь, что заводъ уничтоженъ, хозяйство упразднено и всѣ 5,000 десятинъ земли, которыя его обслуживали, отданы въ руки тѣхъ же крестьянъ. При обычныхъ формахъ крестьянскаго трехполья, безъ удобренія, для производства котораго у нихъ не хватитъ кормовъ, при посѣвѣ обычныхъ сѣрыхъ хлѣбовъ — ржи, овса, гречихи и т. п.,— чистый средній доходъ отъ десятины не можетъ быть опредѣленъ, въ лучшемъ случаѣ, выше 10 рублей, и, слѣдовательно, отъ 5,000 десятинъ составитъ всего 50,000 рублей, вмѣсто 150,000 рублей, которые крестьяне зарабатывали прежде. Чистый убытокъ 100,000 рублей, не считая тѣхъ потерь, которыя понесутъ лица, работающія нынѣ при заводѣ и въ имѣніи, гдѣ заводъ находится, въ качествѣ управляющаго, директора, приказчиковъ и, вообще, весь заводскій и экономическій персоналъ, численность котораго доходитъ до 130 человѣкъ, съ общимъ годовымъ заработкомъ свыше 80,000 рублей. Всѣ эти лица будутъ выброшены на улицу и останутся ни съ чѣмъ. Владѣлецъ потеряетъ всѣ свои вложенные въ дѣло капиталы, потеряетъ и все народное хозяйство — отъ значительно меньшей цѣнности продуктовъ, производимыхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, по сравненію съ тѣмъ, что прежде поставляло на рынокъ хозяйство заводское.

Въ отношеніи имѣній, въ которыхъ есть заводы, потери на производительности хозяйства, конечно, будутъ наиболѣе ощути-

тельными. Но и на общей массѣ земель, состоящихъ нынѣ въ частномъ владѣніи и во владѣльческой эксплоатаціи, потери будутъ весьма значительны. Статистическія данныя, опубликованныя бывшимъ министерствомъ земледѣлія, показываютъ, что урожай на земляхъ частновладѣльческихъ выше урожая на земляхъ крестьянскихъ на 12—18 проц. Въ дѣйствительности разница должна быть значительно больше, такъ какъ въ данныхъ этихъ не дѣлается различія между землями, обрабатываемыми владѣльцами за свой счетъ и сдаваемыми ими въ аренду крестьянамъ. На первыхъ урожай всегда выше, на вторыхъ, наоборотъ, значительно ниже. Точными цифровыми учетами можно доказать, что разница въ урожайности помѣщичьихъ и крестьянскихъ земель составляетъ иногда до 50 проц., а въ годы неурожайные еще и больше. Съ уничтоженіемъ помѣщичьяго хозяйства и переходомъ всѣхъ частновладѣльческихъ земель въ руки крестьянъ, производительность ихъ понизится немедленно и чѣмъ далѣе, тѣмъ пониженіе это будетъ значительнѣе, по мѣрѣ того, какъ будетъ утрачиваться вліяніе прежней улучшенной обработки, удобренія, земли эти будутъ истощаться и т. п. А между тѣмъ, по даннымъ того же источника, эти земли даютъ нынѣ, въ среднемъ, около 100 милліоновъ четвертей зернового хлѣба — около одной трети всего нашего хлѣбнаго производства, не считая преимущественно же сосредоточеннаго на этихъ земляхъ производства льна, картофеля, свекловицы. Всей совокупности потерь для народнаго хозяйства при практическомъ осуществленіи проектируемой мѣры, якобы направленной ко благу народа и страны, я даже приблизительно исчислить не берусь...

Нѣкоторые близорукіе писатели отрицаютъ, впрочемъ, и самый фактъ меньшей производительности крестьянскихъ земель, по сравненію съ частновладѣльческими, или объясняютъ его тѣмъ, что крестьяне получили въ надѣлъ худшія земли,— но что же крестьяне на общинныхъ земляхъ сдѣлали для ихъ улучшенія? На земляхъ же, перешедшихъ къ крестьянамъ въ собственность, даже въ раіонѣ самыхъ плохихъ почвъ сѣвера и сѣверо-запада Россіи, урожаи помѣщичьихъ и крестьянскихъ земель уже почти сравнялись. А въ черноземномъ раіонѣ и качественной разницы между землями помѣщичьими и крестьянскими нѣтъ, тутъ обыкновенно всѣ почвы по качеству равны, но крестьяне свои земли выпахали, истощили и продолжаютъ истощать, не прибѣгая, за рѣдкими, единичными исключеніями, ни къ какимъ пріемамъ улучшенной культуры, даже вполнѣ имъ доступнымъ. Всѣмъ, на-

примѣръ, извѣстно, что чѣмъ раньше земля вспахана подъ озимый или яровой посѣвы, тѣмъ лучше и вѣрнѣе бываетъ урожай. На этотъ счетъ у тѣхъ же крестьянъ и поговорка есть: «тотъ землю уходитъ, кто за серпомъ соху водитъ», т. е. тотъ уходъ за землею лучше, когда пахота идетъ вслѣдъ за уборкою урожая, что и агрономическая наука подтверждаетъ. На этомъ принципѣ основано полезное дѣйствіе чернаго пара, пахоты съ осени «подъ зябь» и т. п. Положимъ, при настоящихъ условіяхъ крестьянскаго землепользованія, когда весь крестьянскій скотъ только и можетъ пастись что на пару, ранній взметъ пара, обычно примѣняемый въ помѣщичьихъ хозяйствахъ, для крестьянъ недоступенъ, но осенній взметъ озимыхъ полей подъ яровое былъ бы вполнѣ для нихъ возможенъ, — жнивье обыкновенно вытравливается скотомъ въ нѣсколько дней, послѣ чего скоту на нивѣ взять нечего,— и время осеннее у крестьянъ свободно,— а между тѣмъ, во многихъ мѣстахъ теперь взметъ озимыхъ полей подъ ярь у нихъ обыкновенно не производится, земля за зиму слеживается, грубѣетъ, зимняя влага съ нея стекаетъ, скатывается, не впитываясь въ почву, а весною дай Богъ хоть одинъ разъ успѣть вспахать, надо съ посѣвомъ спѣшить, тутъ дорогъ каждый день, и не рѣдко сѣютъ даже по непаханному. Разница въ природныхъ свойствахъ почвы тутъ ни причемъ, ея нѣтъ, а все дѣло въ пріемахъ обработки, — стоитъ только проѣхать по межѣ, отдѣляющей помѣщичье поле отъ крестьянскаго, чтобы убѣдиться въ рѣзкой разницѣ хлѣбовъ на тѣхъ и другихъ земляхъ. Разница эта есть всегда, въ хорошіе годы, и въ годы неурожайные, и хлѣбъ у крестьянъ всегда хуже, сорнѣе, легковѣснѣе. Очевидно, что подобная судьба — пониженіе урожайности — неизбѣжно послѣдуетъ вездѣ, какъ скоро помѣщичьи земли перейдутъ въ руки крестьянъ.

Но дѣло этимъ не ограничится и гораздо серьезнѣе, гораздо губительнѣе для благосостоянія крестьянъ будетъ та потеря, которая произойдетъ для нихъ отъ потери заработковъ, отъ невозможности при такой реформѣ использовать весь свой трудъ. Эта потеря, которую я далѣе постараюсь усчитать, уже теперь даетъ себя чувствовать тамъ, гдѣ сколько нибудь значительныя площади земли перешли въ руки крестьянъ и частновладѣльческія хозяйства закрылись. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось быть въ одномъ очень крупномъ имѣніи Саратовской губерніи, купленномъ крестьянскимъ банкомъ и перепроданномъ по частямъ мѣстнымъ крестьянамъ. Изъ общей площади этого имѣнія, составляв-

шей около 42,000 десятинъ, большая часть (32,300 десятинъ) была распродана крестьянамъ и около 10,000 десятинъ, съ центральною усадьбою, тонкорунным овцеводствомъ, поливнымъ садомъ, пространствомъ въ 60 десятинъ, и лѣсами поступило въ собственность министерства земледѣлія. При такой ликвидаціи закрылось 12 владѣльческихъ хуторовъ, составлявшихъ прежде каждое свое почти самостоятельное хозяйство, снабженныхъ богатымъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ, содержавшихъ большой штатъ наемныхъ рабочихъ, дававшихъ крупные заработки населенію окрестныхъ селъ. Съ переходомъ имѣнія въ руки крестьянъ, землевладѣніе ихъ, считая съ первоначальнымъ надѣломъ, возросло до 17—18 десятинъ на дворъ, увеличилось противъ прежняго въ нѣсколько разъ. (Крестьяне эти были раньше очень малоземельные, имѣли на дворъ не болѣе 2¼—3 десятинъ). И что же? Когда я былъ въ имѣніи и говорилъ съ крестьянами, поздравляя ихъ съ покупкою, столь значительно расширившею ихъ землевладѣніе, я, къ удивленію своему, услышалъ отъ нихъ лишь новыя жалобы на свою судьбу. «Земли у насъ много теперь стало, это точно», говорили они, «однако, противъ прежняго живется намъ, почитай, что и хуже. Отъ одной земли богатъ не будешь, однимъ хлѣбомъ не проживешь, да и всей земли не осилишь. Прежде у насъ на графскихъ хуторахъ большіе заработки были, и на подати и на всякую потребу домашнюю деньги добывать можно было—съ весны заработки начинались. А теперь куда пойдешь,—по близости господскихъ экономій нѣтъ, все свои же братья-крестьяне закупили, ближе 40—50 верстъ и копѣйки зашибить негдѣ. На своей то землѣ когда еще урожая дождешься, да и не всякій годъ она, матушка, хорошо родитъ, а прежде на господскихъ земляхъ заработки были вѣрные, въ хорошій годъ больше, въ плохой—поменьше, однако, безъ работы никогда не сидѣли. Нонче же и на своей землѣ пуще прежняго горя намыкаешься, а вдаль намъ забиваться не охота». И крестьяне, конечно, совершенно правы; въ общемъ они отъ всей этой операціи, закупившись землею, не только не выиграли, а скорѣе проиграли. Между тѣмъ, когда нынче осенью волна разрушенія пронеслась надъ Саратовскою губерніею, и они послѣднюю, уцѣлѣвшую въ рукахъ казны, бывшую графскую усадьбу въ лоскъ разнесли — неужели можно предположить, что и въ данномъ случаѣ малоземелье было тому причиною?

Еще въ худшемъ положеніи оказались крестьяне въ нѣкоторыхъ уѣздахъ средней Россіи, гдѣ земли были пріобрѣтены при

посредствѣ крестьянскаго банка не мѣстными жителями, а посторонними поселенцами, и гдѣ крестьяне утратили не только заработки въ ликвидированныхъ при такой операціи помѣщичьихъ экономіяхъ, но потеряли и возможность арендованія земель, которыя прежде снимались ими у помѣщиковъ и которыхъ новые поселенцы-пришельцы имъ уже не дадутъ даже и за повышенныя цѣны противъ тѣхъ, что они прежде платили помѣщикамъ. Тутъ и земельнаго утѣсненія противъ прежняго стало больше, и заработки пропали,—уходи въ степь на работу,—да и тамъ работы стало меньше съ тѣхъ поръ, какъ разныя косилки, да жатки, да паровыя машины въ ходъ пошли, и были уже случаи разгрома молотилокъ и жатокъ даже въ степяхъ, и многія тысячи народа возвращаются теперь съ дальнихъ отхожихъ промысловъ ни съ чѣмъ, побираясь Христовымъ именемъ... Значитъ, и дома стало хуже и на сторонѣ не отыграешься.

Одна изъ главныхъ ошибокъ большинства нашихъ изслѣдователей аграрнаго вопроса заключается въ томъ, что они все свое вниманіе удѣляютъ землѣ, доказывая ея недостаточность для нуждъ крестьянскаго населенія, и оставляютъ въ сторонѣ другой источникъ существованія сельскаго населенія и способъ удовлетворенія его нуждъ,—это именно его трудъ. Любопытно, что есть цѣлыя книги, посвященныя изученію крестьянскаго вопроса, наполненныя длинными рядами цифръ, доказывающихъ, что надѣльная земля крестьянина прокормить не можетъ, что она въ состояніи покрыть не болѣе $^1/_3$ — ½ нормальнаго крестьянскаго бюджета, что площадь ея надо увеличить настолько, чтобы она была въ соотвѣтствіи съ рабочими силами крестьянскаго двора; но въ этихъ же книгахъ совершенно обходится другая сторона дѣла — вопросъ о наиболѣе цѣлесообразномъ, наиболѣе производительномъ приложеніи крестьянскаго труда. Какъ будто крестьянинъ только и можетъ, только и долженъ работать на собственной своей землѣ, а если ея для занятія всего его времени не хватаетъ, то надо земли ему прибавить, не заботясь о томъ, что онъ въ концѣ концовъ отъ того получитъ,—больше или меньше противъ прежняго, заработаетъ ли онъ себѣ больше или меньше, создастъ ли цѣнностей больше или меньше? А между тѣмъ, вѣдь этотъ вопросъ нисколько не менѣе важенъ, нежели вопросъ о землѣ, составляющей, какъ и трудъ, только одинъ изъ факторовъ производства, но вовсе не имѣющій ни исчерпывающаго, ни даже преобладающаго значенія. Вотъ если бы было доказано, что крестьянину, при настоящихъ условіяхъ сельской жизни, при существованіи — рядомъ съ кре-

стьянскимъ—помѣщичьяго землевладѣнія, негдѣ приложить своего труда, что онъ не можетъ найти ему примѣненія, тогда другое дѣло, и тогда вопросъ становился бы дѣйствительно крайне острымъ. Но такъ ли это пока у насъ? Не колеблясь отвѣчу, что не такъ, далеко не такъ. Но я пойду еще дальше и скажу, что если бы и было такъ, то это все равно еще ничего бы не доказывало, такъ какъ на какомъ же основаніи считать, что только земля, одна земля, должна быть объектомъ приложенія крестьянскаго труда?

Нигдѣ въ мірѣ не видано, нѣтъ и не можетъ быть такого положенія, при которомъ всѣ руки сельскаго населенія могли бы искать себѣ занятія исключительно въ области земледѣльческаго труда, да притомъ же еще непремѣнно на собственной своей землѣ. Со времени освобожденія крестьянъ, у насъ, къ сожалѣнію, существовало и даже искусственно поддерживалось законодательствомъ стремленіе привязать крестьянина къ землѣ и ставились тысячи преградъ къ обращенію его къ другимъ, не земледѣльческимъ, занятіямъ. Тутъ играли роль и власть главы семьи, и власть міра, и круговая порука за лежавшіе на землѣ платежи, хотя бы крестьянинъ ею фактически не пользовался, и наша паспортная система, и еще многое другое. И если нашъ крестьянинъ въ 1861 году былъ освобожденъ изъ-подъ власти помѣщика, то онъ съ той же минуты и до настоящаго времени былъ фактически закрѣпощенъ землѣ,— неудивительно, что онъ теперь ничего, кромѣ этой земли, не видитъ и знать не хочетъ и требуетъ не воли и простора для себя, для своего производительнаго труда, а земельнаго простора, послѣ того, какъ на землѣ, къ которой онъ привязанъ, ему стало тѣсно. Но на этомъ ли пути его спасеніе и не станетъ ли ему черезъ короткое время столь же тѣсно жить и на увеличенныхъ надѣлахъ, пока онъ за ними ничего другого — свѣту Божьяго — видѣть не будетъ? Вотъ въ чемъ вопросъ, и этотъ вопросъ я считаю для будущности русскаго народа даже болѣе важнымъ, нежели прирѣзка 1 — 1½ десятины на душу сельскаго населенія, если только земля для того нашлась бы и была бы изобрѣтена такая комбинація, при которой эта прирѣзка оказалась бы возможной безъ нарушенія правъ собственности и жизненныхъ интересовъ другихъ классовъ населенія, безъ ущерба для производительности всей русской земли.

Посмотримъ теперь, дѣйствительно ли на вопросѣ о землѣ, о дополнительномъ надѣлѣ клиномъ сошелся весь вопросъ о существованіи, о жизни деревни, о благосостояніи сельскаго населенія.

и что безъ царской милости насчетъ землицы народу все равно пропадать. Пусть это говорятъ и думаютъ крестьяне, пусть эта мысль, это убѣжденіе является единственной исходною точкою всѣхъ настоящихъ погромовъ и аграрныхъ безпорядковъ — хотя во многихъ случаяхъ это въ дѣйствительности и не такъ, грабятъ и громятъ помѣщиковъ очень часто, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ по Саратовской губерніи, вовсе не наиболѣе обездоленные въ земельномъ отношеніи крестьяне,— но слѣдуетъ ли идти за ними по этому пути и считать, что только увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія способно разрѣшить аграрный вопросъ? Когда человѣка грабятъ, когда ему угрожаютъ смертью, онъ готовъ и послѣднюю одежду съ себя снять, чтобы спастись,—не то что землю, на которой ему, послѣ потери всего его имущества, послѣ разгрома его иногда столѣтіями насиженнаго гнѣзда, все равно не жить и не работать по прежнему; но ни путемъ насилій, ни даже посредствомъ мѣропріятій, вызванныхъ страхомъ такихъ насилій, вопроса о жизни деревни разрѣшить нельзя, а можно, чего добраго, попасть изъ огня да въ полымя. Вопросъ о землѣ есть только одна сторона нашего общаго и гораздо болѣе сложнаго аграрнаго вопроса, который не можетъ получить успѣшнаго разрѣшенія даже, какъ мы видѣли, при условіи отдачи всей земли крестьянамъ, безъ разрѣшенія вопроса о раціональномъ использованіи, о наиболѣе производительномъ примѣненіи крестьянскаго труда и о томъ капиталѣ, безъ котораго ни земля, ни трудъ maximum'а своей производительности все равно не дадутъ, и въ общей экономіи страны потери будутъ больше, нежели выигрышъ, даже для тѣхъ же крестьянъ.

Говорить о наиболѣе цѣлесообразномъ приложеніи и использованіи крестьянскаго труда тоже не легко, особенно намъ, сельскимъ хозяевамъ, такъ какъ насъ сейчасъ же готовы будутъ заподозрить въ плантаторскихъ стремленіяхъ, въ желаніи эксплоатировать этотъ трудъ въ свою пользу. Постараюсь, однако же, быть безпристрастнымъ и объективнымъ, хотя не могу не сознаться, что эту часть моего изслѣдованія мнѣ всего труднѣе подкрѣпить какими-либо точными цифирными данными.

Крестьянское малоземелье представляетъ собою явленіе наиболѣе обостренное, какъ извѣстно, въ губерніяхъ среднихъ черноземныхъ; здѣсь же, а также въ губерніяхъ степныхъ, существуетъ и наибольшій спросъ на рабочія руки, благодаря обширности посѣвовъ въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ. Между тѣмъ, спросъ этотъ далеко не можетъ считаться насыщеннымъ, и землевладѣльцы

этихъ раіоновъ всего чаще ощущаютъ нужду въ рабочихъ, временами вынуждены выписывать ихъ даже со стороны. Постояннаго класса рабочихъ-батраковъ здѣсь не создалось, и рабочіе, годовые или полѣтчики, рѣдко остаются подолгу въ однихъ хозяйствахъ. Привязать ихъ къ мѣсту нельзя ни улучшеніемъ содержанія, ни повышеніемъ жалованья, и часто наибольшій недостатокъ въ рабочихъ ощущается именно тогда, когда потребность въ нихъ наиболѣе велика,— ко времени уборки хлѣбовъ. Правда, что при обширности посѣвовъ во владѣльческихъ экономіяхъ, ни одно имѣніе и не можетъ держать такого комплекта постоянныхъ рабочихъ, чтобы ихъ хватило для производства всѣхъ работъ, и приходится обращаться къ работѣ задѣльной, съ платою отъ десятины засѣяннаго или убираемаго поля, или къ вознагражденію изъ доли,— большею частью изъ половины, рѣдко изъ третьей части урожая,— или же искать поденныхъ, но при такомъ условіи рабочихъ рукъ на мѣстѣ иногда пріискать нельзя, и заработная плата, особенно во время уборки и при хорошемъ урожаѣ, возрастаетъ иногда непомѣрно. Бываютъ годы, когда, какъ, напримѣръ, въ Воронежской губерніи, плата за одну только уборку десятины хлѣба достигала 18 — 20 рублей, а иногда и выше. Мнѣ извѣстны случаи, когда хозяева оставляли часть своихъ полей совсѣмъ неубранными, такъ какъ при обычной въ такихъ случаяхъ дешевизнѣ хлѣба, доходы отъ его продажи не могли бы покрыть расходовъ по уборкѣ. Всего труднѣе въ такихъ случаяхъ заполучить мѣстныхъ рабочихъ, и хозяевамъ приходится не рѣдко обращаться за рабочими на сторону, въ губерніи болѣе отдаленныя, откуда приходятъ на работы иногда даже женщины, напримѣръ, пользующіяся особенною популярностью среди хозяевъ средней Россіи, такъ называемыя, *монанки*, крестьянскія дѣвушки изъ Монанской и сосѣднихъ волостей Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губ. и Козельскаго уѣзда, Калужской губ. Это дѣйствительно, прекрасныя работницы,— онѣ исполняютъ всякія работы, даже мужскія,— пашутъ, косятъ, навозъ возятъ и т. п. Получаютъ онѣ обыкновенно 40 — 45 р. за лѣто на хозяйскихъ харчахъ и тѣмъ зарабатываютъ себѣ на приданое. Нѣкоторые воронежскіе свеклосахарные заводы выписываютъ себѣ рабочихъ для обработки свекловичныхъ плантацій изъ Пензенской губерніи, харьковскіе и кіевскіе—изъ губерній Орловской, Черниговской, Смоленской, потому что на мѣстѣ рукъ не найдешь. Въ то же время свои мѣстные рабочіе уходятъ за сотни верстъ въ степь, въ надеждѣ, часто ихъ обманывающей, на еще болѣе высокіе заработки. И сколько

при такомъ передвиженіи съ мѣста на мѣсто непроизводительно тратится времени, денегъ, здоровья,—да и много ли изъ заработанныхъ денегъ въ дѣйствительности приносится домой! Дешевая зимняя наемка, какъ и столь же дешевая, хотя и весьма плохая, обработка земли отъ круга,—вспахать, посѣять, убрать, связать и въ гумно хлѣбъ свезти,—которая нѣкогда процвѣтала въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ среднихъ губерній, теперь почти совсѣмъ отошла въ область преданій; цѣны на рабочихъ противъ прежняго вездѣ повысились, хотя ни цѣны на хлѣба, ни урожаи соотвѣтственно не возросли, а скорѣе въ среднемъ противъ прежняго понизились, и слѣдовательно, доля рабочаго класса въ выгодахъ отъ сельскохозяйственнаго промысла на частновладѣльческихъ земляхъ не уменьшилась, а увеличилась, процентъ же чистаго дохода, причитающійся владѣльцамъ, въ общемъ не возросъ, а сократился. Но хозяева не на это жалуются, а на то, что мѣстныхъ рабочихъ и по повышенной цѣнѣ часто совсѣмъ достать нельзя и годъ отъ году становится все труднѣе вести хозяйство. Ужъ на что прошлый годъ былъ плохой и нужда крестьянская была велика, а между тѣмъ, даже и въ этомъ году, въ предѣлахъ неурожайнаго раіона, было трудно пріискать рабочихъ, и со многими работами приходилось поневолѣ запаздывать, неся отъ того большіе убытки. Такимъ образомъ, приходится отмѣтить на первый взглядъ странный, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно существующій фактъ, что съ возрастаніемъ населенія и увеличивающимся вслѣдствіе того малоземельемъ крестьянъ, предложеніе рабочихъ рукъ не увеличивается, заработная плата не уменьшается, а скорѣе возрастаетъ, колеблясь только годъ отъ году, въ зависимости отъ урожая и высоты хлѣбныхъ цѣнъ. Чѣмъ годъ урожайнѣе, цѣны на хлѣбъ дешевле, тѣмъ трудъ дороже, и наоборотъ: въ годы неурожайные, при высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ, цѣны на работы падаютъ, но избытка предложенія работы надъ спросомъ не бываетъ въ этихъ мѣстностяхъ никогда. Всегда хозяинъ здѣсь ищетъ рабочихъ, а не наоборотъ. Другое дѣло, конечно, зимою, когда въ имѣніяхъ съ исключительно полевымъ хозяйствомъ работы очень мало и штатъ служащихъ въ экономіяхъ сокращается; въ это время рабочіе своими мѣстами дорожатъ, но у хозяевъ нѣтъ никакой гарантіи въ томъ, что они не уйдутъ въ самую горячую рабочую пору, и никакія рабочія книжки, никакія кары тутъ не помогутъ, да хозяева почти никогда къ нимъ и не прибѣгаютъ. Взять съ рабочаго за неисполненіе условія все равно нечего, и только врага себѣ въ немъ наживешь. Хорошо еще, коли

рабочіе взятыя впередъ деньги отработаютъ, но и это бываетъ не всегда, насильно же заставить человѣка жить и работать невозможно,—никакія правила о наймѣ на сельскія работы, какъ бы они ни были строги, тутъ не помогутъ, пока самъ рабочій не будетъ мѣстомъ и работой дорожить. Нерѣдко пропадаютъ и забранные впередъ подъ издѣльную работу задатки, и эти потери составляютъ своего рода накладной расходъ для хозяевъ, съ которымъ поневолѣ имъ приходится мириться. Но и это свидѣтельствуетъ о томъ, что спросъ на рабочія руки не насыщенъ, и недостатка въ работѣ никогда, кромѣ зимняго времени, не бываетъ; само собою разумѣется, что и съ переходомъ всѣхъ земель въ руки крестьянъ зимней работы имъ не прибавится, а скорѣе убавится, такъ какъ нынѣ вездѣ, гдѣ есть заводы винокуренные, сахарные, крахмальные, открывающіе дѣйствіе только позднею осенью и работающіе зимою, тамъ есть вѣрные заработки и зимою, и крестьянамъ слѣдовало бы, какъ зеницу ока, эти заводы оберегать, а не громить, какъ теперь, роя этимъ прежде всего яму себѣ же.

Другое явленіе, хорошо извѣстное всѣмъ хозяевамъ средней Россіи, особенно черноземной полосы,—это почти полное отсутствіе въ деревняхъ всякихъ ремесленниковъ, мастеровъ, спеціалистовъ. Всѣ хотятъ работать и жить только отъ земли, и почти нѣтъ, или крайне трудно достать сколько-нибудь знающихъ и умѣлыхъ слесарей, столяровъ, плотниковъ, печниковъ, садовниковъ, машинистовъ, даже скотниковъ и конюховъ. Имъ даютъ гораздо лучшее жалованье, нежели простымъ полевымъ рабочимъ, тѣмъ не менѣе и ихъ въ деревняхъ найти почти невозможно. За самой пустой починкой какой-нибудь простѣйшей сельско-хозяйственной машины приходится обращаться въ городъ, иногда за десятки и сотни верстъ. Ни въ Западной Европѣ, ни даже у насъ въ западныхъ губерніяхъ, не знаютъ такого положенія,—тамъ всегда можно найти, если и не особенно искуснаго, то все же какого ни на есть, мастера-спеціалиста,—а попробуйте у насъ! Иной разъ и за большія деньги не отыщешь. Да и откуда у насъ такимъ спеціалистамъ взяться? Живетъ рабочій годъ. другой у хозяина въ скотникахъ,—ушелъ—проболтался безъ мѣста, поступаетъ къ другому уже въ конюха,—уходитъ,—къ третьему готовъ въ садовники наняться и т. д. Неужели же можно считать, что только земледѣльческій трудъ и притомъ непремѣнно на своей землѣ долженъ обезпечить благосостояніе нашего сельскаго населенія, и всѣ другіе источники существованія

для него закрыты? При низкихъ урожаяхъ на крестьянскихъ земляхъ затрачиваемый на нихъ трудъ наименѣе производителенъ, а сколько теряется его и совсѣмъ понапрасну, при настоящихъ условіяхъ крестьянскаго землепользованія, при разбивкѣ надѣльной земли между членами общины, въ стремленіи къ уравнительности, на 20—30—40 мелкихъ участковъ въ нѣсколько аршинъ иногда шириною, а длиною въ нѣсколько сотъ саженъ, съ межами, заросшими чертополохомъ и другими сорными травами, по всей длинѣ этихъ участковъ. Сколько еще болѣе теряется понапрасну времени и труда крестьянина и его лошади, благодаря такъ называемому длинноземелью, при разстояніи отдѣльныхъ участковъ иногда на 5—10 и болѣе верстъ отъ его усадьбы! Одинъ крестьянинъ Новгородской губерніи, въ запискѣ, представленной въ бывшее совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, сдѣлалъ интересный расчетъ, что при разстояніи поля отъ двора въ три версты, крестьянину и его лошади для обработки, удобренія и уборки его полосы приходится за лѣто проѣхать взадъ и впередъ,—не считая работы на самомъ полѣ—1,548 верстъ! Оцѣнивая стоимость въ лѣтнее время коннаго рабочаго, авторъ-крестьянинъ высчитываетъ, что стоимость этихъ разъѣздовъ составляетъ расходъ въ 66 рублей, а раскладывая эту сумму на собранный съ полосы хлѣбъ, получаетъ накладной расходъ въ 22 коп. на каждый пудъ хлѣба. Въ этомъ примѣрѣ разстояніе поля отъ двора всего 3 версты, между тѣмъ мнѣ извѣстны селенія, напримѣръ въ Воронежской губерніи, гдѣ крестьяне имѣютъ участки въ разстояніи 20—25 верстъ отъ ихъ усадебъ, въ предѣлахъ даже другого уѣзда; конечно, при этомъ отпадаетъ расходъ на провозъ удобренія, котораго крестьяне въ этихъ мѣстностяхъ и совсѣмъ на поля не вывозятъ, употребляя его на отопленіе своихъ хатъ въ видѣ кизяка,—но въ какой же цифрѣ выразятся расходы крестьянина и непроизводительная затрата его труда на проѣздъ этого разстоянія для производства всѣхъ остальныхъ работъ? Объ этомъ страшно даже и подумать, и этой бѣды никакой прибавкой земли къ надѣлу не исправишь, а пожалуй еще ее увеличишь, если, за неимѣніемъ свободныхъ, хотя бы и отнятыхъ у частныхъ владѣльцевъ, земель по близости, придется производить нарѣзку за тѣ же десятки верстъ. И приходится признать, что разверстаніе угодій, разселеніе, вообще работы по землеустройству, направленныя къ улучшенію крестьянскаго землепользованія, во многихъ случаяхъ важнѣе самаго расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Нѣтъ, при такихъ условіяхъ

сколько ни прибавляй крестьянину земли, одной землею благополучія его не создашь, особенно, когда ради этого приходится жертвовать культурою, понижать производительность труда, еще болѣе ограничивать, даже противъ теперешняго, сферу его приложенія, и въ этомъ видѣть единственный исходъ изъ его бѣдности и бездолья. Да какое же когда государство шло и можетъ идти этимъ путемъ, не рискуя создать положенія, которое въ концѣ концовъ будетъ еще хуже настоящаго? И придется тогда начинать съизнова, сознавшись въ ошибкѣ, которая можетъ оказаться для русскаго народа роковой.

IV.

Что говорятъ намъ цифры?

Въ предыдущихъ главахъ я уже упоминалъ о той опасности, которая грозитъ экономической жизни русскаго государства въ случаѣ разрушенія въ странѣ частновладѣльческаго хозяйства и перехода всей помѣщичьей земли въ руки крестьянъ. Еще ранѣе я указывалъ, что площадь крестьянскаго землевладѣнія при такомъ переходѣ фактически увеличится весьма мало, примѣрно на 0,8 десятины на душу мужского пола, примемъ даже для ровнаго счета 1 дес. на душу, или, считая средній составъ семьи въ 3 души мужского пола, на 2,4—3 дес. на дворъ. Но разсмотримъ теперь болѣе подробно, къ какимъ экономическимъ послѣдствіямъ приведетъ этотъ переходъ самихъ крестьянъ, что они при немъ выиграютъ и что потеряютъ. Дѣло вѣдь, конечно, не въ томъ, чтобы только прибавить крестьянамъ земли, удовлетворить ихъ такъ называемый „земельный голодъ“—„земля нужна крестьянину, какъ воздухъ“, пришлось мнѣ недавно читать въ одной статьѣ,— а въ томъ, чтобы улучшить ихъ благосостояніе, поднять доходы крестьянскаго двора, складывающіеся, какъ я уже говорилъ, отъ того, что приноситъ имъ земля, съ одной стороны, и ихъ трудъ— безразлично, на своей или на чужой землѣ,—съ другой. Къ этой сторонѣ дѣла, въ виду ея капитальной важности при обсужденіи нашего аграрнаго вопроса, я и считаю нужнымъ еще разъ возвратиться, тѣмъ болѣе, что она всего менѣе разработана и освѣщена, и въ писаніяхъ разныхъ авторовъ, доказывающихъ необхо-

димость облагодѣтельствованія крестьянскаго населенія путемъ прирѣзки ему земли, обыкновенно и не затрагивается вовсе. Между тѣмъ, я сдѣлалъ тутъ нѣкоторые расчеты, основанные на имѣющемся у насъ статистическомъ матеріалѣ, опубликованномъ департаментомъ окладныхъ сборовъ въ 1903 году для, такъ называемой, комиссіи центра (Высочайше учрежденная комиссія по изслѣдованію вопроса о движеніи съ 1861 г. по 1900 г. благосостоянія сельскаго населенія средне-земледѣльческихъ губерній, сравнительно съ другими мѣстностями Европейской Россіи), и пришелъ къ такимъ выводамъ, которые, признаюсь, поразили и меня самого. На эти выводы я считаю нужнымъ обратить самое серьезное вниманіе читателей, просилъ бы даже тѣхъ, въ комъ они возбудятъ сомнѣніе, ихъ провѣрить, такъ какъ полученныя тутъ данныя бросаютъ совершенно новый свѣтъ на вопросъ и заставляютъ еще болѣе опасаться гибельныхъ, прежде всего для самихъ крестьянъ, результатовъ отъ слишкомъ скороспѣлаго осуществленія какихъ бы то ни было мѣръ, направленныхъ къ огульному увеличенію крестьянскаго землевладѣнія на счетъ частновладѣльческаго, не только съ полнымъ уничтоженіемъ, но даже хотя бы и съ частичнымъ сокращеніемъ помѣщичьяго хозяйства, существующаго, развивающагося и приносящаго свои доходы благодаря труду тѣхъ же крестьянъ, въ свою очередь въ этихъ доходахъ участвующихъ, въ видѣ получаемой ими на обработкѣ помѣщичьихъ земель и на службѣ ихъ во владѣльческихъ экономіяхъ заработной платы.

Въ настоящее время приходный бюджетъ крестьянскаго двора складывается изъ двухъ элементовъ: изъ тѣхъ доходовъ, которые выручаются крестьянами отъ обработки ихъ надѣльной,—все равно, собственной или общинной,—земли, отъ доходовъ, выручаемыхъ ими на земляхъ, арендованныхъ у сосѣднихъ владѣльцевъ, за вычетомъ уплачиваемой за нихъ арендной платы, и отъ приложенія своего труда на земляхъ и въ экономіяхъ частныхъ владѣльцевъ. Есть еще доходы отъ отхожихъ промысловъ не земледѣльческихъ, отъ лѣсныхъ работъ, отъ кустарнаго промысла и т. п., но ихъ я касаться не буду, предполагая, что въ отношеніи ихъ дѣло не измѣнится. Съ уничтоженіемъ или сокращеніемъ частновладѣльческаго хозяйства, получаемые крестьянами отъ него заработки либо уничтожатся совсѣмъ, либо болѣе или менѣе значительно сократятся и, конечно, увеличится доходъ крестьянъ отъ земли, которая перейдетъ къ нимъ въ собственность отъ помѣщиковъ, за вычетомъ, однако, изъ этого дохода всей той

суммы, которую имъ придется выплачивать Крестьянскому банку или государству (что въ данномъ случаѣ безразлично) по выкупу этихъ земель отъ ихъ настоящихъ владѣльцевъ,—если только не предполагать, что эту землю они получатъ путемъ насильственнаго отобранія ея отъ помѣщиковъ—даромъ. Послѣдующіе расчеты покажутъ намъ, однако, что и въ этомъ случаѣ, на ряду съ полнымъ разореніемъ частновладѣльческаго класса, колоссальныхъ убытковъ для всей экономіи страны, потерь для государства отъ сокращенія нашего заграничнаго отпуска, необходимости обращенія къ иностраннымъ государствамъ за всѣмъ тѣмъ, что мы теперь въ избыткѣ производимъ дома,—крестьяне отъ такой невиданной еще въ исторіи операціи въ концѣ-концовъ болѣе потеряютъ, нежели выиграютъ.

Чтобы всесторонне освѣтить этотъ вопросъ, я буду основываться на цифрахъ упомянутаго выше изслѣдованія, въ свою очередь основаннаго на данныхъ министерствъ финансовъ, земледѣлія, внутреннихъ дѣлъ, земской статистики и т. п. Прежде всего я тутъ приведу и сопоставлю между собою разныя цифры и затѣмъ изложу полученные такимъ образомъ выводы, не вдаваясь въ подробности, которыя желающими могутъ быть почерпнуты изъ указаннаго выше источника, какъ и изъ сборниковъ, изданныхъ бывшимъ министерствомъ земледѣлія подъ заглавіемъ „Сводъ статистическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству Россіи къ концу XIX вѣка“, которыми мнѣ тоже пришлось воспользоваться при настоящемъ моемъ изслѣдованіи. Къ сожалѣнію, не во всѣхъ случаяхъ данныя этихъ источниковъ одинаково полны, и поэтому иногда приходится дѣлать обобщенія по цифрамъ, не обнимающимъ всей Россіи, а только нѣкоторыя ея части, для нашей работы, впрочемъ, наиболѣе интересныя.

Самой важной представляется въ данномъ случаѣ цифра дохода, выручаемаго крестьянами отъ эксплоатаціи своей надѣльной земли, какъ основной базисъ, изъ котораго должны исходить всѣ послѣдующіе расчеты. Къ сожалѣнію, именно эта цифра оказывается наиболѣе неполной, такъ какъ соотвѣтственныя данныя имѣются только по 27 губерніямъ Европейской Россіи: С.-Петербургской, Новгородской, Псковской, Вятской, Пермской, Уфимской, Самарской, Нижегородской, Казанской, Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Орловской, Тульской, Рязанской, Владимірской, Костромской, Ярославской, Тверской, Московской, Калужской (4 уѣзда), Полтавской, Черниговской, Екатеринославской (1 уѣздъ), Херсонской, Бессарабской (1 уѣздъ). Общая площадь

всей облагаемой (слѣдовательно, удобной) надѣльной земли въ 273 уѣздахъ этихъ губерній, по которымъ имѣются свѣдѣнія, опредѣляется въ 72.786,500 десятинъ, изъ коихъ на долю пахотной земли приходится 60,9 проц., покосовъ 13,4 проц. и остальныхъ угодій 25,7 проц. Средняя валовая доходность одной десятины надѣльныхъ пахотныхъ земель этихъ губерній равняется всего 11 р. 78 к., колеблясь отъ 8 р. 8 к. по Самарской и до 21 р. 88 к. по С.-Петербургской губерніямъ. Валовая доходность десятины покоса составляетъ 12 р. 66 к.—отъ 5 р. 63 к. по Вятской и до 25 руб. 63 коп. по Воронежской губерніямъ. Доходность остальныхъ угодій самая ничтожная, составляя въ среднемъ не болѣе 54 коп. съ десятины. Средняя валовая доходность одной десятины крестьянской надѣльной земли вообще, безъ распредѣленія ея по угодіямъ, выражается въ цифрѣ 8 руб. 99 коп. (для ровнаго счета примемъ 9 рублей). Помножая эту цифру на цифру общей площади надѣльной земли въ этихъ 27 губерніяхъ (72.786,500 десятинъ), получимъ, что общая сумма валового дохода, выручаемаго крестьянами отъ своихъ земель, составляетъ въ среднемъ 655.078,500 рублей.

Издержки производства, составляющія, конечно, главнымъ образомъ оплату труда крестьянъ на своей землѣ, выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ: на одну десятину пахотной земли 7 руб. 65 коп., на десятину покоса 4 р. 2 к., на десятину прочихъ угодій 15 коп. Кругомъ издержки эти на десятину надѣльной земли упадаютъ въ суммѣ 5 руб. 22 коп., а на всей площади этихъ земель достигаютъ суммы въ 379.945,530 рублей.

Чистая доходность десятины пашни составляетъ такимъ образомъ 4 р. 13 к., колеблясь отъ 1 р. 72 коп. въ Калужской губерніи, до 7 р. 82 коп. въ С.-Петербургской и выражаясь въ цифрахъ 6 р. 23 коп., 6 р. 29 коп. и 6 р. 93 коп. въ чисто земледѣльческихъ черноземныхъ губерніяхъ—Орловской, Курской и Тамбовской; въ слѣдующихъ четырехъ губерніяхъ того же черноземнаго раіона: Рязанской, Тульской, Воронежской и Саратовской чистая доходность пашни составляетъ 3 р. 33 коп., 4 р. 95 коп., 5 р. 17 коп. и 5 р. 42 коп., тогда какъ въ такой же черноземной и сравнительно многоземельной губерніи, какъ Самарская, доходность пашни значительно ниже и приближается къ Калужской, составляя всего 1 р. 94 к. на десятину.

Чистая доходность десятины покоса повсемѣстно выше доходности пахотной земли и, составляя въ среднемъ 8 р. 64 коп. на десятину, колеблется отъ 2 р. 32 коп. по Вятской до 22 р. 44 к.

по Воронежской губерніямъ. Наконецъ, чистая доходность прочихъ угодій не превышаетъ въ среднемъ 39 коп. съ десятины.

Сводя эти цифры доходности отдѣльныхъ угодій вмѣстѣ и вычисляя среднюю чистую доходность десятины крестьянской надѣльной земли вообще, упомянутый выше источникъ (Матеріалы для Высочайше утвержденной 16-го ноября 1901 г. комиссіи) опредѣляетъ ее въ 3 р. 77 коп. на десятину, съ слѣдующими при этомъ колебаніями, на которыхъ придется остановиться подробнѣе, сопоставивъ ихъ съ данными о размѣрахъ землевладѣнія въ соотвѣтственныхъ, наиболѣе для насъ интересныхъ, губерніяхъ.

Губерніи:	Площадь надѣльной земли на 1 душу мужского пола:	Средняя чистая доходность десятины надѣла:
Среднія черноземныя:	Десятинъ:	Рублей. Коп.
Тульская	1,6	4—82
Рязанская	1,7	4— 2
Курская	1,7	5—91
Орловская	1,8	5—98
Тамбовская	2,0	5—88
Воронежская	2,4	5— 6
Малороссійскія:		
Полтавская	1,5	5—25
Черниговская	2,0	4— 1
Приволжскія и восточныя:		
Саратовская	2,6	4—82
Уфимская	4,4	2—99
Самарская	4,5	2— 2
Вятская	4,6	1—77
Пермская	4,7	3— 9
Среднія нечерноземныя и сѣверныя:		
Калужская	2,1	3—26
Московская	2,5	5—29
Владимірская	2,6	2—46
Тверская	2,6	3—19
Ярославская	2,6	4—49
Новгородская	4,3	4—90
С.-Петербургская . .	4,3	5— 8
Южныя.		
Херсонская	2,2	5—35

Данныя эти крайне интересны. Изъ нихъ видно, во-первыхъ, что суммы, выручаемыя крестьянами отъ обработки своихъ надѣль-

ныхъ земель, далеко не пропорціональны площади этихъ надѣловъ и во многихъ случаяхъ при меньшей площади надѣла они получаютъ съ него не только относительно, но и абсолютно больше, нежели въ другихъ губерніяхъ крестьяне съ надѣловъ болѣе крупныхъ. Такъ, въ губерніяхъ Курской, Орловской и Тамбовской, крестьяне при надѣлахъ въ 1,7—1,8 и 2 дес. получаютъ отъ своей надѣльной земли чистаго дохода 10 р. 5 к., 10 р. 76 к. и 11 р. 76 к., въ Херсонской съ 2,2 дес.—11 р. 77 к., въ Воронежской губерніи съ 2,4 дес.—12 р. 14 к., въ Саратовской съ 2,6 дес.—12 р. 53 к., а въ губерніи Уфимской съ площади надѣльной земли въ 4,4 дес. вся чистая выручка крестьянъ составляетъ 13 р. 16 к., всего на 63 к. больше, чѣмъ сколько получаютъ саратовцы со своихъ 2,6 дес.; въ Самарской же губерніи, при надѣлѣ въ 4,5 десятины, чистая средняя выручка крестьянъ отъ надѣла не превышаетъ 9 р. 9 к., т. е. на 96 к. меньше, чѣмъ получаютъ курскіе крестьяне отъ надѣла въ 1,7 дес., и на 3 р. 44 к. меньше противъ саратовскихъ крестьянъ, съ ихъ 2,6 дес. надѣла. Далѣе, при равныхъ цифрахъ надѣла, ярославцы съ 2,6 дес. получаютъ 11 р. 67 к., а владимірцы имѣютъ съ такой же площади земли всего 6 р. 39 к. Въ Московской губерніи, гдѣ, благодаря трудамъ земства, крестьянское хозяйство сдѣлало довольно значительные успѣхи, съ надѣла въ 2,5 дес. выручается 13 р. 22 к., а въ Вятской съ надѣла на 84 проц. большаго (4,6 дес.) получается дохода только 11 р. 42 к., т. е. на 1 р. 80 к. менѣе.

Во-вторыхъ, изъ этихъ же данныхъ выводится и такое еще заключеніе, что чѣмъ площадь надѣла больше, тѣмъ производительность его и чистый получаемый отъ десятины доходъ меньше. Это видно изъ нижеслѣдующей таблицы, въ которой средняя площадь крестьянскаго надѣла сопоставляется съ среднею же чистою доходностью десятины.

Губерніи съ площадью надѣла отъ 1,5 до 2 дес. на душу:	Площадь надѣла на душу.	Чистый доходъ съ десятины въ рубляхъ и копѣйкахъ.	Средняя чистая доходность десятины.
Полтавская	1,5	5—25	
Тульская	1,6	4—82	
Рязанская	1,7	4— 2	
Курская	1,7	5—91	5 руб. 12 коп.
Орловская	1,8	5—98	
Тамбовская	2,0	5—88	
Черниговская	2,0	4— 1	

Губерніи съ площадью надѣла свыше 2— и менѣе 3 десятинъ:	Площадь надѣла на душу.	Чистый доходъ съ десятины въ рубляхъ и копѣйкахъ.	Средняя чистая доходность десятины.
Калужская	2,1	3—26	4 руб. 24 коп.
Херсонская	2,2	5—35	
Воронежская	2,4	5— 6	
Московская	2,5	5—29	
Саратовская	2,6	4—82	
Ярославская	2,6	4—49	
Тверская	2,6	3—19	
Владимірская	2,6	4—24	
Губерніи съ площадью надѣла свыше 4 дес. на душу:			
С.-Петербургская . .	4,3	5— 8	3 руб. 32 коп.
Новгородская	4,3	4—90	
Уфимская	4,4	2—99	
Самарская	4,5	2— 2	
Вятская	4,6	1—77	
Пермская	4,7	3— 9	

Отсюда видно, что въ губерніяхъ, въ которыхъ площадь надѣла на наличную душу мужского пола составляетъ отъ 1½ до 2 десятинъ, средняя чистая доходность десятины надѣльной земли опредѣляется въ цифрѣ 5 р. 12 к.; при площади надѣла свыше 2 и до 2,6 дес. чистый доходъ десятины въ среднемъ составляетъ 4 р. 24 к. и, наконецъ, въ губерніяхъ съ площадью надѣла отъ 4,3 дес. до 4,7 дес. — средняя доходность десятины не превышаетъ 3 р. 32 к.; если же выкинуть губернію Петербургскую съ ея довольно высокою, благодаря конечно близости столицы, доходностью въ 5 р. 8 к. съ десятины, остальныя губерніи этой категорій даютъ всего 2 р. 95 к. чистаго дохода съ десятины; Самарская же губернія, съ ея черноземною почвою, производящая притомъ такіе цѣнные хлѣба, какъ кубанка и другія твердыя пшеницы, просо, ленъ, даетъ крестьянину дохода, какъ уже сказано, только 2 руб. 2 коп. съ десятины. Это опровергаетъ возможное возраженіе, что разница въ доходности зависитъ отъ лучшаго или худшаго качества почвъ, такъ какъ во вторую и третью рубрики попали нѣкоторыя губерніи съ почвою не худшею, нежели въ рубрикахъ высшихъ. Отсюда выводъ прямой— чѣмъ надѣлы относительно меньше, тѣмъ земля даетъ чистаго дохода больше, тѣмъ и приложенный къ ней трудъ крестьянина производительнѣе.

Въ подтвержденіе этого послѣдняго вывода приведу еще нѣсколько цифръ, при чемъ, въ виду того, что труда прилагается всего болѣе къ пахотной землѣ, ограничусь данными только къ ней и относящимися: въ Тамбовской губерніи, напримѣръ, при издержкахъ производства въ 6 р. 47 к. на пахотную десятину, выручается отъ нея же валового дохода 13 р. 41 к., чистаго—6 р. 94 к., другими словами, на каждый рубль затраченнаго труда выручается валового дохода 2 р. 8 к., чистаго 1 р. 8 к.; въ губерніяхъ Курской и Орловской результатъ уже менѣе благопріятенъ: 100 единицъ труда даютъ 180 единицъ дохода въ первой и 185 во второй. Въ Полтавской, наиболѣе малоземельной изъ всѣхъ перечисленныхъ нами губерній, гдѣ на душу мужского пола приходится только 1½ дес. надѣльной земли, на 100 единицъ расхода получается 162 единицы дохода. Въ Самарской же губерніи на каждыя 100 единицъ труда по обработкѣ пашни выручается всего только 132 единицы дохода; только одна Калужская губернія, неизмѣримо болѣе бѣдная въ почвенномъ отношеніи, нежели Самарская, даетъ еще меньше, именно на100 всего120, но, однако, и тутъ картина измѣнится, если только взять въ расчетъ не одну пахотную землю, а всѣ угодія вмѣстѣ; тогда окажется, что 100 единицъ расхода въ Калужской губерніи приносятъ 143 единицы дохода, а въ Самарской 149,— т. е. бѣдная калужская земля по сравненію съ Самарской оплачиваетъ трудъ крестьянина только 6 к. на 100 менѣе, нежели Самарская, съ ея богатымъ черноземомъ. Если же производительность труда самарскаго крестьянина на его четырехъ съ половиною десятинномъ надѣлѣ принять за 100, то окажется, что трудъ туляка, орловца и тамбовца, при 1,6—1,8 и 2-хъ десятинныхъ надѣлахъ, производительнѣе перваго на 30—40 и 57 проц.

Приходится сдѣлать еще одно сопоставленіе, которое выставитъ положеніе дѣла въ губерніяхъ сравнительно многоземельныхъ, еще въ болѣе невыгодномъ свѣтѣ, если взять общій расходъ труда на обработку надѣльной земли тамъ, гдѣ ея много, и тамъ, гдѣ мало. Для этого надо помножить этотъ расходъ на общую площадь надѣльной земли въ тѣхъ или другихъ. Возьмемъ въ этомъ случаѣ опять только крайности, чтобы рельефнѣе вышли результаты. Именно, по Орловской губерніи, въ которой трудъ крестьянина на его надѣльной землѣ оплачивается лучше, нежели въ большей части другихъ, при 1,8 десятины надѣла, на обработку всей надѣльной земли затрачивается крестьянскаго труда на 10 р. 73 к. и выручается съ того же надѣла валового дохода 21 руб. 50 коп. и чистаго 10 руб. 77 коп., въ Самарской же гу-

берніи, при площади надѣла въ 4½ дес., обработка его поглощаетъ труда на 19 рублей, а выручается валового дохода 28 руб. 12 коп., чистаго 9 руб. 12 коп.; такимъ образомъ, при самарскомъ многоземельи, затрата 177 единицъ труда даетъ чистой выручки 9 руб. 12 коп., или на 1 руб. 65 коп. меньше, нежели затрата 100 единицъ въ малоземельной Орловской губерніи, дающей чистой выручки 10 руб. 77 коп,, или, другими словами, трудъ орловца на его 1,8 десятинахъ болѣе чѣмъ въ два раза производительнѣе труда самарца на 4½ десятинахъ его надѣльной земли. Еще иначе, оцѣнивая рабочій трудъ крестьянина въ обоихъ случаяхъ въ 1 рубль въ день, получимъ, что на производство одного и того же количества полевыхъ продуктовъ на надѣльной землѣ, скажемъ на 20 руб., орловскій крестьянинъ употребляетъ всего 10 рабочихъ дней, а самарскій на то же самое расходуетъ уже не десять, а 13½ дней. Въ первомъ случаѣ выручка каждаго рабочаго дня, оцѣниваемаго въ 1 руб., составляетъ 2 руб., а во второмъ только 1 руб. 48 коп. Лучшихъ доказательствъ того, на сколько даже такая степень интенсификаціи хозяйства, какая существуетъ нынѣ въ Орловской малоземельной губерніи, по сравненію съ экстенсивнымъ хозяйствомъ многоземельной Самарской губерніи, дѣлаетъ трудъ крестьянина болѣе производительнымъ и земледѣліе въ первомъ случаѣ болѣе выгоднымъ промысломъ, нежели во второмъ, нечего, казалось бы, и искать.

Пойдемъ теперь далѣе и разсчитаемъ, какую общую цифру чистаго дохода получаютъ крестьяне отъ своихъ надѣльныхъ земель въ тѣхъ 27 губерніяхъ, которыя мы кладемъ въ основаніе нашихъ исчисленій. Валовая доходность тѣхъ 72.786,500 десятинъ, которыя составляютъ ихъ площадь, опредѣляется, какъ указано выше, въ 655.078,500 рублей; издержки производства оцѣниваются въ 379.945,530 рублей. Чистая доходность надѣльной земли выразится разностью между первою цифрою и второю—275.132,970 р. Для ровнаго счета при дальнѣйшихъ исчисленіяхъ примемъ цифры валовой доходности надѣльной земли въ 655 милліоновъ рублей, издержки производства въ 380 милліоновъ, чистую доходность въ 275 милліоновъ.

Къ сожалѣнію, какъ уже сказано, наши данныя ограничиваются 273 уѣздами 27 губерній. Обобщить ихъ на всю Европейскую Россію мы можемъ только путемъ болѣе или менѣе гадательнаго наведенія. Общая площадь всѣхъ удобныхъ надѣльныхъ земель по 50 губерніямъ Европейской Россіи опредѣлялась въ 1900 году, по даннымъ того источника, которымъ мы пользова-

лись и въ предыдущемъ случаѣ, въ 112.327,000 десятинъ. За вычетомъ изъ этой цифры упомянутыхъ выше 72.786,500 десятинъ, по которымъ мы привели данныя о валовой и чистой ихъ доходности, остается 39.540,500 дес., для ровнаго счета примемъ 40 милл. десятинъ — для тѣхъ губерній, по которымъ соотвѣтственныхъ данныхъ нѣтъ. Можно было бы распространить на нихъ тѣ же цифры подесятинной доходности, которыя были приведены выше, но такъ какъ въ эти 40 милліоновъ десятинъ входятъ земли губерній сѣверо- и юго-западныхъ, прибалтійскихъ и южныхъ, доходность которыхъ въ общемъ выше губерній центральныхъ, сѣверныхъ и восточныхъ, и гдѣ культура значительно интенсивнѣе, то мы доходность ихъ, а равно и издержки производства, увеличимъ, конечно, болѣе или менѣе гадательно и произвольно, на 10 проц., и получимъ такимъ образомъ валовую доходность десятины въ 9 р. 90 к., издержки производства на десятину—5 р. 75 к. и чистую доходность — 4 р. 15 к. Общіе выводы для этихъ 40 милліоновъ десятинъ получатся тогда такіе: валовая доходность—396 милл. рублей; издержки производства—230 милл. руб.; чистая доходность—166 милл. Прибавляя эти суммы къ ранѣе исчисленнымъ, получимъ для общей площади крестьянскихъ надѣльныхъ, облагаемыхъ, т. е. удобныхъ, земель 50 губерній Европейской Россіи такія цифры (съ округленіемъ):

Валовая доходность . . .	1.051	мплл.
Издержки производства . .	610	»
Чистая доходность	441	»

—или на десятину крестьянской надѣльной земли 9 р. 35 к. валового, 3 руб. 92 к. чистаго дохода и 5 р. 43 к. издержекъ производства.

Но въ этихъ цифрахъ не выражаются еще ни вся сумма крестьянскаго дохода, ни всѣ издержки собственнаго сельскохозяйственнаго промысла крестьянъ, такъ какъ надо еще принять въ расчетъ доходы и затраты ихъ на арендуемыхъ ими земляхъ. Тутъ опять приходится основываться на данныхъ, болѣе или менѣе гадательныхъ, такъ какъ общая площадь этихъ земель, обрабатываемыхъ ими въ дополненіе къ собственнымъ, въ точности неизвѣстна и опредѣляется въ разныхъ источникахъ крайне различно. Къ вопросу о значеніи аренды въ крестьянскомъ хозяйствѣ я еще вернусь, а пока ограничусь лишь приблизительными данными объ общей площади арендуемой крестьянами внѣнадѣльной земли, ея доходности и издержкахъ производства, со включеніемъ арендной за нее платы.

Общая площадь арендуемой крестьянами земли опредѣляется въ упомянутомъ выше трудѣ Департамента окладныхъ сборовъ для 50 губерній Европейской Россіи въ 19½ милліоновъ десятинъ. Многими авторами эта площадь признается гораздо болѣе значительной, и вѣрныхъ данныхъ для ея опредѣленія дѣйствительно не имѣется. Для ровнаго счета приму ее въ 20 милл. десятинъ. Средній размѣръ подесятинной арендной платы опредѣляется, по свѣдѣніямъ того же источника, въ 6 руб. 40 к., колеблясь отъ 2 р. 50 к. въ губерніяхъ сѣверныхъ до 11 р. 60 коп. въ губерніяхъ центральнаго черноземнаго раіона. Помножая среднюю цифру арендной платы на общую площадь арендуемой земли, получимъ, что крестьяне уплачиваютъ за нее владѣльцамъ 128 милліоновъ руб. въ годъ. Условія аренды весьма различны,—преобладаетъ аренда за деньги, но многочисленны случаи арендованія земли за отработки, за долю урожая и т. п.,—этихъ вопросовъ я здѣсь не буду касаться, точно такъ же, какъ и весьма различныхъ условій съема земель на годъ, на сроки болѣе продолжительные, у частныхъ владѣльцевъ, у казны, удѣловъ, сельскими обществами, товариществами, отдѣльными крестьянами и т. д. Все это для меня въ данномъ случаѣ безразлично, но важное значеніе имѣетъ опредѣленіе того, какія угодья преимущественно арендуются крестьянами, для вычисленія какъ доходности этихъ земель для крестьянъ, такъ и издержекъ по ихъ эксплоатаціи. За исключеніемъ сравнительно рѣдкихъ, особенно въ коренной Россіи, случаевъ арендованія крестьянами всѣхъ видовъ земель въ составѣ цѣлыхъ имѣній, они по преимуществу берутъ въ аренду земли пахотныя и луга, иногда выгоны,—паровыя же земли обыкновенно не снимаются и въ счетъ не входятъ. Если, согласно тому, что было сказано ранѣе, мы приняли валовую доходность надѣльной земли въ 9 р. 35 к., считая въ томъ числѣ, кромѣ разныхъ угодій, въ общей площади пахотной земли $^2/_3$ посѣва озимаго и ярового и $^1/_3$ пара, при господствующемъ у насъ въ большей части Россіи трехпольѣ, то здѣсь мы должны принять валовую доходность десятины уже значительно выше, какъ потому, что паровой земли тутъ обыкновенно нѣтъ, такъ и потому, что арендуемые крестьянами луга значительно производительнѣе тощихъ и затравленныхъ скотомъ крестьянскихъ покосовъ. По угодіямъ арендуемыя крестьянами земли распредѣляются примѣрно такъ: подъ посѣвами, озимымъ и яровымъ, 51%, или 10.200 тысячъ десятинъ; подъ лугами, выгонами и пр.—28,1% или 5.620 тыс. Приведенную выше среднюю доходность десятины пахотной земли кругомъ (т. е. озимь,

ярь и паръ)—9 руб. 35 к., мы должны въ данномъ случаѣ относить уже не къ тремъ, а къ двумъ десятинамъ (озимь и ярь), что даетъ на десятину цифру валовой доходности въ 1½ раза большую, или, съ округленіемъ, 14 руб.; но такъ какъ именно на арендованныхъ земляхъ крестьяне высѣваютъ болѣе цѣнныя растенія—ленъ, просо, пшеницу, на югѣ разводятъ бахчи, то эту цифру я считаю возможнымъ увеличить на 10% и принять валовую доходность арендованныхъ пашенъ въ 15 р. 40 к. Расходъ на десятину приходится взять прежній, такъ какъ работы на двухъ поляхъ все тѣ же, что и на трехъ; хотя паръ въ счетъ арендуемой земли обыкновенно не идетъ и за него владѣльцу не платятъ, но обрабатываютъ его одинаково, что на своей землѣ, что на арендованной. Чистый доходъ съ десятины выразится въ суммѣ 7 р. 75 к. Хотя, какъ уже сказано, производительность арендуемыхъ крестьянами покосовъ значительно выше ихъ собственныхъ, по крайней мѣрѣ вдвое, я изъ осторожности приму ихъ доходность лишь на одну треть выше, расходъ же по уборкѣ и въ этомъ случаѣ оставлю прежній—косить почти одинаковое время беретъ, что плохую траву, что хорошую,—и получу такимъ образомъ валовую доходность десятины арендnаго покоса—16 р. 88 к., издержки по ея уборкѣ—4 р. 2 к. и чистую доходность—12 р. 86 к. Наконецъ, валовую доходность прочихъ земель приму въ тѣ же 54 коп. на десятину, а чистую въ 39 коп., что и на земляхъ крестьянскихъ. Помножая всѣ эти цифры на тѣ земельныя площади, къ которымъ онѣ относятся, получаемъ слѣдующіе результаты:

Отъ 10.200,000 десятинъ арендованной пашни получается крестьянами валового дохода 157.080,000 рублей, издержекъ производства 78.030,000 рублей, чистый доходъ—79.050,000 рублей.

Отъ 5.620,000 десятинъ луговой земли валовой доходъ 94.865,000 рублей, чистый — 72.273,000 руб. Наконецъ, валовая доходность прочихъ земель, исчисляемая всего въ 54 коп. на десятину, выразится въ суммѣ 2.257,000 рублей, а чистая, принимаемая попрежнему въ 39 коп., въ 1.630,000 рублей. Сводя всѣ эти три цифры, получаемъ общую валовую выручку крестьянъ отъ арендуемыхъ ими земель, съ округленіемъ, въ 254.000,000 р., чистую доходность въ 153.000,000 р., но изъ этой суммы приходится вычесть 128 милліоновъ арендной платы, уплачиваемой крестьянами владѣльцамъ земли, и тогда дѣйствительный чистый доходъ ихъ отъ аренды выразится всего въ суммѣ 25.000,000 рублей, или 1 р. 25 к. съ десятины. Затрачивая на обработку этихъ земель своего труда на 101 милліонъ рублей, они, за покрытіемъ арендной платы,

на каждый рубль выручаютъ только 124 коп.; отсюда видно, насколько аренда земель, за исключеніемъ только покосовъ, для крестьянъ вообще невыгодна въ денежномъ отношеніи. Но, съ другой стороны, она имѣетъ для нихъ то неподдающееся денежному учету значеніе, что крестьяне на этихъ земляхъ получаютъ необходимые для ихъ скота корма, которыхъ они на своихъ земляхъ имѣютъ лишь крайне недостаточное количество, и которые имъ иначе пришлось бы покупать за высокую цѣну, и притомъ часто возить издалека. Можно утверждать, что во многихъ случаяхъ крестьяне только изъ-за этого и прибѣгаютъ къ арендѣ частновладѣльческихъ или казенныхъ и удѣльныхъ земель. Точно также, для выпаса своего скота арендуютъ они и выгоны и луга, такъ какъ на своихъ надѣлахъ они этихъ угодій очень часто не имѣютъ вовсе, либо по тому, что не получили ихъ при надѣленіи ихъ землею въ эпоху освобожденія, либо потому, что давно ихъ распахали и превратили въ пашни.

Сводя теперь общую сумму того, что выручаютъ и что затрачиваютъ крестьяне на своихъ надѣльныхъ и на арендованныхъ ими земляхъ, получаемъ слѣдующія цифры.

Валовой доходъ	1.305.000,000 р.
Издержки производства (со включеніемъ арендной платы за арендованныя земли)	839.000,000 р.
Чистый доходъ	466.000,000 р.

Такова одна сторона картины. Вотъ общій балансъ собственнаго крестьянскаго хозяйства. Это то, что даетъ крестьянамъ ихъ трудъ, приложенный на непосредственно ими за свой счетъ эксплоатируемой землѣ.

Постараемся теперь выяснить, что приноситъ крестьянамъ трудъ, приложенный на земляхъ частновладѣльческихъ, въ экономіяхъ помѣщиковъ. Данныя, на которыхъ мы будемъ основывать свои расчеты, заимствуются нами изъ тѣхъ же упомянутыхъ выше источниковъ.

Мы показали, какъ скудно, благодаря низкой производительности крестьянскихъ надѣльныхъ земель, вознаграждается трудъ крестьянскаго населенія по ихъ обработкѣ. Еще хуже оплачивается этотъ трудъ при примѣненіи его на земляхъ, арендованныхъ крестьянами, такъ какъ значительную часть выручаемаго на нихъ дохода (до 50% валовой доходности) имъ приходится отдавать вла-

дѣльцамъ въ видѣ арендной платы. Совсѣмъ иначе стоитъ дѣло при примѣненіи крестьянами своего труда на земляхъ частновладѣльческихъ. Не говоря уже про то, что это заработокъ вѣрный и болѣе или менѣе постоянный, лишь въ малой степени зависящій отъ урожайности даннаго года, тогда какъ на земляхъ крестьянскихъ неурожай можетъ весь трудъ крестьянина свести на нѣтъ,— общая сумма выручки крестьянъ при работѣ на частныхъ земляхъ значительно выше, нежели на своихъ или арендованныхъ земляхъ, да и самая оплата, расцѣнка этого труда значительно выше, благодаря большей интенсивности хозяйства на частновладѣльческихъ земляхъ по сравненію съ крестьянскими. Чтобы это доказать, приведу лишь немногія цифры. Такъ, напримѣръ, хотя бы въ Курской и Орловской губерніяхъ, гдѣ мы признали крестьянское хозяйство значительно болѣе интенсивнымъ и доходнымъ, нежели въ большей части другихъ губерній, на десятинѣ надѣльной земли, при затратѣ труда на 6 р. 43 к. въ первой и 5 р. 96 к. во второй, крестьяне выручаютъ чистаго дохода 5 р. 91 к. и 5 р. 98 к., подвергаясь въ то же время всѣмъ рискамъ неурожая, тогда какъ при обработкѣ въ этихъ же губерніяхъ пахатной частновладѣльческой земли они получаютъ 12 р. и 11 р. отъ десятины вѣрныхъ. Но въ этихъ двухъ губерніяхъ, благодаря ихъ населенности, трудъ оплачивается сравнительно дешево, во многихъ же другихъ крестьянскіе заработки значительно выше, достигая, напримѣръ, 13 и до 14 руб. отъ десятины въ губерніяхъ Рязанской, Саратовской, Самарской, между тѣмъ какъ валовая доходность крестьянской земли въ этихъ же губерніяхъ составляетъ 10 р. 88 к., 9 р. 30 к., 6 р. 25 к. Однако, есть губерніи, гдѣ заработки еще выше; такъ, они достигаютъ 15—16 руб. на десятину обрабатываемой ими частновладѣльческой земли въ губерніяхъ Симбирской, Костромской, Смоленской, Полтавской, Екатеринославской, отъ 16 до 18 р. въ Псковской, Новгородской, Тверской и доходятъ до 19—20 р. и даже выше въ губерніяхъ С.-Петербургской, Донской Области (21 р.), Ярославской, Эстляндской, Курляндской, и Лифляндской (въ двухъ послѣднихъ свыше 21 р.). Подольской, Кіевской (20 р. 50 к.), Бессарабской, Таврической (24 р.). Въ среднемъ для 50 губерній Европейской Россіи заработки крестьянъ по обработкѣ и уборкѣ одной десятины частновладѣльческой земли составляютъ для пашни—15 р., для покоса—4 р. 1 к., между тѣмъ какъ средняя валовая доходность одной десятины надѣльной земли не превышаетъ, по крайней мѣрѣ по тѣмъ 27 губерніямъ, для которыхъ есть свѣдѣнія, 9 р., а доход-

ность чистая составляетъ только 3 р. 77 к. Отсюда мы въ правѣ заключить, казалось бы, безспорно, что трудъ крестьянъ по обработкѣ частновладѣльческихъ земель, при большой интенсивности хозяйства на нихъ, оплачивается гораздо лучше, нежели тотъ же трудъ, приложенный ими къ своимъ надѣльнымъ или арендованнымъ ими землямъ.

То же, но еще въ большей степени, подтверждается общими цифрами крестьянскихъ заработковъ на частновладѣльческихъ земляхъ—въ качествѣ издѣльныхъ рабочихъ — и въ помѣщичьихъ экономіяхъ—въ качествѣ рабочихъ годовыхъ, полѣтчиковъ, срочныхъ и на разныхъ еще лучше оплачиваемыхъ служебныхъ должностяхъ. Приводимъ для подтвержденія этого положенія подлинныя слова упомянутаго выше оффиціальнаго источника: „Валовая стоимость обработки и уборки частновладѣльческихъ посѣвовъ по 50 губерніямъ Европ. Россіи опредѣляется въ 313.226,000 рублей. Эта цифра представляетъ, однако, не всю цифру земледѣльческихъ полевыхъ заработковъ крестьянъ въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ. Сюда слѣдуетъ прибавить, помимо стоимости вывоза удобренія, которая въ разсчетъ не принята, еще стоимость воздѣлыванія спеціальныхъ культуръ, — картофеля, свекловицы, льна, конопли и прочихъ растеній. Площадь этихъ культуръ у частныхъ владѣльцевъ, по свѣдѣніямъ департамента окладныхъ сборовъ за 1901 г., равнялась 1.986,000 дес. Къ сожалѣнію, нѣтъ достаточнаго количества данныхъ для выработки по всѣмъ губерніямъ среднихъ нормъ стоимости воздѣлыванія этихъ растеній. Признавая, что нормы эти должны быть нѣсколько выше нормы обработки хлѣбныхъ растеній (15 р. на десятину), не будетъ большой ошибки, если минимумъ средней стоимости обработки спеціальныхъ культуръ опредѣлить въ 20 руб. съ десятины. Такимъ образомъ валовая сумма крестьянскаго заработка на владѣльческихъ посѣвахъ увеличится еще на 39.720,000 руб. и выразится въ цифрѣ 352.946,000 руб. Кромѣ посѣвовъ, крестьяне работаютъ еще на частновладѣльческихъ сѣнокосахъ, что при средней цѣнѣ уборки сѣна въ 4 р. 10 к. и общей площади этихъ угодій въ 8.444,000 десятинъ, даетъ заработокъ въ 34.620,000 рублей. Съ добавленіемъ этой цифры, вся сумма крестьянскихъ заработковъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ достигаетъ 387.566,000 рублей. Сюда, однако, не входятъ неподдающіеся никакому учету заработки въ частновладѣльческихъ лѣсахъ, садахъ, бахчахъ, огородахъ, а также въ поляхъ и лугахъ, по копкѣ канавъ, корчеванію, осушкѣ, расчисткѣ и пр.; можно думать, что сумма этого ро-

да заработковъ тоже довольно значительна, такъ что въ общемъ валовая выручка крестьянъ, вмѣстѣ съ платою за работы по удобренію, достигаетъ за годъ суммы, вѣроятно, около 500 милліоновъ рублей".

Итакъ, отъ одной только обработки земель частныхъ владѣльцевъ разныхъ категорій, ведущихъ собственное предпринимательское хозяйство, крестьяне выручаютъ на 34 милліона, или на 7 проц. болѣе, нежели сколько они имѣютъ чистаго дохода отъ эксплоатаціи своихъ надѣльныхъ и арендныхъ земель. Между тѣмъ, площадь первыхъ можетъ быть опредѣлена, за вычетомъ земель неудобныхъ, но включая въ счетъ паровую и принимая ее приблизительно равной площади озимыхъ посѣвовъ (въ дѣйствительности она меньше, такъ какъ на югѣ сѣютъ озимое и безъ пара, а въ западныхъ губерніяхъ паръ нерѣдко занимаютъ разными кормовыми растеніями), всего въ 37 милліоновъ десятинъ, тогда какъ площадь земель, обрабатываемыхъ за свой счетъ крестьянами, какъ мы видѣли, свыше 132 милліоновъ десятинъ (112.327,000 надѣльной и 20.000,000 арендной земли). Оставляя даже въ сторонѣ чистую доходность крестьянскихъ земель и беря въ счетъ только валовую, получимъ, что на своей землѣ крестьяне выручаютъ кругомъ съ десятины всего 9 р. 35 к., затрачивая на нее трудъ стоимостью въ 5 р. 43 к. Обрабатывая же частновладѣльческую землю, общею площадью (за вычетомъ паровой) въ 29.350,000 десятинъ (сумма частновладѣльческихъ посѣвовъ и луговъ), они на каждой десятинѣ зарабатываютъ почти въ два раза больше, нежели сколько получаютъ отъ десятины земли въ своемъ хозяйствѣ.

Но и этимъ дѣло еще не исчерпывается. Кромѣ заработковъ крестьянъ по обработкѣ частновладѣльческой земли, приносящихъ имъ въ годъ до 500 милліоновъ рублей, необходимо ввести въ счетъ и всѣ тѣ суммы, которыя они же выручаютъ отъ службы въ экономіяхъ на всевозможныхъ должностяхъ, начиная отъ пастуховъ, овчаровъ, конюховъ, скотниковъ и кончая садовниками и приказчиками. Какъ велики эти суммы, опредѣлить невозможно иначе, какъ путемъ болѣе или менѣе предположительныхъ исчисленій. Въ матеріалахъ департамента окладныхъ сборовъ показано число рабочихъ, занятыхъ въ земледѣльческихъ промыслахъ на мѣстѣ, и число отправляющихся въ отхожіе промыслы на сторону. Первыхъ насчитывается 3.770,576, съ среднимъ годовымъ заработкомъ въ 92 рубля, а вторыхъ 3.775,557, съ заработкомъ въ 53 рубля въ годъ. Помножая число рабочихъ обѣихъ категорій на

сумму ихъ заработка, получимъ для первыхъ общій годовой заработокъ въ 346.892,000 рублей, а для вторыхъ 200.100,000 руб. Обѣ эти суммы вмѣстѣ даютъ до 547 милліоновъ рублей. Однако, прибавить этотъ итогъ къ исчисленной выше суммѣ крестьянскихъ заработковъ на частновладѣльческихъ земляхъ я не рѣшаюсь, такъ какъ нѣкоторыя, неизвѣстно какія, части этихъ суммъ уже вошли въ приведенную нами сумму въ 500 милліоновъ, а во вторую сумму несомнѣнно входятъ заработки и отъ промысловъ не земледѣльческихъ. Постараюсь, поэтому, подойти къ дѣлу другимъ путемъ, хотя тоже, къ сожалѣнію, предположительнымъ. Въ одной изъ предыдущихъ статей я привелъ примѣръ одного имѣнія Подольской губерніи, съ общею земельною площадью въ 5,000 десятинъ, при сахарномъ заводѣ. Заработокъ мѣстнаго крестьянскаго населенія отъ полевой работы въ хозяйствѣ этого имѣнія былъ исчисленъ въ 70,000 рублей, кромѣ заработка тѣхъ же крестьянъ на плантаторскихъ поляхъ (50,000 р.) и на самомъ заводѣ (30,000 р.). Засимъ, расходъ на содержаніе всего постояннаго персонала служащихъ въ имѣніи и при заводѣ (до 83 человѣкъ) былъ опредѣленъ въ 80,000 р. Предполагая, что изъ этой суммы до половины составляетъ вознагражденіе высшаго персонала служащихъ, которые въ большинствѣ случаевъ къ крестьянскому сословію, вѣроятно, не принадлежатъ, остальную сумму, 40,000 р., я считалъ бы возможнымъ отнести на счетъ вознагражденія низшаго персонала, годовыхъ рабочихъ, занятыхъ въ экономіи на разныхъ должностяхъ, упомянутыхъ выше, что при площади имѣнія въ 5,000 дес., упадетъ на каждую десятину расходомъ въ 8 руб. Однако, отнести и эту цифру къ общей площади частновладѣльческихъ земель въ Россіи я не рѣшаюсь, такъ какъ заводское хозяйство даннаго имѣнія представляется, конечно, очень интенсивнымъ и въ примѣръ прочимъ идти не можетъ. Поэтому я уменьшаю ее до 5 р. на десятину, что соотвѣтствуетъ даннымъ, полученнымъ мною по отчетности нѣсколькихъ другихъ имѣній разной величины, при чемъ оказалось, что этого рода расходъ колеблется отъ 4 р. до 6 р. за десятину,—въ малыхъ имѣніяхъ онъ ложится на десятину въ большей суммѣ, въ крупныхъ въ меньшей. Помножая общую площадь земель владѣльческаго хозяйства, принятую мною въ 37 милл. дес., на эти 5 р., получаю дополнительную къ 500 милл. сумму заработка крестьянскаго населенія въ частновладѣльческихъ экономіяхъ въ 185 милл., что составитъ уже вмѣстѣ 685 милл. рублей. Засимъ, необходимо ввести въ счетъ заработки крестьянскаго же населенія въ области раз-

ныхъ сельскохозяйственныхъ техническихъ производствъ—свекло-сахарнаго, винокуреннаго, крахмальнаго, маслобойнаго и проч. Не приводя здѣсь подробностей моихъ исчисленій, основанныхъ на цифрахъ выработки сахара, выкурки вина и пр. и числѣ рабочихъ на заводахъ, скажу только, что общая сумма заработковъ крестьянскаго населенія на заводахъ въ имѣніяхъ должна быть принята не менѣе какъ въ 20 милл. руб. въ годъ (въ томъ числѣ до 11½ милл. на свеклосахарныхъ, до 5½ милл. на винокуренныхъ и 3 милл. на всѣхъ остальныхъ), что съ прежними 685 милл. рублей опредѣлитъ общую цифру крестьянской выручки отъ частновладѣльческихъ земель, имѣній и заводовъ въ 705.000,000 рублей.

Итакъ, вотъ что даетъ частновладѣльческое хозяйство однимъ только крестьянамъ. На ряду съ этимъ есть еще его значеніе въ общей экономіи страны, есть культурное вліяніе въ деревнѣ просвѣщеннаго помѣщичьяго класса, которому Россія была до сихъ поръ обязана большинствомъ лучшихъ своихъ дѣятелей. Уничтожено, сметено, или даже только ослаблено будетъ частное землевладѣніе,—и все это пойдетъ на смарку и настанетъ на Руси темное царство, въ которомъ неизвѣстно еще, какіе элементы получатъ преобладаніе. Но этими сторонами вопроса я здѣсь заниматься не стану, а хочу только опредѣленно, на цифрахъ, показать, что должна будетъ предвѣщаемая и проповѣдуемая нынѣ радикальная аграрная реформа принести тому самому мужику, котораго думаютъ ею облагодѣтельствовать. Для этого я опять-таки вернусь къ приведеннымъ выше даннымъ и сдѣлаю изъ нихъ еще нѣкоторые выводы. Посмотримъ, что произойдетъ, если осуществится то, что проповѣдники такой реформы считаютъ идеаломъ — вся земля перейдетъ къ крестьянамъ, частновладѣльческое хозяйство перестанетъ существовать. О томъ, какъ мало при этомъ увеличится душевая норма крестьянскаго землевладѣнія, я уже говорилъ и къ этому вопросу возвращаться не буду. Но вотъ, что еще неизбѣжно послѣдуетъ и что прежде всего на себѣ же самомъ испытаетъ мужикъ, когда, по словамъ, напримѣръ, усиленно распространяемой теперь въ народѣ дешевой газетки „Правда Божія“, редактируемой извѣстнымъ свящ. Гр. Петровымъ, отойдетъ (выписываю буквально) „земля крестьянамъ, и земля на условіяхъ по совѣсти, безъ прижимки, такъ, чтобы прибавка земли крестьянамъ повела бы къ облегченію ихъ участи, а не къ новому отягощенію, къ задолжанію и къ новому денежному закрѣпощенію. Крупные землевладѣльцы, по отчужденіи отъ нихъ земли, могутъ на полученные капиталы заняться промышленностью, могутъ поступить

на службу, могутъ иначе какъ существовать, ну, а у ста милліоновъ крестьянъ одно средство существованія—земля. Земля имъ и должна быть дана. И дана немедленно. А какъ вы убѣдите голоднаго ждать:—погоди, молъ, уладимся, дойдетъ и до тебя чередъ. Голодный и хотѣлъ бы ждать, да силъ нѣтъ" („Правда Божія", 19-го января, № 17). Вотъ я и хотѣлъ бы разобрать, что будетъ, когда все совершится по этому рецепту,—какъ бы не пришлось тогда крестьянину и съ землею бѣдствовать пуще теперешняго. А произойдетъ тогда вотъ что, и при томъ немедленно, тѣмъ скорѣе, чѣмъ поспѣшнѣе осуществится проповѣдуемая священникомъ Петровымъ мысль.

Я показалъ выше, что уже теперь производительность и доходность десятины крестьянской земли неизмѣримо ниже даже однихъ тѣхъ только заработковъ, которые крестьяне имѣютъ на обработкѣ десятины земли помѣщичьей. На первой крестьянинъ выручаетъ въ среднемъ всего только 9 руб. 35 коп. и имѣетъ чистаго отъ нея дохода 3 руб. 92 коп. Десятина обрабатываемой имъ владѣльческой земли даетъ ему заработка 17 руб. Но и цифра въ 9 руб. 35 коп. валовой доходности десятины крестьянской земли получается только благодаря тому, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, преимущественно малоземельныхъ, крестьянское хозяйство уже стало нѣсколько болѣе интенсивнымъ, въ общемъ же цифры показываютъ, что производительность надѣльной земли обратно пропорціональна площади надѣловъ,—чѣмъ эта площадь больше, тѣмъ ея доходность, и валовая, и чистая, ниже. Едва ли есть основаніе, поэтому, полагать, что съ увеличеніемъ общей площади крестьянскаго землевладѣнія, если бы это увеличеніе могло быть сколько нибудь значительнымъ, чего, какъ мы видѣли, фактически достигнуть невозможно,—производительность крестьянскихъ земель увеличится, напротивъ, она еще упадетъ даже противъ настоящаго.

Вмѣсто замѣчаемаго уже нынѣ и приносящаго свои плоды стремленія къ интенсификаціи хозяйства, произойдетъ явленіе обратное, водворится вновь хозяйство еще болѣе, чѣмъ нынѣ, экстенсивное. Губерніи, стоящія нынѣ по производительности и доходности крестьянской земли въ первомъ разрядѣ, перейдутъ во второй, изъ второго разряда въ третій и т. д., такъ что даже настоящія среднія цифры доходности валовой и чистой—9 р. 35 к. и 3 р. 92 к. упадутъ приблизительно пропорціонально тому, на сколько возрастетъ общая площадь крестьянскаго землевладѣнія. Положимъ, что съ переходомъ хорошо удобренныхъ и разработан-

ныхъ частновладѣльческихъ земель въ руки крестьянъ онѣ еще на первое время сохранятъ запасы своей производительной силы, что до извѣстной степени компенсируетъ принижающее вліяніе на урожай крестьянской обработки—плохими орудіями, слабосильнымъ скотомъ, безъ всякаго, либо съ недостаточнымъ удобреніемъ,—поэтому я готовъ откинуть предположеніе о пониженіи производительности надѣльной крестьянской земли съ увеличеніемъ ея площади, но считаю совершенно безспорнымъ, что, перенеся свои пріемы культуры, да еще при общинномъ хозяйствѣ, на земли бывшія частновладѣльческія, крестьяне весьма скоро, если не сейчасъ же, доведутъ производительность послѣднихъ до настоящей производительности и доходности своихъ земель. Кромѣ того, какъ на этихъ, такъ и на арендныхъ земляхъ, весьма скоро измѣнится то соотношеніе угодій, которое до нѣкоторой степени обусловливаетъ нынѣ ихъ высшую, противъ крестьянскихъ земель, доходность—луга и выгоны распашутся, площадь пара увеличится, поля разобьются на аршинныя полоски, лѣса вырубятся. Послѣдствія же отъ этого будутъ такія: вмѣсто 17 руб. заработной платы, получаемой крестьянами нынѣ отъ обработки десятины владѣльческой земли, они получатъ съ нея то же, что получаютъ нынѣ со своихъ земель, т. е. тѣ же 9 р. 35 к. валового и 3 р. 92 к. чистаго дохода. Помножая эти цифры на общую площадь частновладѣльческой земли, состоящей нынѣ въ экономической обработкѣ, которую мы приняли (считая вмѣстѣ съ паромъ трехпольнаго хозяйства) въ 37 милліоновъ десятинъ, общая валовая выручка крестьянъ на этихъ земляхъ составитъ 346.000,000 рублей, чистый же ихъ доходъ отъ нихъ не превыситъ 145.000,000 руб. А между тѣмъ, нынѣ, какъ мы видѣли, общая выручка крестьянъ, однихъ только крестьянъ, не считая доходовъ помѣщиковъ, на этихъ земляхъ, въ экономіяхъ ихъ владѣльцевъ и на разныхъ состоящихъ въ имѣніяхъ заводахъ, доходитъ до 705.000,000 руб. Предположимъ даже, что частновладѣльческая земля будетъ отведена крестьянамъ, какъ проповѣдуетъ газета свящ. Гр. Петрова, „на условіяхъ по совѣсти, безъ прижимки“, и что имъ придется выплачивать за нее въ банкъ или въ казну, смотря по тому, какъ будетъ совершена операція, самую умѣренную выкупную плату, скажемъ, хотя бы не свыше, кругомъ, 4-хъ рублей за десятину, т. е. на 2 р. 40 коп. ниже существующей въ настоящее время средней арендной платы съ десятины,—то и тогда, отдавая изъ валовой выручки въ 346 милліоновъ рублей отъ 37 милліоновъ десятинъ, 148 милл. руб., вся ихъ выручка на этой землѣ соста-

вить 198 милліоновъ руб. Въ данномъ случаѣ я не исключаю изъ счета затраты крестьянами ихъ собственнаго труда на этой ихъ собственной отнынѣ землѣ, такъ какъ этотъ трудъ будетъ все же превращаться въ необходимые для нихъ полевые продукты — хлѣбъ, картофель, солому, сѣно и пр., которыхъ они, однако, будутъ получать значительно меньше, чѣмъ сколько та же земля приноситъ ихъ нынѣ помѣщикамъ, потому что земля плохого за собою ухода не проститъ. Какъ бы то ни было, все же окажется, что вмѣсто 705 милліоновъ рублей, зарабатываемыхъ нынѣ на этой землѣ, крестьяне будутъ выручать отъ нея только 198.000,000 р., по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока выкупная за землю ссуда не погасится, т. е. потеряютъ свыше полумилліарда рублей въ годъ (507 милліоновъ). Правда, что они кое въ чемъ и выиграютъ, именно, выиграютъ на арендныхъ земляхъ, за которыя имъ теперь приходится уплачивать по 6 руб. 40 коп. съ десятины, что на общую площадь 20 милл. арендныхъ земель ложится расходомъ въ 128 милл. руб. Предполагая, что крестьяне и за эти земли будутъ уплачивать впредь всего по 4 руб., вмѣсто 6 р. 40 к., это составитъ для нихъ сбереженія на общей ихъ площади 48 милл. рублей, все же общая сумма ихъ ежегодной потери и при этомъ выразится въ суммѣ 459 милліоновъ. Однако и на этихъ цифрахъ, крестьяне удержатся недолго, такъ какъ на перешедшихъ къ нимъ въ собственность арендныхъ земляхъ они очень скоро нарушатъ настоящее благопріятное соотношеніе угодій, луга распашутъ и заведутъ, если не по всей, то на большей части ихъ площади, свое обычное трехполье, при чемъ валовая доходность этихъ земель (12 р. 70 к., вмѣсто 9 р. 35 к. на надѣльныхъ земляхъ), вслѣдствіе значительнаго на нихъ процента наиболѣе доходныхъ луговъ, понизится до обычной доходности крестьянской надѣльной земли и составитъ уже не 254 милліона рублей, выручаемыхъ ими съ этихъ земель нынѣ, а всего 187 милліоновъ. При этомъ общая потеря крестьянъ на всей этой аграрной реформѣ составитъ уже не 459 милліоновъ, а 526 милліоновъ, т. е. снова превыситъ полмилліарда въ годъ.

Для наглядности свожу общій балансъ крестьянскаго прихода и расхода отъ своихъ надѣльныхъ и арендованныхъ владѣльческихъ земель, съ добавленіемъ ихъ заработковъ на земляхъ, состоящихъ въ частновладѣльческомъ хозяйствѣ, по сравненію съ общими же цифрами ихъ дохода и расхода по переходѣ всѣхъ этихъ земель въ ихъ собственность.

Приходъ:	На надѣльныхъ земляхъ.	На арендованныхъ земляхъ.	Всего.
Общій валовой доходъ	1,051,000 т. р.	254,000 т. р.	1,305,000 т. р.
Выручка отъ заработковъ крестьянъ въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ	»	»	705,000 т. р.
		Итого	2,010,000 т. р.
Расходъ:			
Издержки производства. . .	610,000 т. руб.	101,000 т. р.	711,000 т. р.
Арендная плата	»	128,000 т. р.	128,000 т. р.
Итого . . .	610,000 т. руб.	229,000 т. р.	839,000 т. р.

Остается нынѣ въ пользу крестьянъ отъ своихъ и арендованныхъ земель и отъ заработковъ въ частновладѣльческихъ экономіяхъ . . . . . 1.171,000 т. р.

Послѣ перехода всѣхъ арендуемыхъ крестьянами и состоящихъ въ хозяйственной эксплоатаціи помѣщиковъ земель въ собственность крестьянъ на началахъ выкупа, съ платою по 4 руб. за десятину тѣхъ и другихъ въ годъ, балансъ будущаго крестьянскаго хозяйства выразится въ слѣдующихъ цифрахъ:

Приходъ:	На надѣльныхъ земляхъ.	На бывшихъ арендныхъ.	На бывшихъ въ эксплоатаціи владѣльцевъ.	Всего.
Валовой доходъ .	1.051,000 т. р.	254,000 т. р. сперва, а впослѣдствіи 187,000 т. р.	346,000 т. р.	1.651,000 т. р. а впослѣдствіи 1.584,000 т. р.

Заработокъ на частновладѣльческихъ земляхъ исчезаетъ, вслѣдствіе чего валовая выручка крестьянъ, вмѣсто 2.010,000 т. руб., составитъ всего 1.651,000—1.584,000 т. руб., то есть уменьшится на 359,000—424,000 т. руб.

Расходъ:				
Издержки производства. .	610,000 т. р.	101,000 т. р.	201,000 т. р.	912,000 т. р.
Выкупная плата (или % въ Банкъ)	»	80,000 т. р.	148,000 т. р.	228,000 т. р.
Итого. . .	610,000 т. р.	181,000 т. р.	349,000 т. р.	1.140,000 т. р.

Въ пользу крестьянъ при такой операціи будетъ оставаться всего на первое время, пока сохранится прежнее соотношеніе угодій на арендованныхъ земляхъ, 511,000 т. р., впослѣдствіи только 444,000 т. р. — чистая ихъ потеря противъ 1.171,000 т. р., получившихся ими прежде, выразится въ суммѣ 660,000 т. руб.—727,000 т. р.

Таковъ будетъ, слѣдовательно, результатъ перехода частновладѣльческихъ земель къ крестьянамъ на условіяхъ выкупа по цѣнѣ, которая, казалось бы, не можетъ не быть признана не только умѣренной „безъ прижимки“, но даже чрезмѣрно низкой и для владѣльцевъ убыточной, такъ какъ при капитализаціи 4 р.

на десятину изъ 5 проц. продажная цѣна земли опредѣлится всего въ 80 руб. за десятину, между тѣмъ, нормальную среднюю продажную цѣну земли на кругъ едва ли можно теперь принять ниже 100 руб.

Но пойдемъ еще далѣе и предположимъ на минуту, — отъ чего Боже упаси — что осуществятся вожделѣнія соціалистовъ и увлеченныхъ ими до потери способности здраваго разсужденія крестьянъ, и что вся частновладѣльческая земля, находящаяся нынѣ въ эксплоатаціи у помѣщиковъ—37 милліоновъ десятинъ—и всѣ частныя же, казенныя и удѣльныя, находящіяся нынѣ у крестьянъ въ арендѣ, земли, достанутся имъ, съ полнымъ нарушеніемъ правъ собственности и безъ всякаго вознагражденія за нихъ владѣльцевъ, при чемъ крестьяне не будутъ платить за первыя выкупа (148 милл. руб.), за вторыя—ни настоящей аренды (128 милл. руб.), ни выкупа (80 милл. руб.); посмотримъ, что въ этомъ идеальномъ, казалось бы, для крестьянъ случаѣ произойдетъ? Произойдетъ то, что на этой „нужной крестьянину, какъ воздухъ“ площади земли крестьяне выручатъ, согласно вышеизложенному, валового дохода (346,000 т. р. отъ бывшей экономической и 254,000—187,000 т. р. отъ бывшей у нихъ же арендной земли) 600,000—533,000 т. р., не платя же впредь ни аренды, ни выкупа, они сберегутъ на этомъ 276,000 т. р., но за то отъ собственнаго своего хозяйства на всѣхъ этихъ земляхъ будутъ имѣть чистаго дохода уже только 298,000—231,000 т. р.; вмѣсто прежней цифры заработковъ, во владѣльческихъ экономіяхъ на 705,000 т. р., они на пріобрѣтенныхъ земляхъ примѣнятъ въ будущемъ труда только на 302,000 т. р., и, слѣдовательно, на 403,000 т. р. останется у нихъ труда неиспользованнаго, которому при всеобщемъ въ странѣ разореніи, какъ послѣдствіи проектируемой реформы, уже негдѣ будетъ найти приложенія. На какую сумму цѣнностей производитъ этотъ трудъ въ тѣхъ частновладѣльческихъ хозяйствахъ, гдѣ онъ нынѣ примѣняется, очень трудно сказать, такъ какъ учесть доходность частнаго хозяйства невозможно, но если взять даже только то, что крестьянскій трудъ приноситъ нынѣ въ области крестьянскаго хозяйства, на надѣльныхъ земляхъ, гдѣ онъ, какъ мы видѣли выше, наименѣе производителенъ, причемъ на каждый затраченный рубль труда выручается всего 1 р. 72 к., то окажется, что и въ этомъ случаѣ общая потеря въ народномъ бюджетѣ составитъ 693,000 т. р. въ годъ; но я думаю не ошибиться, предположивъ, что производительность труда, приложеннаго въ частныхъ экономіяхъ, какъ на землѣ, такъ и на разныхъ заводахъ и фабрикахъ.

по крайней мѣрѣ въ полтора раза больше, нежели въ хозяйствѣ крестьянскомъ (въ виду приложенія на ряду съ нимъ и капиталовъ и знаній), и потому общая потеря государственнаго хозяйства выразится въ суммѣ свыше милліарда руб. въ годъ, не считая притомъ еще потери процентовъ на всѣ вложенные въ дѣло капиталы, какъ и потери самихъ этихъ капиталовъ, не считая потерь на трудѣ всѣхъ интеллигентныхъ работниковъ въ области нашего сельскаго хозяйства и т. п.

Само собою разумѣется, что многія изъ приведенныхъ выше цифръ не могутъ претендовать на абсолютную точность. Такъ, при неполнотѣ и противорѣчивости того матеріала, которымъ приходилось пользоваться, возбуждаютъ сомнѣнія данныя о размѣрѣ площади земли, находящейся въ частной эксплоатаціи владѣльцевъ, и данныя о количествѣ арендуемой крестьянами земли, которыя я готовъ считать преувеличенными. Но и при уменьшеніи ихъ измѣнятся только нѣсколько цифры моихъ окончательныхъ выводовъ, общее же соотношеніе ихъ не нарушится. Разница въ нѣсколько милліоновъ десятинъ или даже въ нѣсколько десятковъ милл. рублей для окончательнаго вывода существеннаго значенія имѣть не можетъ,—какъ ни считай, все же придешь къ заключенію о крайней невыгодности, скажу болѣе, гибельности для всего нашего народнаго хозяйства проектируемой реформы, на какихъ бы началахъ она ни была произведена. И подумаешь, что все это—только ради того, чтобы крестьяне могли имѣть утѣшеніе — впредь работать исключительно на собственной своей, а не на собственной и чужой, какъ теперь, хотя гораздо лучше, нежели первая, оплачивающей ихъ трудъ, землѣ. Вотъ къ чему насъ хотятъ привести радѣтели о народномъ благѣ, вотъ изъ-за чего они поднимаютъ крестьянство на погромы, на уничтоженіе всего того, что ихъ кормитъ, что имъ деньгу даетъ, на чемъ основано благополучіе каждаго государства — неприкосновенность частной собственности, культура, трудъ, производительность котораго надо повысить приложеніемъ къ нему капитала и знанія, а не принижать до той степени, на которой европейскіе народы стояли развѣ только во времена варварства. И если бы народъ могъ только уразумѣть, куда его ведутъ непрошенные его благодѣтели, онъ бы первый отъ нихъ въ ужасѣ отшатнулся, и никакая пропаганда красныхъ поборниковъ чернаго передѣла не была бы уже въ состояніи сбить его съ праваго пути.

II.

Крестьяне и земля.

I.

Крестьянское землевладѣніе и землепользованіе.

Необходимо теперь обсудить вопросъ, дѣйствительно ли малоземелье составляетъ главную бѣду нашего крестьянства и насколько въ прирѣзкѣ земли, въ дополнительномъ надѣлѣ можно видѣть единственный исходъ изъ его настоящаго положенія. Скажу прежде всего, что вопросъ этотъ настолько сложенъ, что не допускаетъ однообразнаго для всего нашего сельскаго населенія, для всѣхъ мѣстностей Россіи, отвѣта. Обыкновенно, у насъ при обсужденіи аграрнаго вопроса, при формулированіи всякихъ предположеній, направленныхъ къ его разрѣшенію, злоупотребляютъ средними цифрами, слишкомъ обобщаютъ посылки и выводы изъ нихъ, упуская изъ виду крайнее разнообразіе нашихъ условій, совсѣмъ не поддающихся обобщенію. Между тѣмъ, вопросъ необходимо расчленить и разрѣшать его для каждой мѣстности, для каждой категоріи крестьянъ, иногда и для каждаго селенія, отдѣльно. При такой постановкѣ дѣла мы и увидимъ, что на ряду съ крайнимъ малоземельемъ, при которомъ крестьянину-землепашцу дѣйствительно жить нельзя—„курицу, и ту некуда выгнать“,—существуютъ цѣлыя мѣстности, существуютъ и отдѣльныя селенія, настолько обезпеченныя землею, что никакой общей мѣрки тутъ примѣнять нельзя, и тѣмъ менѣе можетъ идти рѣчь объ общей дополнительной прирѣзкѣ земли, что на это прежде всего земли не хватитъ, неоткуда будетъ ее взять. Но это не исключаетъ не только возможности, но даже безусловной необходимости сдѣлать теперь же рѣшительный шагъ къ удовлетворенію земельной народной нужды тамъ, гдѣ эта нужда дѣйствительно существуетъ; къ выясненію размѣровъ этой нужды и причинъ ея возникновенія мы теперь и приступимъ.

Путемъ математическихъ вычисленій, у насъ опредѣляютъ средній размѣръ крестьянскаго надѣла, при настоящей численности

крестьянскаго населенія, въ 2,6 дес. на душу мужскаго пола, и 8,7 дес. пахотной земли на дворъ (по 46 губерніямъ Европейской Россіи), но эти цифры едва ли вѣрны и противъ дѣйствительности скорѣе преуменьшены, такъ какъ ихъ получаютъ путемъ отнесенія всей площади надѣльной пахатной земли ко всему крестьянскому населенію 46 губерній, безъ исключенія изъ счета крестьянъ, давно отставшихъ отъ земледѣлія, порвавшихъ всякую связь съ землею и только состоящихъ на учетѣ въ волостяхъ или селеніяхъ, къ которымъ они приписаны, но проживающихъ въ городахъ, находящихся въ долговременной, иногда даже безвѣстной, отлучкѣ, или сохранившихъ на родинѣ однѣ только хаты и никакого хозяйства не ведущихъ. Тѣмъ не менѣе, изъ этихъ цифръ обыкновенно исходятъ при обсужденіи вопроса о дополнительномъ надѣленіи крестьянъ, доведеніи ихъ землепользованія хотя бы до того размѣра, которое оно имѣло въ эпоху освобожденія крестьянъ, не говоря уже о болѣе фантастическихъ и совершенно неосуществимыхъ планахъ увеличенія его вдвое, втрое. Первая мысль представляется на первый взглядъ наиболѣе скромной и исполнимой; другая мысль, еще болѣе скромная, заключается въ доведеніи нормы крестьянскаго надѣла повсемѣстно въ Россіи хотя бы до настоящей средней нормы фактическаго пользованія, въ большей части мѣстностей Россіи (30 губерній изъ 46, по которымъ имѣются точныя свѣдѣнія) далеко недостигаемой. Защитники этой мысли исчисляютъ, что для осуществленія ея потребуется не болѣе 20.000,000 десятинъ, т. е. цифра, относительно, небольшая, если принять въ счетъ всѣ свободныя казенныя и удѣльныя земли и дополнить недостающую площадь изъ числа земель частновладѣльческихъ. Если при содѣйствіи крестьянскаго банка до сихъ поръ въ руки крестьянъ уже перешло свыше 9 милліоновъ десятинъ, при всѣхъ тѣхъ ограниченіяхъ, которыми дѣятельность этого учрежденія была донынѣ обставлена, то очевидно, что при расширеніи его функцій не трудно будетъ, въ сравнительно короткое время, осуществить переходъ къ крестьянамъ еще такой же и даже большей площади. Но, къ сожалѣнію, и эти разсчеты сильно грѣшатъ противъ дѣйствительности, и именно потому, что они основаны на среднихъ цифрахъ, которыя хотя вѣрны математически, но истиннаго положенія дѣла не рисуютъ. Уже потому, прежде всего, на этихъ цифрахъ нельзя основываться, что невозможно же установлять уравнительный надѣлъ и урѣзывать у крестьянъ, надѣлы которыхъ превышаютъ среднюю норму, землю, для передачи ея тѣмъ крестьянамъ, землевладѣніе которыхъ этой нормы

не достигаетъ. Прибавлять пришлось бы по 30 губерніямъ, ничего, конечно, не отнимая у крестьянъ остальныхъ 16 губерній, по которымъ надѣлы выше средняго. Но и въ этихъ 30 губерніяхъ, исчисленныя по каждой изъ нихъ нормы средняго надѣла вѣрны только математически, на дѣлѣ же и тутъ на ряду съ надѣлами, достигающими до этой средней нормы и даже иногда значительно ее превышающими, есть селенія съ надѣлами, такъ называемыми, дарственными (нищенскими) или низшими, по положенію 1861 года. Само собою разумѣется, что и тутъ уравненіе возможно было бы только путемъ прирѣзки къ недостающимъ надѣламъ, безъ всякой отрѣзки отъ надѣловъ, превышающихъ среднюю норму. Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, отказавшись отъ всякихъ исчисленій по среднимъ цифрамъ, пришлось бы только прирѣзывать, безъ всякихъ отрѣзокъ, а это значительно увеличило бы потребную для такихъ прирѣзокъ площадь земли. Да, наконецъ, во многихъ, наиболѣе густо-населенныхъ, губерніяхъ, какъ, напримѣръ, въ средней и юго-западной Россіи, для этого и вовсе не хватило бы земли, хоть всю ее, со всѣми помѣщичьими землями, казенными и частными лѣсами, бери. Другая погрѣшность этихъ исчисленій заключается въ томъ, что они берутъ въ разсчетъ только одну пахатную землю, между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, въ особенности въ сѣверныхъ и среднихъ нечерноземныхъ, пашня составляетъ только часть крестьянскаго надѣла, остальная же часть использывается въ формѣ выгоновъ, покосовъ, безъ которыхъ хозяйство въ этихъ мѣстностяхъ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, невозможно. Есть еще тутъ и такъ называемые лѣсные надѣлы бывшихъ государственныхъ крестьянъ, отведенные имъ въ семидесятыхъ годахъ для лѣсного пользованія, съ запретомъ ихъ расчистки и распашки, но, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, считающихся нынѣ лѣсомъ только номинально, въ дѣйствительности же давно вырубленныхъ и представляющихся въ видѣ абсолютно непропзводительныхъ пустырей, которыхъ, однако, крестьяне распахивать не имѣютъ права. Между тѣмъ, общая площадь такихъ лѣсныхъ надѣловъ государственныхъ крестьянъ составляетъ въ Европейской Россіи нѣсколько милліоновъ десятинъ. Такъ какъ это теперь большею частью лѣса только по имени, то давно пора освободить ихъ отъ лежащаго на нихъ запрета и предоставить ихъ въ полное распоряженіе крестьянъ для сельскохозяйственнаго пользованія, что нѣсколько уменьшило бы потребность крестьянъ въ пахатной землѣ, безъ всякихъ новыхъ прирѣзокъ.

Обращаясь за симъ, далѣе, къ разсмотрѣнію вопроса о крестьянскомъ землевладѣніи въ настоящемъ его видѣ, мы должны расчленить крестьянъ на категоріи, соотвѣтственно площади отведенныхъ имъ надѣловъ, и на первый планъ поставить крестьянъ, получившихъ даровые (нищенскіе) надѣлы, составлявшіе иногда и при освобожденіи не свыше нѣсколькихъ сотъ квадратныхъ саженъ на душу, а теперь измѣряемые только десятками саженей въ каждомъ полѣ. При такой площади надѣла никакого сельскаго хозяйства вести уже нельзя и на этихъ нищенскихъ надѣлахъ въ большинствѣ случаевъ (однако, какъ будетъ указано ниже, не всегда) сидитъ нынѣ и нищенское населеніе, которому никакого выхода изъ его безотраднаго положенія нѣтъ и не предвидится. Не можетъ оно и переселяться, потому что на переселеніе нужны деньги, которыхъ у него нѣтъ, не можетъ и земли себѣ прикупить при содѣйствіи крестьянскаго банка, потому что банкъ требуетъ, или, по крайней мѣрѣ, требовалъ до сихъ поръ, приплаты продавцу-землевладѣльцу къ разрѣшаемой ссудѣ, а безъ такой приплаты не утверждалъ сдѣлки и ссуды не выдавалъ.

Такихъ, получившихъ дарственные надѣлы, крестьянъ (по 36 губерніямъ) считалось въ эпоху освобожденія 688,222 ревизскихъ души и общая площадь ихъ землевладѣнія составляла 502,383 десятины. Теперь численность ихъ по всей Россіи, вѣроятно, дошла уже до милліона. Очевидно, что, при обсужденіи вопроса о расширеніи крестьянскаго землепользованія, нужды этой категоріи крестьянъ надо поставить въ первую голову. За ними должны слѣдовать крестьяне, получившіе при освобожденіи надѣлы низшіе, которые тоже нынѣ крайне обездолены. Какъ велика численность этой категоріи крестьянъ, сказать трудно, такъ какъ подробной и точной ихъ регистраціи, повидимому, не дѣлалось. Есть только указаніе на то, что крестьянъ, получившихъ отъ ¼ до ½ высшаго надѣла, по 35½ губерніямъ Россіи числилось 921,826 ревизскихъ душъ, площадь землевладѣнія которыхъ составляла 1.530,000, т. е. менѣе 2 десятинъ на душу.

Далѣе идутъ крестьяне, получившіе надѣлы средніе и высшіе по положенію 1861 года. Конечно, землевладѣніе этихъ крестьянъ нынѣ сократилось вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, но ихъ земельная нужда все же менѣе остра и если она тѣмъ не менѣе существуетъ, то зависитъ уже отъ факта неустранимаго и съ которымъ всегда придется и впредь считаться, какъ съ явленіемъ неизбѣжнымъ, а не отъ ошибокъ, допущенныхъ положеніемъ 1861 года и выразившихся въ установленіи уже и тогда

недостаточныхъ для обезпеченія крестьянъ надѣловъ дарственныхъ и низшихъ.

Наконецъ, есть и еще категоріи крестьянъ, находящихся въ положеніи совершенно исключительномъ: это именно крестьяне, совсѣмъ безземельные, изъ бывшихъ дворовыхъ, а также изъ потомковъ старыхъ, такъ называемыхъ Николаевскихъ, солдатъ (сами Николаевскіе солдаты получили въ свое время право на надѣлъ изъ государственныхъ земель и многимъ онъ фактически и былъ отведенъ, хотя не всѣ имъ на дѣлѣ воспользовались), но на потомковъ ихъ это право не распространено, и они, какъ и бывшіе дворовые и ихъ потомки, приписаны къ волостямъ или селеніямъ, безъ права участія въ крестьянскомъ надѣлѣ. У нихъ обыкновенно одна хата въ чертѣ крестьянской усадебной осѣдлости, иногда клочекъ огородной земли — и болѣе ничего, это самые настоящіе безземельные сельскіе пролетаріи. Еще менѣе, нежели крестьяне упомянутыхъ выше первыхъ двухъ категорій, они могутъ идти на переселеніе, либо воспользоваться услугами крестьянскаго банка, а между тѣмъ это тоже крестьяне, только еще болѣе обездоленные, нежели другіе.

Существуютъ затѣмъ довольно многочисленныя категоріи крестьянъ, уже гораздо болѣе обезпеченныхъ землею и которыхъ, поэтому, къ малоземельнымъ никоимъ образомъ причислить нельзя. Это крестьяне бывшіе удѣльные, получившіе въ среднемъ на душу надѣлъ въ 4,9 десятины, и затѣмъ бывшіе государственные, надѣлы которыхъ составляли въ среднемъ 6,7 десятины. Правда, что надѣленіе ихъ землею совершалось на различныхъ основаніяхъ въ разныхъ губерніяхъ; въ однихъ мѣстахъ они получили надѣлы въ размѣрѣ фактическаго ихъ землепользованія, въ другихъ площадь ихъ землевладѣнія была увеличена на счетъ сосѣднихъ казенныхъ земель, до 8 десятинъ въ малоземельныхъ и даже до 15 десятинъ на душу въ многоземельныхъ уѣздахъ, и вездѣ, слѣдовательно, они оказались гораздо болѣе обезпеченными въ земельномъ отношеніи, нежели крестьяне бывшіе помѣщичьи.

Кромѣ земельныхъ надѣловъ, государственные крестьяне получили во многихъ случаяхъ и упомянутые выше лѣсные надѣлы. По всѣмъ этимъ основаніямъ претендовать на какія-либо дополнительныя прирѣзки, они, очевидно, уже не могутъ. Между тѣмъ, несомнѣнно, что если только будетъ провозглашенъ принципъ дополнительнаго надѣла, то потребуютъ себѣ его и они, подобно тому, какъ они уже участвовали во многихъ случаяхъ и въ разгромѣ помѣщичьихъ имѣній, иногда за десятки верстъ отъ ихъ

жилья, и уже, конечно, не изъ-за малоземелья, а по охватившему ихъ, на ряду съ другими, чисто стихійному движенію, либо по прямому подстрекательству агитаторовъ, либо, наконецъ, въ цѣляхъ простого грабежа. При нехваткѣ земли для прирѣзки крестьянамъ, наиболѣе въ ней нуждающимся, о какомъ бы то ни было увеличеніи ихъ землепользованія иначе, какъ путемъ добровольной прикупки земли ими самими, хотя и при обычномъ содѣйствіи крестьянскаго банка, конечно, не можетъ быть и рѣчи, за исключеніемъ, однако, особыхъ случаевъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

На ряду съ крестьянскими надѣльными землями, а иногда и въ перемежку съ ними, бываютъ участки частновладѣльческихъ и казенныхъ земель, пользованіе которыми для крестьянъ необходимо не столько въ видахъ увеличенія ихъ землевладѣнія, сколько съ цѣлями гораздо болѣе важными, которыя я назвалъ бы жизненными для нихъ. Это именно, къ сожалѣнію весьма частые, случаи, проистекающіе отъ крайне неудобнаго для крестьянъ расположенія земельныхъ угодій, своихъ и чужихъ, черезполосицы, достигающей иногда чудовищныхъ размѣровъ, нарѣзки земель самыми неправильными фигурами — „вавилонами“—какъ говорятъ крестьяне, подхода чужихъ владѣній иногда вплотную къ усадебной осѣдлости крестьянъ, съ неизбѣжными вслѣдствіе того спорами изъ-за потравъ, отсутствія водопоя и возможности доступа къ нему не иначе, какъ черезъ чужую землю, отсутствія выгоновъ, которые при надѣленіи крестьянъ землею по положенію 1861 года остались за помѣщиками, вошли въ площадь такъ называемыхъ отрѣзокъ; съ потерею ихъ крестьяне часто и до сихъ поръ не могутъ примириться, такъ какъ въ эти отрѣзки или „отбои“, какъ ихъ иногда называютъ, попали нерѣдко самыя нужныя и цѣнныя для крестьянъ угодья. Всѣ такія условія землепользованія, конфигурація надѣльныхъ земель, отсутствіе, недоступность или крайняя отдаленность самонужнѣйшихъ угодій, дѣлаютъ иногда самую жизнь селенія почти что невозможной и являются всего чаще причиной крайняго обостренія отношеній между крестьянами и сосѣдними помѣщиками, обостреній, доводившихъ крестьянъ нерѣдко,— и не въ послѣднее только время, — до погромовъ помѣщичьихъ усадебъ, со всѣми ужасами слѣдовавшихъ затѣмъ военныхъ экзекуцій или столь же суроваго административнаго воздѣйствія. Само собою разумѣется, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ юридическое право было не на сторонѣ крестьянъ и они, терпя иногда самыя невозможныя притѣсненія со стороны своихъ сосѣдей, юридическія права коихъ были, напротивъ того, безспорны и незыблемы,

ни въ какихъ судахъ, до высшихъ инстанцій включительно, не могли сыскать себѣ „правды", какъ они ее понимали, и въ концѣ концовъ, прибѣгали къ дѣйствіямъ агрессивнымъ, безъ всякаго, конечно, черезъ то улучшенія своего положенія. И чѣмъ нужда крестьянъ въ подобныхъ случаяхъ острѣе, тѣмъ больше они иногда подвергались эксплоатаціи, тѣмъ дороже съ нихъ брали за столь необходимыя для ихъ существованія угодья, водопои, отрѣзки. Къ сожалѣнію, устранить эти неудобства бывало въ большинствѣ случаевъ совершенно невозможно, даже тогда, когда крестьяне достигали соглашенія съ владѣльцами относительно покупки у нихъ этихъ земель. Нуждаясь въ нихъ, такъ сказать, до зарѣзу, крестьяне соглашались иногда на покупку ихъ и по повышеннымъ цѣнамъ, лишь бы ихъ пріобрѣсти и гарантировать себя противъ дальнѣйшей эксплоатаціи, создать себѣ возможныя условія существованія; но въ огромномъ большинствѣ случаевъ всѣ подобныя сдѣлки разстраивались, за неутвержденіемъ ихъ банкомъ, который находилъ назначенныя землевладѣльцемъ и принятыя крестьянами цѣны чрезмѣрными, не соотвѣтствующими среднимъ цѣнамъ на землю по уѣзду или мѣстности. Стоя на почвѣ своихъ уставовъ и наказовъ, банкъ, какъ кредитное учрежденіе, дѣйствующее за счетъ выпускаемыхъ на рынокъ закладныхъ листовъ, и не могъ, при оказаніи кредита подъ залогъ земли, исходить изъ чего-либо другого, кромѣ нормальной средней рыночной цѣны ея, особенно на случай возможной при неисправности заемщиковъ продажи ея съ публичнаго торга; крестьяне же, при заключеніи соглашенія съ владѣльцемъ, исходили отъ той цѣнности, которую приторгованная ими земля для нихъ, но только для нихъ и для владѣльца, представляла. Благодаря именно тому, что банкъ строго держался такихъ основаній и не входилъ въ оцѣнку каждаго частнаго случая, въ отдѣльности, онъ, помимо другихъ дефектовъ въ его организаціи и дѣятельности, вродѣ требованія приплатъ къ ссудѣ, закрывавшихъ доступъ къ нему бѣднякамъ, и не сыгралъ въ дѣлѣ расширенія крестьянскаго землевладѣнія той роли, которую отъ него ожидали, почему и приходится теперь, въ крайне обостренную, критическую для нашей сельской жизни минуту, искать новыхъ путей для скорѣйшаго выхода изъ сложившагося нынѣ, нетерпимаго долѣе, положенія.

Слѣдуетъ замѣтить, что если, какъ указано выше, при надѣленіи землею государственныхъ крестьянъ, имъ по большей части отводились земли соотвѣтственно фактическому ихъ пользованію въ моментъ отвода, и, столь пагубныхъ для крестьянъ помѣщичьихъ, отрѣзокъ не производилось, то во многихъ другихъ отношеніяхъ

условія отвода были иногда не лучше. Такъ, конфигурація надѣловъ была часто крайне неправильная, черезполосность оказывалась иногда еще бо̀льшая, и именно потому, что земли отводились согласно фактическому пользованію,—надѣлы отрѣзались не сплошными отрубами, а нерѣдко множествомъ небольшихъ отдѣльныхъ клочковъ, разбросанныхъ среди земель, остававшихся за казною, и казенныхъ же лѣсовъ. Въ надѣлы входили отдѣльныя поляны, которыми крестьяне ранѣе пользовались для сѣнокошенія или выпаса скота, иногда за много верстъ отъ усадебъ, причемъ прогоновъ къ нимъ не давалось; иногда казенныя земли, особенно лѣсныя дачи, подходили, все равно какъ и земли помѣщичьи, вплотную къ крестьянскимъ дворамъ. Законъ, допустившій сдачу казенныхъ земель крестьянамъ въ аренду на льготныхъ условіяхъ безъ торговъ, вышелъ сравнительно недавно, и многія такія земли, до зарѣзу нужныя крестьянамъ, оставались еще у прежнихъ съемщиковъ, по старымъ контрактамъ; да на многіе участки, считавшіеся лѣсными дачами, законъ этотъ и вовсе не могъ распространяться,—и въ такихъ случаяхъ крестьяне терпѣли горькую нужду отъ отсутствія прогоновъ на свои же земли черезъ казенныя; при слишкомъ близкомъ сосѣдствѣ казенныхъ земель и лѣсовъ съ усадебною осѣдлостью крестьянъ, неизбѣжны были потравы и даже порубки, за которыя крестьяне привлекались къ отвѣтственности и штрафовались иногда весьма чувствительно. Иногда участки казенной земли оказываются вкрапленными въ крестьянскіе надѣлы, иногда врѣзаются въ нихъ узкими лентами,—при этомъ еще труднѣе охранить ихъ отъ потравъ, порубокъ, нарушенія межъ, и создается еще больше поводовъ для взаимныхъ неудовольствій и обвиненій, при чемъ казенное управленіе, очевидно, не можетъ всегда положиться на правильность дѣйствій и даже безкорыстіе своихъ низшихъ агентовъ, въ руки которыхъ дается столь сильное средство, какъ составленіе протоколовъ противъ дѣйствительныхъ, а иногда, быть можетъ, и мнимыхъ нарушителей казенныхъ интересовъ. Еще въ 1897 г. бывшее Министерство Земледѣлія, желая отдѣлаться отъ такихъ, неудобныхъ для казеннаго завѣдыванія и вмѣстѣ съ тѣмъ важныхъ для сосѣдей-крестьянъ участковъ, исходатайствовало законъ, предоставляющій Министру право отчужденія ихъ въ частныя руки, и притомъ, по преимуществу, смежнымъ крестьянамъ, но, къ сожалѣнію, право это было поставлено въ столь узкія рамки, въ отношеніи пространства и цѣнности отчуждаемыхъ участковъ, что онъ почти что остался мертвою буквою, и даже, не взирая на

нѣкоторое расширеніе этого закона въ 1904 году, практическое примѣненіе его осталось столь ничтожнымъ, что по 1 января 1905 года изъ 8½ тысячъ крестьянскихъ прошеній о продажѣ имъ казенныхъ земель, фактически оказалось возможнымъ удовлетворить только 166. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ просимые крестьянами участки, либо по размѣрамъ, либо по цѣнности, не подходили подъ установленныя закономъ предѣльныя нормы, — такъ какъ дозволено было отчуждать только отдѣльно лежащіе участки полностью, но не части болѣе крупныхъ дачъ,—либо они не прилегали вплотную къ крестьянскимъ землямъ, что также было поставлено однимъ изъ условій продажи. Между тѣмъ, несомнѣнно, что болѣе широкое примѣненіе этой мѣры принесло бы существенную пользу и во многихъ случаяхъ способствовало бы устраненію какъ самой острой нужды крестьянъ въ землѣ, такъ и еще болѣе—улучшенію условій ихъ землепользованія. Въ этихъ видахъ весною 1905 года въ Министерствѣ Земледѣлія былъ выработанъ законопроектъ о значительномъ расширеніи правъ крестьянъ, какъ на льготное арендованіе казенныхъ земель, такъ и на покупку ихъ въ собственность съ разсрочкою платежа, безъ многихъ изъ тѣхъ ограниченій, которыя существуютъ въ дѣйствующемъ нынѣ законѣ и сводятъ эту мѣру, какъ показалъ опытъ, почти на нѣтъ; но послѣдовавшее вслѣдъ за тѣмъ упраздненіе самаго Министерства Земледѣлія остановило дальнѣйшее движеніе этой мѣры, къ которой, однако, нынѣ Главное Управленіе Землеустройства, судя по газетнымъ извѣстіямъ, имѣетъ въ виду прибѣгнуть. Можно только пожалѣть, что это не было сдѣлано ранѣе, такъ какъ облегченіе крестьянамъ возможности пріобрѣтенія земель, несомнѣнно, послужило бы самымъ дѣйствительнымъ противовѣсомъ стремленію ихъ завладѣвать нужными имъ землями путемъ насилія, захватовъ и погромовъ.

За неимѣніемъ въ моемъ распоряженіи точныхъ фактическихъ данныхъ, я не нахожу возможнымъ приводить исчисленіе того пространства земли, которое было бы необходимо для увеличенія землепользованія указанныхъ мною выше разныхъ категорій крестьянъ до какой-либо заранѣе установленной нормы; для этого надо было бы взять въ разсчетъ ихъ численность, площадь владѣемой ими нынѣ земли и ту площадь, которой не хватаетъ до той или другой нормы, высшимъ предѣломъ которой я считалъ бы, при общей недостачѣ свободной земли, высшіе надѣлы по положенію 1861 года, съ чѣмъ и сами крестьяне, жаждущіе дополнительной прирѣзки, готовы были бы примириться.

Однако, всѣ такого рода математическія исчисленія и выкладки я считаю излишними и совершенно безцѣльными, такъ какъ жизнь не по математическимъ формуламъ складывается. Единственно вѣрнымъ показателемъ можно признать дѣйствительную нужду крестьянъ въ увеличеніи ихъ землепользованія, а эту нужду нельзя исчислить апріорно, ее можно опредѣлить только на мѣстѣ и притомъ при посредствѣ мѣстныхъ людей и при непремѣнномъ участіи представителей отъ самихъ же крестьянъ. Лишь бы задача была имъ ясна и ясны пути для ея разрѣшенія, а съ практическимъ выполненіемъ ея они справятся. Могутъ быть случаи, и такіе мнѣ лично извѣстны, гдѣ крестьяне даже на нищенскомъ надѣлѣ такъ устроились, что живутъ безбѣдно, иногда даже лучше, чѣмъ въ томъ же раіонѣ крестьяне многоземельные: засадили, напримѣръ, сплошь свои надѣльныя земли фруктовыми деревьями (это можно видѣть въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губерній Казанской, Симбирской, Саратовской, Курской), обратили ихъ въ огороды или ягодники—(въ подгородныхъ мѣстностяхъ), заняли ихъ табачными плантаціями (въ губерніяхъ Полтавской, Черниговской, Тамбовской, Воронежской, Рязанской). Очевидно, что нѣтъ никакой необходимости отъ этихъ высшихъ культуръ, хорошо обезпечивающихъ крестьянъ тамъ, гдѣ они издавна къ нимъ перешли, возвращать ихъ обратно, путемъ прирѣзки пахатной земли, къ полевой культурѣ, отъ которой они уже отстали. Чего добраго, крестьяне постановятъ приговоры вырубить сады и обратить ихъ вновь въ пашни для общиннаго пользованія, чему примѣры, къ сожалѣнію, уже бывали. На этотъ путь, конечно, становиться не слѣдуетъ, а надо въ каждомъ частномъ случаѣ разобраться особо.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что при опредѣленіи общей площади крестьянскаго землевладѣнія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, хотя бы даже по категоріямъ крестьянъ или по отдѣльнымъ селеніямъ, одна эта площадь сама по себѣ тоже во многихъ случаяхъ ничего еще не выражаетъ и не можетъ служить мѣриломъ крестьянской нужды въ землѣ, такъ какъ земля землѣ рознь. Вопросъ о природныхъ качествахъ земли и ея естественномъ плодородіи тутъ приходится оставить въ сторонѣ; нѣтъ столь плохихъ отъ природы земель, кромѣ развѣ безводныхъ солончаковъ, да сыпучихъ песковъ, къ счастью у насъ все же рѣдкихъ, съ которыми культура не могла бы совладать, и даже у насъ, въ Россіи, на тощихъ супесяхъ, на тяжелыхъ суглинкахъ, да на подзолахъ сѣвернаго или сѣверо-западнаго края урожаи, въ среднемъ, не ниже, и уже

во всякомъ случаѣ постояннѣе, нежели въ губерніяхъ съ богатою черноземною почвою. Есть, конечно, мѣстности и такія (я самъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Россіи, напримѣръ, въ Воронежской, Черниговской, ихъ видѣлъ),—гдѣ послѣ вырубки и выкорчевки лѣсовъ, росшихъ на легкой песчаной почвѣ, образовались летучіе пески, которыми постепенно сосѣднія крестьянскія надѣльныя земли стали заноситься до такой степени, что полевая культура на нихъ сдѣлалась почти невозможной. Хотя и тутъ злу можно помочь принятіемъ мѣръ къ такъ называемому успокоенію и закрѣпленію песковъ, путемъ засадки ихъ шелюгою и сосною, къ чему во многихъ мѣстахъ, соединенными усиліями земствъ и бывшаго Министерства Земледѣлія, уже приступлено съ полнымъ успѣхомъ, я допускаю, что въ нѣкоторыхъ, болѣе или менѣе исключительныхъ и рѣдкихъ, случаяхъ, придется прибѣгнуть и къ исключительнымъ мѣрамъ, въ видѣ предоставленія крестьянамъ, страдающимъ отъ такой бѣды, возможности переселенія на новыя мѣста. Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ существенное значеніе имѣетъ не качество земли, а распредѣленіе ея по угодьямъ. Правильнаго хозяйства ни крупному, ни мелкому землевладѣльцу, ни крестьянину, вести нельзя, когда на его земельной площади нарушено нормальное соотношеніе между пашнею, лугами и выгонами, или, что то же, между посѣвною и кормовою площадями. Весьма часто нарушеніе этого соотношенія важнѣе даже общей недостаточности земли, состоящей въ распоряженіи хозяина, кто бы онъ ни былъ, такъ какъ безъ возможности прокормить нужное для его хозяйства количество скота и рабочихъ лошадей, лѣтомъ на пастбѣ, зимою на сколько-нибудь питательномъ сухомъ кормѣ, онъ ни обработать своей земли, какъ слѣдуетъ, ни тѣмъ менѣе надлежащимъ образомъ ее удобрить, не можетъ. И въ этомъ отношеніи слѣдуетъ признать, что условія разныхъ мѣстностей представляются чрезвычайно различными, къ крайней при томъ невыгодѣ опять таки нашихъ среднихъ черноземныхъ губерній, гдѣ полевое хозяйство, распашка земель подъ хлѣбную культуру, поглотили, можно сказать, все. Къ сожалѣнію, и тутъ мы имѣемъ только далеко не полныя фактическія данныя, чтобы освѣтить эту сторону вопроса. Какъ распредѣляются у крестьянъ, на общей площади ихъ надѣловъ, земли по угодьямъ, мы сказать не можемъ и должны довольствоваться тѣми цифрами, которыя имѣются на счетъ того, какой процентъ составляетъ въ разныхъ губерніяхъ распашная площадь по отношенію ко всему пространству надѣльной земли, предполагая, что

остальная затѣмъ площадь по преимуществу утилизируется крестьянами, какъ покосъ и выгонъ. Ограничимся тутъ лишь наиболѣе рѣзкими примѣрами, при чемъ скажемъ прежде всего, что общая площадь пашни на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ съ 1870 по 1900 годъ возросла въ среднемъ на 40,5%; если такое увеличеніе и можетъ считаться успѣхомъ по отношенію къ однимъ губерніямъ, гдѣ оно является расширеніемъ культурной площади на счетъ земель непроизводительныхъ, то оно, напротивъ того, представляетъ собою явленіе въ хозяйственномъ отношеніи крайне неблагопріятное во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ расширеніе площади пашни произошло на счетъ необходимыхъ для содержанія скота луговъ и выгоновъ, приводя постепенно къ упадку хозяйства, вмѣсто его развитія.

Въ губерніяхъ сѣверныхъ (со включеніемъ Архангельской, гдѣ площадь пашни составляетъ только около 41% и Вологодской — около 45% надѣльной земли) на каждыя 100 десятинъ надѣла приходится теперь пашни 50½ десятинъ, соотношеніе для скотоводства весьма благопріятное, но свидѣтельствующее о полной экстенсивности хозяйства. Въ губерніяхъ среднихъ промышленныхъ, центральнаго нечерноземнаго района, процентъ пашни уже повышается и составляетъ, въ среднемъ, съ небольшимъ 64 десятины на сто,—отъ 55% въ Московской, 61% въ Костромской, 63% въ Тверской, 64,5% въ Ярославской,— до 70% въ Смоленской и 75% въ Калужской. Кромѣ послѣдней, въ которой, какъ мы показали въ предыдущей главѣ, производительность и доходность крестьянскаго хозяйства самыя низкія, но гдѣ большая часть сельскаго населенія живетъ не земледѣльческимъ трудомъ, а отхожими промыслами,—въ остальныхъ, гдѣ процентъ пашни составляетъ не свыше ²/₃ общей площади, соотношеніе между посѣвною и кормовою площадями можетъ быть признано для хозяйства вполнѣ благопріятнымъ и, можно сказать, нормальнымъ. (Само собою разумѣется, что я говорю здѣсь только объ общихъ среднихъ цифрахъ, въ отдѣльныхъ же мѣстностяхъ и селеніяхъ положеніе можетъ быть совсѣмъ другое).

Изъ шести сѣверо-западныхъ губерній,—Ковенская, Минская, Гродненская, Могилевская, Витебская и Виленская,—въ первыхъ трехъ соотношеніе еще довольно благопріятное, такъ какъ посѣвная площадь составляетъ отъ двухъ третей до трехъ четвертей всей надѣльной земли, но въ остальныхъ оно уже гораздо хуже, внѣ распашки остается менѣе одной пятой, а въ Виленской губерніи даже только около одной восьмой части всей площади надѣла.

Но обратимся къ губерніямъ среднимъ черноземнымъ, и мы сразу увидимъ картину совсѣмъ другую. Въ общемъ, отношеніе посѣвныхъ площадей къ кормовымъ можетъ еще быть признано недурнымъ въ губерніяхъ Рязанской, Пензенской и Саратовской, гдѣ процентъ пашни составляетъ отъ двухъ третей до трехъ четвертей всей надѣльной земли, хотя и тутъ это сравнительно благопріятное соотношеніе можетъ быть объясняемо меньшимъ процентомъ пашни въ отдѣльныхъ уѣздахъ этихъ губерній,—въ Рязанской, напримѣръ, какъ и въ Пензенской, обиліемъ луговъ въ сѣверныхъ частяхъ этихъ губерній, въ Саратовской—обиліемъ нераспаханныхъ еще степей, хотя часто солонцеватыхъ, малопроизводительныхъ и для культуры непригодныхъ, въ южной ея части. Но въ губерніяхъ Воронежской, Тамбовской, Орловской, Тульской, Харьковской, и въ особенности Курской, положеніе уже неизмѣримо хуже для хозяйства, такъ какъ площадь распашной земли составляетъ въ нихъ 82%, 84,1%, 84,2%, 85,1%, 86,4% и 88,9%. Еще хуже этого дѣло стоитъ только въ Подольской губерніи, гдѣ подъ распашкой до 89%. Даже въ многоземельной Самарской губерніи крестьяне обратили въ пашню свыше 84% своихъ надѣльныхъ земель. Далѣе на востокъ соотношеніе опять нѣсколько улучшается; такъ, въ Оренбургской подъ пашнею 54%, въ Пермской 58%. Въ среднихъ приволжскихъ губерніяхъ, Нижегородской, Казанской и Симбирской, площадь пашни колеблется отъ 76% до 82,5%; въ двухъ малороссійскихъ губерніяхъ, Полтавской и Черниговской,—76,8% и 78%. Въ южныхъ—отъ 70,5% въ Бессарабской, 77,8% въ Таврической, до 83% въ Херсонской, въ многоземельной же Донской области этотъ процентъ опять падаетъ до 46%.

Оцѣнивая значеніе этихъ цифръ съ хозяйственной точки зрѣнія, мы должны будемъ признать, что вездѣ, гдѣ посѣвная площадь составляетъ свыше четырехъ пятыхъ всей надѣльной земли, содержаніе скота и рабочихъ лошадей, по крайней мѣрѣ въ томъ количествѣ, въ которомъ это требуется для сколько-нибудь правильнаго хозяйства, становится совершенно невозможнымъ; добавлю еще, что по мѣрѣ того, какъ распашка земель въ губерніяхъ, напримѣръ, южнаго черноземнаго района увеличивалась, что произошло, можно сказать, на моихъ глазахъ за тѣ 30 лѣтъ, въ теченіе которыхъ я за этими мѣстностями слѣдилъ изъ года въ годъ, скотоводство въ нихъ годъ отъ году падало, а вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшалось и крестьянское хозяйство. Я еще помню довольно обширные крестьянскіе луга по берегамъ рѣкъ

въ этихъ мѣстностяхъ, помню и присельные выгоны, которые окружали тамъ деревни,—былъ свидѣтелемъ и того гомерическаго пьянства, которымъ сопровождалась сдача этихъ богатѣйшихъ, нетронутыхъ плугомъ цѣлинныхъ земель бахчевникамъ и посѣвщикамъ, по чрезвычайно иногда высокимъ цѣнамъ; считаю, впрочемъ, нужнымъ оговориться: бывали селенія, которыя вырученныя такимъ образомъ единовременно крупные куши не пропивали, не тратили зря, а жертвовали на церкви, на школы, употребляли на разныя другія общественныя надобности, но только для крестьянскаго хозяйства послѣдствія отъ того были не лучше; крестьянскаго скота лѣтомъ не стало гдѣ пасти, иначе какъ по тощимъ парамъ, а зимою нечѣмъ уже становилось его кормить, какъ только одною соломою.

Тамъ, гдѣ нормальное соотношеніе между посѣвною и кормовою площадями не нарушилось, или гдѣ увеличеніе первой на счетъ второй не было особенно значительно, численность скота, содержимаго крестьянами, либо сохранилась прежняя, либо даже нѣсколько увеличилась.

Такъ, въ губерніяхъ средне-промышленныхъ, за послѣднія 30 лѣтъ количество скота увеличилось на 23%, въ сѣверныхъ на 27,5%, въ сѣверо-западныхъ — увеличеніе составило почти 35%, въ то время, какъ въ губерніяхъ сѣверо-восточной группы средне-черноземной полосы послѣдовало уменьшеніе численности скота на 3,8 — 3,9%, въ губерніяхъ новороссійскихъ уменьшеніе достигло даже 16,6%; если же взять одинъ только крупный рогатый скотъ, самый важный въ сельскохозяйственномъ отношеніи, какъ производитель навоза, то процентъ увеличенія его еще болѣе значителенъ, достигая въ сѣверо-западномъ раіонѣ 37,7%, и затѣмъ въ губерніяхъ восточныхъ до 50%; хотя увеличеніе численности крупнаго рогатаго скота замѣчается и въ среднихъ черноземныхъ губерніяхъ, но зато тамъ падаетъ довольно значительно количество лошадей, что свидѣтельствуетъ объ ослабленіи рабочей силы крестьянскаго населенія. Одновременно въ этихъ же мѣстностяхъ, особенно на югѣ и въ нѣкоторыхъ центральныхъ губерніяхъ, уменьшилась и численность мелкаго скота, особенно овецъ.

О невыгодности для сельскаго хозяйства современнаго положенія дѣла свидѣтельствуетъ и тотъ фактъ, что, по мѣрѣ увеличенія распашной площади, число головъ скота, приходящееся на 100 десятинъ пашни, уменьшается, и это уменьшеніе замѣчается во всѣхъ районахъ, не исключая даже губерній прибалтійскихъ,

гдѣ зато усиленно распространяется употребленіе искусственныхъ удобреній; особенно замѣтно уменьшеніе въ губерніяхъ новороссійскихъ, малороссійскихъ, въ юго-восточной группѣ среднихъ черноземныхъ губерній и т. п., и менѣе значительно въ губерніяхъ среднихъ промышленныхъ, сѣверо-западныхъ, и въ западной группѣ губерній средне-черноземныхъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что во многихъ случаяхъ это уменьшеніе только относительное, такъ какъ площадь пашни въ однихъ мѣстахъ увеличилась болѣе значительно, нежели въ другихъ, абсолютное же количество скота иногда не уменьшалось, а возростало; мѣстами же количество скота уменьшилось и относительно, и абсолютно. Еще рельефнѣе выразятся невыгодныя для современнаго крестьянскаго хозяйства послѣдствія усиленной распашки земли, если отнести количество скота къ населенію и къ числу дворовъ; наибольшее уменьшеніе придется тогда на южные районы, гдѣ оно въ 1½—2 раза болѣе средняго по Имперіи, и всего слабѣе на сѣверѣ Россіи и въ особенности въ средне-промышленномъ районѣ.

Дальнѣйшихъ сопоставленій я уже дѣлать не буду, такъ какъ и приведенныхъ данныхъ достаточно, чтобы доказать, что по мѣрѣ стремленія крестьянъ къ увеличенію посѣвной площади на счетъ площади кормовой, численность скота, по отношенію къ общему пространству земли, уменьшается; то же замѣчается, если отнести численность скота къ числу хозяйствъ. Очевидно, что это имѣетъ послѣдствіемъ пониженіе средствъ населенія при эксплоатаціи земель, при чемъ на ряду съ уменьшеніемъ количества скота вообще, отмѣчается также уменьшеніе конной рабочей силы; увеличивается число безлошадныхъ хозяйствъ и въ то же время уменьшается число хозяйствъ, располагающихъ 2—3 и болѣе лошадьми, т. е. хозяйствъ, наиболѣе обезпеченныхъ и состоятельныхъ. Что это явленіе не есть послѣдствіе одного только возростанія малоземелья, которое въ большей или меньшей степени происходитъ повсемѣстно, а именно результатъ того односторонняго направленія, которое все болѣе и болѣе принимаетъ крестьянское хозяйство въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, доказывается тѣмъ, что означенный процессъ всего сильнѣе даетъ себя чувствовать именно въ земледѣльческомъ центрѣ, и слабѣе въ остальныхъ частяхъ Имперіи. Замѣчательно также и то, что въ тѣхъ губерніяхъ средне-черноземнаго района, гдѣ происходитъ нѣкоторая интенсификація хозяйства, выражающаяся въ увеличеніи производительности земли, не взирая на малоземелье, а быть можетъ и благодаря ему, относительная численность скотоводства пре-

терпѣваетъ всего менѣе измѣненій, мѣстами даже увеличивается.

Все это подтверждаетъ сказанное мною выше, что для правильной постановки и развитія крестьянскаго хозяйства вопросъ о распредѣленіи угодій важнѣе вопроса о малоземельѣ. Тамъ, гдѣ крестьяне обратили подъ пашни все, что можно было распахать, гдѣ для скота не хватаетъ уже ни лѣтняго приволья, ни зимнихъ кормовъ, тамъ, не взирая на увеличеніе площади посѣвовъ, на значительно большее плодородіе земли, на меньшую даже потребность въ удобреніи, хозяйство падаетъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не начинается процессъ его интенсификаціи. Но обратное обращеніе подъ кормовую площадь однажды превращенныхъ въ пашни земель сопряжено для крестьянъ съ огромными трудностями, почти неодолимыми при общинномъ хозяйствѣ, съ его принудительными сроками и пріемами обработки. Единственный выходъ для нихъ въ этомъ случаѣ—аренда владѣльческихъ земель, не столько для обезпеченія своего собственнаго продовольствія, сколько для усиленія запаса кормовъ для скота, соломы и мякины съ арендуемыхъ пашенъ, сѣна съ луговъ,—и выгоновъ для выпаса скота, при отсутствіи или крайней ограниченности своихъ, про которые сами же крестьяне выражаются, что они, какъ токъ, выбиты, скоту на нихъ и ущипнуть нечего. За такими пространствами крестьяне при арендѣ часто гонятся болѣе, нежели за пахатными землями, и платятъ за нихъ относительно повышенныя цѣны. Но сомнительно, чтобы опытъ чему-либо научилъ нашихъ крестьянъ, особенно средней черноземной полосы и южныхъ губерній. Тамъ, гдѣ преобладаетъ зерновое хозяйство, они всего болѣе спекулируютъ на урожай,—„абы побольше посѣять, а тамъ, что Богъ дастъ“,—„Господь благословитъ, такъ и на камушкѣ родится хлѣбъ“. И дѣйствительно иногда родится, даже въ изобиліи, но сколько неурожайныхъ годовъ приходится на одинъ хорошій — этого крестьяне тамъ не учитываютъ и къ серьезному улучшенію культуры на своихъ земляхъ никакихъ заботъ не прилагаютъ, невзирая даже на то, что они наглядно видятъ вліяніе улучшенной культуры на земляхъ своихъ сосѣдей—помѣщиковъ.

Существуетъ мнѣніе, что никакія агрономическія улучшенія крестьянству недоступны именно по малой площади его землевладѣнія. Но почему же они недоступны ему только на нашемъ богатомъ черноземѣ, а въ губерніяхъ среднихъ нечерноземныхъ, сѣверныхъ, западныхъ, положеніе иное, и прогрессъ крестьянскаго хозяйства воочію совершается? Что же это за пасынки такіе—

крестьяне именно черноземнаго раіона, сидящіе на богатѣйшей въ мірѣ почвѣ, и на ней періодически голодающіе? Нѣтъ, дѣло здѣсь— говоря вообще и не касаясь отдѣльныхъ случаевъ—не въ малоземельѣ, а въ пріемахъ хозяйства, въ неправильномъ, односторонемъ его направленіи, и не поможетъ тутъ никакое увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія. Напротивъ того, есть полное основаніе ожидать, на основаніи того, что мы видѣли въ минувшемъ, что если теперь, арендуя у своихъ сосѣдей, у частныхъ землевладѣльцевъ, у казны и удѣловъ, тѣ именно земли и угодья, которыхъ крестьяне на пространствѣ своихъ надѣловъ не имѣютъ, либо потому, что при освобожденіи ихъ не получили, либо потому, что впослѣдствіи сами перевели ихъ изъ одного вида въ другой, т. е. распахали и обратили луга и выгоны въ пашни, крестьяне, въ случаѣ прибавки имъ тѣмъ или другимъ способомъ земли, продѣлаютъ съ этою землею ту же процедуру, т. е. всю ее тоже обратятъ въ пашню. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что подобно тому, какъ крестьяне въ огромномъ большинствѣ случаевъ не смогли и не могутъ сохранить въ цѣлости лѣсовъ, они точно такъ же не устоятъ передъ соблазномъ распахать — „взодрать“ — тѣ площади луговъ и выгоновъ, которые такъ или иначе имъ достанутся; не устоятъ они и передъ тѣми кушами, которые имъ будутъ сулить ихъ же болѣе богатые односельчане или сторонніе спекулянты за право снять пѣнки съ такого лакомаго куска, какой представляютъ собою свѣжія цѣлинныя земли.

Предполагая даже, что деньги, которыя черезъ это будутъ выручены сельскими обществами, отъ нихъ не уйдутъ, то есть не будутъ истрачены крестьянами зря, и ихъ посѣвная площадь увеличится, то они еще менѣе чѣмъ теперь, когда потребные имъ луга и выгоны они могутъ принанять со стороны, хотя бы и за высокую цѣну, будутъ въ состояніи обезпечить свое скотоводство на счетъ этихъ важнѣйшихъ для правильной постановки хозяйства угодій, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока сохранится у нашихъ крестьянъ существующее общинное землепользованіе, или столь же мало раціональное, разбитое на безчисленное множество полосъ или шнуровъ, подворное владѣніе. Если про мужика говорится, что онъ „жаденъ до земли“, то эта жадность преимущественно простирается на пахотную землю, такъ какъ именно она даетъ ему возможность спекулировать на урожай, хотя бы для этого ему пришлось пожертвовать другими, болѣе важными интересами его хозяйства. Нельзя обольщать себя надеждою, что теперь прежняя ошибка не повторится и что, получивъ въ свое полное распоряже-

ніе тѣ луговыя площади и выгоны, которыми онъ, пока они у него въ арендѣ, не можетъ пользоваться иначе, какъ таковыми, онъ ихъ въ неприкосновенности сохранитъ. Къ несчастью, по крайней мѣрѣ именно тамъ, гдѣ населеніе всего болѣе жалуется на малоземелье, т. е. въ нашихъ среднихъ и южныхъ черноземныхъ губерніяхъ, этого не будетъ, а напротивъ все то, что крестьяне въ свои руки заполучатъ, они немедленно обратятъ подъ пашни, и если расширятъ свое посѣвное хозяйство, то организацію его не измѣнятъ и на болѣе правильныхъ основаніяхъ не поставятъ. Развѣ на подобіе лѣсоохранительнаго будетъ изданъ лугоохранительный и выгоноохранительный законъ,—о чемъ, къ слову сказать, уже поднималась рѣчь,—по крайней мѣрѣ возникалъ и обсуждался на разныхъ съѣздахъ и въ земствахъ вопросъ о воспрещеніи распашки склоновъ овраговъ, береговъ рѣкъ, песчаныхъ пространствъ, могущихъ при распашкѣ превратиться въ летучіе пески, такъ какъ признавалось, что отъ такого неразумнаго хозяйничанья крестьянъ на этихъ земляхъ страдаетъ и вся страна—мелѣютъ рѣки, разростаются овраги, образуются песчаные заносы и т. п. Но я полагаю, что противъ такого неразумнаго образа дѣйствія крестьянъ не помогутъ никакіе законы до тѣхъ поръ, пока сами крестьяне не вынесутъ убѣжденія въ томъ, что дѣло не столько въ пространствѣ земли, не въ площади посѣва, сколько въ ея обработкѣ, въ уходѣ за нею, въ правильномъ сочетаніи на земельной площади—пашни, луга и выгона, а въ хозяйствѣ—земледѣлія со скотоводствомъ. И это сознаніе въ глубинѣ души у крестьянъ есть, или, по крайней мѣрѣ, было у нихъ до тѣхъ поръ, пока они всю свою бѣду не свели къ малоземелью. Не даромъ же они, въ старые годы, сложили поговорки, что „не поле кормитъ, а нива“—„нива не велика, да сдобрена“, „поля и много посѣешь, а того не зародитъ, что нива“, „не радѣй большому посѣву, а радѣй хорошему урожаю“ и т. п. Тамъ же, гдѣ и малой нивы не удобряютъ и не обрабатываютъ, какъ слѣдуетъ, гдѣ о добромъ урожаѣ не радѣютъ, а ждутъ его только отъ Божьей милости, тамъ не много возьмешь прибыли и отъ большого поля. „Дорога борозда, коли къ загону“, говорилось еще въ прежнее время, — „не поле кормитъ, а загонъ“,—теперь же мужикъ сталъ только про то думать, какъ бы ему поля прихватить, сколь возможно побольше, хотя бы и далеко, а про то позабылъ, что „наѣздомъ хлѣба не напашешь“, и чужая земля, на которую онъ зарится, для него дороже родного загона стала...

Но, кромѣ крайне невыгоднаго съ точки зрѣнія правильной

постановки хозяйства расположенія на крестьянскихъ земляхъ отдѣльныхъ угодій, столь же неблагопріятны для успѣшности хозяйства и для производительности крестьянскаго труда, самые пріемы использованія крестьянами и пахатныхъ земель.

Извѣстно, что со своими надѣльными землями крестьяне, вездѣ, гдѣ существуетъ общинное землевладѣніе и при обычныхъ условіяхъ трехпольнаго хозяйства, распоряжаются такъ. Всѣ земли, входящія въ составъ надѣла, какъ бы онъ ни былъ великъ и длиненъ, на сколько бы отдѣльныхъ участковъ онъ ни былъ раздѣленъ (кромѣ только выгоновъ, луговъ и лѣсовъ, тамъ, гдѣ они еще въ рукахъ крестьянства сохранились), разверстываются между всѣми членами общины. Основаніями для разверстки земель принимаются: число душъ мужского пола, ѣдоковъ, или работниковъ,—это въ разныхъ селахъ различно. При обычной же въ средней и южной Россіи группировкѣ населенія большими селами по берегамъ рѣкъ и при обширности общей площади надѣла такого многолюднаго селенія, — неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этихъ условій является длинноземелье и разнородность земель по направленію отъ долинъ рѣкъ къ водораздѣламъ. Болѣе отдаленные участки сравнительно позже поступили въ распашку и потому земли на нихъ часто лучше раньше распаханныхъ и болѣе истощенныхъ, ближайшихъ къ селеніямъ, земель. Тамъ же, гдѣ удобреніе земель является необходимымъ условіемъ полученія сколько нибудь сносныхъ урожаевъ, эти болѣе отдаленные участки наоборотъ хуже ближайшихъ земель, какъ никогда невидавшіе удобренія, которое туда за дальностью разстоянія возить невозможно. Казалось бы, что наилучшимъ и самымъ цѣлесообразнымъ способомъ использованія этихъ разнородныхъ земель было бы разселеніе, которое приблизило бы крестьянъ къ землѣ и устранило бы необходимость настоящаго, для всѣхъ неудобнаго, дробленія ихъ на мелкіе участки. Но въ дѣйствительности это разселеніе встрѣчаетъ часто самое энергическое противодѣйствіе со стороны крестьянъ-общинниковъ, основанное на томъ, что тѣ, кто выселится на дальніе участки, получатъ въ первомъ случаѣ лучшія, болѣе свѣжія,—во второмъ, наоборотъ, худшія, никогда не удобрявшіяся земли. Такимъ образомъ, этотъ способъ урегулированія ускользаетъ и населеніе прибѣгаетъ къ разнымъ пріемамъ равномѣрнаго распредѣленія земли между общинниками. Первое, съ чѣмъ приходится тутъ обществу сталкиваться, это разстояніе отъ усадьбы до разныхъ частей общаго поля, такъ какъ укладъ экономической жизни нашего крестьянина требуетъ свозки всего урожая къ дому.

Неравныя разстоянія, неравное качество земли, могли бы компенсироваться неравной величиной отводимыхъ участковъ, неравными жеребьями, но это противно всѣмъ взглядамъ нашего крестьянина на общинную землю, и слѣдствіемъ этого является необходимость уравнять издержки производства всѣхъ домохозяевъ, почему помимо раздѣленія земли на три поля трехпольнаго сѣвооборота, земля дѣлится еще на три участка, въ зависимости отъ разстоянія—поля ближнія, среднія и дальнія,—и каждый хозяинъ верстается во всѣхъ получаемыхъ такимъ образомъ 9 участкахъ. Если же еще вмѣшивается условіе разнаго качества земли, то можетъ получиться и 18 и болѣе, — въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже 30 и свыше того отдѣльныхъ дѣлянокъ (до 46—54, а въ одномъ указанномъ въ литературѣ случаѣ даже до 171 дѣлянки на дворъ), причемъ величина дѣлянки находится въ зависимости отъ увеличенія ихъ числа; въ иныхъ случаяхъ встрѣчаются десятины, раздѣленныя на 40—50 участковъ, слѣдовательно, площадь каждаго такого участка не болѣе 60—48 кв. саж. Въ концѣ концовъ получаются полоски шириною въ 3—2 аршина и еще менѣе того,— нельзя косой размахнуться, чтобы не захватить чужой полоски, нельзя сѣять, чтобы зерно не попадало на чужую землю, — и между каждыми двумя участками проходитъ обыкновенно по заростающему сорными травами межнику.

Примемъ не крайній случай—разбивку десятины на полоски въ 1 сажень шириною, съ межниками по обѣ стороны всего только въ $^1/_4$ аршина. Такихъ дѣлянокъ умѣстится на десятинѣ 27½ и общая производительная площадь десятины составитъ 2,227 кв. саж., подъ межники же уйдетъ 173 кв. саж. Отнесемъ это къ площади распашной надѣльной крестьянской земли, скажемъ въ 1.000 десятинъ, и получится, что подъ межами, засоряющими притомъ поля сорными травами, приходится 7,2%, т. е. 72 десятины изъ тысячи. И это въ случаѣ сравнительно благопріятномъ, при ширинѣ полосъ въ 3 аршина, но что же окажется при ширинѣ ихъ въ 2 или 1½ аршина? Впрочемъ, слѣдуетъ оговориться: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне между полосками межъ не оставляютъ и запахиваютъ ихъ борозда къ бороздѣ; тамъ весь этотъ разсчетъ отпадаетъ, но и помимо этого, узкая ширина полосы страшно затрудняетъ обработку земли — тутъ и съ сохою или бороною нельзя повернуться, и приходится при перемѣнѣ направленія переносить эти орудія въ концѣ поля на рукахъ. А такъ какъ не всѣ крестьяне занимаютъ свои полоски даже въ одномъ полѣ однимъ хлѣбомъ, и при засѣвѣ ихъ невозможно

избѣжать того, чтобы сѣмена не попадали на сосѣднія полосы, то получается засореніе одного хлѣба другимъ, напримѣръ, пшеницы—рожью, овса—ячменемъ и т. п.; при отсутствіи у крестьянъ зерноочистительныхъ машинъ, отдѣлить одни сѣмена отъ другихъ имъ уже невозможно. И такое взаимное засореніе хлѣбовъ тѣмъ больше, чѣмъ уже межники, или ихъ совсѣмъ нѣтъ, а тамъ, гдѣ они шире, является засореніе хлѣбовъ сѣменами сорныхъ травъ, сильно обезцѣнивающее крестьянскій хлѣбъ на рынкѣ. Множество отдѣльныхъ дѣлянокъ на крестьянскихъ поляхъ создаетъ кромѣ того крайнюю черезполосицу и можетъ значительно понизить доходы даже и богатаго по количеству земли общества. При такихъ условіяхъ, и при 20 десятинномъ на дворъ надѣлѣ иногда приходится сѣять въ 15—10 верстахъ отъ дома узенькія полоски, проѣздъ на которыя беретъ болѣе времени, нежели ихъ обработка, и это не одному какому нибудь двору, а каждому изъ дворовъ общества. Такое явленіе тѣмъ болѣе вѣроятно, чѣмъ больше само общество, что и вполнѣ естественно, такъ какъ количество дѣлянокъ всецѣло зависитъ отъ разстоянія, т. е. отъ общей площади надѣла, и отъ разнохарактерности почвы, что тоже болѣе вѣроятно при большей площади.

Въ укоръ нашему крестьянскому хозяйству и въ доказательство того, что крестьяне недостаточно используютъ свою распашную площадь, у насъ нерѣдко еще ссылаются на значительность, при обычныхъ формахъ крестьянскаго (впрочемъ, не одного крестьянскаго) землепользованія, площади непроизводительнаго пара. Указываютъ на то, что если бы площадь пара въ сѣвооборотѣ была сокращена, хотя бы до тѣхъ размѣровъ его, которые существуютъ въ Германіи и другихъ западно-европейскихъ государствахъ, то это сразу значительно увеличило бы площадь производительныхъ земель, а слѣдовательно и количество собираемаго хлѣба. Какъ бы такая перспектива ни представлялась заманчивой, съ этими доводами я однако согласиться не могу, и вотъ почему. За исключеніемъ самой южной окраины Россіи,—Сѣвернаго Кавказа, части Донской области, губерній новороссійскихъ, Бессарабской, и отчасти юго-западныхъ, и Царства Польскаго,—наши климатическія условія такого рода, что не позволяютъ слишкомъ оттягивать озимый посѣвъ, производить его осенью по снятіи яроваго хлѣба, или послѣ картофеля, свекловицы и т. п., какъ это весьма часто практикуется за границею. У насъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ мѣстностей, это совершенно невозможно, въ виду значительно болѣе ранняго, нежели

на югѣ и на западѣ, наступленія холодовъ, препятствующихъ развитію и укорененію озимыхъ посѣвовъ, передъ наступленіемъ зимняго времени и замираніемъ растительной жизни. Въ то время, какъ тамъ считаютъ возможнымъ производить озимый посѣвъ въ концѣ сентября, въ октябрѣ, во Франціи даже въ ноябрѣ, и только декабрьскіе посѣвы признаются слишкомъ поздними и ненадежными, у насъ безусловно лучшими считаются ранніе посѣвы озими, къ которымъ приступаютъ съ первыхъ чиселъ августа, а посѣвы, произведенные въ концѣ этого мѣсяца, уже признаются запоздалыми, рискованными. Между тѣмъ, покончить къ первой половинѣ августа съ уборкою яровыхъ хлѣбовъ въ средней и сѣверной Россіи совершенно невозможно, выкопка же корнеплодовъ, картофеля и свекловицы обыкновенно только и начинается въ концѣ августа и нерѣдко затягивается на весь сентябрь.

На югѣ же, гдѣ уборка хлѣбовъ заканчивается гораздо ранѣе и времени для озимаго посѣва послѣ снятія ихъ урожая оставалось бы вдоволь, неудобство другое. Эти мѣстности всего болѣе страдаютъ отъ засухъ, и сохраненіе въ почвѣ возможно большаго запаса влаги представляется тамъ однимъ изъ главныхъ условій успѣшнаго произростанія культурныхъ растеній. Извѣстно, что всѣ растенія во время своего роста извлекаютъ изъ почвы и испаряютъ въ воздухъ огромныя количества влаги, оставляя послѣ себя почвенный слой въ болѣе или менѣе высушенномъ состояніи. Это высыханіе почвы подъ растеніями тѣмъ значительнѣе, чѣмъ роскошнѣе они развиваютъ свою листву, такъ какъ испареніе воды именно черезъ зеленыя части растеній, черезъ листья, и происходитъ. Поэтому, если вслѣдъ за снятіемъ ярового хлѣба тотчасъ же посѣять на полѣ озимый хлѣбъ, то молодыя растенія не найдутъ въ почвѣ достаточнаго запаса влаги для своего развитія и всходы не разовьются, какъ слѣдуетъ, или зачахнутъ. Между тѣмъ хорошее развитіе и укорененіе зеленей съ осени составляетъ одно изъ главныхъ условій будущаго урожая,—хотя и бываютъ случаи, когда плохіе и слабые осенніе всходы благопріятная весна поправляетъ, но это уже исключеніе, тогда какъ общее правило другое. По этой же причинѣ рискованно у насъ занятіе парового поля такъ называемыми паровыми растеніями, убираемыми на кормъ до наступленія ихъ зрѣлости, какъ, напримѣръ, вика съ овсомъ; на западѣ это въ широкой степени практикуется, возможно даже и у насъ на сѣверѣ и сѣверо-западѣ, гдѣ въ почвѣ сырости всегда довольно, хоть отбавляй, но очень опасно вездѣ, гдѣ во влагѣ чувствуется недостатокъ и суще-

ствуетъ опасность засухи. Вслѣдствіе этого, даже тамъ, гдѣ производство озимаго посѣва послѣ снятія яри, или этихъ паровыхъ растеній, которыя могли бы значительно увеличить кормовые запасы крестьянина, возможно, обращенія къ нимъ рекомендовать нельзя, и опытные хозяева, не увлекающіеся слѣпо примѣрами западно-европейской агрономіи, ихъ избѣгаютъ. Отсюда ясно, что при нашихъ климатическихъ условіяхъ, притомъ почти повсемѣстно, за исключеніемъ развѣ только юго-западныхъ губерній, гдѣ эти условія ближе подходятъ къ западно-европейскимъ, сохраненіе пара передъ озимымъ посѣвомъ является пріемомъ неизбѣжнымъ и неустранимымъ, хотя бы онъ и уменьшалъ общую производительную площадь нашихъ земель. Конечно, вмѣсто озими, чтобы не оставлять земли въ теченіе цѣлаго года незанятой, можно весною засѣять поле какимъ-либо яровымъ растеніемъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, какъ, напримѣръ, на югѣ, озимые хлѣба часто въ сѣвооборотѣ либо совсѣмъ отсутствуютъ, либо занимаютъ, сравнительно съ яровыми, гораздо болѣе ограниченную площадь, но для большей части Россіи такой образъ дѣйствій немыслимъ. Озимые хлѣба, и на первомъ планѣ, конечно, рожь, все же составляютъ главную основу нашей полевой культуры, а ржаной хлѣбъ — главный предметъ питанія русскаго народа. Замѣнить озимые хлѣба яровыми, опять таки при условіяхъ большей части мѣстностей Россіи, невозможно: всѣ яровыя растенія, которыя здѣсь могутъ быть культивируемы, и менѣе цѣнны, и менѣе важны для пропитанія населенія, и часто даже менѣе надежны, нежели рожь, подъ которую обязательно требуется годъ пара, точно также, какъ и подъ озимую пшеницу, тамъ, гдѣ культура ея по климатическимъ условіямъ возможна. Такимъ образомъ, приходится признать, что при обсужденіи вопроса о крестьянскомъ землепользованіи, намъ неизбѣжно надо считаться съ паромъ, какъ неустранимымъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ зломъ, и примѣръ западно-европейскаго хозяйства, которое паръ либо совсѣмъ упразднило, либо довело до ничтожныхъ сравнительно размѣровъ, для насъ въ данномъ случаѣ не указъ. Поэтому для самаго даже раціональнаго хозяйства въ Россіи требуется соотвѣтственно болѣе земли, нежели на Западѣ.

Но если оставленіе земли передъ озимью подъ паромъ является такимъ культурнымъ пріемомъ, отъ котораго мы ни теперь, ни въ будущемъ, повсемѣстно отказаться не можемъ, то необходимо всѣ мѣры принять къ тому, чтобы онъ свое назначеніе выполнилъ возможно полнѣе и всего болѣе обезпечилъ бы уро-

жайность того озимаго растенія, подъ которое онъ готовитъ землю. Эта цѣль въ большей части помѣщичьихъ хозяйствъ достигается болѣе или менѣе успѣшно, и наоборотъ, совсѣмъ не достигается въ хозяйствахъ крестьянскихъ, именно по указанному выше неблагопріятному сочетанію на крестьянскихъ земляхъ посѣвной и кормовой площадей. Не вдаваясь слишкомъ глубоко въ агрономическую сторону дѣла, скажу только, что для того, чтобы паръ въ полной мѣрѣ исполнилъ свое назначеніе,—подготовить почву подъ слѣдующій за нимъ хлѣбъ, сосредоточить въ почвѣ необходимый запасъ влаги, привести ее въ состояніе необходимой рыхлости, довести землю до такъ называемой „почвенной спѣлости“, которая составляетъ одно изъ условій успѣшности послѣдующаго посѣва, нужно, чтобы паръ былъ поднятъ какъ можно раньше съ весны, а по мнѣнію защитниковъ „чернаго пара“ даже еще лучше—съ осени. Нужно, чтобы на пару не допускалось развитіе изсушающихъ почву, а затѣмъ и засоряющихъ поле своими сѣменами, сорныхъ растеній, нужно, чтобы онъ не утаптывался скотомъ, нужно унаваживать паръ какъ можно благовременнѣе, чтобы дать возможность навозу въ почвѣ какъ слѣдуетъ разложиться и перепрѣть. Всѣ эти условія въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ и выполняются, взметъ пара производится если не съ осени, то съ ранней весны, немедленно послѣ окончанія ярового посѣва, не позднѣе первой половины—даже въ первыхъ числахъ—мая, навозъ вывозится и запахивается рано; поверхность почвы все лѣто поддерживается въ рыхломъ состояніи, сорной растительности на пару не даютъ развиваться. Напротивъ, ни одно изъ этихъ условій на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ не соблюдается, и при настоящихъ условіяхъ крестьянскаго землепользованія не можетъ соблюдаться. Такъ какъ почти вездѣ крестьяне своихъ выгоновъ не имѣютъ, за рѣдкими исключеніями не имѣютъ и луговъ, то они волей-неволей вынуждены пасти свой скотъ на парахъ, оттягивая его распашку до конца іюня, обыкновенно до Петрова дня; такъ же запаздываютъ они и съ вывозомъ навоза; чѣмъ паръ зеленѣе, тѣмъ для нихъ лучше, такъ какъ скотина лучше наѣстся, но зато и сорныхъ травъ на крестьянскихъ поляхъ распложается видимо-невидимо; чѣмъ долѣе скотъ на парахъ ходитъ, тѣмъ болѣе онъ его утаптываетъ, забиваетъ ногами, уплотняетъ; оттого при вспашкѣ получаются глыбы земли, которыя при сухой погодѣ не поспѣютъ разсыпаться, навозъ между ними остается плохо прикрытымъ, выгораетъ на солнцѣ, высыхаетъ. Наконецъ, для прочихъ работъ по обработкѣ пара,—бороньбы, двойки,—времени

тоже остается мало, тѣмъ болѣе, что тутъ же наступаетъ горячая пора уборки—страда; легкая крестьянская борона при сухой погодѣ глыбъ и комьевъ совсѣмъ не разобьетъ, а развѣ только съ одного бока на другой переворотитъ. Двойки иногда не производится вовсе, а бываютъ случаи, когда даже и посѣвъ производится по непаханному полю и запашка сѣмянъ представляетъ собою первую вспашку, которую видитъ поле. Неудивительно, что при этомъ, какъ было говорено выше, урожаи на земляхъ крестьянскихъ всегда ниже, сѣмена тощѣе и въ особенности сорнѣе, нежели на помѣщичьихъ поляхъ. И тутъ, слѣдовательно, виновато отмѣченное уже усиленное стремленіе крестьянъ, особенно нашего черноземнаго раіона, къ расширенію своей посѣвной площади на счетъ луговъ и выгоновъ, за отсутствіемъ которыхъ они пользуются для выпаса скота паромъ, къ явному ущербу для производительности земли. И пока крестьяне не сознаютъ необходимости возстановленія нормальнаго соотношенія между угодьями, или пока они не заведутъ многопольнаго сѣвооборота съ травами, что при общинныхъ порядкахъ очень трудно осуществить, одна прирѣзка земли, которую они тотчасъ же всю обратятъ подъ ту же пашню, конечно, столь же мало производительную, какъ и остальная, имъ не много дастъ, да не будутъ они въ состояніи увеличить и своего скотоводства и прибавить конной силы, столь необходимой для лучшей обработки полей.

Рисуя картину современнаго крестьянскаго землепользованія, я долженъ упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ, хотя и второстепенномъ, но все же заслуживающемъ вниманія. Это именно почти полный упадокъ у крестьянъ, особенно въ той же нашей злополучной средней черноземной полосѣ, огородничества,—не промышленнаго, которое напротивъ того въ подгородныхъ мѣстностяхъ быстро развивается и совершенствуется, а своего, домашняго. Было время—и я самъ его хорошо помню,—когда почти у всѣхъ крестьянъ на задворкахъ были огородики, небольшіе, въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ саженъ, доставлявшіе имъ, однако, разные необходимые овощи—огурцы, лукъ, рѣпу, свеклу, рѣдьку. Теперь такіе огороды сохранились только въ Малороссіи, въ великороссійскихъ же губерніяхъ ихъ совсѣмъ почти болѣе нѣтъ, и всѣ нужные имъ овощи крестьяне теперь покупаютъ на базарахъ, у огородниковъ, у проѣзжихъ торговцевъ, уплачивая деньги за то, что прежде выращивали у себя дома, трудомъ женщинъ, стариковъ, даже дѣтей. Подобные домашніе огородики въ прежнее время служили немалымъ подспорьемъ для продовольствія кре-

стьянъ и въ неурожайные, голодные годы, они получали тѣмъ большее значеніе, что полнаго неурожая на огородные овощи никогда не бываетъ; кромѣ того они служатъ лучшимъ средствомъ для предохраненія людей отъ разныхъ заболѣваній, поражающихъ человѣческій организмъ при недостаточности питанія, и въ особенности отъ цынги, противъ которой нѣкоторые овощи служатъ даже, какъ извѣстно, специфическимъ средствомъ. Какое ни будь малоземелье—для огорода въ нѣсколько грядъ всегда мѣста хватитъ, труда онъ требуетъ немного, труда самаго легкаго, а польза отъ него большая. И между тѣмъ эта столь простая, сподручная для всякаго самаго бѣднаго крестьянскаго двора отрасль хозяйства почти исчезла. Спрашивается, почему? При бесѣдахъ моихъ по этому поводу съ крестьянами, они указывали мнѣ, какъ на главную причину этого явленія, на водворившуюся нынѣ въ крестьянскомъ быту распущенность, на трудность оберечь огородъ отъ хищенія,—все сосѣдскіе мальчишки растаскаютъ, не доглядишь. Развѣ всѣ на селѣ огороды заведутъ, а одному невозможно,—ничего не останется. И отвели крестьяне свои прежніе задворные огородные участки подъ коноплянники, а то и просто забросили, и вмѣсто овощей на задворкахъ теперь часто одни бурьяны расплажаются. То же обстоятельство препятствуетъ крестьянамъ разводить и фруктовыя деревья,—развѣ всѣмъ селомъ вмѣстѣ. Какъ трудно уберечь сады отъ воровства, хорошо знаютъ всѣ садовладѣльцы, а крестьянину для какого-нибудь десятка яблонь не держать же сторожа! И добро бы только яблоки таскали, а то и вѣтви деревьевъ ломаютъ и цѣлые саженцы изъ земли вытаскиваютъ, и все это не изъ корысти, а изъ одного „озорства“. И вотъ изъ-за этого озорства, изъ-за невозможности уберечься отъ воровства, сладить съ ребятишками, — пропала у насъ цѣлая отрасль хозяйства, и приходится крестьянину раскошеливаться, обременять свой скудный бюджетъ на покупку того, что прежде получалось безъ копѣйки расхода, между дѣломъ, дома. Вопросъ этотъ въ сущности важнѣе, чѣмъ онъ можетъ показаться съ перваго взгляда, почему я и рѣшаюсь здѣсь о немъ упомянуть. И правы малороссы, замѣчающіе, что „огородъ для семьи пидмога (подмога)“,—„то не хозяйка, що овощи покупае, то хозяйка, що продае“; въ средней же Россіи о продажѣ овощей крестьяне забыли и думать, и для себя ихъ нѣтъ, и покупаютъ ихъ всѣ. Проѣзжайте у насъ по любой деревнѣ, пройдитесь по задамъ, по задворкамъ, по огуменникамъ,—любой, не то что западно-европейскій хозяинъ, а и нашъ латышъ или эстонецъ, не говоря уже

про нѣмца, въ ужасъ придутъ отъ того, сколько клочковъ земли, самой дорогой, подусадебной, пропадаетъ даромъ, сколько навоза въ овраги выбрасывается, сколько силъ, сколько свободнаго времени у крестьянина приложенія не находитъ. Нѣтъ, не въ одномъ малоземельѣ бѣда русскаго крестьянина, далеко еще не исчерпавшаго всего, что могла бы дать ему наличная у него земля, и одною прирѣзкою земли этой бѣдѣ не пособить, хотя къ ней, къ этой ожидаемой имъ милости насчетъ землицы, и сводятся теперь всѣ его вожделѣнія и помыслы.

II.

Крестьянскія аренды.

Однимъ изъ самыхъ достовѣрныхъ показателей дѣйствительной земельной нужды у насъ признаются крестьянскія, большею частью погодныя, аренды земли у помѣщиковъ, нерѣдко за несоразмѣрно повышенныя цѣны. Этимъ арендамъ дается нѣкоторыми писателями названіе аренды продовольственной или даже голодной, въ отличіе отъ аренды предпринимательской или капиталистической. Въ первомъ случаѣ крестьяне снимаютъ землю, большею частью на одинъ посѣвъ, въ дополненіе къ своему надѣлу, чтобы только прокормиться, прокормить свой скотъ, работая, при высокой арендной платѣ, себѣ почти въ убытокъ и считая свой трудъ ни во что, тогда какъ при арендѣ предпринимательской арендаторъ снимаетъ землю изъ-за барыша, снимаетъ ее на года и платитъ за нее обыкновенно дешевле противъ крестьянской вынужденной аренды, или вѣрнѣе погоднаго найма—съема земли, такъ какъ такую форму землепользованія даже въ сущности и арендой назвать нельзя. Я согласенъ съ тѣмъ, что къ наиболѣе невыгодному для нихъ въ денежномъ отношеніи погодному съему земли крестьяне прибѣгаютъ вслѣдствіе относительной ограниченности своего землевладѣнія, и съ этой стороны фактическія данныя о размѣрахъ такой аренды могутъ имѣть весьма серьезное значеніе, представляя собою наивысшій размѣръ той земельной площади, о предоставленіи которой крестьянамъ можетъ идти рѣчь; но я не считаю возможнымъ проводить слишкомъ рѣзкую грань между двумя видами аренды — про-

довольственной и предпринимательской. На дѣлѣ, нерѣдко, первая имѣетъ характеръ смѣшанный и къ цѣлямъ продовольственнымъ примѣшивается у такихъ арендаторовъ и стремленіе выручить отъ арендованной земли извѣстный чистый барышъ, иногда же такой погодный съемъ земли имѣетъ характеръ несомнѣнно спекулятивный, напримѣръ, при наймѣ земли подъ бахчи или баштаны въ Малороссіи и нѣкоторыхъ южныхъ губерніяхъ, подъ ленъ на сѣверѣ и т. п. Аренда казенныхъ земель крестьянами тоже далеко не всегда имѣетъ характеръ продовольственный, часто крестьяне снимаютъ эти земли подъ выпасъ или нагулъ скота, луга подъ укосъ травы, какъ для своего скота, такъ и на продажу, подъ посѣвы цѣнныхъ красныхъ хлѣбовъ и пр.

Иногда же, наоборотъ, и при долгосрочной арендѣ, она можетъ быть въ дѣйствительности продовольственной, а не предпринимательской, когда земля, напримѣръ, арендуется на года цѣлымъ селомъ, при недостаточности его земельнаго надѣла. Если арендная плата за земли, снимаемыя въ аренду погодно, обыкновенно выше аренды многолѣтней, за то послѣдняя гораздо болѣе обезпечиваетъ землевладѣльцу поступленіе постояннаго годового дохода, тогда какъ при арендѣ погодной, въ годы неурожайные приходится скащивать арендаторамъ-крестьянамъ болѣе или менѣе значительныя суммы, что обыкновенно и дѣлаетъ каждый владѣлецъ, желающій жить въ ладу со своими сосѣдями-крестьянами. Для того, чтобы правильно освѣтить этотъ вопросъ, надобно было бы знать не только то, за сколько крестьяне снимаютъ землю въ аренду, но и то, сколько они за нее фактически въ среднемъ за нѣсколько лѣтъ уплатили. Тогда и вышло бы, что разница между арендными платами при двухъ видахъ аренды не такъ уже велика, какъ обыкновенно считаютъ, да и крестьяне сами нерѣдко избѣгаютъ снимать земли на года, опасаясь себя связать многолѣтними обязательствами. Послѣ неурожайныхъ годовъ арендныя платы при погодной раздачѣ всегда падаютъ, послѣ урожайныхъ повышаются. Кромѣ того, особенно при погодной арендѣ, весьма нерѣдки случаи арендованія земли не за денежныя платы, а изъ доли урожая, при чемъ часть риска падаетъ и на владѣльца земли.

Въ губерніяхъ сѣверныхъ и въ средне-промышленномъ районѣ арендная плата, напротивъ того, тѣмъ выше, чѣмъ продолжительнѣе аренда, и погодныя аренды самыя дешевыя. Грань между арендами продовольственными и предпринимательскими (термины, измышленные нашими писателями по аграрному вопросу) тутъ провести

еще труднѣе. При многолѣтней арендѣ цѣлыхъ имѣній арендная плата обыкновенно исчисляется за десятину всей земли, считая въ томъ числѣ и паровую, тогда какъ погодно крестьяне берутъ обыкновенно одну пахотную землю въ озимомъ и яровомъ поляхъ, или одни только луга и выгоны, смотря по тому, что имъ нужно.

Въ статистическихъ данныхъ объ арендѣ различія между цѣлями аренды обыкновенно не дѣлается, различать же ихъ только по ихъ продолжительности и относить всякую погодную аренду къ продовольственной, а многолѣтнюю къ предпринимательской, тоже нельзя. Вообще, никакія обобщенія и тутъ невозможны, и необходимо разбирать каждый случай отдѣльно.

Какъ это ни противорѣчитъ общераспространенному и усиленно пропагандируемому мнѣнію о томъ, что арендовать частновладѣльческія земли побуждаетъ крестьянъ исключительно недостача собственныхъ земель, приходится констатировать тотъ фактъ, что прямого соотношенія между площадью арендуемыхъ крестьянами земель и размѣрами ихъ надѣловъ въ дѣйствительности нѣтъ. Если бы оно было, то, конечно, размѣры арендъ должны были бы увеличиваться обратно-пропорціонально площади крестьянскаго землевладѣнія, т. е. аренды возрастали бы у крестьянъ малоземельныхъ, и, наоборотъ, крестьяне, болѣе обезпеченные землею, рѣже обращались бы къ арендованію чужой. Чтобы показать, что это на самомъ дѣлѣ не такъ, сошлюсь на проф. Карышева, какъ на такого писателя, безпристрастіе котораго въ крестьянскомъ вопросѣ едва ли можетъ быть заподозрѣно. Вотъ что онъ говоритъ въ разныхъ мѣстахъ своего извѣстнаго изслѣдованія „Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды“:

„Арендами внѣнадѣльныхъ земель пользуются всего болѣе крестьяне бывшіе владѣльческіе и удѣльные, а въ меньшей степени—бывшіе государственные, четвертные и казаки. Въ виду того, что надѣлы первыхъ и вторыхъ группъ менѣе надѣловъ остальныхъ, на этомъ обстоятельствѣ строится иногда предположеніе о существованіи обратнаго отношенія между размѣрами арендъ съ состоятельностью съемщиковъ. Послѣдующія данныя не позволяютъ однако признать такой зависимости между этими элементами крестьянскаго хозяйства“. „Можно бы думать, что съемка чужихъ земель до нѣкоторой степени нивеллируетъ нужды хозяйства крестьянъ разной обезпеченности, что пользованіе чужой землей чаще всего выпадаетъ на долю тѣхъ, кто въ ней болѣе нуждается по недостатку своей. Наблюденія, однако, заставляютъ отвергнуть такое предположеніе“. „Аренды возрастаютъ

и падаютъ вмѣстѣ съ надѣлами". Чѣмъ выше надѣлы, говорится далѣе, тѣмъ болѣе ростетъ и средній размѣръ арендуемыхъ участковъ. Стремленіе арендовать частновладѣльческія земли наиболѣе осуществляется зажиточными и сравнительно многоземельными семьями. „Вездѣ, гдѣ мы имѣли возможность привести группировку крестьянъ по размѣрамъ надѣловъ—вездѣ мы встрѣчаемъ неуклонно повторяющійся ростъ аренды *вмѣстѣ* (курсивъ автора) съ увеличеніемъ количества ихъ собственной земли. Приведенными данными существованіе прямой зависимости между этими факторами крестьянскаго хозяйства должно считаться доказаннымъ. Тѣмъ не менѣе, убѣжденіе въ томъ, что на самомъ дѣлѣ существуетъ между этими признаками зависимость обратная, имѣетъ весьма широкое распространеніе"— и далѣе на нѣсколькихъ страницахъ профессоръ Карышевъ фактами доказываетъ неосновательность этого убѣжденія. Въ заключеніе авторъ приходитъ къ тому выводу, что размѣръ арендъ зависитъ отъ состоятельности крестьянскихъ дворовъ, ихъ рабочей силы, числа лошадей и т. п., и затѣмъ отъ наличности земель, предложенныхъ въ аренду. Первое условіе прямо противорѣчитъ теоріи голодныхъ арендъ, второе придаетъ арендованію частновладѣльческихъ земель крестьянами характеръ случайный, устанавливающій зависимость крестьянскихъ арендъ болѣе отъ предложенія земли, нежели отъ спроса на нее. Взять землю въ аренду готовы всѣ крестьяне, но не всѣ это могутъ, за неимѣніемъ средствъ на то, и во всякомъ случаѣ арендуютъ скорѣе богатые, нежели бѣдные,—развиты же наиболѣе аренды тамъ, гдѣ есть болѣе владѣльцевъ, собственнымъ хозяйствомъ не занимающихся. Изъ этого можно сдѣлать и такой выводъ, что увеличеніе размѣра арендъ, попадающихъ по преимуществу въ руки наиболѣе обезпеченныхъ крестьянъ, служитъ ко вреду крестьянъ малоимущихъ, лишенныхъ возможности участвовать въ такой арендѣ и въ то же время утрачивающихъ заработки по мѣрѣ сокращенія частновладѣльческаго хозяйства. Слѣдуетъ замѣтить еще, что и тамъ, гдѣ земли арендуются цѣлыми сельскими обществами, онѣ все же по преимуществу попадаютъ въ руки наиболѣе состоятельныхъ членовъ общины, а если бѣдняки и участвуютъ въ дѣлѣ, то развѣ только при взысканіи недоимокъ арендныхъ платежей на началахъ круговой поруки... „Исключаются изъ пользованія снятою землей",— цитирую опять проф. Карышева,—„именно тѣ, кто въ ней болѣе другихъ нуждается, хозяева маломощные, обѣднѣвшіе, обладающіе меньшимъ количествомъ рабочихъ силъ и скота. При началѣ

аренды, вписываются всѣ домохозяева, но многіе лишь за тѣмъ, чтобы немедленно переуступить свои доли болѣе состоятельнымъ сообщникамъ". „Снятые участки дѣлятся по капиталу, бѣднѣйшіе устраняются совсѣмъ отъ пользованія" и т. д.

Если исходить изъ предвзятаго убѣжденія въ томъ, что крестьянскія аренды являются вынужденнымъ коррективомъ къ крестьянскому же малоземелью,—чего, какъ мы видимъ, въ дѣйствительности нѣтъ,—то надо было бы ожидать и повышенія арендныхъ цѣнъ по мѣрѣ увеличенія спроса на землю, по мѣрѣ увеличенія самыхъ размѣровъ аренды. На дѣлѣ, какъ показываетъ проф. Карышевъ, и этого нѣтъ. По его словамъ, „увеличеніе размѣровъ внѣнадѣльнаго найма земель сопровождается пониженіемъ арендной платы. Плата за землю въ многоарендныхъ уѣздахъ ниже, чѣмъ въ малоарендныхъ. Размѣры средней денежной арендной платы колеблются въ обратномъ отношеніи съ размѣрами крестьянскихъ внѣнадѣльныхъ арендъ". Изъ сказаннаго видно, что хотя главнымъ стимуломъ къ арендованію крестьянами владѣльческихъ земель является стремленіе ихъ увеличить площадь своего землепользованія, но удовлетворить это стремленіе могутъ только крестьяне наиболѣе зажиточные, обладающіе и сравнительно бо̀льшимъ количествомъ надѣльной земли и бо̀льшимъ количествомъ скота, а потому придавать всѣмъ такимъ арендамъ наименованіе голодныхъ арендъ тѣмъ менѣе могутъ быть основанія.

Общая площадь арендуемыхъ крестьянами земель опредѣляется разными авторами весьма различно. Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы опредѣлили ее, согласно съ данными, собранными и разработанными Министерствомъ Финансовъ, для такъ называемой коммисіи центра, въ 19½—20 міліоновъ десятинъ. Въ эту цифру входитъ и аренда крестьянами земель казенныхъ, удѣльныхъ и т. п., опредѣлить же, сколько именно частновладѣльческой земли берется крестьянами въ аренду, тѣмъ труднѣе, что, какъ извѣстно, многіе землевладѣльцы избѣгаютъ сдавать земли непосредственно въ руки крестьянъ по мелочамъ, а прибѣгаютъ къ разнымъ посредникамъ, уже отъ себя раздающимъ земли въ субъ-аренду крестьянамъ; между такими посредниками-спекулянтами, участіе которыхъ въ дѣлѣ ложится особенно тяжело на крестьянъ, есть не мало лицъ самыхъ различныхъ сословій, не исключая и евреевъ, напримѣръ, въ Бессарабіи. Такимъ образомъ, допуская даже, что вынужденная аренда земли крестьянами, какъ и несоразмѣрно вздутыя цѣны при такой

арендѣ, являются, до извѣстной степени, показателями насущной нужды крестьянъ въ увеличеніи своего землепользованія, мы и тутъ лишены твердыхъ фактическихъ данныхъ для опредѣленія пространства арендуемыхъ ими съ этою цѣлью земель, которыя всего желательнѣе было бы перевести въ ихъ постоянное владѣніе, хотя бы для того, чтобы гарантировать крестьянъ противъ неизбѣжнаго, въ противномъ случаѣ, дальнѣйшаго повышенія цѣнъ на эти земли.

Очень много у насъ писалось о крестьянскихъ арендахъ, а между тѣмъ и этотъ вопросъ освѣщался крайне односторонне; обыкновенно говорилось только объ арендѣ крестьянами земель помѣщичьихъ, но совсѣмъ оставлялась безъ вниманія другая сторона дѣла,—сдача крестьянами своихъ надѣльныхъ земель въ аренду, своимъ же односельцамъ, или и постороннимъ лицамъ. Явленіе это представляется вполнѣ естественнымъ и вытекаетъ изъ того факта, что вовсе не всѣ крестьяне, какъ у насъ принято думать, непремѣнно земледѣльцы, а, напротивъ, многіе изъ нихъ, имѣя болѣе или менѣе постоянные и вѣрные заработки на сторонѣ, часто совершенно внѣ области сельскохозяйственной промышленности, и которые приносятъ имъ болѣе, нежели сколько они могли бы выручить отъ земли,—уходя, сдаютъ свой надѣлъ въ аренду, на годъ или и на болѣе длинные сроки, т. е., въ сущности, поступаютъ совершенно такъ же, какъ и частные землевладѣльцы, сами своихъ земель не эксплоатирующіе. Спрашивается, есть ли логическое основаніе признать необходимость прирѣзки земли и такимъ крестьянамъ, или нужно ее у нихъ отобрать въ пользу другихъ членовъ общества? Я полагаю, что не нужно дѣлать ни того, ни другого, но нужно предоставить имъ право еще болѣе свободнаго распоряженія своею землею, до продажи ея включительно, разъ такіе крестьяне отстали отъ земли и вовсе не разсчитываютъ, можетъ быть, въ свое родное село и къ занятію земледѣліемъ возвращаться. Теперь же они привязаны къ нему и къ землѣ насильственно, не будучи въ правѣ реализовать свою часть надѣльной земли, за которую они или ихъ предки вносили выкупные платежи,—путемъ ея продажи, что сразу дало бы имъ въ руки нѣкоторый капиталъ, которому они могли бы найти производительное помѣщеніе; нельзя же предполагать, что каждый такой крестьянинъ этотъ капиталъ непремѣнно тотчасъ пропьетъ! Между тѣмъ, теперь, благодаря такому ограниченію ихъ правъ на землю, они вынуждены при сдачѣ ся въ аренду довольствоваться и крайне низкой за нее арендной

платой. Далѣе, сдаютъ свои земли въ аренду дворы безлошадные, маломощные, бобыльи, въ которыхъ взрослыхъ рабочихъ нѣтъ или мало. Наоборотъ, крестьяне болѣе богатые снимаютъ и концентрируютъ въ своихъ рукахъ надѣлы своихъ же незанимающихся земледѣліемъ односельчанъ. Извѣстны случаи, когда въ рукахъ одного такого богача сосредоточивается нѣсколько десятковъ такихъ, не эксплоатируемыхъ по тѣмъ или другимъ причинамъ ихъ владѣльцами, надѣловъ. Весьма часто, и притомъ цѣлымъ обществомъ, сдаютъ крестьяне отдаленные, запольные, черезполосные участки своихъ земель, которыхъ они за дальностью разстоянія сами обрабатывать не могутъ, и въ такихъ случаяхъ, имѣющихъ характеръ вынужденной сдачи, земли сдаются крестьянами обыкновенно дешевле существующихъ нормальныхъ арендныхъ цѣнъ. Бываетъ иногда и такъ, что крестьяне, сдавъ свои дальніе участки, затѣмъ взамѣнъ ихъ сами арендуютъ у сосѣднихъ владѣльцевъ или у крестьянъ же земли, лежащія поблизости; такіе случаи бываютъ, и нерѣдко, происходятъ же они не вслѣдствіе малоземелья даннаго селенія, а вслѣдствіе упомянутаго выше крайне неудобнаго для полевой культуры расположенія надѣльныхъ земель. Наконецъ, есть случаи, хотя и болѣе рѣдкіе, когда не крестьяне у помѣщиковъ, а наоборотъ—помѣщики у своихъ сосѣдей-крестьянъ снимаютъ земли, напримѣръ, для посѣва свекловицы вблизи свеклосахарныхъ заводовъ, и ведутъ на нихъ правильное многопольное хозяйство, уплачивая за нихъ крестьянамъ весьма высокія арендныя цѣны, до 20 р. за десятину на кругъ. Все это показываетъ, до какой степени и арендный вопросъ сложенъ и какъ трудно многообразныя жизненныя условія подвести подъ какія либо опредѣленныя рамки.

Нѣкоторыми писателями, разрабатывавшими вопросы крестьянскаго землепользованія, предлагалось, независимо отъ принудительнаго отчужденія владѣльческихъ земель въ пользу крестьянъ, установленіе, при сдачѣ земель въ аренду, предѣльной высоты арендныхъ цѣнъ. Допуская, въ извѣстныхъ ограниченныхъ и обставленныхъ надлежащими гарантіями случаяхъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, принудительное отчужденіе земель, какъ мѣру, приводимую въ исполненіе разъ навсегда, я считаю, наоборотъ, совершенно недопустимымъ такое вмѣшательство правительственной власти въ распоряженіе владѣльцевъ своими землями, пока онѣ принадлежатъ имъ на правѣ собственности. Такое вмѣшательство создало бы массу разныхъ недоразумѣній и привело бы неизбѣжно либо къ отказу владѣльцевъ отъ сдачи своихъ земель

въ аренду крестьянамъ, либо къ установленію обязательности для нихъ подобной сдачи помимо ихъ желанія, что я считаю столь же невозможнымъ. Подобное начало было-бы совершенно несогласно съ тѣмъ установленіемъ права участія общаго въ пользованіи частнымъ имуществомъ, которое предусматриваетъ ст. 575 десятаго тома свода законовъ, въ видахъ государственной или общественной пользы. Подобныя правила равносильны были-бы введенію обязательнаго сервитута аренды, который не только не послужилъ бы къ улучшенію отношеній между землевладѣльцами и крестьянами, а, напротивъ, повелъ бы лишь къ новымъ осложненіямъ и обостренію этихъ отношеній. Противъ подобной мѣры я считаю нужнымъ самымъ рѣшительнымъ образомъ возражать, отнюдь не отрицая необходимости измѣненія нашихъ законовъ объ арендѣ, путемъ приданія имъ большей твердости и устойчивости, обезпеченія выполненія обѣими договаривающимися сторонами добровольно принятыхъ на себя обязательствъ, вознагражденія арендаторовъ за произведенныя ими улучшенія (рѣдко, однако, у насъ встрѣчающіяся, такъ какъ наши арендаторы обыкновенно только разоряютъ имѣніе, а о производимыхъ ими улучшеніяхъ что-то не слыхать) и т. п. Это, напротивъ, безусловно необходимо, на столько же, на сколько первое недопустимо, по крайней мѣрѣ, при нашихъ условіяхъ, ничего общаго не имѣющихъ съ ирландскими, германскими и другими, которыя иногда намъ ставятъ въ подобныхъ случаяхъ въ примѣръ.

Между нашими, съ одной стороны, и ирландскими, германскими и вообще заграничными формами арендованія земель нѣтъ ничего общаго уже потому, что на западѣ арендаторами частновладѣльческихъ земель являются, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, лица, не имѣющія никакой недвижимой собственности, ни земли, ни даже своего жилища, и которыя издавна водворены на арендованныхъ ими участкахъ, иногда переходящихъ отъ отца къ сыну, улучшенныхъ трудомъ цѣлыхъ поколѣній. Сгони владѣлецъ такого исконнаго арендатора, у котораго нѣтъ своего ни кола, ни двора, или назначь ему при истеченіи срока договора непосильную арендную плату, — и онъ совершенно разоренъ, некуда ему дѣваться, негдѣ даже искать пріюта, приходится изъ вѣками насиженнаго гнѣзда выбираться, унося съ собою развѣ только кой-какой домашній скарбъ. Нѣчто подобное такимъ условіямъ арендованія земель существуетъ у насъ только въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, да въ Польшѣ. Во всѣхъ же другихъ мѣстностяхъ Россіи положеніе дѣлъ совершенно иное.

Класса постоянныхъ арендаторовъ здѣсь нѣтъ совсѣмъ. Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ степныхъ губерніяхъ, и есть арендаторы, держащіе одни и тѣ же, большею частью весьма крупные, земельные участки, по долгосрочнымъ контрактамъ, въ теченіе иногда многихъ десятилѣтій, то это всего чаще богатые купцы, скотопромышленники, или такъ называемые „посѣвщики", засѣвающіе сотни и тысячи десятинъ, но, конечно, не такихъ лицъ имѣютъ въ виду тѣ, кто предлагаетъ урегулировать закономъ арендныя платы. Очень часто подобные арендаторы богаче тѣхъ землевладѣльцевъ, земли которыхъ они снимаютъ и которымъ они платятъ и аренду обыкновенно невысокую. Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ у насъ арендаторами земель являются крестьяне, имѣющіе свою собственную землю и арендующіе частновладѣльческія земли въ дополненіе къ своей надѣльной. На арендуемыхъ ими земляхъ такіе арендаторы никогда не водворяются, постояннаго хозяйства на нихъ не заводятъ, а пашутъ, хлѣбъ сѣютъ и убираютъ его только наѣздомъ, продолжая жить въ своихъ селеніяхъ. Опредѣлить, въ какихъ случаяхъ такая аренда является вынужденною малоземельемъ, и когда она имѣетъ характеръ предпринимательскій, довольно трудно, тѣмъ болѣе, что оба эти основанія для аренды являются иногда смѣшанными. Въ то же время, подобная аренда представляется въ высшей степени непрочной и непостоянной; долгосрочныя аренды являются тутъ сравнительно рѣдко,—крестьяне часто опасаются „обвязаться" многолѣтними контрактами, въ виду возможнаго измѣненія ихъ хозяйственныхъ условій и потребностей. Сегодня снимаютъ землю у одного владѣльца, завтра у другого, смотря по тому, гдѣ дешевле и сподручнѣе, а потому у одного и того же владѣльца составъ такихъ погодныхъ съемщиковъ безпрерывно мѣняется. Само собою разумѣется, что о какихъ либо затратахъ со стороны подобныхъ арендаторовъ на снимаемой ими землѣ не можетъ быть и рѣчи, земля ими только выпахивается и истощается, безъ всякихъ заботъ съемщика о возстановленіи ея производительныхъ силъ, чего отъ нихъ, при погодной арендѣ, очевидно, и требовать нельзя. Выпашется земля, перестанетъ родить хорошо, они къ другому владѣльцу пойдутъ, гдѣ еще земля посвѣжѣе и моложе. Столь же непостоянны тутъ и арендныя платы. Послѣ урожайнаго года, когда у крестьянина денегъ больше и онъ „повеселѣетъ", ему „лестно" снять и засѣять побольше земли,—и арендная плата къ слѣдующему году повышается; послѣ плохихъ годовъ эта плата падаетъ. Если предполагать, что во всѣхъ случаяхъ погодной

аренды, эта аренда является вынужденной, „голодной“, то должно бы было быть наоборотъ, т. е. чѣмъ нужда крестьянина была бы острѣе, тѣмъ и арендныя цѣны были бы выше, но именно этого въ дѣйствительности не замѣчается. Выше я уже говорилъ, что если годъ совсѣмъ плохой и урожай не можетъ окупить аренды, то владѣлецъ обыкновенно всей арендной платы не добираетъ, а часть ея скащиваетъ, „прощаетъ“ мужику, что и необходимо для поддержанія добрыхъ сосѣдскихъ отношеній съ крестьянами. Спрашивается, какъ же тутъ урегулировать разъ на всегда арендныя цѣны, изъ какихъ годовъ исходить—хорошихъ или плохихъ? Первое было бы очевидно невыгодно для крестьянъ, второе для землевладѣльцевъ, тѣмъ болѣе, что случаи недобиранія даже пониженной аренды неизбѣжно повторялись бы и тутъ. Да и въ чью пользу эти цѣны установить, когда сегодня одинъ съемщикъ, завтра другой,—одному, которому ближе и сподручнѣе, выгодно дать за землю и высшую цѣну, другой, дальній, можетъ дать только гораздо дешевле. Кто же, какое учрежденіе и какой законъ могутъ въ эти сложныя отношенія, допускающія тысячи разныхъ варіацій, вмѣшаться, безъ того, чтобы вмѣсто урегулированія дѣла не внести въ него только величайшую путаницу? Не подлежитъ сомнѣнію, что всякій владѣлецъ, коль скоро ему запретятъ быть хозяиномъ и распорядителемъ своей земли, отъ сдачи ея въ аренду при такихъ условіяхъ откажется.

Но это только одна сторона вопроса. Другая, пожалуй, еще труднѣе и еще сложнѣе. Надо быть очень наивнымъ, чтобы думать, что если взять общую сумму арендныхъ платежей по губерніи или уѣзду, да раздѣлить ее на количество сдаваемыхъ въ аренду десятинъ земли, то получится средняя арендная плата, изъ которой и можно будетъ исходить при разсчетахъ, и по ней устанавливать нормы. Но вѣдь въ дѣйствительности это совершенно не такъ. На самомъ дѣлѣ не только въ предѣлахъ губерніи или уѣзда, но даже въ каждомъ отдѣльномъ имѣніи, существуетъ не одна, а множество разныхъ арендныхъ платъ, устанавливающихся въ зависимости отъ множества разныхъ условій. Для озимой десятины одна цѣна, варьирущая въ зависимости отъ качества почвы, яровой десятинѣ—другая, паровой землѣ, которую иногда снимаютъ подъ выпасъ скота,—третья, большею частью очень дешевая, часто недоходящая и до рубля. Толокѣ или выгону на запущенныхъ поляхъ опять своя цѣна, разная даже глядя по тому, подъ какой скотъ ее берутъ. Покосу тоже своя цѣна: заливному лугу одна, суходолу другая, лѣсной полянѣ третья,

сѣянной травѣ четвертая, — да и тутъ еще, смотря по тому, какая высѣяна трава, — степи пятая, залежи шестая, разная для старой и молодой залежи; еще и эти цѣны годъ отъ году мѣняются, глядя по травостою. Въ однихъ случаяхъ покосъ сдается изъ доли накошеннаго сѣна, въ другихъ за деньги, въ третьихъ изъ-за отработка. Какъ же все это урегулировать и подъ заранѣе установленныя нормы подвести? Далѣе идутъ земли огородныя, также во многихъ мѣстахъ снимаемыя крестьянами подъ капусту и другіе овощи, съ цѣлями уже чисто предпринимательскими. Установить для нихъ нормальную, предѣльную арендную плату совершенно невозможно, такъ какъ тутъ все зависитъ отъ мѣстныхъ условій, — близости города или станціи желѣзной дороги, отъ качества почвы и количества вывезеннаго на нее удобренія, отъ того, есть ли на огородѣ вода, наконецъ, отъ того, развито ли въ данной мѣстности огородничество или нѣтъ.

Еще больше колебаній въ отношеніи тѣхъ земель, которыя снимаются подъ разныя спеціальныя культуры и которыя должны обладать необходимыми для того качествами. Я уже упоминалъ о бахчахъ, для которыхъ нужны земли свѣжія, цѣлинныя, или изъ-подъ старой залежи, причемъ, чѣмъ старѣе залежи, тѣмъ для нихъ лучше. Обыкновенно, бахчи можно съ успѣхомъ разводить на такихъ земляхъ только въ первый годъ послѣ распашки, на второй годъ на нихъ прекрасно удается ленъ на сѣмя, или такъ называемое „пластовое“ просо, которое цѣнится много выше проса „ветошнаго“, разводимаго на старопаши, или наиболѣе цѣнныя твердыя пшеницы, кубанка, бѣлотурка, которыя хорошо родятся только на твердыхъ, т. е. свѣже-распаханныхъ земляхъ. Неудивительно, что такія земли на первый или на второй годъ идутъ въ аренду по чрезвычайно высокимъ цѣнамъ, иногда доходящимъ до одной трети, а при съемѣ на два года — и до половины продажной цѣны тѣхъ же земель. Берутъ ихъ въ аренду и по 35 — 40 р. десятину за одинъ первый годъ, но за то бахча, напримѣръ, приноситъ съемщику чистаго дохода до 150—200 р. десятина, красные хлѣба — ленъ, просо, твердыя пшеницы — даютъ въ хорошіе годы до 100 р. и выше. То же самое въ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ имѣетъ мѣсто со льномъ на волокно, который всего лучше родится на земляхъ изъ подъ лѣса, особенно послѣ его выжега или пала,—такъ называемыя „ляды“,—а также въ первый годъ распашки изъ подъ многолѣтней травы, или запущеннаго облога. Такія земли охотно берутся крестьянами въ аренду на одинъ годъ, спеціально подъ посѣвъ льна, по 40—50 рублей за деся-

тину, а иногда еще и выше, и какъ эта высокая арендная плата, такъ и всѣ ихъ труды по обработкѣ льна и выдѣлкѣ волокна, съ успѣхомъ окупаются высокими цѣнами на готовый продуктъ. Арендная цѣна за такую десятину нерѣдко значительно даже превышаетъ нормальную продажную цѣну за десятину земли въ той же мѣстности, но иногда изъ нѣсколькихъ десятковъ или даже сотенъ десятинъ даннаго имѣнія пригодной подъ ленъ земли найдется не болѣе нѣсколькихъ десятинъ; за нихъ крестьяне и готовы платить такія цѣны, которыя могутъ показаться баснословными, но отъ этихъ цѣнъ никто не въ убыткѣ, тогда какъ остальныя земли имѣнія, лѣсныя пустоши, поросшіе тощею травою облоги и т. п., крестьянамъ ни на что не нужны и они не снимаютъ ихъ ни по какой цѣнѣ. Повторяю и тутъ свой вопросъ, какимъ же образомъ урегулировать эти цѣны и какія установить для нихъ нормы, особенно когда къ тому же еще цѣны зависятъ отъ качества почвы каждаго даннаго поля, отъ его болѣе или менѣе возвышеннаго или низкаго положенія, отъ возраста и даже отъ породы лѣса, который на участкѣ росъ, отъ большей или меньшей продолжительности оставленія земли въ залежи или подъ травою и пр.? Очевидно, что никакое вмѣшательство ни закона, ни какихъ бы то ни было комиссій, ни даже суда, какъ это предлагалось нѣкоторыми, тутъ совершенно невозможно, такъ какъ никто, кромѣ владѣльца земли и съемщика ея, не въ состояніи сказать, какая цѣна можетъ быть признана соотвѣтственной, и какая чрезмѣрной, какую цѣну крестьянинъ-съемщикъ можетъ заплатить, и какая для него обременительна. Все это для каждаго сельскаго хозяина такъ ясно, такъ безспорно, такъ очевидна невозможность установленія у насъ, при нашихъ, а не при ирландскихъ или германскихъ условіяхъ, какого либо регулирующаго арендныя цѣны закона,— который могъ бы повести къ совершенному прекращенію сдачи землевладѣльцами своихъ земель въ аренду,— что я считаю излишнимъ далѣе на эту тему распространяться; однихъ все равно ничѣмъ не убѣдишь, а другіе все это не хуже меня знаютъ и понимаютъ.

III.

Гдѣ и какъ помочь крестьянской земельной нуждѣ?

Послѣ всего сказаннаго мною о крестьянскомъ землевладѣніи и землепользованіи, какъ и объ экономическихъ послѣдствіяхъ для крестьянъ работы ихъ на собственныхъ, на арендованныхъ и на частновладѣльческихъ земляхъ, можетъ возникнуть вопросъ о томъ, да есть ли необходимость въ какомъ бы то ни было расширеніи крестьянскаго землевладѣнія? Если цифры показываютъ, что крестьяне на чужихъ земляхъ зарабатываютъ больше, нежели сколько могутъ выручить на своихъ, если отъ расширенія площади ихъ землевладѣнія интенсивность крестьянскаго хозяйства рискуетъ только понизиться, то не слѣдуетъ ли изъ этого вывести заключеніе, что все у насъ въ крестьянскомъ дѣлѣ обстоитъ благополучно, что никакихъ мѣръ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія принимать не нужно, а надо заботиться лишь о поднятіи крестьянскаго хозяйства, путемъ широкой агрономической помощи населенію, путемъ распространенія въ его средѣ сельскохозяйственныхъ познаній, ознакомленія его съ улучшенными пріемами культуръ и т. п.? Значенія, необходимости и пользы подобнаго рода мѣръ я никогда не думалъ отрицать, но считаю это такого рода азбучными истинами, что о нихъ не стоитъ, въ особенности въ настоящемъ трудѣ моемъ, и распространяться. Можно, пожалуй, даже признать, что, въ общемъ, для подъема экономическаго благосостоянія сельскихъ массъ, задачи такого рода важнѣе простого расширенія крестьянскаго землевладѣнія, особенно при скромности той площади земли, которая могла бы быть предоставлена въ распоряженіе крестьянъ, при физической невозможности въ огромномъ числѣ случаевъ отвода имъ земель по близости отъ ихъ жилья, при дороговизнѣ и трудности всякаго разселенія, а тѣмъ болѣе переселенія крестьянъ, на которое они во многихъ случаяхъ и не пойдутъ. Но, тѣмъ не менѣе, сводить весь вопросъ только на мѣры агрономическаго характера, я въ настоящую минуту не считаю возможнымъ и ограничиться ихъ рекомендаціей не предполагаю. Что крестьянство въ будущемъ, при нормальномъ теченіи экономической жизни страны, неизбѣжно должно будетъ вступить на путь агрономическихъ улучшеній,—

вступаетъ на него мѣстами уже и нынѣ,— это представляется для меня неподлежащимъ сомнѣнію, но бѣда въ томъ, что во многихъ случаяхъ, при настоящихъ условіяхъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія, крестьяне лишены всякой возможности идти этимъ, въ сущности единственно раціональнымъ, путемъ. Вотъ почему, даже не взирая на все сказанное мною выше объ условіяхъ, отсталости, невыгодности даже крестьянскаго хозяйства для страны и для самихъ крестьянъ, я все же не могу не признать, что безъ серьезныхъ мѣръ, направленныхъ къ расширенію въ извѣстныхъ случаяхъ крестьянскаго землевладѣнія, обойтись нельзя, и что къ осуществленію этой задачи необходимо приступить немедленно. Приступить къ этому надо не изъ страха передъ крестьянскими погромами помѣщичьихъ усадьбъ и хозяйствъ, такъ какъ за такими погромами нельзя даже въ огромномъ числѣ случаевъ признать характера аграрныхъ безпорядковъ, не въ видахъ, тѣмъ менѣе, отвѣта на крестьянскія мечты о „черномъ передѣлѣ“,— но потому, что безъ расширенія площади крестьянскаго землевладѣнія во многихъ случаяхъ нельзя и думать объ осуществленіи мѣръ иного рода, хотя бы по существу и болѣе важныхъ, нежели самое это расширеніе. Я только самымъ категорическимъ образомъ отвергаю и, какъ мнѣ кажется, доказалъ это — необходимость и возможность огульнаго, повсемѣстно однообразнаго разрѣшенія даннаго вопроса, который ставится совершенно различно въ разныхъ мѣстностяхъ и для разныхъ категорій крестьянъ. При этомъ на первомъ планѣ, очевидно, должны быть поставлены нужды крестьянъ, сидящихъ на дарственномъ надѣлѣ, самое установленіе котораго составляетъ, по моему мнѣнію, крупнѣйшую ошибку положенія 1861 года, хотя я и показалъ, что иногда, при исключительныхъ условіяхъ, крестьяне-дарственники пользуются благосостояніемъ нисколько не меньшимъ, чѣмъ ихъ многоземельные сосѣди, что они со своимъ малоземельемъ справились успѣшно и никакая прибавка земли имъ фактически не нужна. Но, съ другой стороны, въ мѣстностяхъ исключительно земледѣльческаго характера, гдѣ успѣшно разрѣшенный въ другихъ случаяхъ переходъ къ высокоинтенсивнымъ культурамъ, по экономическимъ, почвеннымъ, климатическимъ условіямъ невозможенъ, столь же невозможно и существованіе чисто земледѣльческаго хозяйства на клочкахъ въ нѣсколько десятковъ саженъ, къ тому же иногда и разбросанныхъ по всей площади надѣла. Тутъ расширеніе землевладѣнія необходимо и эти, бѣднѣйшіе у насъ, крестьяне, сами по себѣ, безъ энергической помощи правительства, ничего подѣлать не могутъ,

не можетъ помочь имъ и Крестьянскій Банкъ, при бывшемъ до сихъ поръ характерѣ и направленіи его дѣятельности. Не въ лучшемъ положеніи находятся иногда и крестьяне, сидящіе на нисшемъ надѣлѣ, порой даже и на среднемъ. Если поставить себѣ задачею, по разсмотрѣніи на мѣстѣ каждаго отдѣльнаго случая, увеличить землевладѣніе, облегчить разселеніе и переселеніе этихъ именно категорій крестьянъ, то при постановкѣ вопроса въ такихъ болѣе ограниченныхъ предѣлахъ, можно надѣяться, что и земля для такихъ крестьянъ найдется,— конечно, не всегда по близости отъ ихъ настоящаго мѣстожительства,— и доставленіе имъ возможности расширить тѣми или иными способами размѣры своего землевладѣнія принесетъ имъ дѣйствительную пользу, выведетъ ихъ изъ ихъ совершенно безъисходнаго нынѣ, отчаяннаго во многихъ случаяхъ, экономическаго положенія, полнѣйшей нищеты, при невозможности иногда для нихъ искать даже заработковъ на сторонѣ. Эти именно крестьяне даютъ и наибольшій процентъ безлошадныхъ и маломощныхъ дворовъ, не могущихъ иногда даже отпускать отъ себя работниковъ, такъ какъ домъ имъ не на кого оставить, и отъ своего микроскопическаго хозяйства оторваться нельзя, совсѣмъ же его бросить и пойти по свѣту искать счастья ни съ чѣмъ — рѣшимости не хватаетъ, да и своя осѣдлость, своя какая ни на есть бѣдная хата имъ все же дорога. И ведутъ такіе крестьяне свою горемычную жизнь изо дня въ день, изъ года въ годъ, безъ малѣйшаго просвѣта въ будущемъ,— но замѣчательно, что не эти наиболѣе обездоленные пасынки русской земли давали главный контингентъ погромщиковъ частновладѣльческихъ экономій;—по близости отъ себя крестьяне усадьбы рѣдко грабили и громили, по крайней мѣрѣ, не имъ, не мѣстнымъ крестьянамъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, принадлежала иниціатива погромовъ,— грабители пріѣзжали издалека, на подводахъ, на которыхъ и увозили потомъ награбленное добро, иногда за десятки верстъ, къ себѣ домой,—у этихъ же горемыкъ обыкновенно и подводъ-то никакихъ нѣтъ и они отъ грабежей всего менѣе поживились. Развѣ только подъ конецъ прикладывали и свои руки, чтобы не все чужакамъ доставалось. Тѣмъ паче правительство должно прежде всего на ихъ горькую долю обратить свое вниманіе и имъ придти на помощь.

Далѣе, заботы правительства должны быть направлены къ расширенію землевладѣнія тѣхъ крестьянъ, которые даютъ нынѣ главный контингентъ съемщиковъ частновладѣльческихъ земель. Хотя, какъ изложено въ предыдущей главѣ, я и не считаю воз-

можнымъ признать за всѣми случаями крестьянскихъ арендъ земель у помѣщиковъ характера аренды голодной, и самое дѣленіе арендъ на продовольственную и предпринимательскую, въ общемъ (за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ) отвергаю, тѣмъ не менѣе, уже изъ разсчетовъ, приведенныхъ въ главѣ „Что говорятъ намъ цифры", видно, что аренда частновладѣльческихъ земель представляется для крестьянъ самою невыгодною экономическою операціею, что арендованныя земли всего хуже оплачиваютъ ихъ трудъ и потому предоставленіе крестьянамъ возможности пріобрѣтенія этихъ именно земель въ собственность было бы наиболѣе существенною мѣрою къ улучшенію ихъ экономическаго положенія. Однако, и тутъ вопросъ не такъ простъ, какъ можно было бы думать, такъ какъ мы показали, что часто арендаторами земель являются далеко не самые обездоленные въ земельномъ отношеніи крестьяне, а напротивъ наиболѣе состоятельные изъ нихъ. Такимъ образомъ, облегченіе пріобрѣтенія арендуемыхъ земель въ собственность настоящими съемщиками ихъ, если и обезпечитъ этихъ именно крестьянъ, то бѣднота и тутъ останется ни при чемъ. Если же земли у настоящихъ съемщиковъ отнимать для передачи ихъ бѣднѣйшимъ крестьянамъ, то мы рискуемъ внести новую смуту и разстройство въ сложившіяся условія крестьянскаго хозяйства и землепользованія. Поэтому, и настоящій вопросъ требуетъ детальнаго разсмотрѣнія на мѣстѣ и тѣмъ менѣе можетъ идти рѣчь о проповѣдуемомъ нынѣ принудительномъ отчужденіи арендныхъ земель отъ владѣльцевъ для предоставленія ихъ крестьянамъ. Да въ такомъ принудительномъ отчужденіи,— оставляя даже въ сторонѣ принципіальную сторону вопроса, невозможность нарушенія правъ однихъ для благодѣтельствованія на ихъ счетъ другихъ,—кромѣ тѣхъ исключительныхъ случаевъ, о которыхъ будетъ рѣчь впереди,—едва ли встрѣтится и надобность, такъ какъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ землевладѣльцы сами охотно согласятся уступить — вѣрнѣе продать — крестьянамъ или Банку тѣ земли, которыми они сами фактически не пользуются, получая только въ сущности процентъ съ представляемаго этими землями капитала. Если даже предположить, что крестьяне, пріобрѣтая эти земли въ собственность, будутъ уплачивать за нихъ тотъ же процентъ Банку, который они нынѣ вносятъ помѣщику въ видѣ арендной платы, то и въ этомъ случаѣ подобная операція составитъ для нихъ только чистый барышъ, такъ какъ въ счетъ ихъ банковыхъ платежей будетъ входить и погашеніе, и со временемъ земля, ими пріобрѣтенная въ собственность, станетъ чистой отъ

всякихъ долговъ. Эту сторону дѣла крестьяне сами прекрасно понимаютъ, какъ и то, что арендныя платы могутъ со временемъ еще возрасти, тогда какъ платежи Банку остаются неизмѣнными впредь до полнаго погашенія ссуды. Оттого они иногда не останавливаются и передъ сравнительно высокими покупными цѣнами, лишь бы пріобрѣсти себѣ землю „въ вѣчность“. Эти же, пріобрѣвшіе землю въ вѣчность, крестьяне становятся самымъ консервативнымъ элементомъ изъ всего нашего крестьянства, и ихъ уже на погромы не подобьешь: значеніе собственности, и своей, и чужой, они хорошо понимаютъ.

Общая площадь арендуемыхъ крестьянами внѣнадѣльныхъ земель была опредѣлена мною выше въ 20 милліоновъ десятинъ. Но очевидно, что о пріобрѣтеніи ими всѣхъ этихъ земель не можетъ быть и рѣчи, — а развѣ только о той части ихъ, которая арендуется крестьянами изъ года въ годъ, при томъ всегда одними и тѣми же, какъ дополненіе къ своей надѣльной землѣ, при недостаточности ея площади, и которая составляетъ уже какъ бы постоянную часть ихъ собственнаго хозяйства. Размѣръ площади арендуемыхъ земель, приведенный выше, я считаю вообще преувеличеннымъ, тѣмъ болѣе, что исчисленіе этого размѣра ни на какихъ точныхъ данныхъ не опирается. Но, не касаясь даже этой стороны дѣла и принимая исчисленную цифру за вѣрную, о всей этой землѣ нельзя говорить и пугаться ея значительности потому, что въ счетъ ея входятъ, во многихъ мѣстностяхъ въ процентѣ довольно значительномъ, аренды непостоянныя и притомъ такихъ земель, которыя снимаются крестьянами только для спеціальныхъ цѣлей или культуръ, но пріобрѣтеніе которыхъ въ собственность для нихъ было бы совершенно не нужно и даже шло бы въ разрѣзъ съ этими цѣлями. Объ этомъ уже было подробно говорено выше. Въ какой цифрѣ фигурируютъ въ общей массѣ арендуемыхъ крестьянами земель такіе случайные, лишь временно и періодически используемые ими участки — сказать невозможно, но несомнѣнно, что они съ одной стороны очень повышаютъ среднюю цифру уплачиваемыхъ крестьянами арендъ, высота которыхъ такъ смущаетъ мало освѣдомленныхъ въ дѣлахъ практическаго хозяйства радѣтелей о народномъ благѣ, по мнѣнію которыхъ эта высота свидѣтельствуетъ только о крайней крестьянской нуждѣ въ землѣ, а съ другой стороны столь же увеличиваютъ и общую площадь крестьянскихъ арендъ, и такъ какъ аренда ихъ почти всегда погодная, то и причисляется писателями по аграрнымъ вопросамъ къ разряду

арендъ голодныхъ, съ которыми онѣ, конечно, ничего общаго не имѣютъ.

Очевидно, что крестьяне-арендаторы такихъ земель, имѣющихъ въ первые года послѣ распашки степи или старой залежи, или лѣса очень высокую цѣну, не согласятся, да и надобности не имѣютъ, пріобрѣтать всю ту обширнѣйшую иногда площадь, среди которой онѣ разбросаны, когда они ищутъ и снимаютъ для этихъ культуръ только спеціально подходящіе для того участки. Если бы эти участки вошли въ обычный обиходъ крестьянскаго хозяйства и распахивались изъ года въ годъ, или на этихъ земляхъ водворилось бы обычное трехполье, то для большей части описанныхъ выше цѣнныхъ культуръ они тоже сдѣлались бы непригодными и, слѣдовательно, крестьяне получили бы не то, что имъ нужно.

Все это я говорю къ тому, чтобы показать, что при обсужденіи вопроса объ облегченіи малоземельнымъ крестьянамъ пріобрѣтенія необходимыхъ имъ и нынѣ арендуемыхъ участковъ владѣльческихъ земель, нельзя исходить ни изъ среднихъ по губерніямъ арендныхъ цѣнъ, ни изъ данныхъ объ общей площади этихъ земель, нѣкоторая часть которыхъ нужна крестьянамъ только для извѣстныхъ спеціальныхъ цѣлей, достиженіе коихъ стало бы невозможнымъ, коль скоро всѣ эти земли перешли бы въ ихъ собственность.

Выводъ изъ всего сказаннаго я дѣлаю такой: нужда крестьянъ въ землѣ тамъ, гдѣ эта нужда дѣйствительно существуетъ, и должна, и можетъ быть удовлетворена. Исчислить заранѣе, какая для этого потребуется площадь земли — невозможно, такъ какъ никакихъ апріорныхъ данныхъ, на которыхъ могло бы быть построено подобное исчисленіе, не имѣется, а общія огульныя цифры ничего не говорятъ. Признать, что именно въ настоящихъ размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія лежитъ весь корень вопроса о крестьянской бѣдности и нуждѣ, въ видѣ общаго правила, нельзя, такъ какъ все дѣло тутъ вовсе не всегда въ малоземельи, а въ самыхъ многообразныхъ условіяхъ землепользованія не только отдѣльныхъ мѣстностей — губерній или уѣздовъ, — но часто даже отдѣльныхъ селеній. Въ однихъ случаяхъ дошедшее до крайнихъ предѣловъ малоземелье, лишающее крестьянъ всякой возможности не только существованія исключительно на счетъ своей надѣльной земли (чего и добиваться не слѣдуетъ, такъ какъ во многихъ случаяхъ такая задача совершенно недостижима и, какъ мы показали, шла бы въ разрѣзъ съ экономиче-

скими интересами самихъ же крестьянъ), но дѣлающее для нихъ самое занятіе земледѣльческимъ промысломъ невозможнымъ,— должно быть признано, какъ фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію и требующій поэтому неотложнаго къ себѣ вниманія и энергическихъ мѣръ правительства къ его устраненію. Въ другихъ случаяхъ, не только въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностяхъ, губерніяхъ или уѣздахъ,— но иногда тутъ же рядомъ и при одинаковой даже площади владѣнія, только при разныхъ хозяйственныхъ условіяхъ, близости отъ центровъ сбыта, городовъ, станцій желѣзныхъ дорогъ и т. п., или при занятіи крестьянъ какими либо подсобными къ земледѣлію промыслами, вопросъ далеко не стоитъ столь остро и иногда не ощущается даже дѣйствительной надобности въ расширеніи крестьянскаго землевладѣнія. Въ третьихъ, особенно по отношенію къ крестьянамъ бывшимъ государственнымъ, малоземелья, требующаго немедленныхъ правительственныхъ мѣропріятій, нельзя даже совсѣмъ признать. Въ четвертыхъ, наконецъ, и совершенно независимо отъ общей площади земли, находящейся во владѣніи крестьянъ, нужна непосредственная и неотложная помощь крестьянамъ не для увеличенія ихъ землепользованія, но для его упорядоченія, для облегченія условій ихъ существованія, для освобожденія ихъ отъ той кабалы и эксплоатаціи, которой они нынѣ подвергаются со стороны своихъ ближайшихъ сосѣдей, сосредоточивающихъ въ своихъ рукахъ наиболѣе для крестьянъ необходимые участки земли или угодья. Никакого дополнительнаго надѣленія крестьянъ землею не должно быть объявляемо, такъ какъ подобная мѣра могла бы быть только всеобщей, чего вовсе не требуется, и вызвала бы вожделѣнія, идущія гораздо далѣе возможности ихъ удовлетворенія; болѣе того, подобная мѣра, при первомъ приступѣ къ ея осуществленію и неизбѣжныхъ, но не предвидѣнныхъ крестьянами ограниченіяхъ въ ея примѣненіи, вмѣсто ожидаемаго умиротворенія, внесла бы только въ крестьянскую среду новый элементъ смуты и недовольства. Притомъ, крестьяне представляютъ себѣ дополнительный надѣлъ не иначе, какъ на условіяхъ и по цѣнамъ 1861 года, съ тайною надеждою такихъ же льготъ въ платежахъ и за эту вновь ожидаемую ими землю, какія послѣдовали за прежде отведенные имъ надѣлы. На этотъ, крайне опасный во всѣхъ отношеніяхъ, путь никоимъ образомъ становиться нельзя, какъ бы онъ ни представлялся заманчивымъ съ точки зрѣнія немедленнаго умиротворенія и успокоенія расходившихся страстей.

Такимъ образомъ, добавленіе земли дѣйствительно нуждаю-

щимся въ ней крестьянамъ, различныя потребности которыхъ въ этомъ отношеніи были разобраны выше, должно быть совершено, къ этой мѣрѣ должно быть приступлено нынѣ же, безотлагательно, но самое увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія должно послѣдовать не иначе, какъ путемъ покупки у казны, удѣловъ, частныхъ лицъ и учрежденій, при посредствѣ реформированнаго Крестьянскаго Банка, при чемъ для объединенія дѣла по всей Имперіи необходимо общее направленіе его возложить на высшій центральный землеустроительный органъ, изъ чиновъ заинтересованныхъ вѣдомствъ и мѣстныхъ представителей, а на мѣстахъ образовать, на подобіе учреждаемыхъ уже нынѣ, по иниціативѣ Министерства Финансовъ, посредническихъ коммисій по дѣламъ о земляхъ, пріобрѣтаемыхъ крестьянами при посредствѣ Крестьянскаго Банка, особые уѣздные земельные комитеты, составленные изъ мѣстныхъ людей, съ непремѣннымъ привлеченіемъ въ составъ этихъ комитетовъ представителей отъ крестьянъ. Комитеты должны разсмотрѣть нужду въ землѣ каждаго селенія, возбуждающаго вопросъ объ увеличеніи его землевладѣнія, признать ее или отвергнуть, въ связи съ условіями каждаго отдѣльнаго случая и намѣтить способы къ ея удовлетворенію указанными въ законѣ путями и не выходя изъ предѣловъ установленныхъ для каждой мѣстности нормъ. Затѣмъ, тѣ же мѣстные комитеты должны играть роль посредниковъ между землевладѣльцами и крестьянами, умѣрять чрезмѣрную иногда требовательность однихъ и чрезмѣрные же запросы другихъ, и вообще направлять, регулировать дѣло сообразно дѣйствительнымъ мѣстнымъ потребностямъ и условіямъ, въ соотвѣтствіи съ общими руководящими началами, преподанными центральнымъ учрежденіемъ и основанными на обще-государственныхъ задачахъ и цѣляхъ земельной экономической политики. Безъ такого направленія и регулированія сверху, дѣло можетъ принять слишкомъ случайный характеръ, да мѣстные комитеты не могутъ обладать и достаточною компетенціею въ вопросахъ, выходящихъ за предѣлы территоріи даннаго уѣзда, касающихся, напримѣръ, переселенія. Не можетъ быть также одного способа разрѣшенія земельнаго вопроса, а напротивъ того, долженъ быть сдѣланъ выборъ между различными способами, соотвѣтственно условіямъ и особенностямъ каждаго отдѣльнаго случая. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ мѣстностяхъ наиболѣе густо заселенныхъ и малоземельныхъ, придется если нельзя удовлетворить крестьянскую нужду въ землѣ на мѣстѣ, предлагать крестьянамъ переселеніе, но не тѣмъ случай

нымъ, безпорядочнымъ способомъ, какъ оно совершалось до нынѣ, когда лишена была возможности переселиться именно наиболѣе обездоленная и бѣдная часть населенія, а съ широкой поддержкой правительства, какъ въ мѣстахъ отправленія, такъ и въ районѣ водворенія переселенцевъ и на пути; непремѣннымъ условіемъ при этомъ надо ставить предварительную посылку, хотя бы на казенный счетъ, уполномоченныхъ ходоковъ, для избѣжанія послѣдующаго разочарованія и недовольства отведенными для водворенія переселенцевъ мѣстами, о которыхъ народъ имѣетъ часто вполнѣ фантастичныя, далеко расходящіяся съ дѣйствительностью, представленія.

Но, какъ уже сказано выше, на широкое развитіе переселенія въ ближайшемъ будущемъ нельзя разсчитывать, какъ на сколько нибудь дѣйствительную мѣру для разрѣженія чрезмѣрно сгустившагося въ нѣкоторыхъ мѣстахъ населенія. Большое улучшеніе, противъ настоящаго, будетъ уже отъ того, что получитъ возможность переселенія „на вольныя земли“ та именно часть населенія, которой на родинѣ живется всего хуже, безъ всякой надежды на улучшеніе своего будущаго, тогда какъ нынѣ переселяется по преимуществу средній мужикъ, который составляетъ самое здоровое ядро населенія и котораго поэтому всего желательнѣе и полезнѣе удержать на мѣстѣ: бѣдняки, голытьба теперь не переселяется, потому что ей не съ чѣмъ; богачъ не переселяется, потому что незачѣмъ, ему и дома хорошо, а на новыхъ мѣстахъ еще не извѣстно, что будетъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно разсчитывать на переселеніе въ предѣлахъ одной и той же губерніи, изъ мѣстъ болѣе — въ мѣста менѣе населенныя, что было бы особенно важно именно для этой самой слабой части населенія, иногда даже физически выродившейся и едва ли способной перенести трудности дальняго пути и водворенія на новыхъ мѣстахъ, при совершенно ей чуждыхъ условіяхъ жизни и хозяйства.

Въ большинствѣ случаевъ, для нуждъ переселенія должны будутъ по преимуществу служить земли казенныя, частныя же лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія, когда, какъ это уже бывало иногда, возможно пріобрѣтеніе крупныхъ частновладѣльческихъ имѣній, представляемыхъ къ продажѣ или остающихся за Дворянскимъ Банкомъ на торгахъ.

Перехожу теперь къ болѣе сложному и трудному вопросу о прибавкѣ земли нуждающимся селеніямъ на мѣстѣ, изъ владѣній казен-

ныхъ, удѣльныхъ, помѣщичьихъ и иныхъ. Послѣдовательность при этомъ должна бы соблюдаться такая. На первомъ планѣ надо поставить нужды крестьянъ, сидящихъ на дарственномъ надѣлѣ, крестьянъ совершенно безземельныхъ, изъ бывшихъ дворовыхъ, потомковъ Николаевскихъ солдатъ, отцы или дѣды которыхъ въ свое время надѣлены землею не были, и другихъ сельскихъ обывателей, приписанныхъ къ волостямъ или обществамъ безъ права на землю, но живущихъ въ селахъ и не порвавшихъ связи съ землею. Затѣмъ, должны идти крестьяне, получившіе надѣлъ низшій, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и средній. Высшей нормой прирѣзки земли такимъ крестьянамъ надо считать то количество ея, которое приходится нынѣ въ тѣхъ же мѣстностяхъ на наличную душу мужского пола въ селеніяхъ помѣщичьихъ, получившихъ при освобожденіи высшій надѣлъ. Далѣе этого, при трудности предстоящей земельной операціи и значительности потребныхъ для нея суммъ на пріобрѣтеніе земель частновладѣльческихъ, едва ли возможно было бы идти. Казенныя и удѣльныя земли, такъ же какъ земли монастырскія и иныхъ учрежденій и юридическихъ лицъ, могли бы быть отводимы по оцѣнкѣ, устанавливаемой каждый разъ по заключенію мѣстныхъ комитетовъ, и съ утвержденія высшаго землеустроительнаго учрежденія. Капитальной выплаты при этомъ производить не было бы надобности, а пришлось бы лишь отчислять въ распоряженіе владѣющаго землею учрежденія или въ доходъ казны, въ отношеніи земель государственныхъ, ежегодные причитающіеся съ крестьянъ выкупные платежи. Вопросъ о томъ, какимъ именно селеніямъ эти земли должны быть предоставлены, подлежитъ рѣшенію мѣстныхъ земельныхъ комитетовъ.

Что касается земель частновладѣльческихъ, къ которымъ часто неизбѣжно придется прибѣгать, за неимѣніемъ иныхъ, то во многихъ случаяхъ можно будетъ сохранить тотъ же порядокъ, что и теперь, т. е. добровольное соглашеніе крестьянъ съ землевладѣльцами, съ выдачею ссудъ изъ Крестьянскаго Банка въ размѣрѣ 90% оцѣнки, или въ полной суммѣ, какъ это разрѣшено уже и теперь. Послѣднее особенно важно, потому что какая бы то ни было единовременная доплата большею частью для крестьянъ совершенно не посильна и изъ за нея много сдѣлокъ доселѣ не могло состояться, при томъ, тѣмъ чаще, чѣмъ крестьяне были бѣднѣе, чѣмъ болѣе они, слѣдовательно, нуждались въ землѣ. Оттого и сложилось между крестьянами убѣжденіе, что Крестьянскій Банкъ помогаетъ только богатымъ, бѣднымъ же къ нему доступа нѣтъ. Особенно затормозились сдѣлки при участіи Крестьянскаго Банка

тогда, когда Министерство Финансовъ, въ началѣ японской войны, сократило выдачу ссудъ изъ Крестьянскаго Банка до 75% оцѣнки, что я считаю большою ошибкою, впослѣдствіи, впрочемъ, исправленной, послѣ чего продажи вновь пошли ускореннымъ темпомъ. Теперь сдѣлокъ совершается еще больше,— крестьяне и землевладѣльцы одинаково охотно на нихъ идутъ, но надо, чтобы Банкъ не тормозилъ ихъ, а всячески имъ способствовалъ и ускорялъ свое, крайне медленное нынѣ, дѣлопроизводство.

Необходимо, чтобы Банкъ устранилъ еще одно обстоятельство, въ нѣкоторыхъ случаяхъ являющееся камнемъ преткновенія при куплѣ-продажѣ земель при его посредствѣ, это именно отношеніе его къ лѣсамъ. Часто, въ имѣніяхъ, которыя крестьяне желаютъ пріобрѣсти отъ помѣщиковъ, оказываются болѣе или менѣе крупныя лѣсныя площади. Банкъ, какъ извѣстно, при исчисленіи ссуды, цѣнность лѣса совсѣмъ въ счетъ не принимаетъ, а оцѣниваетъ лѣса какъ всякую другую землю, иногда даже дешевле пахотной земли. Многія сдѣлки изъ-за этого разстраивались. Продать лѣсъ, цѣнностью иногда въ 1,000 и болѣе рублей за десятину, по цѣнѣ подлѣсной земли ни одинъ владѣлецъ, конечно, не согласится, оплатить его стоимость крестьяне не могутъ, продать лѣсъ на срубъ во многихъ случаяхъ Лѣсоохранительный Комитетъ не разрѣшаетъ, и положеніе становится безвыходнымъ. Дать сколько нибудь крупную ссуду подъ лѣсъ, хотя бы и высокой цѣнности, Крестьянскій Банкъ дѣйствительно не можетъ, такъ какъ не имѣетъ никакихъ гарантій въ его сохранности въ крестьянскихъ рукахъ. Допустить отступленіе отъ требованій лѣсоохранительнаго закона, особенно въ малолѣсныхъ мѣстностяхъ, было бы крайне нежелательно, и представляется, какъ мнѣ кажется, только одинъ способъ разрѣшенія этого вопроса,—это именно передача тѣхъ лѣсныхъ участковъ, въ имѣніяхъ, пріобрѣтаемыхъ крестьянами при посредствѣ Крестьянскаго Банка или самимъ Банкомъ, которые требовали бы сохраненія и вырубка которыхъ не можетъ быть допущена — въ руки казны, въ лѣсное вѣдомство. Это было бы крайне важно и съ точки зрѣнія сосредоточенія въ рукахъ казны возможно большей площади лѣсныхъ угодій, для частныхъ землевладѣльцевъ и тѣмъ паче для крестьянъ составляющихъ только бремя, особенно при установленныхъ закономъ ограниченіяхъ въ пользованіи лѣсомъ. Вопросъ о передачѣ въ лѣсное вѣдомство лѣсовъ частныхъ имѣній, ликвидируемыхъ Крестьянскимъ Банкомъ, уже нѣсколько разъ поднимался бывшимъ Министерствомъ Земледѣлія, которое предлагало Банку производить постепенную выплату капитальной стоимости лѣсовъ,

которые были бы ему переданы, изъ доходовъ отъ ихъ эксплоатаціи, но, къ сожалѣнію, за исключеніемъ двухъ-трехъ отдѣльныхъ случаевъ, когда подобная передача была совершена, вопросъ этотъ общаго разрѣшенія не получилъ.

Было бы также возможно облегчить крестьянамъ пріобрѣтеніе потребныхъ имъ частновладѣльческихъ земель предоставленіемъ имъ права залога въ томъ же Крестьянскомъ Банкѣ части ихъ надѣльныхъ земель. Сколько извѣстно, Банкъ иногда уже допускалъ подобный залогъ, но казалось бы возможнымъ допустить и болѣе широкое примѣненіе этой мѣры. Крестьянскія надѣльныя земли представляютъ въ общей своей массѣ колоссальный капиталъ, на счетъ котораго, хотя бы въ нѣкоторой незначительной его части, крестьянскія финансовыя операціи могли бы быть значительно облегчены; во всякомъ случаѣ, такой залогъ, съ уплатою лишь процентовъ на выданную подъ эти земли сумму, хотя бы въ размѣрѣ небольшой части ихъ стоимости, былъ бы неизмѣримо болѣе выгоденъ для крестьянъ, нежели реализація денегъ, потребныхъ для приплаты владѣльцу или для переселенія на купленныя земли, путемъ обращенія къ разнымъ сельскимъ ростовщикамъ. Разрѣшеніе залога надѣльныхъ земель также очень важно на покрытіе расходовъ крестьянъ по переходу на хуторское хозяйство, отъ котораго цѣнность, продуктивность и доходность ихъ земель должны значительно возрасти.

Пріобрѣтенію земель крестьянами при посредствѣ Крестьянскаго Банка я придаю весьма важное и притомъ чисто, такъ сказать, нравственное, воспитательное значеніе, имѣющее служить противовѣсомъ усиленно распространяемой между крестьянами всевозможными агитаторами идеи о томъ, что вся земля должна перейти къ нимъ даромъ и что, поэтому, покупающіе ее у помѣщиковъ за деньги прошибутся. Поэтому, тоже очень важно, чтобы Банкъ утверждалъ сдѣлки возможно скорѣе и необходимо всячески остерегаться такихъ мѣръ, которыя пошли бы наперекоръ стремленію крестьянъ къ покупкѣ земли и возбудили бы въ нихъ вновь надежды на нѣчто другое. Конечно, оцѣнки должны быть умѣряемы Банкомъ въ случаѣ чрезмѣрности требуемыхъ владѣльцами продажныхъ цѣнъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда ссуда испрашивается въ полной суммѣ оцѣнки. Однако, и тутъ нельзя исходить изъ какихъ либо произвольныхъ соображеній о томъ, что земля въ рукахъ крестьянъ и при условіяхъ крестьянскаго хозяйства станетъ менѣе производительной и доходной, нежели въ рукахъ помѣщиковъ, а потому ее будто бы надлежитъ цѣнить ниже ея дѣйствительной цѣнности и доходности. Очевидно, что

въ данной мѣстности земли извѣстнаго качества могутъ имѣть только одну цѣнность, независимо отъ того, въ чьихъ рукахъ онѣ находятся, и вводить тутъ какое либо иное мѣрило цѣнности значило бы становиться на совершенно ложный путь, которымъ можно или совсѣмъ затормазить сдѣлки, или заставить землевладѣльца продавать свои земли по цѣнѣ для него убыточной, на что онъ, конечно, не согласится, пока дѣло идетъ о добровольной, а не объ обязательной продажѣ. Впрочемъ, даже и сравнительно высокихъ продажныхъ цѣнъ нѣтъ причины слишкомъ бояться, особенно, когда крестьяне пріобрѣтаютъ земли, бывшія у нихъ же прежде въ арендѣ, такъ какъ это все же гарантируетъ крестьянъ противъ возможнаго въ будущемъ дальнѣйшаго повышенія арендныхъ цѣнъ, и притомъ эти земли крестьянамъ уже хорошо извѣстны и они знаютъ, что они могутъ за нихъ дать, безъ чрезмѣрнаго для себя обремененія. Всякая опека Банка надъ крестьянами-покупщиками была бы въ данномъ случаѣ излишней и единственное, что можно было бы еще допустить, это извѣстный контроль со стороны земельныхъ комитетовъ, какъ для предохраненія крестьянъ противъ вовлеченія ихъ въ завѣдомо невыгодныя сдѣлки, такъ и въ случаяхъ разногласія между Банкомъ и продавцами земли.

Если до настоящаго времени, съ начала дѣйствій Крестьянскаго Банка, при посредствѣ его перешло въ руки крестьянъ свыше 9 милліоновъ десятинъ помѣщичьихъ земель, да сверхъ того, помимо Банка, уже къ 1887 году было куплено крестьянами 12 милліоновъ десятинъ (а сколько послѣ того — не извѣстно), то я не сомнѣваюсь въ томъ, что когда дѣятельность его признано будетъ необходимымъ расширить и ему будутъ опредѣленнѣе прежняго указаны его задачи — содѣйствовать увеличенію крестьянскаго землевладѣнія, — дѣло пойдетъ еще быстрѣе и успѣшнѣе. Вѣроятно, въ скоромъ будущемъ если не всѣ, то значительная часть тѣхъ земель, которыя нынѣ постоянно, изъ года въ годъ, арендуются крестьянами у частныхъ землевладѣльцевъ, перейдутъ въ ихъ руки, такъ какъ помѣщикамъ выгоднѣе сразу получить за эти земли соотвѣтствующій ихъ стоимости капиталъ, нежели возиться съ погодною крестьянскою арендою, недобирать даже средняго съ нихъ дохода въ годы неурожайные, либо затѣвать почти безнадежныя нынѣ судныя дѣла при неуплатѣ крестьянами слѣдуемыхъ съ нихъ платежей. Правда, осуществленіе этой операціи потребуетъ выпуска на большую сумму закладныхъ листовъ, что при настоящемъ положеніи денежнаго рынка не легко, но такъ какъ

почти всѣ продаваемыя земли уже безъ того заложены въ Дворянскомъ или иныхъ земельныхъ банкахъ, долги которымъ Крестьянскій Банкъ можетъ взять на себя, то выпускать новые листы придется только на разницу между прежней 60-процентной банковской ссудой и новой, въ 90% или даже въ 100% оцѣнки. Усиленный выпускъ закладныхъ листовъ, особенно при измѣненіи существующаго порядка ихъ реализаціи самимъ Банкомъ и выдачѣ ихъ на руки продавцамъ земли, вызоветъ усиленное же единовременное ихъ предложеніе, по мелочамъ, на продажу, что уронитъ не только ихъ курсъ, но можетъ неблагопріятно отразиться и на курсѣ другихъ государственныхъ бумагъ и закладныхъ листовъ частныхъ банковъ. Поэтому, для устраненія сего, придется, вѣроятно, на будущее время, впредь до улучшенія денежнаго рынка, часть причитающихся продавцамъ суммъ не выдавать имъ на руки закладными листами, а обезпечить владѣльцамъ извѣстную непрерывную годовую ренту, которая замѣняла бы имъ доходъ съ проданной земли, и была бы притомъ болѣе вѣрной, нежели получаемый нынѣ доходъ отъ сдачи отчуждаемой земли въ аренду. Найдутся, быть можетъ, и другія финансовыя комбинаціи, которыя дадутъ возможность осуществленія проектируемыхъ мѣръ, разъ дѣлу придастся значеніе государственное.

Опасаться, что широкое содѣйствіе правительства къ пріобрѣтенію крестьянами земель отъ помѣщиковъ поведетъ къ полной ликвидаціи частнаго землевладѣнія, со всѣми указанными выше пагубными ея послѣдствіями для общей экономіи страны, я не вижу ни малѣйшаго основанія. Напротивъ того, подобными мѣрами можно лишь укрѣпить прочно поставленныя хозяйственныя предпріятія, создавъ вокругъ нихъ столь же прочно и хорошо обезпеченныя селенія, съ хорошимъ скотомъ, съ улучшеннымъ противъ теперешняго инвентаремъ, отъ сосѣдства которыхъ, взамѣнъ полуголоднаго нынѣ и нерѣдко озлобленнаго населенія, частные владѣльцы только выиграютъ, согласно старинной поговоркѣ: „богатъ Иванъ, богатъ и панъ“. Ликвидируются имѣнія номинальныхъ помѣщиковъ, которые хозяйства сами не ведутъ, а сдаютъ всю землю крестьянамъ, прямо отъ себя, или, что еще чаще и еще хуже, при посредствѣ кулаковъ—земельныхъ спекулянтовъ. Но жалѣть объ исчезновеніи землевладѣльцевъ такого типа нечего, отъ нихъ все равно нѣтъ никому никакой пользы, а одинъ только вредъ. Наконецъ, во многихъ, и пожалуй еще болѣе частыхъ случаяхъ, землевладѣльцы, особенно не располагающіе большими средствами на веденіе дѣла, нѣсколько сократятъ площадь своихъ владѣній, продадутъ крестьянамъ часть своихъ земель, обработка ко-

торыхъ имъ не подъ силу, и сосредоточатъ свои труды на меньшей площади земли, при посредствѣ того капитала или того обезпеченнаго ежегоднаго взамѣнъ отчуждаемой земли дохода, который они при такой операціи выручатъ. И это тоже будетъ не потеря, а выигрышъ, и для нихъ самихъ, и для ихъ сосѣдей — крестьянъ, и для всей страны.

IV.

Что возможно, чего нельзя, и что необходимо сдѣлать.

Путемъ добровольнаго соглашенія владѣльцевъ съ крестьянами, при содѣйствіи Крестьянскаго Банка, при участіи мѣстныхъ земельныхъ коммисій, усиленныхъ представителями отъ крестьянъ, или же путемъ непосредственной покупки Банкомъ земель у помѣщиковъ, несомнѣнно, можно будетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ разрѣшить вопросъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія до предѣловъ, соотвѣтствующихъ дѣйствительной въ томъ потребности, безъ всякаго нарушенія чьихъ либо интересовъ и законно пріобрѣтенныхъ правъ, если только, конечно, не задаваться несбыточною мечтою дополнительнаго надѣленія землею всѣхъ крестьянъ. Но засимъ все же остается самый трудный и спорный вопросъ, можетъ ли, для увеличенія крестьянскаго землевладѣнія, быть вообще допущено начало принудительнаго отчужденія, или не можетъ? Съ принципіальной стороны вопросъ о правѣ государства прибѣгать къ принудительному отчужденію имуществъ частныхъ лицъ, въ интересахъ и цѣляхъ государственныхъ или общественныхъ, стоитъ, по моему мнѣнію, внѣ всякаго спора. Этотъ вопросъ рѣшается утвердительно какъ нашимъ законодательствомъ, такъ и законодательствомъ всѣхъ странъ,—все дѣло сводится только къ тому, въ какихъ случаяхъ это начало можетъ быть примѣняемо? Отвѣтъ на это тоже можетъ быть найденъ въ самыхъ основахъ закона, по которому государство вправѣ прибѣгать къ ограниченію частной собственности въ тѣхъ случаяхъ, когда это вызывается цѣлями государственными, или нуждами общественными. Само собою разумѣется, — и это точно также усвоено законодательствомъ всѣхъ странъ.—что вытекающее

отсюда ограниченіе имущественныхъ правъ частныхъ лицъ требуетъ справедливаго ихъ вознагражденія въ размѣрѣ дѣйствительной и полной цѣнности отчуждаемаго у нихъ имущества, иначе это было бы уже обираніемъ ихъ въ пользу государства или общества, что, конечно, безусловно недопустимо и никакими цѣлями не можетъ быть оправдано. Но столь же недопустимо отнятіе какого бы то ни было имущества у однихъ лицъ, хотя и болѣе обезпеченныхъ и богатыхъ, для передачи его другимъ, бѣднымъ и нуждающимся,—въ цѣляхъ, слѣдовательно, уравнительнаго распредѣленія имущества. Вѣдь если стать на точку зрѣнія подобной уравнительности, то спрашивается, почему же ограничить ее только одною земельною собственностью, почему не идти далѣе, не распространить того же начала на капиталы? Если нѣкоторыми предлагается раздѣлить землевладѣльцевъ на категоріи — крупныхъ, среднихъ и мелкихъ,—у первыхъ отчудить до половины, у вторыхъ—одну треть, у третьихъ—одну четверть принадлежащей имъ земли, то почему же не подвергнуть той же операціи и капиталистовъ, почему не раздѣлить ихъ на такія же категоріи и не отбирать у каждаго соотвѣтственной части капитала, чтобы раздать неимущимъ? Это вѣдь и предлагаютъ соціалисты и коммунисты, которые отрицаютъ право собственности вообще и хотятъ распространить идею уничтоженія частной собственности на всѣ ея виды, не только на землю и капиталы, но и на дома въ городахъ,—развѣ справедливо, что у одного есть домъ, въ которомъ онъ не только самъ живетъ, но еще доходъ въ свою пользу съ квартирантовъ беретъ, одинъ занимаетъ роскошную квартиру, другой въ конурѣ ютится;—на заводы и фабрики, въ которыхъ фабрикантъ барыши беретъ на счетъ рабочихъ,—надо и ихъ превратить въ общественную или артельную собственность. Если признается, что земля не можетъ принадлежать никому другому, кромѣ того, кто самъ ее обрабатываетъ, то очевидно, что и фабрики должны принадлежать самимъ рабочимъ и т. п. До осуществленія такихъ началъ еще ни одно законодательство въ мірѣ не дошло и, вѣроятно, не дойдетъ, до тѣхъ поръ, пока не водворятся на землѣ соціалистическія теоріи. Но впредь до этого времени, которое, конечно, никогда не наступитъ, такъ какъ это было бы концомъ всякой культуры и всякаго прогресса на землѣ, принципъ принудительнаго отчужденія можетъ имѣть примѣненіе, какъ сказано, лишь въ видахъ государственныхъ и общественныхъ нуждъ и пользъ.

Все, что я сказалъ выше о положеніи земельнаго вопроса

въ Россіи, о дѣйствительныхъ интересахъ и нуждахъ сельскаго населенія, клонилось къ тому, чтобы доказать, что насильственное отобраніе земель у частныхъ владѣльцевъ для передачи ихъ крестьянамъ, уничтоженіе и даже частичное сокращеніе помѣщичьяго хозяйства не только не вызывается никакими государственными цѣлями и нуждами, не только не послужитъ къ пользѣ общей, но напротивъ того пойдетъ въ ущербъ прежде всего истиннымъ интересамъ крестьянъ и затѣмъ принесетъ неисчислимый вредъ всей странѣ. Къ нашему несчастью, если наши крестьяне думаютъ иначе, если у насъ широко распространено мнѣніе о необходимости подобной мѣры для общаго блага, то это есть лишь результатъ рокового недоразумѣнія, лишь слѣдствіе односторонняго взгляда на дѣло и недостаточнаго его изученія, тогда какъ надлежащее освѣщеніе вопроса приводитъ къ заключеніямъ совершенно обратнымъ. Разъ бѣдственное положеніе крестьянства коренится вовсе не въ его малоземельѣ, разъ простою прирѣзкою крестьянамъ земель нельзя не только поднять ихъ благосостоянія, но даже сколько нибудь замѣтно его повысить, разъ увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія тамъ, гдѣ оно дѣйствительно необходимо, осуществимо безъ всякаго обращенія къ принудительному отчужденію въ пользу крестьянъ тѣхъ именно земель, которыя имъ нынѣ служатъ лучше, болѣе ихъ самихъ обезпечиваютъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы эти земли перешли въ ихъ собственность, то какъ бы крестьяне ни добивались осуществленія подобной мѣры, государство не можетъ и не должно къ ней прибѣгать, такъ какъ отъ нея была бы уже не государственная польза, а государственный вредъ.

Но это однако не исключаетъ вопроса о томъ, должно ли начало принудительнаго отчужденія быть отвергнуто безусловно, или же оно можетъ быть допущено, и когда? Думаю, что можетъ, примѣнительно къ тому, какъ оно допущено и нынѣ дѣйствующимъ закономъ въ случаяхъ исключительныхъ, и притомъ не въ интересахъ отдѣльныхъ лицъ, но общественныхъ. Подобныхъ же случаевъ можно предвидѣть вообще не много. Они будутъ имѣть мѣсто, быть можетъ, всего чаще, въ отношеніи тѣхъ упомянутыхъ выше отрѣзныхъ участковъ, отдѣльныхъ угодій, выгоновъ, черезполосныхъ съ крестьянами земель, прогоновъ, водопоевъ и т. п., безъ которыхъ крестьянамъ жить нельзя и пользованіе которыми ставитъ цѣлое селеніе въ полную зависимость отъ сосѣда, эксплоатирующаго нужду этого селенія иногда тѣмъ пуще, чѣмъ она острѣе. Но для подобныхъ случаевъ не придется издавать и

какого либо новаго закона, такъ какъ по отношенію къ нимъ можно считать вполнѣ подходящей ст. 575 Св. Зак. X тома, ч. I о принудительномъ отчужденіи земель для государственной или общественной пользы,— тутъ не только общественная польза, тутъ прямая нужда, тутъ иной разъ вопросъ существованія цѣлаго селенія. Если подъ эту статью подходитъ и въ силу ея нерѣдко производится отчужденіе земель, источниковъ, береговъ рѣкъ и т. п. для городскихъ надобностей, то нѣтъ никакой причины не примѣнять той же статьи и къ такимъ же, иногда еще болѣе насущнымъ, надобностямъ деревни. Стоя безусловно за незыблемость началъ частной собственности, я не вижу, однако, чтобы примѣненіе этой статьи, ставящей не только государственные, но и общественные, интересы и нужды выше интересовъ частныхъ, въ чемъ либо колебало эти начала. Ст. 575 уже издавна существуетъ въ нашемъ законодательствѣ и подобныя ей правила имѣются въ законодательствѣ всѣхъ безъ исключенія государствъ. О порядкѣ и условіяхъ ея примѣненія въ сельскихъ мѣстностяхъ я говорить не буду, такъ какъ это дѣло частностей; конечно, къ дѣлу придется привлечь тѣ же упомянутые выше земельные комитеты, и притомъ доводить этого рода дѣла, какъ связанныя съ ограниченіемъ правъ собственности, до высшихъ государственныхъ учрежденій, Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Но само собою разумѣется также, что принудительное отчужденіе земель изъ частнаго владѣнія возможно, въ согласіи съ установленіемъ упомянутой выше статьи, „не иначе, какъ за справедливое и приличное вознагражденіе“, подобно тому, какъ это практикуется при примѣненіи ея и теперь. Что понимать подъ справедливымъ и приличнымъ вознагражденіемъ, я полагаю, излишне пояснять, такъ какъ у насъ имѣется въ этомъ отношеніи обширная и многолѣтняя практика, отъ которой я не вижу основаній отступать и въ будущемъ. Точно также само собою разумѣется, что при опредѣленіи вознагражденія за отчуждаемую землю должны быть полностью ограждены законные интересы землевладѣльцевъ, а равно и третьихъ лицъ—банковъ, владѣльцевъ закладныхъ листовъ, держателей вторыхъ закладныхъ, должны быть принимаемы во вниманіе уплаченныя владѣльцами цѣны за землю, въ случаѣ недавней покупки имѣнія, продажныя цѣны сосѣднихъ, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ, земель,—словомъ, должны примѣняться всѣ тѣ пріемы оцѣнокъ, которыхъ держались и держатся доселѣ при всякихъ отчужденіяхъ недвижимыхъ имуществъ для государственныхъ надобностей, соотвѣтственно установленнымъ въ законѣ основаніямъ, и ни-

какихъ новыхъ началъ въ этомъ отношеніи ни установлять, ни проводить нельзя, безъ прямой споліаціи законно-пріобрѣтенныхъ и закономъ же ограждаемыхъ правъ. Какое бы то ни было отступленіе отъ законовъ, ограждающихъ права собственности, вызвало бы полное нарушеніе правильнаго хода всей нашей экономической жизни, коснулось бы области не только сельскохозяйственной, но и кредитной, и поселило бы полное недовѣріе къ устойчивости всего экономическаго строя страны. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда отчужденіе будетъ производиться въ интересахъ не отдѣльныхъ лицъ, а общественнаго блага, которые вполнѣ можно приравнять къ интересамъ государственнымъ, и когда обычные пріемы оцѣнки земель Крестьянскимъ Банкомъ едва ли будутъ примѣнимы и потребуется непосредственное вмѣшательство въ это дѣло правительства, нельзя будетъ примѣнять и упомянутаго выше способа вознагражденія владѣльцевъ уплатою имъ не капитальной стоимости имущества, а лишь процентовъ на нее. Если эта, во всякомъ случаѣ, стѣснительная для владѣльцевъ форма вознагражденія и допустима въ тѣхъ случаяхъ, когда продажа совершается добровольно и они на такія условія идутъ, то коль скоро отчужденіе получаетъ характеръ принудительный, владѣльцу должна быть при самомъ отчужденіи возмѣщена вся стоимость его имущества полностью, безъ всякихъ удержаній, и не иначе, какъ наличными деньгами, хотя бы это потребовало и приплаты со стороны заинтересованныхъ сельскихъ обществъ или даже Государственнаго Казначейства, въ дополненіе къ тому, что можетъ дать Банкъ на основаніи его устава, подобныхъ случаевъ вообще не предусматривающаго.

Другіе случаи, въ которыхъ можетъ быть допущено примѣненіе принудительнаго отчужденія, конечно, на тѣхъ же общихъ основаніяхъ, какъ и приведенныя выше, хотя и съ изданіемъ для того особаго закона, такъ какъ ст. 575 тутъ уже не подойдетъ, могутъ представиться тогда, когда частновладѣльческая земля находится издавна въ фактическомъ пользованіи сосѣднихъ крестьянъ, когда она составляетъ какъ бы нераздѣльную часть ихъ хозяйства, когда они на ней водворились, обзавелись усадебной осѣдлостью, когда потеря этой земли грозила бы имъ полнымъ разстройствомъ всего ихъ хозяйства, а пользованіе ею ставитъ ихъ въ зависимыя, иногда чисто кабальныя отношенія къ землевладѣльцу, который можетъ во всякую минуту либо прогнать ихъ, пустить по міру, либо непомѣрнымъ повышеніемъ арендныхъ цѣнъ довести ихъ до совер-

шеннаго разоренія. Примѣры государственнаго вмѣшательства въ случаяхъ подобныхъ этимъ у насъ тоже бывали, напримѣръ въ отношеніи чиншевиковъ, въ отношеніи такъ называемыхъ припущенниковъ на башкирскихъ земляхъ, и т. п. Правительство всегда относилось къ нуждамъ такихъ категорій крестьянъ съ полнымъ вниманіемъ, и болѣе прочное устройство ихъ въ земельномъ отношеніи признавало и необходимымъ, и возможнымъ. Казалось бы возможнымъ допустить отчужденіе частновладѣльческихъ земель въ пользу тѣхъ крестьянъ даннаго имѣнія, которые въ свое время, по часто, къ сожалѣнію, встрѣчавшемуся недоразумѣнію, вышли на дарственный или хотя бы на низшій или средній надѣлы и теперь держатъ не доставшіяся имъ тогда земли въ постоянной, изъ года въ годъ возобновляющейся, арендѣ, когда эти земли тоже, слѣдовательно, вошли въ площадь ихъ фактическаго землепользованія, непосредственно же владѣльцемъ издавна не эксплоатируются. Но и въ такихъ случаяхъ отчужденіе не должно идти далѣе установленной положеніемъ о крестьянахъ нормы надѣльной на душу земли, такъ какъ это было бы явной несправедливостью по отношенію къ другимъ крестьянамъ. Ни въ какомъ случаѣ не могутъ подлежать принудительному отчужденію тѣ земли, которыя владѣльцы ихъ эксплоатируютъ либо сами, либо путемъ сдачи въ аренду долгосрочную, въ составѣ цѣлаго хозяйства, или даже и отдѣльнаго отруба, но съ устроенной на немъ владѣльцемъ же усадьбою, домообзаводствомъ и цѣлымъ хозяйствомъ, которое ведетъ арендаторъ, ни усадебная осѣдлость владѣльца, ни его лѣса, луга или иныя оброчныя статьи, мельницы, рыбныя ловли, — словомъ, никакая такая часть имѣнія, отчужденіе которой можетъ повести къ разстройству цѣлаго хозяйства или нарушенію его стройности. Совершенно непріемлемыми и произвольными я считаю тѣ, предлагаемыя нѣкоторыми, нормы, согласно которымъ можно потребовать обязательнаго отчужденія до одной трети или даже до половины всей земли каждаго отдѣльнаго владѣльца, оставляя болѣе или менѣе неприкосновенными лишь имѣнія, не превышающія извѣстнаго минимальнаго размѣра. Не говоря уже о тѣхъ крайнихъ мнѣніяхъ, по которымъ частнымъ владѣльцамъ нужно оставить не болѣе 15 — 20 десятинъ на душу (что вѣдь тоже предлагалось!), или 100—150 десятинъ на хозяйство, я признаю всякія такія напередъ установленныя нормы недопустимыми уже потому, что каждое хозяйство представляетъ собою своего рода организмъ, въ которомъ всѣ части между со-

бою въ стройной и неразрывной связи, и крошить имѣніе по произволу, въ силу какихъ бы то ни было нормъ, помимо воли хозяина, покуда права собственности и интересы культуры еще признаются, безусловно невозможно. Я уже говорилъ выше, что подобныя насильственныя мѣры повели бы только къ полному разстройству всей сельскохозяйственной промышленности на Руси и явному ущербу не для однихъ только помѣщиковъ, но и для самихъ крестьянъ и даже для всего русскаго населенія, которому при такой мѣрѣ пришлось бы обращаться къ иностранцамъ и оплачивать дорогой цѣной все то, что мы теперь находимъ дома и даже сами вывозимъ за границу, не говоря уже о разстройствѣ черезъ это и всѣхъ остальныхъ отраслей промышленности, нашего торговаго баланса и т. п.

Въ послѣднее время много шуму надѣлалъ и встрѣтилъ довольно дружный отпоръ проектъ бывшаго Главноуправляющаго Землеустройствомъ и Земледѣліемъ Н. Н. Кутлера, въ подробностяхъ публикѣ, впрочемъ, неизвѣстный, и о которомъ передавались только слухи. Этотъ проектъ будто бы основанъ на раздѣленіи частновладѣльческихъ имѣній на мелкія, среднія и крупныя, съ допущеніемъ принудительной отрѣзки земли отъ каждаго изъ нихъ, въ зависимости отъ того, въ какую категорію они попадутъ. Къ сожалѣнію, проектъ этотъ не былъ опубликованъ и потому неизвѣстно даже, на сколько вѣрны газетныя о немъ сообщенія. Во всякомъ случаѣ, достовѣрно то, что онъ исходилъ изъ признанія земельной нужды части крестьянскаго населенія и стремленія внести успокоеніе въ крестьянскую среду. Только едва ли тѣ основанія, на которыхъ онъ былъ построенъ, могутъ считаться правильными и способными достигнуть цѣли. Такъ, по крайней мѣрѣ, насколько можно судить по газетнымъ сообщеніямъ, въ немъ предполагалось допустить принудительное отчужденіе земель у частныхъ владѣльцевъ, для предоставленія ее нуждающимся крестьянамъ, при чемъ не дѣлалось даже различія между землями, находящимися въ хозяйственномъ завѣдываніи самого владѣльца и сдаваемыми въ аренду, и оставлялись неприкосновенными только особо культурныя хозяйства, имѣнія съ заводами свеклосахарными, винокуренными и т. п. Но спрашивается, кто и какъ будетъ установлять эти нормы владѣнія, кто будетъ опредѣлять степень культурности хозяйства и на какихъ основаніяхъ можно исчислять и самые размѣры отрѣзокъ? Одною математикою да пропорціями подобнаго вопроса разрѣшить нельзя.

Главная опасность упомянутаго выше проекта, допускавшаго

возможность частичнаго нарушенія правъ частной собственности на землю, въ видахъ передачи ея отъ одной категоріи владѣльцевъ другой, заключалась, по моему мнѣнію, въ томъ, что, вступивъ на подобный путь, нельзя уже на немъ остановиться и никакимъ крестьянамъ нельзя будетъ логически истолковать, почему у владѣльца можно отобрать насильственно въ ихъ пользу треть или половину земли, а двухъ третей нельзя, или почему, начавъ съ отобранія одной части, когда людей вновь народится много, не отобрать и второй части, а потомъ и третьей и даже всей земли. Если путемъ урѣзки частной поземельной собственности въ пользу крестьянъ предполагалось успокоить взволнованное нынѣ крестьянское населеніе и положить предѣлъ аграрнымъ безпорядкамъ,—въ сущности крестьянскимъ безсмысленнымъ, безцѣльнымъ бунтамъ,—то въ этомъ отношеніи можно было ожидать результата совершенно обратнаго,—тутъ-то настоящая и еще болѣе широкая смута и началась бы и разлилась бы она уже по всей землѣ, тѣмъ болѣе, что въ проектируемыхъ мѣрахъ крестьяне увидали бы ни что иное, какъ премію за безпорядки. Кабы не бунтовали, такъ и земли бы для насъ у господъ не отбирали, а коли отберутъ сегодня часть, еще побунтуемъ — тогда и все намъ достанется, стали бы они разсуждать, не безъ нѣкоторой доли основаній. Съ народною психологіею надо считаться, но идти навстрѣчу подобнымъ вожделѣніямъ и строить на нихъ государственныя мѣропріятія было бы въ высшей степени неосторожно и притомъ совершенно безцѣльно, такъ какъ ни умиротворенія внести, ни крестьянское благосостояніе такими способами повысить нельзя, а можно только смуту увѣковѣчить и распространить ее въ среду самихъ крестьянъ, у которыхъ тоже земли—у кого, въ однихъ селеніяхъ—больше, у кого, въ другихъ—меньше. Примѣры нападенія однихъ селъ на другія изъ за вопросовъ землевладѣнія у насъ тоже вѣдь уже бывали.

Допуская, какъ сказано выше, въ извѣстныхъ исключительныхъ, строго опредѣленныхъ и ограниченныхъ случаяхъ принудительное отчужденіе земли у частныхъ владѣльцевъ въ видахъ пользы общественной, я считаю, однако, что подобное отчужденіе не должно ни въ какомъ случаѣ распространяться на земли тѣхъ владѣльцевъ, которые пострадали отъ погромовъ—въ пользу крестьянъ, эти погромы учинившихъ и самовольно завладѣвшихъ землей или имуществомъ владѣльцевъ. При отсутствіи такого ограниченія, виновные въ погромѣ остались бы отъ своего злодѣянія только въ барышахъ. Необходимо, чтобы, даже въ слу-

чаѣ продажи такого разореннаго имѣнія Банку, послѣдній не предоставлялъ его погромщикамъ, а отводилъ бы его посторонним крестьянамъ. Для крестьянъ же, посягнувшихъ на самовольные захваты и разгромы помѣщичьихъ имѣній, могутъ быть, въ случаѣ признаннаго ихъ малоземелья, отводимы земли только при условіи ихъ переселенія на отдаленныя земли нашихъ окраинъ, вдали отъ тѣхъ мѣстъ, которыя были ареною ихъ безчинствъ.

Далѣе этого идти по пути принудительнаго отчужденія земель у помѣщиковъ я не считаю ни возможнымъ, ни даже нужнымъ, такъ какъ не сомнѣваюсь въ томъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ, въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ это можетъ считаться безусловно необходимымъ и осуществимымъ, самая острая земельная нужда крестьянъ будетъ удовлетворена и безъ того, при условіи, однако, широкой и активной дѣятельности мѣстныхъ земельныхъ комитетовъ и Крестьянскаго Банка, который долженъ идти на встрѣчу нуждамъ бѣднѣйшей части населенія, не тормазить сдѣлокъ по продажѣ и покупкѣ земель изъ за чисто формальныхъ иногда поводовъ, какъ напримѣръ, изъ за ничтожной разницы въ площади продаваемаго имѣнія противъ установленныхъ имъ же душевыхъ нормъ для крестьянъ покупщиковъ, не разрушать сдѣлокъ чрезмѣрнымъ пониженіемъ оцѣнокъ въ случаяхъ состоявшагося уже между сторонами соглашенія относительно цѣны продаваемой земли и т. п. Конечно, Банку придется выйти изъ его роли чисто кредитнаго учрежденія и Государственному Казначейству приходить ему на помощь въ дѣлѣ, напримѣръ, реализаціи закладныхъ листовъ, тѣмъ болѣе, что установленный въ настоящее время процентъ платежей по ссудамъ изъ Крестьянскаго Банка, 5¾%, считая вмѣстѣ съ погашеніемъ, чрезмѣрно великъ и для многихъ крестьянъ непосиленъ; отчасти, этотъ платежъ можетъ быть пониженъ удлиненіемъ срока погашенія, но было бы крайне желательно, какъ только къ тому представится возможность по состоянію денежнаго рынка, уменьшить и процентъ по закладнымъ листамъ; если это и потребуетъ жертвы со стороны Государственнаго Казначейства, то вѣдь потери государства будутъ неизмѣримо больше въ случаѣ разрушенія всей культуры на русской землѣ. Только при такомъ образѣ дѣйствій Банкъ и сыграетъ въ этомъ дѣлѣ свою государственную роль и устранитъ самую мысль о необходимости прибѣгать къ насилію противъ однихъ для предупрежденія насилій, чинимыхъ надъ ними же другой категоріей гражданъ русской земли.

Однако, роль Крестьянскаго Банка не должна ограничиваться, да и не ограничивалась до сихъ поръ, однимъ только посредничествомъ между землевладѣльцами, продающими свои имѣнія или отдѣльные участки земли, и крестьянами, ихъ облюбовавшими и вступившими въ предварительное соглашеніе съ помѣщиками относительно ихъ покупки. Хотя я и считаю подобный способъ облегченія крестьянской нужды въ землѣ наиболѣе желательнымъ и цѣлесообразнымъ, такъ какъ онъ прямо сводитъ землевладѣльца-продавца съ покупщикомъ крестьяниномъ и предоставляетъ крестьянамъ возможность самостоятельнаго выбора подходящей для нихъ земли, все же примѣненіе исключительно одного этого способа придаетъ дѣлу слишкомъ случайный характеръ и не разрѣшаетъ вопроса во всей его полнотѣ даже въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ онъ былъ мною поставленъ. Имѣетъ онъ и то неудобство, что такого рода непосредственныя покупки крестьянами земли у частныхъ владѣльцевъ доступны лишь болѣе богатымъ изъ нихъ, которые могутъ дать за землю дороже, не останавливаясь иногда и передъ приплатами къ разрѣшенной Банкомъ ссудѣ, и часто совершенно устраняютъ доступъ къ землѣ бѣднякамъ. Но въ дѣятельности Крестьянскаго Банка есть еще другая сторона, которую онъ долженъ былъ бы болѣе широко развить и, главное, придать ей извѣстную систему—это именно пріобрѣтеніе продающихся частновладѣльческихъ имѣній или земель за свой счетъ, для послѣдующей перепродажи или распродажи ихъ крестьянамъ, что уже и указано Высочайшимъ манифестомъ 3 ноября минувшаго года. Я уже показалъ выше сравнительную незначительность того земельнаго фонда, которымъ располагаетъ наше правительство въ формѣ земель государственныхъ, съ добавленіемъ къ нимъ земель удѣльныхъ, монастырскихъ и т. п. Я допускаю возможность нѣкотораго расширенія площади тѣхъ земель, которыя правительство можетъ предоставить крестьянамъ (но только не въ формѣ дополнительнаго надѣла и не въ видѣ даровой прирѣзки), изъ своего земельнаго фонда,—на счетъ не имѣющихъ особенной цѣнности лѣсныхъ пространствъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ могутъ оказаться среди нихъ удобные для полевой культуры участки, конечно, безъ гибельнаго для всего государства обезлѣсенія страны, но и этимъ путемъ дѣло не можетъ быть далеко подвинуто впередъ. Наряду съ такими мѣрами, вполнѣ осуществимыми и возможными даже въ ближайшемъ будущемъ, я считалъ бы столь же необходимымъ и возможнымъ постепенное расширеніе государственнаго земельнаго фонда, не для извлеченія изъ него доходовъ въ пользу Государственнаго

Казначейства, но для планомѣрнаго использованія его въ цѣляхъ постепеннаго увеличенія крестьянскаго землевладѣнія на тѣхъ же основаніяхъ, какія уже были указаны выше въ отношеніи вообще земель казенныхъ и удѣльныхъ, т. е. на началахъ выкупа, соотвѣтственно дѣйствительной цѣнности этихъ земель. О даровой раздачѣ казенныхъ земель крестьянамъ не можетъ быть и рѣчи,— даже и въ Сибири переселенцамъ земли отводятся не даромъ, а за оброкъ, — если же раздавать ихъ крестьянамъ даромъ, въ видѣ дополнительнаго надѣла или прирѣзки, то пришлось бы неизбѣжно такую милость оказывать всѣмъ безъ изъятія, что очевидно невозможно уже потому, что на это никакихъ земельныхъ пространствъ не хватитъ, да не хватитъ на такую операцію и средствъ у Государственнаго Казначейства, развѣ экспропріировать у владѣльцевъ всю землю даромъ, безъ всякаго вознагражденія, какъ это и предлагаютъ соціалисты, но на это едва ли какое либо правительство рѣшится.

Если полагать, что путемъ провозглашенія принципа принудительнаго отчужденія не всей, но лишь нѣкоторой части помѣщичьей земли, можно успокоить тѣхъ крестьянъ, которые идутъ съ топорами, ломами и факелами громить и жечь помѣщичьи усадьбы, или предотвратить въ будущемъ подобные погромы, то я уже показалъ, что такая надежда призрачна и желаемаго, необходимаго для русской земли успокоенія экспропріація частновладѣльческихъ земель не принесетъ, а только вызоветъ въ умахъ крестьянъ новую смуту и поселитъ въ нихъ новыя несбыточныя надежды. Вопросы, назрѣвавшіе десятками лѣтъ, подъ вліяніемъ особыхъ неблагопріятныхъ условій крестьянской жизни, вполнѣ разрѣшимы и безъ всякой насильственной ломки, но только не могутъ быть разрѣшаемы со дня на день, одною какою либо мѣрою, хотя бы самою радикальною. Точно также не можетъ быть устранено ни въ одинъ день, ни въ одинъ годъ, и крестьянское малоземелье,— лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ абсолютное, а большею частью только относительное. Для того же, чтобы стать на путь постепеннаго, цѣлесообразнаго и планомѣрнаго разрѣшенія этого вопроса, нужно прибѣгнуть къ тѣмъ мѣрамъ, о которыхъ я уже говорилъ. Конечно, подобное дѣло пойдетъ лишь медленно, и лишь постепенно можетъ правительство облегчить земельную нужду крестьянъ. Но если дѣло будетъ вестись послѣдовательно и систематично, если на первую очередь будутъ поставлены интересы крестьянъ, наиболѣе страдающихъ отъ дѣйствительнаго малоземелья, напримѣръ, дарственниковъ, крестьянъ,

получившихъ въ свое время низшій или даже средній по положенію надѣлъ, и рядомъ съ этимъ будутъ устранены и тѣ болѣе острые случаи нужды крестьянъ въ отдѣльныхъ участкахъ земли, водопояхъ, прогонахъ, о которыхъ я упоминалъ выше, а также приняты мѣры къ уничтоженію столь вредной нынѣ черезполосности владѣній, то крестьяне, по крайней мѣрѣ, благоразумная часть ихъ, не увлекшаяся еще волною разрушенія,—а ихъ все же пока огромное большинство,—такую аграрную политику государства поймутъ, образумятся и отнесутся къ ней съ полнымъ довѣріемъ и сочувствіемъ. Думаю, что при ознакомленіи ихъ съ рѣшеніемъ правительства придти на помощь ихъ земельной нуждѣ, по сколько она въ дѣйствительности существуетъ, прекратятся съ ихъ стороны всякія насильственныя дѣйствія, особенно если они убѣдятся въ фактической ихъ тщетѣ и понесутъ за нихъ должное возмездіе, которое въ подобныхъ случаяхъ безусловно неизбѣжно, такъ какъ всѣ такого рода насилія составляютъ караемыя закономъ преступленія; не будетъ никакой надобности прибѣгать къ насиліямъ и другого рода — насилію правительства надъ частными землевладѣльцами, въ формѣ принудительнаго отчужденія отъ нихъ земель.

Но говорятъ, что крестьянство теперь взволновано, что его необходимо успокоить. Дѣйствительно, извѣрившись какъ въ обѣщаніяхъ всякихъ агитаторовъ, которыхъ оно сперва принимало за Царскихъ посланцевъ, такъ и въ объявляемыхъ имъ манифестахъ крестьянскаго союза, также принимавшихся ими за выраженіе Царской воли, крестьяне стали ждать Царскаго слова, твердо вѣря въ то, что ихъ нужда, ихъ горькая участь дойдетъ до Царя и Царь имъ на помощь придетъ. И это Царское слово теперь уже раздалось. Въ обращеніи Государя къ курскимъ крестьянамъ, крестьяне изъ устъ самого Царя услышали, что всякая частная собственность,— какъ помѣщичья, такъ и крестьянская,— должна оставаться неотъемлемой и неприкосновенной; услышали они, что Царь совмѣстно съ созываемой Имъ Думой Государственной обсудитъ, какъ лучше рѣшить вопросъ о крестьянской нуждѣ, и что на Его помощь и заботы о нихъ крестьяне могутъ разсчитывать, что Онъ о нихъ не забудетъ, но и сами крестьяне должны помнить всегда, что право собственности свято и неприкосновенно.

Нужно желать, чтобы эти Царскія слова возможно шире распространились по русской землѣ. Безъ этого — не успокоится взбаломученная нынѣ разными лживыми обѣщаніями всевозможныхъ агитаторовъ темная крестьянская масса, разлившаяся широкою рѣкою народная смута не войдетъ въ свои берега, а будетъ все

дальше и шире ихъ подмывать и разрушать, съ опасностью не только для помѣщичьихъ усадебъ, но и для тѣхъ самыхъ крестьянскихъ деревень, которыя на этихъ берегахъ стоятъ. Опасно говорить народу о дополнительныхъ надѣлахъ, о даровыхъ прирѣзкахъ, даже о широкихъ переселеніяхъ на „вольныя земли". Опасно давать такія обѣщанія, которыхъ нельзя будетъ исполнить, особенно въ томъ видѣ, какъ ихъ неизбѣжно поймете своеобразная народная логика. Всякій знаетъ, что часто даже Царскіе манифесты, какъ бы просто и ясно они ни были изложены, толкуется народомъ въ смыслѣ совершенно превратномъ, тѣмъ болѣе, что они никогда народу не поясняются, а изъ чтенія ихъ сельскими батюшками съ амвона крестьяне не много понимаютъ. Толкуютъ же ихъ народу обыкновенно только разные смутьяны изъ агитаторовъ, или всевозможные проходимцы съ большой дороги, толкуютъ по своему, иногда съ цѣлями прямо преступными, иногда просто по наивности, толкуютъ именно такъ, какъ народу всего желательнѣе ихъ понять. Эта исторія повторилась, какъ извѣстно, и съ послѣдними манифестами 6 августа, 17 октября и 3 ноября 1905 г. и съ нихъ то и пошла гулять смута по русской землѣ, и взволновались классы, дотолѣ спокойные, консервативные, но сбитые съ толку мало понятными для нихъ словами. И была „свобода совѣсти" понята, какъ „свобода отъ совѣсти" — „неприкосновенность личности" — „все нынче позволено, никого тронуть не посмѣютъ"...

Какъ своеобразно понимаются крестьянами всякаго рода законы и правила, можно видѣть еще изъ слѣдующаго примѣра. Извѣстно, что Крестьянскимъ Банкомъ, въ видахъ противодѣйствія скупу при его помощи богатыми крестьянами большихъ количествъ земли, давно уже установлены, сообразованныя съ условіями отдѣльныхъ мѣстностей, предѣльныя нормы той площади земли, которую крестьяне могутъ пріобрѣсти на душу или на дворъ, при чемъ въ эту площадь засчитывается и принадлежащая имъ надѣльная земля. Правило это очень мудрое и всегда Банкомъ соблюдалось, не вызывая никакихъ сомнѣній, но въ послѣднее время среди крестьянъ появилось такое его толкованіе, что землевладѣльцы обязаны прибавить имъ земли по разсчету этихъ нормъ, что Царь приказалъ довести площадь ихъ землевладѣнія до этихъ, установленныхъ даже не въ законодательномъ порядкѣ, а наказами Банка, размѣрахъ. И мнѣ извѣстны случаи, когда въ самое послѣднее время на этой почвѣ стала разыгрываться агитація, когда крестьяне стали являться къ сосѣднимъ землевладѣльцамъ съ требованіями продажи имъ земли для до-

веденія площади ихъ землевладѣнія до этихъ размѣровъ, угрожая погромами, въ случаѣ невыполненія такой будто бы послѣдовавшей Царской воли, для наказанія ослушниковъ. Немудрено, если и на этой почвѣ разыграются мѣстами безпорядки.

Въ основу будущей земельной политики должны быть положены начала, возвѣщенныя уже цѣлымъ рядомъ правительственныхъ актовъ, но нужно затѣмъ эти начала неукоснительно и проводить, и выполнять такъ, чтобы народъ видѣлъ практическое осуществленіе возвѣщенныхъ ему мѣръ; нужно, чтобы всѣ органы правительственной власти вели затѣмъ свою дѣятельность согласно съ Царскими велѣніями, безъ всякихъ ограничительныхъ толкованій, но и безъ всякихъ уклоненій отъ намѣченнаго пути.

Съ своей стороны считаю возможнымъ резюмировать все мною сказанное въ слѣдующихъ немногихъ положеніяхъ, которыя съ упомянутыми выше началами вполнѣ согласуются, или изъ нихъ вытекаютъ.

Признаніе земельной нужды извѣстной доли крестьянскаго населенія, и прежде всего тѣхъ крестьянъ, которые при освобожденіи получили дарственные или малые надѣлы, и рѣшеніе правительства прежде всего прійти имъ на помощь, но не иначе, какъ послѣ фактическаго выясненія ихъ настоящаго положенія и степени нужды въ землѣ. Естественный приростъ населенія не можетъ самъ по себѣ служить основаніемъ для увеличенія землевладѣнія крестьянъ, получившихъ надѣлы высшіе и вообще сравнительно многоземельныхъ.

Направленіе дѣятельности учрежденныхъ Высочайшимъ указомъ 4 марта сего года мѣстныхъ земельноустроительныхъ коммисій и центральнаго объединяющаго ихъ органа въ Петербургѣ, къ выясненію истинныхъ нуждъ крестьянъ въ землѣ, изысканію и проведенію мѣръ къ возможному и планомѣрному ихъ удовлетворенію.

Предназначеніе для нуждъ малоземельной части крестьянскаго населенія пригодныхъ для полевой культуры земель казенныхъ, удѣльныхъ и монастырскихъ, съ сохраненіемъ въ рукахъ казны лѣсовъ и такихъ земель, которыя служатъ для особыхъ государственныхъ и общеполезныхъ цѣлей, напримѣръ, земли казенныхъ образцовыхъ фермъ, сельскохозяйственныхъ училищъ, земли на счетъ казны орошенныя, берега рѣкъ и т. п., а равно лѣса и земли, имѣющіе водоохранное значеніе, и обезлѣсеніе или распашка которыхъ не можетъ быть допущена. Предоставленіе свободныхъ земель всѣхъ означенныхъ категорій нуждающимся крестьянамъ не иначе, какъ на началахъ выкупа и подъ условіемъ переселенія на нихъ, если онѣ не прилегаютъ непосредственно къ ихъ владѣніямъ и не нахо-

дятся отъ нихъ въ близкомъ разстояніи, допускающемъ ихъ обработку совмѣстно съ надѣльными землями.

Незыблемость началъ земельной собственности, какъ частновладѣльческой, такъ и крестьянской, съ закрѣпленіемъ правъ собственности крестьянъ на земли, за имѣющимъ послѣдовать прекращеніемъ взноса выкупныхъ за нихъ платежей. Предоставленіе отдѣльнымъ крестьянамъ права свободнаго выхода изъ общины, съ продажею въ свою пользу сельскому обществу или другимъ крестьянамъ принадлежащей имъ доли надѣльной земли.

Широкое содѣйствіе крестьянамъ, при посредствѣ Крестьянскаго Банка и при участіи мѣстныхъ земельныхъ коммисій, къ пріобрѣтенію частновладѣльческихъ земель, путемъ добровольнаго соглашенія крестьянъ съ помѣщиками, съ избавленіемъ неимущихъ крестьянъ отъ дополнительной въ пользу владѣльцевъ приплаты, и съ предоставленіемъ въ извѣстныхъ случаяхъ крестьянамъ права для подобныхъ сдѣлокъ залога въ томъ же Банкѣ части ихъ надѣльныхъ земель.

Облегченіе крестьянамъ, путемъ особыхъ государственныхъ мѣръ, пріобрѣтенія отрѣзныхъ, или черезполосныхъ съ частными или казенными владѣніями участковъ, прогоновъ, водопоевъ и т. п. угодій, которые будутъ признаны безусловно необходимыми для существованія даннаго сельскаго поселенія. Обязательное разверстаніе, производство обмѣновъ земель для округленія границъ.

Оказаніе правительственной помощи крестьянамъ для разселенія на отдаленные участки ихъ надѣльныхъ земель, въ видахъ устраненія длинноземелья и облегченія ихъ обработки, съ содѣйствіемъ къ переносу на такія земли ихъ усадебъ, обезпеченію ихъ водою, проложенію къ нимъ путей и т. п. Содѣйствіе крестьянамъ къ переходу отъ существующихъ чрезполоснаго, раздробленнаго землепользованія къ хуторскому хозяйству на отрубныхъ участкахъ. Разрѣшеніе, для покрытія расходовъ по этому переходу, залога надѣльной земли.

Предоставленіе крестьянамъ возможности выкупа тѣхъ частновладѣльческихъ земель, которыми они издавна и постоянно пользуются на правахъ аренды, если они издавна же на нихъ водворились, имѣютъ собственное на нихъ домообзаводство, усадьбы, или если эти земли, по смежности съ крестьянскими надѣлами, составляютъ уже какъ бы постоянную часть ихъ собственнаго хозяйства. Въ остальныхъ случаяхъ земельной аренды, урегулированіе арендныхъ отношеній, для огражденія интересовъ обѣихъ договаривающихся сторонъ.

Сохраненіе въ неприкосновенности помѣщичьихъ хозяйствъ, какъ центровъ культурнаго земледѣлія, въ интересахъ народнаго богатства и блага самихъ крестьянъ, имѣющихъ въ нихъ источникъ обильныхъ заработковъ. Постепенное пріобрѣтеніе правительствомъ при посредствѣ Крестьянскаго Банка, частновладѣльческихъ земель, преимущественно изъ числа владѣльцами не эксплоатируемыхъ и состоящихъ въ арендѣ у крестьянъ, для предоставленія ихъ, на началахъ выкупа тѣмъ, нуждающимся въ землѣ, крестьянамъ, которые не пріищутъ себѣ сами земель путемъ добровольнаго соглашенія съ помѣщиками. Образованіе этимъ способомъ запаснаго государственнаго земельнаго фонда, съ исключительной цѣлью постепеннаго облегченія въ будущемъ земельной нужды крестьянъ.

Облегченіе бѣднѣйшей части крестьянскаго населенія, земельная нужда котораго не можетъ быть удовлетворена на мѣстѣ, переселенія на свободныя казенныя земли, по возможности въ предѣлахъ своей же губерніи, а при невозможности сего—въ тѣ болѣе отдаленныя области, гдѣ онѣ еще имѣются въ избыткѣ и не обслуживаютъ всецѣло нуждъ мѣстнаго населенія—въ сѣверныхъ и восточныхъ губерніяхъ Россіи, въ степныхъ областяхъ Уральской, Тургайской, въ Сибири и въ Туркестанѣ, не иначе, однако, какъ по предварительномъ ознакомленіи желающихъ переселиться крестьянъ какъ съ тѣми правительственными льготами и пособіями, на которыя они могутъ разсчитывать, такъ и съ особенными культурными, хозяйственными и климатическими условіями этихъ областей, во избѣжаніе послѣдующихъ разочарованій и обратныхъ переселеній. Предоставленіе переселяющимся крестьянамъ права продажи, при содѣйствіи Крестьянскаго Банка, своей доли надѣльной и усадебной земли обществу, или другимъ крестьянамъ, на основаніи оцѣнки, контролируемой упомянутыми выше земельными коммисіями.

Содѣйствіе крестьянамъ къ улучшенію культуры ихъ земель, путемъ агрономической помощи населенію, ознакомленіе ихъ съ болѣе раціональными, чѣмъ практикуемые ими нынѣ, пріемами обработки земли, предоставленіе имъ средствъ на разныя земельныя улучшенія, на пріобрѣтеніе усовершенствованныхъ орудій, скота, сѣмянъ и т. п.

Необходимо, чтобы крестьяне прониклись убѣжденіемъ, что путь къ поднятію ихъ благосостоянія только одинъ—путь мирнаго труда, заботы объ улучшеніи ихъ собственнаго хозяйства, устраненіе настоящихъ непорядковъ мѣстной жизни, водворившейся въ деревняхъ неурядицы и тому подобныхъ печальныхъ явленій, которые ни теперь, ни въ будущемъ, ни къ чему хорошему не

приведутъ. Если правительство твердо рѣшило придти на помощь ихъ земельной нуждѣ, тамъ, гдѣ она въ дѣйствительности существуетъ, тѣми мѣрами, которыя будутъ закономъ установлены, то оно обязано требовать въ то же время и отъ нихъ порядка, спокойствія, уваженія имущественныхъ правъ лицъ всѣхъ состояній, безъ огражденія которыхъ немыслимо не только процвѣтаніе, но и самое существованіе русскаго государства. Надо, чтобы крестьяне поняли, что, прибѣгая къ погромамъ и насиліямъ, стремясь незаконнымъ путемъ захватить то, что имъ не принадлежитъ, они пойдутъ только наперекоръ заботамъ правительства объ улучшеніи ихъ участи. Но заботы эти должны охватить всѣ стороны сельской жизни и не могутъ свестись къ одному только вопросу о крестьянскомъ малоземельи, которое, при всей своей въ нѣкоторыхъ случаяхъ остротѣ, все же не составляетъ ни единственной, ни даже главной причины бѣдственнаго положенія нашихъ крестьянъ.

V.

Какъ обезпечить успѣшность хозяйства на пріобрѣтаемыхъ крестьянами земляхъ.

Въ предъидущемъ я указалъ основныя начала той аграрной политики, которой, по моему мнѣнію, надлежитъ держаться въ будущемъ. Отрицая необходимость принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель для расширенія крестьянскаго землевладѣнія, признавая, что въ тѣхъ случаяхъ и въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ это расширеніе должно быть произведено, потребная для того земля найдется и безъ всякаго нарушенія правъ частной собственности, и что образованіе запаснаго земельнаго фонда можетъ послѣдовать путемъ пріобрѣтенія земель отъ помѣщиковъ на основаніи добровольнаго соглашенія, я въ тоже время указывалъ и на крайнюю сложность земельнаго вопроса и трудность его разрѣшенія, въ виду чрезвычайнаго разнообразія условій не только разныхъ мѣстностей Россіи, но и разныхъ категорій крестьянъ и разныхъ селеній. Я старался показать, что никакія общія мѣрки тутъ непримѣнимы, никакія апріорныя

измышленія невозможны, а необходимо изученіе и обсужденіе каждаго частнаго случая въ отдѣльности, при непремѣнномъ участіи въ дѣлѣ мѣстныхъ людей, подъ руководствомъ общаго центральнаго органа, составленнаго изъ представителей правительственныхъ учрежденій и людей съ мѣста. Это въ особенности существенно и важно потому, что практическія потребности тутъ должны стоять впереди всякихъ теорій и напередъ установленныхъ нормъ, которыя, при несоотвѣтствіи ихъ мѣстнымъ условіямъ, могутъ только повредить дѣлу и сдѣлать осуществленіе его иногда даже совершенно невозможнымъ. Но трудность предстоящей задачи разрѣшенія земельнаго вопроса этимъ не только не исчерпывается, но затрогивается лишь одна сторона дѣла, притомъ даже для обезпеченія будущаго благосостоянія нашего крестьянства далеко не самая важная. Такъ было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы вся бѣда существующаго положенія сводилась исключительно къ вопросу о крестьянскомъ малоземельи, но я уже показалъ, что въ дѣйствительности сводить къ этому все дѣло нельзя. Нельзя, поэтому, и надѣяться на то, чтобы одною прирѣзкою земли крестьянамъ, на какихъ бы условіяхъ и въ какихъ бы предѣлахъ она ни была совершена, можно было устранить все то, чѣмъ обусловливается бѣдность нашихъ крестьянъ, низкій уровень полевой культуры на ихъ земляхъ, неправильная организація ихъ хозяйствъ и пр. Невозможно ограничиться облегченіемъ крестьянамъ переселенія на новыя мѣста или разселенія ихъ на пространствѣ ихъ надѣльныхъ земель тамъ, гдѣ они страдаютъ не столько отъ малоземелья, сколько отъ длинноземелья. Я уже показалъ, и къ этому вопросу мнѣ еще приходится вернуться, что вопросъ не столько въ недостаткѣ земли для правильнаго веденія крестьянскаго хозяйства, сколько въ неправильной ея эксплоатаціи, въ отсутствіи необходимаго соотношенія между отдѣльными угодіями, въ разбивкѣ земли на множество отдѣльныхъ полосъ или клочковъ, т. е. въ цѣломъ рядѣ такихъ условій, которыя являются результатами вовсе не малоземелья, а обычныхъ формъ землепользованія у крестьянъ. Прибавьте крестьянамъ земли — и эти формы распространятся только на большую площадь, но дѣло черезъ это ни на одну іоту не подвинется впередъ ни въ ближайшее время, ни даже потомъ, когда на расширенномъ пространствѣ земель воцарятся тѣ же порядки, которые, идучи въ ущербъ производительности земли, и дѣлаютъ невозможнымъ всякое развитіе хозяйства.

Самымъ важнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе труднымъ,

я считаю вопросъ о томъ, какъ сдѣлать, чтобы расширеніе крестьянскаго землевладѣнія тамъ, гдѣ оно будетъ признано необходимымъ и окажется возможнымъ, дѣйствительно бы впрокъ пошло, и не осталось бы мѣрой безрезультатной, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и вредной для тѣхъ же крестьянъ, когда съ сокращеніемъ помѣщичьяго хозяйства они потеряютъ свои настоящіе въ немъ заработки. На этой сторонѣ дѣла я и считаю необходимымъ теперь остановиться и покажу прежде всего, что приходится въ случаяхъ пріобрѣтенія крестьянами земель наблюдать въ настоящее время, чтобы можно было судить о томъ, какъ избѣжать такихъ же неблагопріятныхъ явленій въ будущемъ. Интересныя данныя представляютъ намъ въ этомъ отношеніи примѣры хозяйничанья крестьянъ на земляхъ, пріобрѣтенныхъ ими при содѣйствіи Крестьянскаго Банка, на которыхъ, въ случаяхъ покупки земли цѣлыми обществами или товариществами, сразу устанавливаются тѣ именно пріемы крестьянскаго землепользованія, въ которыхъ заключается главное зло настоящаго положенія и хозяйничанья крестьянъ на своихъ надѣльныхъ земляхъ.

Пріемы эти—уничтоженіе правильнаго и необходимаго для хозяйства соотношенія между собою разныхъ угодій, распашка луговъ и выгоновъ, дѣленіе полей на безчисленное множество узенькихъ полосокъ, потеря огромнаго пространства земли подъ межниками, черезполосность, длинноземелье—ужъ были мною описаны выше и къ нимъ я возвращаться не стану. Литература этого вопроса громадна и нераціональность этихъ пріемовъ не отрицаютъ даже самые убѣжденные защитники общины, но въ одной очень интересной статьѣ г. А. И. Звегинцева, напечатанной въ №№ 141 и 142 газеты «Слово» за 1905 годъ, я нашелъ указанія на то, что происходитъ не только въ Воронежской губерніи, которую преимущественно имѣлъ въ виду авторъ,—но, вѣроятно, и вездѣ, гдѣ существуетъ общинное землевладѣніе съ его уравнительнымъ распредѣленіемъ земли между общинниками, въ случаяхъ прикупки крестьянами земли. Если только земля покупается цѣлымъ сельскимъ обществомъ, по близости, или даже непосредственно прилегающая къ его надѣлу — случай, конечно, самый для крестьянъ выгодный и удобный, — то этотъ вновь пріобрѣтенный участокъ такимъ же точно образомъ, какъ и надѣльная земля, разбивается на отдѣльныя дѣлянки, тѣмъ болѣе многочисленныя и узкія, чѣмъ земли разнообразнѣе по качеству и чѣмъ больше численный составъ даннаго селенія. Такъ какъ всѣ участвуютъ въ уплатѣ, то всѣ должны на равныхъ основаніяхъ участвовать и въ пользованіи

землею, т. е. получается только лишнее на каждую душу число дѣлянокъ, при томъ тѣмъ болѣе отдаленныхъ отъ усадьбы, чѣмъ дальше отъ селенія вновь купленная земля. Площадь землевладѣнія увеличивается—условія землепользованія остаются тѣ же, что и прежде, и даже ухудшаются, потому что еще увеличивается трата времени на проѣздъ и провозъ хлѣба съ пріобрѣтеннаго участка, притомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ онъ отдаленнѣе. Ухудшаются при этомъ пріемы обработки и своей, надѣльной земли, потому что еще больше, чѣмъ прежде, приходится затрачивать времени и рабочихъ силъ непроизводительно и меньше ихъ остается для обработки даже наиболѣе удобныхъ, ближнихъ земель. Выселеніе же части крестьянъ на эти вновь купленныя земли встрѣчаетъ тѣ же препятствія со стороны міра и установившихся у крестьянъ воззрѣній на землепользованіе и обычаевъ ихъ, что и разселеніе въ предѣлахъ ихъ надѣльныхъ земель,— о чемъ уже было говорено выше.

При покупкѣ сельскимъ обществомъ отдѣльныхъ участковъ, лежащихъ вдали отъ ихъ усадебной осѣдлости и не смежно съ ихъ надѣльными землями, выселенія на нихъ части общества точно также почти никогда не бываетъ, по крайней мѣрѣ у русскихъ крестьянъ, и земли эти точно также разбиваются между всѣми членами общества, продолжающими жить у себя дома и обработывающими ихъ наѣздомъ, или даже сдающими свои доли въ аренду своимъ же болѣе состоятельнымъ односельчанамъ, или постороннимъ лицамъ; у нѣмцевъ же колонистовъ, иногда пріобрѣтающихъ земли съ исключительною цѣлью водворенія на нихъ избытка своего населенія, — происходитъ отроеніе вновь народившихся рабочихъ силъ, и материнская колонія всячески способствуетъ такому выселенію, отпускомъ части мірскихъ суммъ въ пользу новаго селенія, помогаетъ выселяющимся обстроиться на новомъ мѣстѣ, снабжаетъ ихъ скотомъ и орудіями,—къ общей пользѣ и старой колоніи и новаго отдѣлившагося отъ нея выселка.

Нѣсколько иначе происходитъ дѣло при покупкѣ земли не цѣлымъ сельскимъ обществомъ, но товариществами крестьянъ. Тутъ чаще бываютъ случаи переселенія покупщиковъ-товарищей на купленныя земли, которыя при томъ уже не разбиваются на множество дѣлянокъ, а отводятся каждому члену товарищества отдѣльными отрѣзками. Однако, и это происходитъ не всегда. Часто и тутъ товарищи продолжаютъ жить у себя на селѣ, а купленныя земли обрабатываютъ наѣздомъ, или, какъ и въ предыдущемъ

случаѣ, передаютъ въ аренду своимъ же сочленамъ. Г. Звегинцевъ удостовѣряетъ, что эта форма покупки земли товариществами, которая одно время очень покровительствовалась Крестьянскимъ Банкомъ, несочувственно наоборотъ относившимся къ пріобрѣтенію земли отдѣльными крестьянами,—очень часто ведетъ къ образованію фиктивныхъ, подставныхъ товариществъ, сокращающихся въ числѣ товарищей по закрѣпленіи земли купчею крѣпостью. Это происходитъ вслѣдствіе установленнаго Банкомъ ограниченія пространства земли, допускаемаго къ покупкѣ отдѣльными крестьянами, и такъ какъ земля продолжаетъ числиться за всѣми товарищами, участвовавшими въ покупкѣ, то уступка ими своихъ долей, перепродажа ихъ, совершается безъ формальныхъ актовъ, что должно въ будущемъ вести къ крайнему осложненію ихъ отношеній къ Банку и взаимныхъ отношеній между юридическими и дѣйствительными владѣльцами земли.

Наконецъ, весьма часто покупка частновладѣльческихъ имѣній въ цѣломъ составѣ, или отдѣльныхъ участковъ земли, имѣетъ послѣдствіемъ указанные уже выше крайне нераціональные съ точки зрѣнія правильнаго хозяйства пріемы превращенія угодій изъ одного вида въ другой,—не говоря уже про вырубку садовъ, уничтоженіе помѣщичьихъ усадебъ, хуторовъ и пр., съ чѣмъ еще можно было бы примириться, не взирая на всѣ невыгоды этого для общей культурности страны; но распашку луговъ и выгоновъ, уничтоженіе лѣсовъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда на то можно добиться разрѣшенія отъ Лѣсоохранительнаго Комитета, и обращеніе всѣхъ этихъ угодій въ пашни, неминуемо затѣмъ истощаемыя вслѣдствіе сокращенія кормовой площади, даже той, которой крестьяне могли пользоваться прежде, снимая эти столь необходимыя имъ угодія въ аренду безъ права ихъ распашки, — нельзя не считать явленіями въ высокой степени пагубными. Процессъ общаго ухудшенія экономическихъ условій страны, пониженіе хозяйственной цѣнности пріобрѣтенныхъ крестьянами земель и неизбѣжное затѣмъ ихъ истощеніе будутъ при этомъ идти все далѣе и далѣе, перевѣшивая постепенно тѣ выгоды, которыя крестьяне на первыхъ порахъ получатъ вслѣдствіе одного только расширенія площади ихъ землевладѣнія. Съ этимъ фактомъ надо очень серьезно считаться и для обезпеченія успѣшности проектируемой земельной реформы принять заранѣе соотвѣтственныя мѣры. Въ чемъ же эти мѣры должны состоять?

Однимъ предоставленіемъ крестьянамъ возможности временнаго (неизбѣжно только временнаго, такъ какъ численность населенія

будетъ возростать и душевое надѣленіе крестьянъ землею весьма скоро вернется къ настоящей нормѣ), расширенія площади своего землевладѣнія ограничиться нельзя, — это значило бы не разрѣшить земельнаго вопроса, корень котораго, какъ уже сказано, лежитъ вовсе не въ одномъ малоземельи, а только отдалить осуществленіе того, безъ чего судьба русскаго крестьянства не можетъ улучшиться,—улучшеніе самого хозяйства, постановку его на болѣе правильныхъ основаніяхъ, раціональную его организацію, повышеніе производительности земли, большее постоянство урожаевъ и проч. Нужно, чтобы самая реформа была произведена на такихъ основаніяхъ, которыя гарантировали бы насъ противъ возвращенія къ существующему положенію, съ бо́льшими еще затрудненіями для дальнѣйшаго его исправленія, потому что свободной, незанятой земли мало и теперь, а современемъ будетъ становиться все меньше и меньше. Заселятся наши окраины, на которыя теперь, основательно или нѣтъ, этого мы не станемъ пока разбирать, возлагается столько надеждъ, — и уже дальше некуда будетъ податься. Если предпринимать такую реформу, при которой поднимается даже рѣчь о принудительномъ отчужденіи, о нарушеніи правъ собственности, о сокращеніи, или даже о полномъ упраздненіи культурнаго помѣщичьяго хозяйства, то надо по крайней мѣрѣ поставить дѣло такъ, чтобы проектируемая реформа принесла максимумъ своего полезнаго дѣйствія, и чтобы всѣ тѣ пожертвованія, съ которыми она будетъ сопряжена и для правительства, и для частныхъ лицъ, не были бы напрасными или ничтожными по окончательнымъ своимъ результатамъ. Тутъ мы и встрѣчаемся съ самою трудною стороною вопроса, болѣе трудною даже, чѣмъ осуществленіе проповѣдуемаго нѣкоторыми насильственнаго отобранія земли у помѣщиковъ. Вѣдь и объ этомъ можетъ идти рѣчь, пока еще есть что отбирать, или пока еще можно прикупить земли для крестьянъ у частныхъ владѣльцевъ,—ну, а дальше что? Не нужно доказывать, что подобныя героическія мѣры не могутъ повторяться, а при настоящихъ способахъ использованія земли крестьянами, сколько ея ни прибавляй, имъ этой земли не надолго хватитъ.

Въ настоящее время дѣятельность Крестьянскаго Банка заключается въ посредничествѣ между крестьянами и землевладѣльцами, вступившими въ соглашеніе относительно купли—продажи земли,—и въ пріобрѣтеніи частныхъ имѣній и земель Банкомъ, для распродажи ея впослѣдствіи крестьянамъ уже самимъ Банкомъ. До сихъ поръ имѣла преобладаніе первая система, въ будущемъ

вѣроятно, получитъ преобладающее значеніе вторая, такъ какъ покупки земель крестьянами по собственному добровольному соглашенію съ помѣщиками всегда имѣютъ болѣе или менѣе случайный характеръ и не обезпечиваютъ интересовъ наиболѣе нуждающихся въ землѣ, бѣднѣйшихъ крестьянъ. Банкъ и впредь не долженъ этого рода сдѣлки тормазить, такъ какъ крестьяне всего охотнѣе идутъ на покупку земель, ими самими подысканныхъ и договоренныхъ, большею частью по близости отъ ихъ селеній, да и частнымъ владѣльцамъ важно удовлетворить нужду своихъ же ближайшихъ сосѣдей крестьянъ, которые къ случаямъ продажи земли чужакамъ изъ дальнихъ мѣстъ относятся обыкновенно крайне враждебно, такъ какъ они либо являются имъ конкурентами при наймѣ на работы и уменьшаютъ ихъ заработки, либо лишаютъ ихъ возможности арендованія ближайшихъ и, слѣдовательно, наиболѣе имъ нужныхъ земель. При такихъ договорныхъ покупкахъ, основанныхъ на добровольномъ соглашеніи крестьянъ съ помѣщиками, Банкъ, опредѣливъ размѣръ возможной къ разрѣшенію ссуды, не долженъ уже ставить никакихъ условій покупщикамъ земли, не долженъ былъ бы вмѣшиваться и въ условія соглашенія, не касаться размѣра договоренной цѣны (кромѣ, конечно, случаевъ исключительной и очевидной ея несообразности), ни размѣра приплаты, предлагаемой крестьянами продавцу сверхъ банковской ссуды. Вмѣшательство Банка въ эти стороны дѣла имѣло бы характеръ совершенно излишней опеки надъ крестьянами, прекрасно понимающими, въ особенности если они облюбовали и договорили землю по близости отъ себя, что они дѣлаютъ, какую цѣну они за нее могутъ дать, насколько она имъ нужна, и знающими, какъ они будутъ ее впослѣдствіи эксплоатировать. Извѣстно, однако, что Отдѣленія Банка, считая себя призванными къ нѣкотораго рода попечительству надъ крестьянами, прибѣгавшими къ ихъ помощи только за ссудою, иногда тормазили и даже разстраивали уже такого рода состоявшіяся сдѣлки, къ явному ущербу для крестьянъ, хотя и въ цѣляхъ охраны ихъ интересовъ. Но крестьяне—не малолѣтніе и всякая опека надъ ними только вредна, они лучше чиновниковъ Банка знаютъ, что имъ нужно, что они ищутъ въ облюбованныхъ ими земляхъ, и что по ихъ разсчетамъ они могутъ за нихъ дать. Не долженъ Банкъ въ подобныхъ случаяхъ ставить и какія бы то ни было условія относительно эксплоатаціи пріобрѣтенныхъ при его посредствѣ земель, переселенія на нихъ и т. п., такъ какъ всякія такія условія шли бы только въ разрѣзъ съ видами и цѣлями

покупателей. Исключенія изъ этого правила могли бы быть допущены лишь въ случаѣ пріобрѣтенія земель не мѣстными, сосѣдними крестьянами, а дальними, т. е. тѣми именно чужаками, водвореніе которыхъ на пріобрѣтаемыхъ ими участкахъ шло бы въ разрѣзъ съ интересами мѣстныхъ крестьянъ, при чемъ однако и такого рода условія и ограниченія правильнѣе было бы устанавливать не чиновникамъ Банка, а тѣмъ земельнымъ Коммисіямъ, о которыхъ было говорено выше и которыя нынѣ уже учреждены.

Но совсѣмъ иначе должно ставиться дѣло тогда, когда Банкъ будетъ выступать уже не въ видѣ посредническаго, кредитнаго учрежденія, а въ качествѣ землеустроительнаго органа, т. е. когда онъ будетъ пріобрѣтать частновладѣльческія имѣнія для ихъ ликвидаціи и перепродажи крестьянамъ отъ себя. Тутъ уже его роль должна быть другая,—онъ долженъ явиться въ видѣ учрежденія, не только способствующаго простому расширенію крестьянскаго землевладѣнія, но призваннаго къ другой, болѣе важной, культурной задачѣ: онъ долженъ вести дѣло такъ, чтобы обезпечить раціональное использованіе крестьянами предоставляемыхъ имъ земель, согласно съ условіями правильнаго хозяйства, иначе онъ рискуетъ такъ сказать сыграть въ пустую. Такого рода направленіе его дѣятельности, конечно, въ высшей степени трудно, сложно, потребуетъ не только знаній, но и значительныхъ иногда денежныхъ затратъ, однако лишь при этомъ условіи онъ выполнитъ свое государственное въ данномъ случаѣ назначеніе. Пріобрѣтая земли отъ частныхъ владѣльцевъ, способствуя и даже поощряя въ нѣкоторыхъ случаяхъ ликвидацію помѣщичьяго хозяйства, онъ долженъ, при передачѣ пріобрѣтенныхъ имъ земель крестьянамъ, преслѣдовать культурныя цѣли, долженъ способствовать поднятію уровня сельскаго хозяйства въ странѣ, долженъ обставлять покупки земель крестьянами такими требованіями, которыя гарантировали бы достиженіе этихъ именно задачъ. Примѣры такой дѣятельности правительства при вмѣшательствѣ его въ аграрное дѣло уже имѣются на западѣ, именно въ Пруссіи, гдѣ правительство, преслѣдуя преимущественно политическія задачи германизаціи восточныхъ провинцій королевства, принимая на себя парцелляцію крупныхъ пріобрѣтаемыхъ имъ частновладѣльческихъ, большею частью польскихъ, имѣній,—не ограничивается простою передачею образованныхъ мелкихъ участковъ въ руки крестьянъ-нѣмцевъ, но обставляетъ эту передачу мѣрами, облегчающими и обезпечивающими правильную хозяйственную эксплоатацію ихъ водворяемыми на нихъ при его содѣйствіи крестьянами.

Чтобы показать, какъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ прусское правительство, находящее возможнымъ преслѣдовать одновременно и политическія, и культурныя цѣли, приведу нѣкоторыя данныя о германской колонизаціи польскихъ провинцій Пруссіи, по закону 26 апрѣля 1886 года, заимствуя ихъ изъ книги, изданной въ 1894 году канцеляріею Комитета Министровъ и богатой чрезвычайно интереснымъ фактическимъ матеріаломъ.

Не взирая на то, что законъ этотъ, положившій начало германизаціи восточной Пруссіи, имѣлъ въ виду прежде всего укрѣпленіе германской народности въ польскихъ провинціяхъ, съ цѣлью противодѣйствія систематической изъ года въ годъ польской агитаціи въ краѣ и распространенію въ немъ польскаго вліянія, слѣдовательно преслѣдовалъ цѣли чисто государственныя и политическія,—на путь принудительнаго отчужденія земель у польскихъ помѣщиковъ прусское правительство не вступало и даже рѣчи объ этомъ не поднимало. Напротивъ того, оно положило въ основу своей дѣятельности въ этомъ направленіи добровольную покупку земель и имѣній у польскихъ владѣльцевъ, желающихъ свои земли продать, или покупку ихъ съ публичныхъ торговъ, и съ этого пути никогда не сходило, что не помѣшало ему широко поставить и изъ году въ годъ развивать это дѣло, на осуществленіе котораго была съ самаго начала отпущена сумма въ 100 милліоновъ марокъ, для образованія оборотнаго фонда на пріобрѣтеніе и предварительное устройство предназначенныхъ для парцелляціи участковъ, который долженъ былъ пополняться по мѣрѣ ихъ распродажи. Сумма эта была реализована путемъ особаго государственнаго займа. Исполнительныя дѣйствія были возложены на особую поселенческую коммисію, имѣвшую мѣстопребываніе въ Познани, гдѣ по преимуществу и были сосредоточены операціи по покупкѣ и продажѣ земель.

Обязанности коммисіи заключались въ пріисканіи предлагаемыхъ для продажи имѣній, осмотрѣ и оцѣнкѣ ихъ, соглашеніи съ владѣльцами относительно покупки, а затѣмъ и самой покупкѣ. За первыя семь лѣтъ дѣятельности коммисіи ею было пріобрѣтено имѣній и отдѣльныхъ земельныхъ участковъ всего 142, при чемъ средняя покупная цѣна десятины опредѣлилась въ 310 рублей. Послѣ покупки, имѣнія поступали во временное ея завѣдываніе, и она же приступала къ ихъ устройству, парцелляціи, или разбивкѣ на отдѣльные мелкіе отрубные участки, и къ производству необходимыхъ меліораціонныхъ работъ.

Подготовка имѣнія къ распродажѣ и водворенію на немъ

поселенцевъ,—обязательно нѣмцевъ, по выбору коммисіи—заключалась въ слѣдующемъ:

Производство обмѣра имѣнія, опредѣленіе его границъ, проведеніе межъ. Разработка проекта поселенія и условій для занятія земельныхъ участковъ. Ремонтъ находящихся въ имѣніи строеній, посколько они могли служить для будущихъ поселенцевъ, и возведеніе новыхъ. Сооруженіе плотинъ, исполненіе обводнительныхъ и осушительныхъ работъ, разработка болотъ, проведеніе дорогъ, вырубка и расчистка излишнихъ лѣсовъ, а въ случаѣ надобности и облѣсеніе пространствъ, для сельскохозяйственныхъ цѣлей непригодныхъ.

Во все время подготовительныхъ работъ имѣнія находятся въ управленіи коммисіи, или сдаются въ краткосрочную аренду, на условіяхъ, не препятствующихъ выполненію этихъ работъ. Находящійся въ имѣніи живой и мертвый инвентарь не только не подвергается уничтоженію, но пополняется новымъ и улучшается, для передачи впослѣдствіи на льготныхъ условіяхъ поселенцамъ.

Парцелляція или разбивка имѣнія производится такъ, чтобы получались отдѣльныя мелкія хозяйственныя единицы, отграничиваемыя въ натурѣ межами и оцѣниваемыя въ зависимости отъ качества почвы входящихъ въ ихъ составъ угодій и др. условій. Участки образуются размѣрами отъ 5 до 25 гектаровъ (4½—22½ дес. на дворъ), рѣдко болѣе, или менѣе. Позднѣйшая практика показала, что всего охотнѣе разбирались участки отъ 7 до 15 гектаровъ, но не мало было требованій и на участки самые мелкіе, для ручной обработки, а равно и на участки болѣе крупные. По опредѣленію мѣста для двора, непремѣнно прилегающаго къ проѣзжей дорогѣ, къ каждому участку приграничивалась соотвѣтственная площадь пахотной земли, отдѣльно расположенные луга,—въ случаѣ же неимѣнія ихъ прирѣзывается земля, годная для посѣва клевера. Поля, луга, выгоны и лѣсныя площади распредѣляются между участками по возможности равномѣрно, въ зависимости отъ качества почвы и разстоянія угодій отъ мѣста, предназначеннаго для двора. Это распредѣленіе производится по заранѣе опредѣленному плану и не можетъ быть предоставлено случаю или желанію поселенцевъ. Въ каждомъ болѣе или менѣе крупномъ имѣніи нарѣзаются участки для церкви, домовъ причта и школы.

Производство упомянутыхъ выше мелioративныхъ работъ непосильныхъ поселенцамъ и могущихъ затруднить ихъ водвореніе на участкѣ, предшествуетъ ихъ приглашенію; расходы на эти

работы сперва относились на счетъ поселенцевъ и входили въ счетъ причитающихся съ нихъ платежей, но впослѣдствіи правительство стало большую ихъ часть брать на себя.

Выборъ между лицами, желающими водвориться на участкѣ, обязательно нѣмцами, предоставленъ дискреціонному усмотрѣнію поселенческой коммисіи. Участки предоставляются поселенцамъ въ собственность—послѣ выполненія обязательныхъ для нихъ по договору условій, — изъ платежа капитала или ежегодной ренты, или же во временную, на срокъ до 12-ти лѣтъ, аренду, но послѣдній способъ отвода участковъ не привился. Выборъ же между двумя первыми способами — уплаты капитальной стоимости участка путемъ постепеннаго погашенія, или взноса ежегодной ренты— предоставленъ самимъ поселенцамъ. Поселенцы обязуются въ годичный срокъ возвести на участкѣ необходимыя жилыя и хозяйственныя постройки, водвориться на немъ и завести хозяйство; — для всего этого имъ оказывается со стороны правительства самое широкое, хотя и не безвозвратное пособіе и содѣйствіе, выражающееся въ разнаго рода льготахъ. Самое трудное для поселенцевъ, конечно, застройка участковъ, — коммисія принимаетъ на себя доставку имъ по дешевымъ цѣнамъ строительныхъ матеріаловъ, вырабатываетъ наиболѣе цѣлесообразные и дешевые типы построекъ, составляетъ планы и смѣты на ихъ возведеніе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ принимаетъ на себя и самое возведеніе построекъ для будущихъ колонистовъ, въ качествѣ какъ бы ихъ подрядчика; послѣдняя форма содѣйствія стала постепенно получать все большее распространеніе.

Коммисія помогаетъ поселенцамъ обзавестись скотомъ, снабжаетъ ихъ сѣменами для посѣва, саженцами плодовыхъ деревьевъ для посадки и на первый годъ доставляетъ имъ даже на продовольствіе по 75 килограммъ (4½ пуда) ржи и 200 килограммъ (12 пудовъ) картофеля въ мѣсяцъ. Съ поселенцемъ заключается договоръ, въ которомъ подробно излагаются его права и обязанности. Послѣ образованія въ поселеніи сельскаго общества, на сочленовъ его возлагается содержаніе школы, церкви, возведеніе которыхъ тоже иногда принимаетъ на себя коммисія, — поддержаніе и ремонтъ плотинъ, дорогъ, канавъ, колодцевъ. Въ случаѣ нарушенія договорныхъ условій участокъ можетъ быть отъ поселенца, еще не выкупившаго его въ собственность, отобранъ.

Въ первые по водвореніи года на участкѣ поселенецъ освобождается отъ всякихъ за него платежей,—кромѣ уплаты поземельныхъ налоговъ и другихъ сборовъ. По выполненіи условій и не

ранѣе трехъ лѣтъ послѣ отвода участка поселенецъ вправѣ его пріобрѣсть въ собственность, путемъ выплаты капитальной его стоимости или взноса ежегодной ренты, причемъ права его на участокъ въ обоихъ случаяхъ почти одинаковы. Онъ можетъ его заложить, передать по наслѣдству и даже продать, — но продажа допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія коммисіи, чтобы воспрепятствовать переходу участка въ польскія руки. Дробить участокъ, распродавать его по частямъ, ни въ какомъ случаѣ не разрѣшается.

Вотъ какимъ образомъ прусское правительство въ колонизаціонной политикѣ преслѣдуетъ одновременно и политическія, и хозяйственныя цѣли. Думаю, что, приступая къ тому, что разумѣютъ у насъ подъ названіемъ земельной реформы, на этотъ путь, какъ бы онъ ни былъ труденъ и сложенъ, необходимо вступить и намъ.

Крестьянскому Банку, или тому землеустроительному органу, въ который онъ долженъ будетъ современемъ превратиться, или же подъ руководствомъ котораго онъ впредь будетъ дѣйствовать, необходимо прежде всего предоставить, при непремѣнномъ участіи мѣстныхъ земельныхъ комитетовъ, право выбора тѣхъ крестьянъ, которымъ будутъ отводиться земли изъ пріобрѣтенныхъ Банку имѣній, такъ какъ съ точки зрѣнія обезпеченія интересовъ и нуждъ крестьянскаго населенія далеко не безразлично, кто именно явится покупщикомъ этихъ земель. Тутъ на первый планъ должны быть поставлены крестьяне наиболѣе обездоленные въ земельномъ отношеніи, наиболѣе нуждающіеся въ землѣ и не способные собственными силами ни пріискать себѣ земли, ни приплатить за нее владѣльцамъ, ни водвориться на ней, ни обстроиться, ни завести на ней правильное хозяйство. До сихъ поръ, какъ извѣстно, услугами Банка, какъ кредитнаго учрежденія, по преимуществу пользовались сравнительно болѣе богатые крестьяне, бѣднота же по необходимости оставалась при этомъ въ сторонѣ. Въ будущемъ это должно быть кореннымъ образомъ измѣнено. Отъ частныхъ владѣльцевъ нельзя требовать, чтобы они вносили въ дѣло, при добровольной продажѣ земель крестьянамъ, филантропическое начало помощи наиболѣе бѣдному ихъ контингенту и не продавали бы ихъ тѣмъ изъ соискателей, которые предложатъ за нихъ высшую цѣну, согласятся и на высшую противъ банковской ссуды приплату; но Крестьянскій Банкъ долженъ исходить изъ совершенно другого принципа,—долженъ предоставлять земли изъ своего фонда не тому, кто болѣе за нихъ дастъ, но тому, кто

болѣе въ нихъ нуждается, т. е. именно самымъ бѣднымъ изъ числа соискателей. Но будетъ ли этотъ самый бѣдный контингентъ крестьянъ въ состояніи совладать съ доставшейся ему, хотя на самыхъ льготныхъ условіяхъ, землей, когда у нихъ, можетъ быть, ни лошади, ни земледѣльческихъ орудій нѣтъ, когда они уже давно отбились отъ земли? Еще труднѣе будетъ имъ, конечно, водвориться на покупаемомъ участкѣ, обстроиться, обзавестись хозяйствомъ, сѣменами. Очевидно, что дать земли мало, нужно еще доставить средства для ея разработки, — Банку придется, чтобы его роль въ культурно-землеустроительномъ дѣлѣ была дѣйствительно цѣлесообразна и шла бы навстрѣчу самой крайней крестьянской нуждѣ, предоставлять крестьянамъ, кромѣ земли, и необходимый кредитъ, въ формѣ ссудъ на домообзаведеніе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда земля будетъ отводиться крестьянамъ по близости отъ ихъ жилья, имъ можно будетъ оставаться у себя дома и, слѣдовательно, расходъ на постройку новой усадьбы на купленномъ участкѣ отпадетъ, но такіе случаи будутъ, вѣроятно, встрѣчаться сравнительно рѣдко, и гораздо чаще имъ придется водворяться на покупной землѣ, что съ сельскохозяйственной точки зрѣнія гораздо предпочтительнѣе. Тутъ уже серьезной помощи имъ со стороны Банка, или связаннаго съ нимъ кредитно-меліоративнаго учрежденія не миновать и на это потребуются немалыя средства. Да и во всѣхъ другихъ случаяхъ, кромѣ развѣ исключительныхъ, нужно будетъ требовать, чтобы крестьяне покупатели, при всякаго рода покупкахъ, будь то цѣлымъ обществомъ, будь товариществомъ, будь даже отдѣльными дворами, переселялись на новокупленныя земли. При покупкахъ цѣлымъ обществомъ, на нихъ необходимо водворять часть крестьянъ даннаго селенія, подъ условіемъ отвода имъ полной причитающейся на ихъ долю купленной земли, взамѣнъ оставляемой въ пользу односельчанъ части надѣла въ родномъ селеніи. На переносъ усадьбы изъ селенія или возведеніе ея вновь на новомъ участкѣ имъ опять таки придется помогать. Кромѣ того, придется контролировать и условія ихъ развязки съ оставшимися на старомъ мѣстѣ крестьянами, чтобы тѣ ихъ, при выходѣ изъ села, уступкѣ имъ своихъ разработанныхъ, а иногда и хорошо удобренныхъ надѣловъ своей усадебной осѣдлости, не притѣсняли и не обижали. Но такой выходъ, такое отроеніе крестьянъ, какъ оно и нынѣ практикуется у нѣмцевъ колонистовъ, надо ставить непремѣннымъ условіемъ пріобрѣтенія земли у Банка, иначе важнѣйшія культурныя задачи всей реформы не будутъ достигнуты и на пріобрѣтен-

ныхъ участкахъ водворится такая же антихозяйственная неурядица, какая теперь существуетъ у крестьянъ на ихъ надѣльныхъ земляхъ.

Иные авторы идутъ въ этомъ направленіи еще гораздо далѣе, приближаясь въ своихъ заданіяхъ къ тѣмъ условіямъ, которыя положены въ основу германской колонизаціонной политики. Такъ, г. Зворыкинъ въ книгѣ своей „Крестьянское землеустройство и неотложная аграрная реформа въ Россіи“ доказываетъ необходимость — предварительно отвода крестьянамъ проектируемымъ имъ взамѣнъ Крестьянскаго Обще-Имперскимъ земельнымъ Банкомъ скупаемыхъ имъ у землевладѣльцевъ преимущественно малодоходныхъ, непроизводительныхъ, ненаселенныхъ земель — приведенія ихъ въ порядокъ и благоустройство при посредствѣ инженеровъ, агрономовъ и гидротехниковъ; далѣе, онъ признаетъ необходимымъ хозяйственное устройство уступаемыхъ крестьянами земельныхъ участковъ, путемъ предварительнаго сооруженія на нихъ дорогъ и водоемовъ, осушенія болотъ, выкорчевки пней, снабженія водворяющихся на этихъ участкахъ крестьянскихъ семей скотомъ, сѣменами, саженцами и хозяйственнымъ инвентаремъ; болѣе того—онъ проектируетъ даже предварительное возведеніе на нихъ построекъ и затѣмъ освобожденіе новоселовъ на 2—3 года отъ уплаты Банку всякихъ платежей. Безспорно, все это было бы прекрасно и значительно облегчило бы крестьянамъ какъ водвореніе на предоставляемыхъ имъ земляхъ, такъ и веденіе на нихъ правильнаго хозяйства, но спрашивается, въ силахъ ли Банкъ взять на себя выполненіе столь грандіозной задачи, какъ устройство, оборудованіе и застройка многихъ десятковъ, или даже сотенъ тысячъ отдѣльныхъ участковъ, и какія средства, какой персоналъ потребуются на осуществленіе всѣхъ этихъ мѣръ? Думаю, что это совершенно недостижимо, и потому придется ограничиться только болѣе скромною частью этихъ задачъ, которыя рекомендуетъ, напримѣръ, г. Звегинцевъ въ цитированной выше его статьѣ. Участокъ, на который будутъ выселяться крестьяне, долженъ, по его мнѣнію, быть обезпеченъ дорогами и водоснабженіемъ, при чемъ расходы по этимъ статьямъ должны лечь на увеличеніе покупной стоимости земли. Стремясь выселить на новыя мѣста наименѣе обезпеченную, хотя и вполнѣ трудоспособную часть населенія, необходимо пойти ей навстрѣчу на первыхъ шагахъ въ расходахъ и заботахъ по организаціи новаго хозяйства путемъ меліоративной ссуды. Эта ссуда будетъ тѣмъ болѣе умѣстна, что, садясь на заложенную землю, хозяинъ не будетъ принужденъ сразу истощить всѣ свои денежные запасы.

Далѣе г. Звегинцевъ признаетъ желательнымъ, если парцеллируемое имѣніе велико, обезпечить поселеніе въ будущемъ возможностью постройки церкви и, слѣдовательно, отвести участокъ земли для причта. Также точно было бы желательно, чтобы въ заранѣе намѣченныхъ мѣстахъ были бы построены зданія для школъ, или же отложены потребные на это капиталы, при чемъ такіе капиталы должны были бы, какъ и стоимость церковнаго участка, входить въ первичную стоимость земли.

Проложеніе дорогъ, обезпеченіе проѣзда къ отдѣльнымъ участкамъ, конечно, безусловно необходимо, такъ какъ иначе между пріобрѣтателями ихъ будутъ возникать нескончаемые споры. Безъ воды никакое человѣческое жилье немыслимо. И пути, и колодцы или запруды должны быть заранѣе устроены, такъ какъ возлагать это на самихъ крестьянъ въ большинствѣ случаевъ невозможно. Остальныя условія можно признать, конечно, весьма желательными, хотя и трудно осуществимыми, особенно на первыхъ порахъ, когда Банку придется дѣйствовать быстро, чтобы удовлетворить массу поступающихъ къ нему требованій.

Но и всѣмъ этимъ дѣло, по моему мнѣнію, не можетъ ограничиться. Не идя такъ далеко, какъ идетъ г. Зворыкинъ, требуя предварительнаго приведенія участка въ благоустроенный видъ, съ выкорчевкою пней, постройкою жилищъ и т. п., я нахожу необходимымъ обратить вниманіе на другую сторону дѣла, хотя и болѣе простую, но не менѣе важную, въ особенности для будущей хозяйственной эксплоатаціи участка,—а именно на отграниченіе его въ натурѣ, на отрѣзку его сплошнымъ отрубомъ, — безъ губящей русское крестьянское земледѣліе черезполосности, раздробленія на множество дѣлянокъ и т. п. Необходимо обезпеченіе каждаго участка, каждой будущей земельной единицы тѣми угодіями, безъ которыхъ правильное веденіе хозяйства невозможно,— т. е. лугами и выгонами. Если такихъ угодій на данной территоріи нѣтъ, то ихъ надо образовать, подходящіе участки залужить, засѣять травой, запустить подъ выгонъ. Нужно опредѣлить, гдѣ быть пашнѣ, гдѣ сѣнокосу, гдѣ выгону. Если въ парцеллируемомъ имѣніи такія угодія есть, то надо предоставить каждому засельщику возможность пользованія ими. Если нельзя, по конфигураціи мѣстности и плану земли, включить соотвѣтственныя угодья въ площадь каждаго отдѣльнаго участка, то, въ крайнемъ случаѣ, распредѣляя между ними пашни, надо оставить луга и выгоны хотя бы и въ общемъ пользованіи засельщиковъ, но обезпечить возможность такого пользованія за каждымъ изъ участковладѣльцевъ,—и затѣмъ включить въ самыя

условія покупки земли запрещеніе переводить эти угодья изъ одного вида въ другой, распахивать луга и выгоны. Не считая возможнымъ установленіе общаго луго- и выгоноохранительнаго закона, какъ это предлагалось нѣкоторыми, я признаю однако безусловно необходимымъ и вполнѣ возможнымъ, при продажѣ Банкомъ земли крестьянамъ, установлять мѣры охраны луговъ и выгоновъ, дѣлая сохраненіе этихъ угодій навсегда обязательнымъ для покупщиковъ. Только при такомъ обязательствѣ можно быть увѣреннымъ въ обезпеченіи хозяйственной цѣнности даннаго участка, въ возможности веденія на немъ раціональнаго, а не истощающаго хозяйства. Къ чему привело нашихъ крестьянъ полное нарушеніе ими нормальнаго соотношенія между отдѣльными угодьями, между посѣвною и кормовою площадями, между земледѣліемъ и скотоводствомъ, я уже показалъ въ одной изъ предыдущихъ главъ. Не надо дать имъ возможности повторить эту роковую ошибку вновь, притомъ на земляхъ пріобрѣтенныхъ для обезпеченія ихъ благосостоянія и предоставляемыхъ въ ихъ распоряженіе путемъ крупныхъ пожертвованій со стороны государства. Идя навстрѣчу ихъ нуждѣ, правительство не только вправѣ, но и обязано обставлять свою помощь извѣстными требованіями и условіями, имѣющими цѣлью обезпечить ихъ же благо, благо будущихъ поколѣній, возможность развитія сельскаго хозяйства на прочныхъ началахъ, а не одно только расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, безъ заботъ объ основахъ правильнаго землепользованія. Иначе дѣло будетъ сдѣлано только наполовину и даже менѣе того; если настоящая острота земельнаго вопроса при этомъ и будетъ устранена, то лишь на самое короткое время и дѣло въ корнѣ не поправится и не улучшится.

Могутъ замѣтить, что прусское правительство, въ своей культурно-колонизаціонной политикѣ, столь заботливо относясь къ нуждамъ переселенцевъ при водвореніи ихъ на отводимыхъ имъ участкахъ, принимая на себя заботы по первоначальному устройству этихъ участковъ, исполняя на нихъ всякаго рода меліораціонныя работы и требуя отъ засельщиковъ поддержанія въ нихъ этихъ устройствъ въ исправности, не ставитъ имъ однако уже никакихъ ограниченій въ отношеніи хозяйственной эксплоатаціи, не воспрещаетъ перевода угодій изъ одного вида въ другой, расчистки лѣсовъ, распашки выгоновъ и пр. (по крайней мѣрѣ въ заключаемыхъ съ поселенцами договорахъ о такомъ запретѣ не упоминается). Но въ данномъ случаѣ Пруссія намъ не указъ. Тамъ правительство можетъ разсчитывать на хозяйствен

ную опытность и разсчетливость переселенцевъ, которые не станутъ рѣзать курицу, приносящую золотыя яйца, которые знаютъ, что безъ сохраненія въ хозяйствѣ надлежащаго соотношенія между отдѣльными угодьями, установляемаго при подготовкѣ участка подъ заселеніе, самое веденіе хозяйства станетъ невозможнымъ. Намъ же приходится съ грустью признать, что наши крестьяне, по крайней мѣрѣ по отношенію къ пользованію ихъ надѣльными, общинными землями, не хозяева въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а только землепашцы. Иначе не распоряжались бы они со своими землями такъ безхозяйственно, неразсчетливо. Оставляя даже общину неприкосновенной, если бы только крестьяне додумались до того, чтобы не дробить землю на безчисленныя полоски, а отводить ее болѣе крупными отрубами отдѣльнымъ членамъ общины къ одному мѣсту, уравновѣшивая худшее качество земли, дальность ея разстоянія, болѣе крупными участками,— уже одно это увеличило бы производительную площадь, помогло бы улучшенію культуры, избавило бы крестьянъ отъ лишнихъ проѣздовъ. И крестьяне знаютъ это сами, понимаютъ выгоды подобной системы распредѣленія земель, но — міръ не позволитъ, изстари такъ водилось, боятся, какъ бы кто нибудь одинъ противъ другого не выигралъ, не получилъ бы случайно лучшаго участка. Надо, чтобы всѣмъ было ровно, хотя бы всѣмъ одинаково скверно. И вотъ ради этой всеобщей уравнительности доходятъ до всеобщей нищеты. И только когда этимъ порядкамъ будетъ положенъ предѣлъ, тогда и сдѣлаются наши крестьяне настоящими хозяевами и на надѣльныхъ земляхъ, какъ они весьма быстро становятся ими на земляхъ, купленныхъ въ собственность отдѣльными лицами — но не обществами и даже не товариществами,— на отрубныхъ хуторскихъ участкахъ тамъ, гдѣ они уже завелись. Вездѣ же, гдѣ этого нѣтъ, гдѣ крестьяне упорно держатся своихъ стародавнихъ обычаевъ,— тамъ благосостояніе ихъ все только падаетъ и падаетъ, и нѣтъ крестьянамъ выхода изъ ихъ настоящаго положенія,— а въ такихъ условіяхъ и находится большая часть нашей средне-земледѣльческой полосы, т. е. именно тамъ, гдѣ земледѣліе и составляетъ не то что главный, а единственный источникъ ихъ существованія. И не къ упроченію сельскаго хозяйства, не къ постановкѣ его въ такія условія, безъ которыхъ развитіе его невозможно, а лишь только къ увеличенію одной распашной площади сводится тамъ весь ихъ идеалъ, хотя и наличную у нихъ землю они используютъ далеко не вполнѣ, немалая часть ея уходитъ у нихъ, такъ сказать, между рукъ, значительная часть ихъ труда и времени пропадаетъ даромъ, безъ

всякой пользы даже для этой самой земли. Но вѣдь расширить площадь земли противъ того, что намъ отпущено на долю, мы не можемъ; однимъ перераспредѣленіемъ ея, передачею изъ болѣе сильныхъ въ болѣе слабыя руки, не могущія къ ней приложить ни знанія, ни капитала,— не многаго достигнемъ, если только достигнемъ чего либо, кромѣ результатовъ отрицательныхъ. Задача наша, условіе будущаго благосостоянія нашего сельскаго населенія — въ усиленіи, упроченіи и обезпеченіи производительности нашей земли. Для достиженія же этихъ цѣлей необходимо, чтобы предстоящая намъ нынѣ реформа была не просто земельной, но культурно-земельной реформой, чтобы она исходила не изъ одной только идеи — крестьянскаго малоземелья, но рядомъ съ нею, а еще лучше — впереди ея, ставила задачи культурныя, просвѣтительныя, мелiоративныя въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Тогда не будетъ намъ страшно никакое наростаніе населенія въ будущемъ, не только не устранимое, но и весьма желательное, такъ какъ Россія все еще остается одною изъ самыхъ слабо населенныхъ странъ Европы. Были бы руки, было бы знаніе, — а мѣсто для полезнаго приложенія ихъ всегда найдется; и чѣмъ производительнѣе будетъ трудъ, тѣмъ лучше онъ самъ себя будетъ окупать, да привлечетъ къ дѣлу и потребные для него капиталы. Страшно только отрицаніе необходимости знанія, игнорированіе производительнаго значенія труда и возложеніе всѣхъ упованій нашихъ на одни силы природы, на одну только землю, которая должна служить лишь объектомъ приложенія этого труда, вознаграждаемаго ею тѣмъ лучше, чѣмъ онъ примѣняется разумнѣе, чѣмъ менѣе разбрасывается въ ширь, въ тщетной и обманчивой надеждѣ взять на пространствѣ то, что теряется на каждой единицѣ этой земли, благодаря не скажу только первобытнымъ, но прямо архаическимъ пріемамъ и формамъ культуры и хозяйства. Поэтому, и наша земельная реформа должна быть всецѣло направлена къ тому, чтобы двинуть насъ впередъ, а не назадъ, и открыть нашему хозяйству, нашему сельскому населенію, безъ различія классовъ и состояній, пути къ необходимому прогрессу.

VI.

Переселенческій вопросъ.

Большія разногласія возбуждаетъ у насъ, какъ извѣстно, вопросъ о томъ, насколько великъ тотъ земельный фондъ, который представляютъ для нуждъ колонизаціи наши сѣверъ и востокъ. Одни считаютъ его почти что безграничнымъ, разсчитываютъ на возможность передвинуть туда милліоны выходцевъ изъ Европейской Россіи, которымъ дома тѣсно, въ то время, какъ другіе указываютъ на то, что пригодныхъ для заселенія земель тамъ и теперь уже немного, а современемъ станетъ и еще меньше, и что, слѣдовательно, переселеніе въ будущемъ не только не можетъ сколько нибудь широко развиться, а, напротивъ, должно будетъ противъ теперешняго даже сократиться. Въ одной изъ предъидущихъ главъ я высказывался въ томъ смыслѣ, что возлагать на земельный фондъ нашихъ окраинъ преувеличенныя надежды нельзя, но въ то же время я готовъ признать справедливымъ мнѣнія и тѣхъ авторовъ, которые доказываютъ, что земельнаго простора тамъ еще безконечно много, что заселить можно и сибирскую тайгу, и значительную часть лѣсныхъ площадей нашихъ сѣверныхъ губерній, и обширныя пространства прирѣчныхъ долинъ Амурской и Приморской областей, и Забайкалье, и еще болѣе обширныя средне-азіатскія степи. Въ этомъ спорѣ, думается мнѣ, правы обѣ стороны, исходящія только изъ различныхъ точекъ зрѣнія. Правы тѣ, которые указываютъ, что на огромномъ пространствѣ этихъ пустынныхъ нынѣ площадей найдется мѣсто для многихъ милліоновъ, для десятковъ милліоновъ жителей. Тайгу можно разработать, сѣверныя болотистыя пространства осушить, безводныя степи оросить,— только приходи, русскій людъ, и поселяйся и работай. Для энергичнаго поселенца не страшенъ никакой лѣсъ,— онъ съумѣетъ его расчистить и обратить подъ хлѣбопашество, въ сѣверно-русской низменности, на привольныхъ степяхъ южной Сибири онъ займется скотоводствомъ, въ среднеазіатскихъ степяхъ русскій мужикъ усвоитъ себѣ пріемы самаго интензивнаго хозяйства при орошеніи, займется хлопководствомъ и другими цѣнными культурами, хотя онъ хлопка сроду не видалъ, и у себя на родинѣ никогда не слыхалъ даже,

что вата какъ хлѣбъ въ полѣ растетъ. Пусть въ сѣверныхъ частяхъ Сибири теперь часто и озимые посѣвы не вызрѣваютъ, пусть тамъ въ землѣ даже вѣчная мерзлота лежитъ,— все это не страшно, съ развитіемъ культуры, по мѣрѣ вырубки лѣсовъ, поддерживающихъ нынѣ чрезмѣрную въ странѣ сырость и холодъ, съ проникновеніемъ въ землю, послѣ ея распашки, жаркихъ лучей солнца, и вѣчная мерзлота пропадетъ, и даже самый климатъ измѣнится такъ, что не только рожь, но и другія болѣе цѣнныя и нѣжныя растенія станутъ вызрѣвать. Все это совершенно вѣрно, и я не сомнѣваюсь въ томъ, что такъ въ дѣйствительности,— въ будущемъ, но только въ далекомъ будущемъ,— все и произойдетъ. Болѣе того, я даже думаю, что въ эпохи давно прошедшія, напримѣръ, во времена галловъ, значительная часть средней Европы представляла собою нѣкоторое подобіе нашей современной Сибирской тайги, а средняя Россія во времена древнихъ славянъ и скифовъ представляла собою то же, что мы теперь еще видимъ въ губерніяхъ Вологодской, Вятской, Пермской,— т. е. лѣса, болота; тогда и тамъ, отъ избытка лѣсовъ, холода и влаги, хлѣба часто вымерзали или вымокали, какъ это и нынѣ еще иногда бываетъ въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ. Мы имѣемъ даже лѣтописныя указанія на то, что частыя и жестокія голодовки во времена московскихъ царей, когда люди другъ друга на улицахъ пожирали, происходили не отъ засухи и чрезмѣрныхъ жаровъ, какъ наши современные неурожаи въ той же средней Россіи и на востокѣ, а отъ жестокихъ морозовъ зимою, отъ губительныхъ заморозковъ весною или осенью, и что, слѣдовательно, климатъ какъ средней Европы, такъ и Россіи въ историческія времена кореннымъ образомъ измѣнился. Точно такъ же съ теченіемъ времени измѣнится и климатъ Сибири, и ея таежныя мѣстности пріобрѣтутъ такой же характеръ, какой представляютъ нынѣ губерніи Новгородская, Костромская, Вятская,— въ которыхъ возможности широкаго развитія земледѣлія никто не станетъ отрицать.

Все это возможно, все это будетъ,— но только такія измѣненія культурныхъ и даже климатическихъ условій страны достигаются не годами, не десятилѣтіями, а столѣтіями, цѣлымъ рядомъ ихъ. Постепенно заселится, постепенно культивируется и Сибирь, и среднеазіатская степь,— расчиститъ русскій мужикъ тайгу, въ которой теперь сибирякъ развѣ только кедровые орѣшки собираетъ, да бѣлку стрѣляетъ, перейдетъ въ Туркестанѣ отъ родимой ржицы да гречихи и къ хлопку и къ другимъ цѣннымъ растеніямъ, виноградники разведетъ, шелководствомъ займется, станетъ свои клочки оро-

шенной земли культивировать не хуже давно къ тому привычнаго сарта. Но все это — картины, перспективы далекаго будущаго, мы же теперь стоимъ передъ суровою дѣйствительностью, мы заняты вопросомъ о томъ, куда сейчасъ, немедленно перелить избытокъ той части нашего населенія, которой уже и нынѣ, при занятіи исключительно земледѣльческимъ трудомъ, стало не въ моготу, стало тѣсно жить дома. Вотъ тутъ-то мы и сталкиваемся съ другой стороной этого вопроса, и, не сомнѣваясь въ томъ, что это населеніе можетъ дать значительный контингентъ для колонизаціи нашихъ обширныхъ и безлюдныхъ еще окраинъ, не можемъ въ то же время не признать, что правы и тѣ, кто отрицаетъ существованіе сколько-нибудь широкаго въ предѣлахъ этихъ окраинъ запаса земель, пригодныхъ для немедленнаго на нихъ водворенія значительнаго числа переселенцевъ-земледѣльцевъ изъ нашихъ же, наиболѣе густо заселенныхъ, губерній. Приходится признать справедливость указаній на то, что если ранѣе были тамъ болѣе или менѣе обширныя пространства земель, уже разработанныхъ, расчищенныхъ изъ подъ тайги привычными къ тому сибирскими старожилами, піонерами культуры въ этихъ мѣстахъ,— если въ степныхъ областяхъ Сибири были пространства плодородной цѣлинной земли, пригодной даже для посѣва пшеницы, и которую могъ привычною рукою взодрать своимъ плугомъ нашъ малороссъ или южанинъ,— то теперь такихъ земель остается все меньше и меньше,— за ними надо идти все дальше и дальше, уходить въ глубь страны, куда и дорогъ нѣтъ, гдѣ надо топоромъ прорубать себѣ среди дѣвственнаго лѣса узкую тропу,—или разыскивать пригодные для человѣческаго жилья уголки среди тысячъ квадратныхъ верстъ безводныхъ, солончаковыхъ степей. Пускай эти дороги можно проложить, эти степи обводнить, вырыть колодцы, достигнуть современемъ даже опрѣсненія непригодныхъ нынѣ для питья горько-соленыхъ водъ,— но можно ли разсчитывать на то, что ко всему этому окажется сразу способнымъ нашъ заурядный русскій переселенецъ,— сроду подобныхъ условій не видавшій? Человѣка сразу не передѣлаешь, къ новому незнакомому труду, при чрезвычайно тяжелой обстановкѣ, послѣ всѣхъ тягостей долгаго изнурительнаго пути, скоро не пріучишь. Нельзя нашего незнакомаго съ лѣсомъ южанина водворить въ тайгѣ и надѣяться, что онъ совладаетъ съ раскорчевкою лѣса, когда онъ не знаетъ даже, какъ и за дѣло взяться,— отъ роду топора въ рукѣ не держалъ. Я знаю случаи, когда наши переселенцы съ юга браковали участки, переходили съ мѣста на мѣсто,

требовали себѣ готовыхъ бревенъ для постройки хатъ, потому что деревья на отведенномъ имъ лѣсномъ участкѣ были слишкомъ толсты, слишкомъ крѣпки,— не совладаешь такое дерево и свалить... Нельзя также какого-нибудь туляка, калужца или смоленца, привыкшаго ковырять землю на полтора — два вершка своею сохою и заборонивать ее бороною волокушею, водворять въ степи, которую можно взодрать и разработать только тяжелымъ плугомъ, и глыбы разрыхлить — да и то не сразу,— бороною съ желѣзными зубьями и т. п. Вѣдь были же случаи,— мнѣ лично это заявляли русскіе поселенцы на Кавказѣ, въ странѣ, гдѣ растетъ виноградъ и зрѣютъ персики, — когда переселенцы приходили къ тому заключенію, что тутъ оставаться имъ нельзя, потому что не родится гречиха, и собирались уходить домой, изъ-за того, что русскому человѣку безъ гречневой каши не прожить. А въ Сибири мнѣ извѣстны случаи, когда переселенцы бѣжали домой—отъ гнуса, дѣйствительно чрезвычайно надоѣдливой мушкары, отъ которой въ сырыхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ сильно страдаютъ не только люди, но и скотъ. И винить ихъ въ этомъ нельзя, нельзя требовать отъ человѣка, чтобы онъ сразу приспособился къ новымъ условіямъ, усвоилъ себѣ новыя формы труда.

Всего лучше, въ болѣе сѣверныхъ лѣсистыхъ частяхъ Сибири, уживаются выходцы изъ нашихъ же сѣверо-восточныхъ губерній, — вятичане, пермяки, — но имъ уходить туда незачѣмъ, потому что и дома еще простору много. Они же большею частью стремятся и на переселенческіе участки, образуемые въ нашихъ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ,— и гдѣ, слѣдовательно, водвореніе ихъ имѣетъ скорѣе характеръ разселенія, нежели переселенія. Очень пригодный элементъ для колонизаціи подтаежныхъ мѣстностей составляютъ эстонцы и въ особенности латыши, всюду переносящіе свою систему хуторнаго хозяйства на обособленныхъ отрубахъ. Южане же и малороссы тутъ совершенно непригодны — имъ нужны либо уже разработанныя ранѣе земли. либо степи. Выходцы же изъ средней черноземной Россіи — туляки, рязанцы, пензенцы, орловцы,— представляютъ самый слабый колонизаціонный элементъ, они же даютъ и наибольшій процентъ обратныхъ переселенцевъ.

Со всѣми этими условіями приходится самымъ серьезнымъ образомъ считаться при обсужденіи вопроса о болѣе широкомъ въ будущемъ развитіи переселенія. Если несомнѣнно, что цѣлымъ рядомъ мѣръ къ образованію бо́льшаго числа переселенческихъ участковъ, дальнѣйшимъ облегченіемъ проѣзда, болѣе широкою правительствен-

ною помощью переселенцамъ при водвореніи ихъ на новыхъ мѣстахъ, можно нѣсколько увеличить общее число переселяющихся крестьянъ, то все же нельзя обольщать себя надеждою на то, что дѣло это пойдетъ быстро, что Сибирь и другія окраины могутъ въ короткое время принять въ себя весь избытокъ населенія нашихъ внутреннихъ губерній. Столь же несбыточно и высказываемое нѣкоторыми предположеніе о томъ, что переселеніе можетъ быстро возрости, если избавить его отъ всякихъ формальностей и даже отказаться отъ предварительной заготовки переселенческихъ участковъ, а допустить водвореніе переселенцевъ на захватномъ началѣ (это терминъ не мой, а тѣхъ, кто проповѣдуетъ полную свободу переселенія и водворенія),— гдѣ нравится, тамъ и садись, паши гдѣ хочешь и сколько можешь,— крестьянинъ лучше чиновниковъ съумѣетъ разобрать, что ему пригодно, и выберетъ себѣ мѣсто по душѣ. Въ сущности, такъ и шло первоначальное заселеніе Сибири, такъ идетъ и до сихъ поръ постепенное передвиженіе населенія въ глубь страны, въ дикую, пустынную, негостепріимную тайгу, гдѣ совершенно свободно селятся сибирскіе піонеры-заимщики, гдѣ подчасъ открываются совершенно невѣдомыя даже мѣстному начальству селенія.

Мысль о свободномъ заселеніи вовсе не новая и честь ея изобрѣтенія не принадлежитъ тѣмъ, кто ее нынѣ проповѣдуетъ, какъ вѣрнѣйшее средство противъ казенной рутины и волокиты. Она была положена въ основу такъ называемаго вольнаго переселенія въ открытыхъ для него обширныхъ пространствахъ Сибири, но, къ сожалѣнію, потерпѣла почти полное фіаско. Никакіе русскіе переселенцы, выходцы изъ внутреннихъ губерній, воспользоваться правомъ вольнаго водворенія не пожелали, въ глубь тайги не пошли, новыхъ колонизаціонныхъ районовъ не открыли, а постепенно заселяли, разрабатывали тайгу, образовывали новыя заимки тѣ же, что и прежде, старожилы сибиряки. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стали тянуться за ними русскіе переселенцы, но и то больше за тѣмъ, чтобы воспользоваться трудомъ этихъ первыхъ піонеровъ, которымъ даже пришлось въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по приказанію начальства, уступать свое мѣсто, свои тяжелымъ трудомъ разработанныя росчисти, переселенцамъ, предпочитающимъ сѣсть на готовое,— а самимъ идти еще далѣе, водворяться еще въ болѣе глухія дебри, приниматься за новый трудъ на вновь раздѣланныхъ участкахъ. Это вольное переселеніе и до сихъ поръ не отмѣнено, но разсчитывать на него, какъ на средство для широкаго привлеченія въ Сибирь выходцевъ изъ Евро-

пейской Россіи, совершенно невозможно,—хотя въ дѣлѣ постепенной колонизаціи ея оно будетъ несомнѣнно играть такую же роль, какую играло и до сихъ поръ, быть можетъ, со временъ покоренія Сибири Ермакомъ. Но Ермакъ съ его спутниками и послѣдователями, но сибирскіе старожилы не чета современнымъ переселенцамъ, которые и силы и энергіи такой не имѣютъ, и, отправляясь въ Сибирь, въ большинствѣ случаевъ никакого отчета себѣ не даютъ о томъ, что ихъ тамъ въ дѣйствительности ожидаетъ. Поэтому я и говорилъ выше, что однимъ изъ непремѣнныхъ условій правильнаго хода переселенія я считаю посылку впередъ ходоковъ, хотя, къ сожалѣнію, и ихъ разсказамъ собирающіеся переселиться крестьяне не всегда вѣрятъ и обвиняютъ ихъ въ томъ, что они не съумѣли настоящихъ мѣстъ розыскать, подозрѣвая еще кромѣ того, что ихъ умышленно обманывало и заводило не туда, куда слѣдуетъ, начальство. „Они, вишь, взяли налѣво, да и зашли невѣдомо куда, въ самую, что ни на есть, трущобу, а имъ бы, замѣсто того, чуточку вправо податься, такъ дѣло бы совсѣмъ другое вышло, тутъ то настоящія вольныя мѣста и есть“, говорятъ они про своихъ ходоковъ, которые не тѣ вѣсти привезли, что отъ нихъ ожидали, и посылаютъ иногда еще и вторичныхъ ходоковъ, строго наказывая имъ не идти влѣво, а податься вправо, или наоборотъ. Но вправо ли пойти, влѣво ли, уже прежнихъ привольныхъ мѣстъ, разработанныхъ старожилами или болѣе ранними переселенцами, давно осѣвшими въ Сибири, не отыскать,—словно не та уже Сибирь стала, что была прежде.

И видятъ ходоки, или слѣдующіе за ними переселенцы, прекрасныя, разработанныя мѣста, видятъ поля, поросшія прекрасною пшеницею, либо густою рожью, видятъ расчищенныя пажити, на которыхъ безчисленныя стада пасутся,—такъ бы тутъ и сѣлъ, да начальство не велитъ, не пускаетъ, а дальше гонитъ, туда, гдѣ, по понятію нашихъ новѣйшихъ переселенцевъ, и жить невозможно. Но все дѣло въ томъ, что эти мѣста уже заняты, уже разработаны, и имѣютъ своихъ законныхъ владѣльцевъ, которыхъ съ мѣста согнать нельзя. При началѣ болѣе широкаго развитія сибирскаго переселенія, особенно въ девятидесятыхъ годахъ, переселенческіе участки вырѣзались изъ земель, бывшихъ прежде въ свободномъ пользованіи старожиловъ, которымъ оставлялось по 15 десятинъ на душу, при чемъ, благодаря широкому, распространявшемуся во всѣ стороны, землепользованію старожиловъ, въ эти участки попадалось не мало уже разработанныхъ земель, иногда прямо готовыхъ пашенъ и расчищенныхъ

покосовъ, иногда земель, бывшихъ ранѣе въ разработкѣ, и хотя потомъ заброшенныхъ, но еще не успѣвшихъ вернуться въ дикое состояніе первобытной тайги. Управиться съ этими землями было не трудно, тутъ можно было садиться почти на готовое. При томъ, эти участки лежали невдалекѣ отъ великаго сибирскаго пути, иногда даже на самой желѣзной дорогѣ.

Много приходилось переселенцамъ терпѣть на пути, особенно пока дѣятельность переселенческаго управленія, подъ руководствомъ Сибирскаго Комитета, еще недостаточно приходила имъ на помощь, пока не были устроены переселенческіе бараки на главныхъ станціяхъ, питательные пункты, больницы, склады, пока не было организовано снабженіе ихъ въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ заготовленнымъ лѣснымъ вѣдомствомъ строительнымъ матеріаломъ, много горя они вынесли проживая въ землянкахъ, пока не успѣвали обстроиться, непривѣтливо ихъ встрѣчала суровая сибирская природа, но все же девятидесятые годы были медовымъ мѣсяцемъ нашей сибирской колонизаціи. Теперь уже не то, и чѣмъ дальше—тѣмъ будетъ хуже и труднѣе. Когда я говорилъ, что въ настоящее время въ Сибири непосредственно пригодныхъ для водворенія переселенцевъ земель осталось уже немного, я очевидно разумѣлъ не всю страну, а именно эти, ближайшія къ путямъ сообщенія, частью разработанныя, частью могущія безъ особеннаго труда быть разработанными, пространства, которыя облегчали переселеніе, но которыхъ теперь становится все меньше и меньше, причемъ въ будущемъ переселенцамъ придется все далѣе уходить въ дикую тайгу. Точно тоже и въ степныхъ областяхъ, гдѣ простора еще много, но пригодныхъ для колонизаціи мѣстъ остается все меньше, гдѣ часто на пространствѣ многихъ сотенъ верстъ нѣтъ прѣсной воды, и добыть ее становится все труднѣе и труднѣе. Часто самая внѣшняя картина этихъ пространствъ бываетъ очень обманчива. Въ извѣстное время года видишь тутъ чудныя озера, воды хоть отбавляй,—садись по берегамъ и живи въ свое удовольствіе, но озера эти въ лучшее время имѣютъ иногда аршинъ, а то и менѣе глубины, въ жаркое же лѣто до тла пересыхаютъ и оставляютъ на поверхности только бѣлый солонцоватый налетъ, подъ которымъ и трава не растетъ. Когда переселенцевъ предупреждаютъ, что тутъ селиться нельзя, что они рискуютъ отъ жажды погибнуть, то они не вѣрятъ, думаютъ, что ихъ либо старожилы, либо начальство обманываетъ, что эти мѣста приберегаютъ для какихъ-нибудь привиллегированныхъ лицъ, что начальство „задарено“ и не пускаетъ ихъ на эти благодатныя мѣста изъ за своихъ

корыстныхъ цѣлей. Къ тому же тутъ дѣйствительно иногда лучшія мѣста входятъ въ предѣлы обширныхъ, хотя часто вполнѣ пустынныхъ казачьихъ земель, либо заняты зимними стойбищами киргизовъ и потому подъ переселеніе не могутъ быть отводимы, но переселенцамъ этого не втолкуешь.

Если же, согласно изложеннымъ выше предположеніямъ, допустить свободное водвореніе переселенцевъ по собственному ихъ выбору, безъ предварительнаго отвода участковъ, на захватномъ началѣ—гдѣ любо тамъ и садись,—то это, конечно, сдѣлало бы ненужною всю медленную и копотливую работу образованія участковъ такъ называемыми переселенческими отрядами, работу которыхъ издали такъ легко критиковать, въ особенности исходя изъ того соображенія, что крестьяне-переселенцы лучше чиновниковъ знаютъ, что имъ годится. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти переселенцы, на обширномъ сибирскомъ просторѣ, конечно будутъ въ состояніи лучшія и въ особенности уже предварительно разработанныя земли отъ плохихъ дикихъ мѣстъ отличить, но занятыхъ уже земель отъ свободныхъ они никоимъ образомъ не различатъ и будутъ стремиться къ водворенію именно на тѣхъ земляхъ, которыя уже заняты, которыя вошли въ надѣлы старожилаго населенія, либо отведены прежде водвореннымъ переселенцамъ, либо записаны за облюбовавшими ихъ ранѣе ходоками, ушедшими домой за своими односельчанами. Это и будетъ настоящее захватное водвореніе, но только захваты не свободныхъ пространствъ, а земель, имѣющихъ уже своихъ законныхъ владѣльцевъ, либо обѣщанныхъ другимъ, которые ихъ, конечно, добровольно не уступятъ. И тогда начнется такой земельный сумбуръ, такое многоэтажное водвореніе разновременныхъ переселенцевъ на однѣхъ и тѣхъ же земляхъ, такая борьба между ними, что придется военную силу призывать, чтобы незаконно сѣвшихъ переселенцевъ выдворять съ неправильно занятыхъ ими земель, чему примѣры, къ сожалѣнію, тоже уже бывали, особенно въ Алтайскомъ округѣ, въ то время, когда за переселенческимъ дѣломъ тамъ надлежащаго надзора не было, и гдѣ приходилось насильственно выселять самовольно водворившихся на несвободныхъ земляхъ и даже уже успѣвшихъ обстроиться переселенцевъ.

Говорятъ, что можно сперва выдѣлить свободные районы и туда пускать переселенцевъ садиться, гдѣ они пожелаютъ. Но такъ оно и дѣлается въ области дѣйствительно незаселенной тайги, которая и открыта для вольнаго заселенія, но куда переселенцы изъ Россіи тѣмъ не менѣе не идутъ. Въ другихъ же, менѣе от-

даленныхъ и дикихъ мѣстахъ, при обширности и неразмежеванности надѣловъ мѣстнаго населенія, владѣнія старожиловъ и законно имъ принадлежащія росчисти ихъ такъ распространились во всѣ стороны, такъ переплелись съ мѣстами свободными, никѣмъ не занятыми, что безъ предварительнаго ихъ снятія на планы, безъ трудной, медленной и копотливой работы размежеванія, нѣтъ возможности открывать эти земли для свободнаго занятія ихъ переселенцами. Поэтому, въ Сибири и идутъ двѣ работы рядомъ: отграниченіе, поземельное устройство старожилаго населенія и образованіе переселенческихъ участковъ изъ дѣйствительно свободныхъ земель. Положимъ, что усиленіемъ личнаго состава переселенческихъ и землеустроительныхъ отрядовъ и партій, увеличеніемъ отпускаемыхъ на это дѣло средствъ, можно эти работы вести быстрѣе и успѣшнѣе, но считать, что всѣ эти работы излишни, что переселеніе пойдетъ во много разъ скорѣе и лучше, когда оно будетъ построено на захватномъ началѣ, — значитъ не отдавать себѣ отчета въ мѣстныхъ условіяхъ, или жертвовать законными интересами одной части населенія, старожиловъ, въ пользу другихъ — пришельцевъ, предоставляя вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднимъ право свободно воспользоваться уже готовымъ трудомъ своихъ предшественниковъ, болѣе раннихъ колонизаторовъ Сибири. Очевидно, что ни то, ни другое не можетъ быть допущено.

Въ послѣднее время было говорено и о томъ, что обширнѣйшія пространства плодороднѣйшихъ якобы земель въ степныхъ областяхъ, въ Туркестанскомъ краѣ и т. п., находятся въ пользованіи киргизовъ-кочевниковъ, при чемъ доходили даже до требованія немедленнаго, хотя бы и насильственнаго обращенія ихъ въ осѣдлое состояніе, съ отводомъ имъ отграниченныхъ надѣловъ и съ предоставленіемъ освобождающихся такимъ способомъ земель въ пользованіе русскихъ переселенцевъ, при томъ тоже на захватномъ правѣ, — нечего съ ними, съ нехристями, церемониться, когда коренной русскій мужикъ голодаетъ. Такими мѣрами думаютъ открыть подъ переселеніе десятки и даже сотни милліоновъ десятинъ. Но въ одной изъ предъидущихъ главъ я уже показалъ, какъ много тутъ увлеченія и незнанія мѣстныхъ условій, привелъ даже фактическія данныя о томъ, сколько въ такихъ обширныхъ на первый взглядъ областяхъ, какъ Тургайская и Уральская, дѣйствительно свободныхъ и пригодныхъ для колонизаціи земель. Совершенно вѣрно, что для кочевого населенія нужно чуть ли не въ сто разъ болѣе земельнаго простора, нежели для осѣдлаго.

Но во-первыхъ, можно ли въ короткое время, съ года на годъ, передѣлать вѣковыя привычки населенія, можно ли насильственно, сразу, перевести цѣлыя полудикія еще народности изъ одного состоянія въ другое? Вѣдь утверждаютъ же тѣ же радѣтели о народномъ благѣ, которые хотятъ такъ свободно и безцеремонно распоряжаться съ киргизами, что русскому крестьянину надо земли прибавить, потому что онъ привыкъ къ экстенсивному хозяйству и не можетъ перейти къ хозяйству болѣе интенсивному, хотя для него уже вполнѣ назрѣло время, и этотъ переходъ, необходимый и неизбѣжный, мѣстами уже постепенно начался, при чемъ новыя прирѣзки земли упорно держащемуся за старыя формы хозяйства крестьянину могутъ его только затормазить и замедлить, не ко благу, а ко вреду для всей страны. Точно также, начался уже и постепенно совершается переходъ кочевыхъ племенъ къ осѣдлому состоянію. Киргизы стали во многихъ мѣстахъ и землю пахать, и хлѣбъ сѣять, и сѣно на зиму заготовлять, вмѣсто того, чтобы заставлять свой скотъ ногами себѣ сухую траву изъ подъ снѣга выбивать, теряя въ многоснѣжныя зимы отъ голодухи и безкормицы десятки тысячъ головъ его,— начали даже траву косить сѣнокосилками. И этотъ естественный процессъ осѣданія, связанный при томъ съ болѣе кореннымъ измѣненіемъ во всемъ строѣ кочевниковъ, нежели переходъ нашихъ крестьянъ отъ экстенсивнаго къ болѣе интенсивному хозяйству, будетъ совершаться постепенно, при чемъ постепенно же будетъ сокращаться и прежняя потребность въ необозримомъ земельномъ просторѣ. Несомнѣнно, что при этомъ будетъ сокращаться и численность стадъ кочевниковъ, вольное скотоводство которыхъ теперь невыгодно отражается на болѣе культурномъ скотоводствѣ нашихъ внутреннихъ губерній, создавая ему почти непосильную конкуренцію, на что такъ горько жалуются наши хозяева. Но слѣдуетъ ли, но возможно ли ускорять этотъ процессъ насильственными мѣрами, можно ли словомъ закона превратить кочевниковъ въ осѣдлыхъ людей - землепашцевъ? Думаю, что это столь же трудно, какъ сразу разрушить нашу поземельную общину, не взирая на всѣ ея крайне неблагопріятныя для развитія сельскаго хозяйства порядки.

Во-вторыхъ, и это быть можетъ еще важнѣе, совершенно неправильно думать, что не только всѣ, но даже большая часть земель, состоящихъ нынѣ въ пользованіи кочевниковъ, непосредственно пригодны для хлѣбопашества. Въ дѣйствительности это вовсе не такъ. Несомнѣнно, что среди необозримыхъ степей, по которымъ

нынѣ кочуютъ киргизы со своими стадами, отдѣльными оазисами разбросаны земли, вполнѣ пригодныя для полевой культуры, по природнымъ своимъ свойствамъ высоко плодородныя, обильно снабженныя прѣсною водою, если не всегда выступающей наружу, то могущею быть добытою на небольшой сравнительно глубинѣ; есть лѣсныя урочища, которыя такъ и просятся подъ заселеніе. Но тщательныя многолѣтнія изслѣдованія самыхъ опытныхъ агрономовъ, статистиковъ, геологовъ и гидротехниковъ показали, что такихъ пространствъ сравнительно немного, и притомъ часть ихъ уже занята фактически киргизами, занята не подъ кочевья, но подъ ихъ зимнія ставки, что они подъ тѣми же лѣсными зарослями, которыя манятъ русскихъ переселенцевъ, находятъ себѣ пріютъ и защиту отъ губительныхъ снѣжныхъ бурановъ, укрывая подъ ними и свой скотъ,— зимовать же имъ въ открытой и голой степи совершенно невозможно. Отнять у нихъ эти земли, какъ и тѣ оазисы, гдѣ они въ лѣтнее время находятъ водопой для своего скота, значитъ обречь ихъ на вѣрную гибель. Такъ русское правительство никогда не поступало и не можетъ поступать даже въ отношеніи нехристей-инородцевъ, такихъ же подданныхъ бѣлаго русскаго Царя, какъ и наши русскіе православные крестьяне. А за симъ, на всемъ остальномъ пространствѣ степей, въ которыхъ киргизскій скотъ только временно находитъ себѣ хотя обильное, но кратковременное, передъ наступленіемъ лѣтнихъ засухъ, пропитаніе, преобладаютъ земли солончаковыя, безводныя, ни для полевой культуры, ни для осѣдлаго человѣчьяго жилья безусловно непригодныя. Такія земли, ни теперь, ни въ будущемъ, не могутъ служить ни для чего иного, какъ для выпаса скота, для скотоводства только кочевого, въ виду кратковременнаго покрытія ихъ травяной растительностью, скоро до тла выгорающей подъ лучами жгучаго лѣтняго солнца, во время долгаго періода полнаго лѣтняго бездождья. Все то, что пригодно подъ культуру и можетъ быть урѣзано безъ нарушенія жизненныхъ интересовъ кочевого населенія, и теперь обращается подъ переселенческіе участки, при чемъ во многихъ мѣстахъ правительство беретъ на себя и предварительное обводненіе этихъ участковъ, устраиваетъ на казенный счетъ запруды для задержанія весенней воды, окружаетъ озера дамбами для предотвращенія широкаго разлитія воды на большія пространства и для ихъ углубленія, съ цѣлью противодѣйствія ихъ высыханію въ жаркое время; разыскиваетъ при помощи геологовъ и гидротехниковъ подземные водо-

носные слои, для рытья въ подходящихъ мѣстахъ колодцевъ,— однимъ словомъ подготовляетъ участки подъ заселеніе, тратя на это значительныя суммы денегъ, безъ чего заселеніе этихъ степныхъ пространствъ, даже въ настоящихъ сравнительно скромныхъ размѣрахъ, было бы совершенно невозможно. И въ будущемъ, можно будетъ, конечно, развить это дѣло, ассигнованіемъ на него бо́льшихъ средствъ, но идти впередъ придется все тѣмъ же, неизбѣжно медленнымъ путемъ.

Что касается Туркестана, лёссовыя почвы котораго, совершенно безплодныя и голыя при отсутствіи воды, могутъ давать колоссальные урожаи и питать огромное населеніе при условіи орошенія, то тутъ трудности для обращенія ихъ подъ заселеніе еще большія, и притомъ трудности двухъ родовъ: юридическія и естественныя. Съ юридической стороны затрудненіе къ широкой колонизаціи этихъ земель, хотя фактически свободныхъ и по которымъ только раза два въ годъ проходятъ киргизы со своими стадами, заключается въ томъ, что въ силу Высочайше утвержденнаго въ 1886 году Положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ, земли, занимаемыя кочевьями, предоставляются въ безсрочное пользованіе кочевниковъ; хотя собственникомъ ихъ признается правительство, но оно можетъ свободно располагать только тою частью ихъ, которая фактически въ пользованіи туземцевъ не состоитъ. Мѣстное военное начальство толковало это положеніе такимъ образомъ, что никѣмъ незаселенныя степныя пространства, площадь которыхъ при томъ неизмѣримо велика, не могутъ быть отнесены къ числу земель, состоящихъ въ пользованіи киргизовъ, лишь изрѣдка прогоняющихъ черезъ нихъ свои стада, и своею властью неоднократно отводило, небольшія правда, участки этихъ земель подъ водвореніе русскихъ переселенцевъ, образовавъ въ краѣ уже нѣсколько русскихъ поселеній. Государственный Совѣтъ однако взглянулъ на это дѣло иначе и уже дважды отклонялъ представленія бывшаго Министерства Земледѣлія о болѣе широкомъ развитіи въ краѣ русской колонизаціи, не соглашаясь съ толкованіемъ Туркестанскаго Генералъ-Губернатора и Министерства о свободности этихъ земель и возможности отвода ихъ русскимъ переселенцамъ. Хотя въ сущности пользованіе кочевниковъ этими землями сводится къ прохожденію по нимъ весною и осенью киргизовъ со своими стадами, Государственный Совѣтъ призналъ, что изъятіе изъ пользованія кочевниковъ излишнихъ въ ихъ хозяйствѣ земель, даже при условіи принятія всѣхъ мѣръ къ огражденію ихъ законныхъ интересовъ,

можетъ произвести крупный переворотъ въ экономическомъ быту кочевого населенія и возбудить волненіе въ средѣ малокультурныхъ кочевниковъ, тѣмъ болѣе, что по присоединеніи Туркестанскаго края русское правительство обѣщало мѣстному населенію сохраненіе всѣхъ его обычныхъ правъ, въ томъ числѣ и правъ по землепользованію. Но если такимъ образомъ и обширныя пустынныя пространства сѣверной части Туркестанскаго края не могутъ считаться свободными и быть предоставленными для нуждъ колонизаціи, въ силу юридическихъ на нихъ правъ киргизскихъ кочевниковъ (слѣдуетъ замѣтить, что въ сибирскихъ степныхъ областяхъ положеніе другое и тамъ свободное распоряженіе пустопорожними землями, состоящими въ пользованіи кочевниковъ, но могущими быть изъятыми изъ ихъ пользованія, конечно, безъ существеннаго нарушенія ихъ интересовъ, представляется болѣе безспорнымъ), то тѣмъ паче нельзя располагать для цѣлей колонизаціи землями, на которыхъ сидитъ мѣстное сартское населеніе, которыя ими орошены и каждый клочекъ которыхъ приведенъ въ высокое культурное состояніе. Тутъ уже для русскихъ поселенцевъ рѣшительно нечего взять.

Предполагая даже, что юридическая сторона дѣла будетъ такъ или иначе разрѣшена въ смыслѣ возможности обращенія всѣхъ некультивированныхъ пустующихъ нынѣ степныхъ пространствъ для нуждъ русскаго поселенія, признаваемаго крайне необходимымъ тамъ и въ цѣляхъ политическихъ, тутъ приходится встрѣтиться и съ другимъ неизбѣжнымъ и еще болѣе существеннымъ затрудненіемъ. Это именно — невозможность обращенія этихъ, высоко плодородныхъ по своимъ природнымъ свойствамъ, земель подъ культуру иначе, какъ подъ условіемъ искусственнаго ихъ орошенія. Хотя и производятся тутъ, на нѣкоторыхъ, болѣе или менѣе благопріятно расположенныхъ участкахъ такъ называемые богарные посѣвы, безъ орошенія, подъ дождь, но эти посѣвы крайне ненадежны и при царящемъ здѣсь обыкновенно въ теченіе многихъ мѣсяцевъ полномъ бездождіи они могутъ удаваться развѣ только въ нѣсколько лѣтъ разъ, и водворять цѣлое поселеніе на такихъ участкахъ, въ разсчетѣ на случайный дождь, совершенно невозможно. Мѣстные жители — сарты — давно освоились съ орошеніемъ, мастера въ устройствѣ водопроводныхъ и водораспредѣлительныхъ каналовъ и канавъ — арыковъ, — и мѣстами всю наличную воду разбираютъ до тла. Только большія рѣки — Сыръ-Дарья, Аму-Дарья, проносятъ достаточное количество воды, которою можно было бы воспользоваться

для нуждъ будущаго русскаго поселенія, безъ нарушенія жизненныхъ интересовъ туземцевъ. Но проведеніе воды изъ этихъ рѣкъ, текущихъ при томъ по дну довольно глубокихъ долинъ, требуетъ громадныхъ и дорого стоющихъ гидротехническихъ сооруженій, воду придется проводить на многія десятки верстъ. О дороговизнѣ и трудности сопряженныхъ съ этимъ работъ, какъ по рытію каналовъ въ каменистомъ иногда грунтѣ, или въ лёссовой почвѣ, твердостью не уступающей въ сухомъ состояніи камню, такъ и въ особенности по сооруженію такъ называемой головы арыковъ, — мѣста отвода воды изъ рѣки, — можно судить по тому, что по смѣтѣ орошенія площади въ 45,000 десятинъ Голодной Степи, расходы исчислены въ 2,250 тыс. руб., и хотя къ работамъ уже приступлено съ 1900 года, время окончанія ихъ еще не предвидится. Такимъ образомъ, единовременный расходъ на орошеніе одной только десятины долженъ былъ составить 50 рублей, между тѣмъ, теперь оказывается, что первоначальная смѣта будетъ далеко превзойдена и расходъ на десятину составитъ, вѣроятно, не менѣе 75 и даже 100 р. Правда, что одна такая орошенная десятина по силѣ своей производительности, по урожайности воздѣлываемыхъ на ней высокоцѣнныхъ растеній, превосходитъ нѣсколько десятинъ нашего самаго богатаго средне-русскаго или южнаго чернозема, и при орошеніи неурожая на ней быть не можетъ,— развѣ только иногда ранніе осенніе заморозки, случающіеся сравнительно рѣдко, нѣсколько повредятъ хлопокъ, понизятъ его сборъ, уменьшатъ его цѣнность. Опытъ упомянутыхъ выше, давно уже водворенныхъ въ краѣ, русскихъ поселеній, показалъ, что и русскій мужикъ постепенно съ культурою хлопка свыкается; хотя и дико ему въ началѣ, вмѣсто того, сравнительно съ туркестанскою тѣснотою, русскаго земельнаго простора, къ которому онъ привыкъ дома и за которымъ погнался въ среднеазіатскія степи, засѣсть на какой нибудь десятинкѣ орошенной земли — для туземца представляющей большое богатство, — но скоро онъ убѣждается, что и на такомъ клочкѣ не только прожить, но и богатѣть можно, и что дѣло не въ просторѣ, а въ трудѣ и въ водѣ, съ которою онъ, однако, долго такъ успѣшно управиться не можетъ, какъ туземецъ сартъ, бухарецъ или хивинецъ. Въ дополненіе же къ своей орошенной десятинѣ, обезпечивающей ему вѣрный урожай, онъ все же сколько можетъ и богарной земли прихватываетъ, надѣясь тутъ уже исключительно, по русской привычкѣ, на Божью милость.

Отсюда видно, что хотя наши средне-азіатскія степи и необъятны, и дѣйствительно могутъ вмѣстить въ свои предѣлы

неисчислимое населеніе, разсчитывать на сколько нибудь быстрое заселеніе ихъ выходцами изъ Россіи еще труднѣе, нежели даже въ Сибири. Это все — только будущіе наши земельные запасы, обѣщающіе намъ современемъ и большой просторъ для перелива въ нихъ избытка нашего населенія, и широкое поле для приложенія его производительнаго труда, и даже громадныя богатства и для самыхъ переселенцевъ и для всей Россіи,— но только въ будущемъ, болѣе или менѣе далекомъ, и послѣ предварительной затраты колоссальныхъ капиталовъ, передъ которыми тѣ 2 — 3 милліона, что на орошеніе небольшого клочка Голодной Степи исчислены, все равно, что капля въ морѣ. Непосредственно же пригодныхъ для немедленнаго занятія русскими людьми земель тутъ, повторяю, нѣтъ и быть не можетъ, но это отнюдь не должно останавливать насъ передъ постепеннымъ заселеніемъ и этихъ богатѣйшихъ отъ природы областей, требующихъ, однако, болѣе чѣмъ гдѣ либо, приложенія труда, знаній и капиталовъ, которыми мы, къ сожалѣнію, такъ небогаты.

Въ числѣ районовъ, пригодныхъ, — тутъ уже дѣйствительно, для немедленнаго занятія ихъ земледѣльцами,—указываютъ еще на плодороднѣйшія земли сѣвернаго Кавказа, — областей Терской и Кубанской, и сопредѣльныхъ частей губерній — Ставропольской и Астраханской. Но и по отношенію къ нимъ мнѣ опять таки приходится сказать, что разсчитывать на нихъ для отлива избытка населенія изъ густо заселенныхъ губерній Европейской Россіи едва ли возможно. Во-первыхъ, не всѣ земли губерній Астраханской и Ставропольской пригодны для земледѣлія; тутъ, въ особенности въ предѣлахъ такъ называемой Кумо-Манычской низменности, а также среди Нарынской степи, по лѣвому и Ергеней по правому берегу Волги — есть и совершенно безплодные солонцы, и сыпучіе пески, которые могутъ служить только для пастбы скота. Солонцы подъ культуру совсѣмъ идти не могутъ, да и скоту на нихъ много взять нечего, хотя на видъ тощая солончаковая, скоро выгорающая и столь же скоро стравливаемая скотомъ, растительность и считается очень питательной. Голые сыпучіе пески можно закрѣпить посѣвомъ на нихъ соотвѣтственныхъ травъ, посадкою шелюги и т. п. Тонкій, поверхностный, задернѣлый, закрѣпленный этими травами слой почвы можно иногда и распахивать, но взять на немъ болѣе одного — двухъ хлѣбовъ невозможно, послѣ того землю необходимо опять забросить, опять засѣять укрѣпляющими травами, и много лѣтъ пользоваться ею только какъ пастбищемъ, иначе повторная распашка неминуемо превратитъ почву въ со-

стояніе такихъ же, какъ и прежде, сыпучихъ песковъ. Поэтому, нечего и думать о прочномъ водвореніи здѣсь земледѣльческаго населенія, тутъ возможно хозяйство только полупастушеское, которое и ведутъ аборигены этихъ странъ, киргизы и калмыки, превосходные коневоды и скотоводы. Во-вторыхъ, эти кочевники имѣютъ такое же, а можетъ быть еще и большее, чѣмъ ихъ сородичи Туркестанскаго края, юридическое право на владѣніе этими землями, которыя имъ были предоставлены въ вѣчное и потомственное пользованіе цѣлымъ рядомъ правительственныхъ актовъ и Высочайшихъ указовъ, оспаривать силу которыхъ теперь едва ли возможно.

Что же касается безусловно пригодныхъ подъ культуру, незнающихъ никогда неурожая, благодаря обильному увлажненію ихъ дождями изъ тучъ, скопляющихся надъ вершинами сосѣднихъ Кавказскихъ горъ, богатѣйшихъ степей и долинъ сѣвернаго Кавказа, областей Кубанской и Терской, то если здѣсь и можно еще найти болѣе или менѣе обширныя пространства свободныхъ земель, несомнѣнно могущихъ и долженствующихъ служить для цѣлей русской колонизаціи, то и онѣ однако не могутъ принять въ себя избытка населенія изъ нашихъ внутреннихъ губерній, потому что на нихъ есть ближайшіе свои, тоже русскіе, мѣстные кандидаты. Статистическія изслѣдованія, произведенныя много лѣтъ тому назадъ, показали, что въ этихъ областяхъ, независимо отъ казачьяго населенія, владѣющаго на правахъ полной собственности обширными пространствами лучшей въ краѣ земли, кромѣ туземцевъ, — осетинъ, татаръ, лезгинъ и разныхъ другихъ народностей, которые живутъ не только въ горахъ, но и на плоскости, — уже въ началѣ девятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія проживало до милліона русскаго населенія; это все — старые выходцы изъ внутреннихъ губерній Россіи, формально сюда не перечисленные, продолжающіе считаться курскими, воронежскими, тамбовскими, орловскими крестьянами, получающіе съ мѣстъ приписки свои пачпорты, но фактически давно уже порвавшіе всякую связь съ родиною, живущіе здѣсь со своими семьями, даже на побывку въ свои коренныя села и деревни не возвращающіеся, такъ какъ у нихъ тамъ давно никакой родни, никакихъ связей нѣтъ, — кромѣ обязанности выправлять пачпорты, да платить повинности и выкупныя деньги за давно брошенныя ими земли. Проживаютъ они въ станицахъ, въ мѣстечкахъ, даже въ татарскихъ аулахъ, имѣютъ въ нихъ иногда свои хаты, работаютъ, снимаютъ въ аренду земли, занимаются хлѣбопашествомъ, болѣе богатые

скотъ разводятъ,—это преимущественно тавричане, прекрасные овцеводы, перешедшіе сюда со своими тонкорунными стадами, когда дома, въ Таврической губерніи, стало для нихъ тѣсно. Происхожденіе же остальныхъ этихъ выходцевъ большею частью таково: казаки, какъ извѣстно, хорошіе воины, но плохіе хозяева, хлѣбопашествомъ не любятъ заниматься, многіе считаютъ это для себя даже зазорнымъ. Между тѣмъ, земельные надѣлы у нихъ и теперь большіе, а въ старые годы были громадные, совладать съ ними своими силами они, конечно, не могли. Русскому же люду издавна стало на родинѣ тѣсно и онъ массами сюда устремлялся, нѣкоторые еще во времена крѣпостного права отъ притѣсненія господъ бѣжали и здѣсь укрывались, благо тутъ было вольно и проживать можно было даже и безъ пачпорта. Казаки въ прежнее время этихъ, такъ называемыхъ иногороднихъ, охотно къ себѣ пускали, позволяли имъ селиться и даже дома строить въ станицахъ, сдавали имъ за безцѣнокъ свои земли въ аренду, болѣе богатые казаки нанимали ихъ въ рабочіе. Всѣмъ въ ту пору было хорошо, и казаки иногороднихъ не обижали, и имъ у нихъ жилось привольно.

Мало по малу, однако, положеніе стало измѣняться. Иногороднихъ прибывало все больше и больше, земли стали въ цѣнѣ подниматься, мѣстами казаки даже и сами начали землей заниматься, и становилось иногороднимъ все хуже, да хуже. Въ станицахъ они жили подолгу совершенно безправными, пока казаки ихъ терпѣли. своей земли у нихъ тутъ не было ни пяди, а на родину возвращаться неохота, тамъ еще хуже и тѣснѣе, да и отбились они отъ нея совершенно. Вмѣсто прежняго дружелюбнаго отношенія казаковъ къ иногороднимъ, начались всякія противъ нихъ притѣсненія, дома ихъ въ станицахъ стали облагать высокими поборами, не то, что новыхъ строить, а иногда и старыхъ чинить не позволяли, иначе развѣ какъ за плату, какую станичный сходъ положитъ, однимъ словомъ, принялись иногороднихъ всячески выживать. Болѣе богатые тавричане стали со своими стадами вновь подниматься и уходить, ища новаго для нихъ простора, даже въ степныя области Сибири съ ними перекочевывали, въ Семирѣчье, въ Семипалатинскую область, гдѣ опять таки начали снимать земли подъ выгонъ овецъ у такихъ же, но только сибирскихъ, казаковъ, да у инородцевъ-киргизовъ;— ну, а бѣднымъ, рабочимъ русскимъ людямъ некуда было податься, и стали они утруждать мѣстное начальство своими просьбами, отвести имъ свободныя земли, водвори ихъ, разрѣши съ родины переписаться.

А тутъ еще на бѣду нѣкоторые изъ этихъ иногородныхъ сектантами оказались и начало начальство ихъ тѣснить еще пуще,— этихъ при старыхъ законахъ, когда и были свободныя земли, на которыхъ они подолгу проживали въ качествѣ даже не арендаторовъ, а субъ-арендаторовъ, лишенныхъ всякихъ формальныхъ арендныхъ правъ на снятую ими землю, устроить было невозможно и стали ихъ съ насиженныхъ, разработанныхъ, застроенныхъ цѣлыми нелегальными поселками земель гнать на всѣ четыре стороны,— уходи, куда знаешь. Однако, впослѣдствіи, начальство умилостивилось, на горькую судьбу безправныхъ иногородныхъ обратило вниманіе, поднявъ вопросъ о предоставленіи имъ свободныхъ земель подъ водвореніе на правахъ переселенцевъ. Бывали, положимъ, случаи (это фактъ, съ которымъ я лично при одной изъ моихъ поѣздокъ,— правда не на сѣверномъ Кавказѣ, а въ другой части его, что однако все равно,— столкнулся), когда самовольно водворившагося на участкѣ и уже обстроившагося на немъ поселенца, которому этотъ участокъ могъ быть по закону, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ формальностей, отведенъ, съ него мѣстныя власти сгоняли, и отправляли назадъ въ Курскую губернію, чтобы онъ тамъ выправилъ у мѣстнаго земскаго начальника удостовѣреніе въ томъ, что онъ имѣетъ достаточныя средства для переѣзда съ родины на Кавказъ и для водворенія на новомъ мѣстѣ,— это когда онъ уже туда давно пріѣхалъ и не только обстроился, но и десятинку земли изъ подъ лѣса расчистилъ и кукурузой засѣялъ!— Допустимъ, что это было излишнее стараніе не въ мѣру усерднаго въ исполненіи всякихъ циркуляровъ начальства, и что этотъ случай совсѣмъ исключительный. Но вѣдь исключительно и то, что на участокъ этого горемыки случайно набрелъ министръ, который могъ разъяснить начальству, что ни по закону, ни по здравому смыслу такъ дѣлать не годится, и несчастный курянинъ былъ отъ обратнаго путешествія, за удостовѣреніемъ въ своей состоятельности, избавленъ; а сколько подобныхъ случаевъ могло остаться неизвѣстными? Когда же вышелъ Высочайшій указъ о вѣротерпимости, свободнѣе вздохнули и сектанты, которымъ обѣщали формально водворить ихъ тамъ, гдѣ они давно уже сидѣли.

Такимъ образомъ, если въ областяхъ сѣвернаго Кавказа и есть еще свободныя земли, то эти земли должны быть прежде всего предоставлены мѣстнымъ безземельнымъ стародавнимъ выходцамъ изъ Россіи, да и то еще на всѣхъ не хватитъ, а о привлеченіи сюда новыхъ переселенцевъ, конечно, нечего и думать. Поэтому, при обсужденіи вопроса о перемѣщеніи изъ внутреннихъ губерній из-

бытка населенія разсчитывать на эти области совершенно невозможно.

Столь же и даже еще труднѣе разсчитывать на Закавказскій край, гдѣ и своего, правда туземнаго, нерусскаго, населенія много, гдѣ иногда, какъ, напримѣръ, въ Кутаисской губерніи, на душу землю считаютъ уже не десятинами, а кцевами и полукцевами (кцева — 900 квадр. саж.). Хотя одно время высшее кавказское начальство и придавало русскому переселенію въ Закавказскій край важное политическое значеніе, теперь мысль о массовомъ привлеченіи сюда выходцевъ изъ внутреннихъ губерній почти оставлена, да и климатическія условія этого края для русскихъ переселенцевъ мало пригодны, много страдаютъ они и даже мрутъ отъ лихорадки. Правда, что сюда издавна водворили духоборовъ, которые прижились и разбогатѣли, но потомъ ихъ, какъ извѣстно, стали тѣснить изъ за ихъ религіозныхъ убѣжденій, и пришлось этимъ русскимъ людямъ, отцы и дѣды которыхъ перенесли всѣ тягости переселенія и водворенія на Кавказѣ, которые во время послѣдней турецкой войны оказали нашей арміи неоцѣнимые услуги, подниматься, бросать насиженныя мѣста и искать себѣ убѣжища за океаномъ, въ Канадѣ. И хотя надо надѣяться, что подобные печальные факты никогда болѣе не повторятся, все же Закавказье представляетъ для русской колонизаціи и мало удобствъ, и мало земельнаго простора. Тамъ же, гдѣ еще много земли ненаселенной, пустынной, какъ напримѣръ, въ Муганской степи, колонизація ея невозможна безъ крупныхъ гидротехническихъ работъ по ея орошенію и предварительному оздоровленію, такъ какъ теперь это гнѣздо злѣйшихъ лихорадокъ.

О томъ, что могутъ дать для цѣлей переселенческаго дѣла восточныя и сѣверныя губерніи Европейской Россіи, я уже довольно подробно говорилъ въ одной изъ первыхъ главъ, и къ этому вопросу теперь возвращаться не стану. Скажу только, что при правильномъ ходѣ дѣла эти губерніи скорѣе должны будутъ служить для внутренняго разселенія мѣстныхъ крестьянъ, нежели для цѣлей переселенія, которое волей неволей придется направить въ области болѣе отдаленныя. Очевидно, что не имѣло бы никакого смысла переселять въ какую нибудь Самарскую губернію выходцевъ изъ губерніи, положимъ, Полтавской, когда въ Самарской есть свои малоземельные и даже совсѣмъ безземельные крестьяне, которыхъ дай Богъ всѣхъ пристроить и обезпечить землею на мѣстѣ. Столь же нераціонально было бы самарцевъ передвигать въ Сибирь, а на мѣсто ихъ сажать туляковъ, курянъ

или полтавцевъ. Это значило бы обрекать на трудное дальнее переселеніе, въ совершенно новыя и чуждыя переселенцамъ условія, двѣ семьи вмѣсто одной. Ужъ лучше послѣднихъ сразу отправлять дальше, а первыхъ оставлять на мѣстѣ,—и съ экономической и съ сельскохозяйственной точекъ зрѣнія это, конечно, было бы гораздо правильнѣе и разумнѣе. Кромѣ того, въ этихъ губерніяхъ, при обширности во многихъ случаяхъ земельныхъ надѣловъ отдѣльныхъ селеній и скученности въ нихъ населенія (особенно въ губерніяхъ юго- и сѣверо-восточныхъ), тутъ часто можно было бы примѣнить и разселеніе крестьянъ на болѣе отдаленныя части ихъ надѣльныхъ земель, что, конечно, имѣло бы громадное значеніе съ точки зрѣнія чисто сельскохозяйственной.

Сводя все вышесказанное, мнѣ приходится придти къ тому заключенію, что если перспективы переселенческаго дѣла, въ связи съ колонизаціею нашихъ окраинъ, и представляются широкими и заманчивыми для болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, то рамки его являются наоборотъ и тѣсными и узкими для настоящаго. Приложивъ всѣ усилія къ возможному его развитію, ассигновавъ возможно значительныя средства на образованіе и подготовку переселенческихъ участковъ, на ихъ обводненіе и осушеніе, гдѣ это понадобится, на проложеніе къ нимъ проѣзжихъ путей, на облегченіе переселенцамъ переѣзда на новыя мѣста и въ особенности на ихъ тамъ водвореніе, все же нельзя разсчитывать на переселеніе, какъ на мѣру для сколько нибудь замѣтнаго разрѣженія сильно сгустившагося въ нѣкоторыхъ мѣстахъ населенія, которому дома становится, при существующихъ формахъ землепользованія, слишкомъ тѣсно. Допустимъ, что намъ удалось бы повысить настоящую цифру переселенцевъ вдвое, даже въ два съ половиною раза, вмѣсто максимальной ихъ прежней цифры въ 200,000 душъ довести численность ихъ до 400,000 — 500,000 душъ, все же это составило бы едва одну треть годового прироста нашего населенія, прибыль котораго шла бы и при этомъ всегда далеко впереди его отлива. Конечно, можно было бы достигнуть иныхъ результатовъ, если регулировать переселеніе такимъ образомъ, чтобы ограничить его предѣлами одной губерніи, разрѣшать его сперва положимъ изъ одной только Полтавской губерніи, потомъ, когда населеніе тамъ достаточно (до какихъ однако предѣловъ?) разрѣдится, перейти къ Черниговской губерніи, потомъ къ Курской и т. д. Но на дѣлѣ такая система совершенно неосуществима. Во-первыхъ, это значило бы стѣснить свободу переселенія такъ, какъ она никогда почти не была стѣснена и до сихъ поръ, потому что всегда пере-

селенія отовсюду, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями, въ отдѣльныхъ случаяхъ допускались, въ послѣднее же десятилѣтіе допускались уже почти безъ всякихъ ограниченій на мѣстахъ выхода переселенцевъ; во-вторыхъ, какъ показалъ уже стародавній опытъ тѣхъ временъ, когда переселеніе было наиболѣе ограничено и обставлено самыми стѣснительными мѣрами, такую систему совершенно невозможно провести на практикѣ. При полномъ запретѣ выхода переселенцевъ изъ всѣхъ губерній, кромѣ стоящихъ въ данную минуту на очереди, неизбѣжно возродилось бы переселеніе такъ называемое самовольное, самое тяжелое, самое разорительное для такихъ нелегальныхъ переселенцевъ, и борьба съ этимъ явленіемъ оказалась бы вновь, какъ и въ старь, абсолютно немыслимой. Вѣдь и въ старые годы, не взирая на строжайшіе запреты, на отсутствіе всякихъ льготъ и пособій для самовольныхъ переселенцевъ какъ въ пути, такъ и въ мѣстахъ ихъ прибытія, не взирая даже на угрозы насильственнаго обратнаго выдворенія ихъ на родину, все же въ концѣ концовъ приходилось съ фактомъ мириться и водворять ихъ почти что наравнѣ съ переселенцами легальными, а впослѣдствіи даже совсѣмъ отмѣнить разницу между тѣми и другими, не препятствуя переселяться всѣмъ желающимъ отовсюду, при соблюденіи только нѣкоторыхъ условій и формальностей, тоже по существу излишнихъ; насильно вѣдь человѣка на мѣстѣ не удержать, а изъ Сибири или Туркестана, разъ онъ туда прибылъ и проситъ земли, и земля есть, но только не для него, а для его болѣе привиллегированныхъ собратій, не по этапу же домой возвращать! Очевидно, поэтому, что на подобный путь урегулированія переселенія становиться нельзя, и даже отъ мысли раздѣленія переселенцевъ на болѣе или менѣе привиллегированныхъ, съ поощреніемъ однихъ и ограничительными мѣрами въ отношеніи другихъ, приходится безусловно отказаться.

По значенію же передвиженія крестьянскаго населенія изъ мѣстъ наибольшей его концентраціи по лицу всей русской земли, съ экономической и сельскохозяйственной точекъ зрѣнія, я бы поставилъ дѣло такъ. Самымъ вѣрнымъ, самымъ дѣйствительнымъ шагомъ для поднятія благосостоянія сельскаго населенія, увеличенія производительности его труда, повышенія урожайности земли, и въ то же время экономически самымъ легкимъ способомъ придти на помощь его бѣдственному нынѣ положенію тамъ, гдѣ оно вызывается не малоземельемъ, а неудобными способами землепользованія, надо считать разселеніе крестьянъ въ предѣ-

лахъ ихъ надѣльныхъ земель. О вредномъ вліяніи длинноземелья, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ пагубнѣе даже малоземелья („не та земля дорога, гдѣ медвѣдь живетъ, а та, гдѣ курица скребетъ“,—говоритъ мудрая русская пословица,—дорога та земля, что отъ двора близка, „pierre d'alentour de métairie vaut terre des champs“— камень при дворѣ полевой земли стоитъ — вторитъ ей французская поговорка) я уже достаточно распространялся, но тутъ, при разселеніи крестьянъ, приходится встрѣчаться съ нѣкоторыми затрудненіями, которыхъ нельзя игнорировать. Я уже говорилъ, что разселеніе части крестьянъ даннаго селенія на болѣе отдаленныя надѣльныя земли, пользованіе которыми для всѣхъ одинаково неудобно, вызываетъ иногда непреодолимое противодѣйствіе со стороны міра, безъ разрѣшенія котораго такое разселеніе, требующее выдѣла желающимъ выйдти изъ села, въ ихъ исключительное пользованіе, части надѣльной земли, невозможно, да крайне затруднительно для нихъ и переуступка, на сколько нибудь выгодныхъ условіяхъ, ихъ дорогой приусадебной земли. Переносъ же усадебъ, возведеніе на новыхъ мѣстахъ жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ, для бѣднѣйшихъ крестьянъ обыкновенно совершенно непосильны, богачи же изъ деревни, съ насиженныхъ мѣстъ, едвали пожелаютъ тронуться, имъ и дома, на селѣ, хорошо. Впрочемъ, въ послѣднее время польза отъ веденія хозяйства на округленныхъ отрубныхъ участкахъ стала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ настолько очевидна, что стремятся къ нему и богачи, самые домовитые, хозяйственные мужики, но тутъ уже является иногда противодѣйствіе со стороны бѣдняковъ, опасающихся, что при выходѣ богачей на новыя мѣста они пуще прежняго разбогатѣютъ, а имъ, бѣднякамъ, станетъ дома еще хуже, больше будетъ упадать на нихъ всякихъ сборовъ, общественная служба станетъ тяжелѣе, особенно, когда выходцы пожелаютъ совсѣмъ выдѣлиться изъ общины, либо образовать свое самостоятельное сельское общество. Наконецъ,— и съ этимъ чисто бытовымъ обстоятельствомъ приходится то же серьезно считаться,— русскій мужикъ, и въ особенности великороссъ, уже такъ созданъ, что онъ охотнѣе поднимется, все свое имущество за безцѣнокъ распродастъ, навсегда съ родиною разстанется, чтобы за тысячи верстъ идти, перенесетъ всѣ тягости и лишенія дальняго пути, всѣ трудности водворенія и заведенія хозяйства на новомъ мѣстѣ, среди совершенно новыхъ и чуждыхъ ему условій,— нежели согласится передвинуться, перенести свое жилье, свое хозяйственное обзаведеніе, за какой нибудь десятокъ верстъ, на свою же землю, всѣ свой-

ства который онъ хорошо знаетъ и которая отъ приближенія къ ней хозяина можетъ только выиграть въ своей производительности, много лучше окупитъ его трудъ,—избавившись вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всей убыточности полной, неизбѣжной при переселеніи вдаль, ликвидаціи всего своего имущества въ родномъ селѣ и необходимости заведенія всего вновь на новомъ мѣстѣ. Но именно потому, быть можетъ, что свои мѣстныя условія онъ слишкомъ хорошо знаетъ, онъ и рѣшается со всѣмъ старымъ безповоротно порвать и его манитъ неизвѣстная, привлекательная даль, гдѣ, слышь, по 15 десятинъ на душу новой земли отводятъ, отъ всякихъ повинностей да отъ солдатчины ослобоняютъ, да еще способіе всякое на водвореніе даютъ, живи, знай, въ свое удовольствіе, да деньги наживай, ни тебѣ барина, ни утѣсненія какого... И хотя часто суровая дѣйствительность очень скоро разбиваетъ его пылкія мечты,—дѣло сдѣлано, назадъ не вернешься, а если вернешься, такъ еще много хуже прежняго на родинѣ станетъ. Тѣмъ не менѣе, надо всѣми мѣрами стремиться къ тому, чтобы прежде всего способствовать разселенію крестьянъ въ предѣлахъ ихъ надѣльныхъ земель, устранять воздвигаемое противъ него на мѣстѣ противодѣйствіе, измѣнивъ даже дѣйствующіе нынѣ въ этомъ отношеніи законы,—оказывать крестьянамъ всякую помощь на переносъ построекъ, на пріисканіе воды,—однимъ словомъ, сдѣлать все возможное, чтобы вступить на этотъ самый вѣрный, наиболѣе спасительный, и все же, самый легкій для нашего крестьянства путь улучшенія его экономическаго положенія и поднятія его хозяйства.

Крупные надѣлы при большихъ многолюдныхъ селахъ, связанные почти всегда съ длинноземельемъ, составляютъ, какъ извѣстно, явленіе, всего чаще встрѣчающееся въ нашихъ южныхъ, юго-восточныхъ и отчасти въ среднихъ черноземныхъ губерніяхъ. Тутъ разселеніе представляется наиболѣе важнымъ для устраненія пагубнаго длинноземелья. Не менѣе важно оно и въ другихъ мѣстностяхъ, и при меньшей скученности населенія, и при меньшихъ надѣлахъ, въ связи съ переходомъ отъ существующихъ формъ шнурового, черезполоснаго землепользованія, къ хозяйству на отдѣльныхъ отрубныхъ участкахъ, съ наиболѣе желательнымъ водвореніемъ на нихъ крестьянскихъ усадебъ. Но тамъ, гдѣ существуетъ еще общинное владѣніе землею, къ такому переходу должны встрѣтиться самыя большія препятствія, такъ какъ съ нимъ сопряжено полное разрушеніе поземельной общины. Въ области же землевладѣнія подворнаго оно гораздо скорѣе осу-

ществимо и надо точно такъ же всячески ему способствовать тѣми же, указанными выше, мѣрами содѣйствія. Въ дѣйствительности, это движеніе къ образованію отрубныхъ участковъ, къ тому, что нѣмцы называютъ „коммасаціей“, у насъ уже началось, началось сперва въ западныхъ губерніяхъ, по примѣру Прибалтійскаго края и Польши, и теперь съ каждымъ годомъ все расширяется, распространяясь съ запада на югъ и къ центру Россіи. Какъ мы покажемъ ниже, уже теперь число разселившихся дворовъ считается тамъ десятками тысятъ. „Мужикъ тронулся“, какъ говорилъ покойный А. Н. Энгельгардтъ, тронулся по собственной иниціативѣ, безъ всякой пока помощи извнѣ, подчасъ даже съ нѣкоторымъ съ разныхъ сторонъ противодѣйствіемъ этому стремленію, и тронулся при томъ въ самомъ желательномъ для поднятія его благосостоянія направленіи. Всего болѣе затрудненій при разселеніи крестьянъ встрѣчаетъ переносъ построекъ, сопряженный съ значительными и для многихъ изъ нихъ часто непосильными расходами. Для покрытія ихъ опять таки имѣла бы весьма важное значеніе указанная выше мѣра,—разрѣшеніе крестьянамъ залога своихъ надѣльныхъ земель, что тѣмъ болѣе было бы умѣстно и даже въ кредитномъ отношеніи безопасно, что съ разселеніемъ крестьянъ цѣнность земли возрастаетъ значительно и возрастающая доходность ея позволитъ имъ безъ затрудненія выплачивать, при условіи долгосрочнаго кредита, полученныя подъ нее ссуды.

Но за симъ останутся все же крестьяне самые бѣдные, самые малоземельные и даже вовсе безземельные, для которыхъ разселеніе въ предѣлахъ надѣльныхъ земель совсѣмъ невозможно, либо по ихъ крайней бѣдности, либо по чрезвычайной ограниченности надѣловь, либо по неимѣнію ихъ вовсе. Я уже говорилъ выше, что крестьяне этихъ категорій, на мѣстѣ часто въ конецъ обездоленные, представляютъ собою элементъ самый слабый, не только экономически, но иногда и физически, иногда даже нравственно, — живутъ они, изо дня въ день кое-какъ перебиваясь, безъ малѣйшаго просвѣта, безъ малѣйшей надежды на выходъ изъ своего безотраднаго положенія. Дальняго путешествія на окраины они предпринять большею частью не въ силахъ, и еще труднѣе имъ совладать со всѣми трудностями водворенія на новыхъ и совершенно чуждыхъ имъ мѣстахъ. Для этихъ крестьянъ самый желательный выходъ—конечно, при активномъ содѣйствіи правительства какъ на пріобрѣтеніе земель, такъ и на расходы по перемѣщенію и водворенію на нихъ,—разселеніе въ предѣлахъ губерніи, по возможности ближе къ ихъ настоящему мѣсту жительства,

потому что сколько нибудь дальній путь для нихъ слишкомъ-труденъ, да они дадутъ и самый плохой контингентъ переселенцевъ. Для водворенія такихъ крестьянъ должны, какъ уже сказано, быть отводимы не обслуживающія существенныхъ иногда интересовъ ближайшаго крестьянскаго населенія, земли казенныя, удѣльныя и тѣ изъ частновладѣльческихъ, которыя будутъ пріобрѣтаемы съ этою цѣлью Крестьянскимъ Банкомъ. Всѣ такого-рода земли надлежало бы подвергать предварительному устройству на изложенныхъ въ предъидущей главѣ основаніяхъ, съ цѣлью обезпеченія на нихъ въ будущемъ правильнаго веденія крестьянами хозяйства.

Наконецъ, по отношенію къ тѣмъ малоземельнымъ или безземельнымъ крестьянамъ, которыхъ нельзя будетъ устроить ни по одному изъ двухъ предложенныхъ выше способовъ, и которые изъявятъ желаніе переселиться въ мѣстности болѣе отдаленныя, въ Сибирь или въ наши средне-азіатскія владѣнія, должны быть приняты всѣ возможныя мѣры для облегченія имъ какъ самого переселенія, такъ и водворенія на новыхъ мѣстахъ. Не менѣе важно помочь имъ ликвидировать свое оставляемое на мѣстѣ недвижимое имущество, ихъ усадебныя земли и принадлежащую имъ часть полевого надѣла, за которые они должны имѣть право требовать справедливаго вознагражденія отъ сельскаго общества. въ случаѣ перехода этихъ имуществъ къ нему, либо отчуждать ихъ и въ постороннія руки, другимъ крестьянамъ, если общество отъ оставленія ихъ за собой откажется. Для облегченія же обществу выплаты уходящему своему сочлену стоимости его усадебной и надѣльной земли, въ случаѣ перехода ея къ обществу и неимѣнія у послѣдняго наличныхъ мірскихъ суммъ на такую выплату, надлежитъ и въ этомъ случаѣ разрѣшить залогъ надѣльной земли въ размѣрѣ предстоящей выплаты. Такая мѣра тѣмъ болѣе справедлива, что съ выходомъ переселенца изъ общины, землевладѣніе послѣдней увеличивается, даровая же ея передача общинѣ существенно нарушаетъ интересы выходящаго общинника, который и самъ, вмѣстѣ съ его родителями и предками, участвовалъ во взносѣ за оставляемую имъ землю выкупныхъ платежей, на возмѣщеніе которыхъ онъ, казалось бы, имѣетъ полное право. При подобныхъ условіяхъ положеніе уходящихъ переселенцевъ противъ настоящаго значительно улучшится, они будутъ пускаться въ путь съ деньгами, не терпя такого раззоренія, какъ теперь, когда свою землю они обыкновенно покидаютъ безъ всякаго за нее вознагражденія и къ тому же несутъ еще немалые убытки вслѣдствіе рас-

продажи, большею частью за безцѣнокъ, всей той части своего имущества, своего скота, земледѣльческихъ орудій, всего своего домашняго скарба, — котораго они взять съ собою не могутъ.

Ставя всѣ эти три мѣры, предлагаемыя для улучшенія экономическаго положенія нашего крестьянства — разселеніе въ предѣлахъ надѣла, выселеніе въ предѣлахъ губерніи или вообще Европейской Россіи и переселеніе въ болѣе отдаленныя части Имперіи, въ такой послѣдовательности, я однако вовсе не имѣю въ виду этимъ сказать, что одна изъ нихъ должна противупоставляться другой, что сперва надо взяться за осуществленіе первой изъ нихъ, потомъ приступить ко второй и лишь подъ конецъ къ третьей. Само собою разумѣется, что примѣнять всѣ три мѣры придется одновременно, относительно только разныхъ категорій крестьянъ. Съ точки же зрѣнія общихъ интересовъ страны и поднятія благосостоянія крестьянскаго населенія, я придаю наибольшее значеніе первой изъ нихъ, то есть разселенію крестьянъ на площади ихъ надѣльныхъ земель и еще лучше съ переходомъ къ хозяйству на отрубныхъ участкахъ; почти такое же значеніе надо придать и второй мѣрѣ — выселенію крестьянъ на свободныя земли въ предѣлахъ своей или по возможности ближайшихъ губерній одинаковаго съ нею характера. На переселеніе же я не могу смотрѣть какъ на мѣру, могущую оказать серьезное вліяніе на разрѣженіе чрезмѣрно, якобы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сгустившагося населенія; подобное значеніе оно можетъ получить развѣ только въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, откуда выйдетъ болѣе переселенцевъ, но въ общемъ я считаю эту мѣру болѣе важной въ интересахъ колонизаціи нашихъ еще мало заселенныхъ областей, въ интересахъ самихъ переселяющихся крестьянъ, если выходъ ихъ съ родины, передвиженіе и водвореніе на новыхъ мѣстахъ будутъ обставлены лучшими условіями, нежели теперь, и гораздо менѣе дѣйствительной съ точки зрѣнія поднятія благосостоянія остальной части мѣстнаго населенія, по отношенію къ которому процентъ переселяющихся и есть и всегда будетъ сравнительно ничтожнымъ, далеко уступающимъ естественному его приросту. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта мѣра и самая трудная для переселяющейся части населенія, всего болѣе поглощающая, хотя и въ ожиданіи будущаго благополучія на новыхъ мѣстахъ, его наличныхъ силъ и средствъ, и самая дорого стоющая для государства. Изъ этого, конечно, вовсе не слѣдуетъ, чтобы переселеніе нужно было сколько нибудь тормазить, напротивъ того, его

необходимо всячески поддерживать, и облегчать, и даже развивать, пока еще есть свободныя мѣста, куда русскому люду можно идти искать лучшей доли не покидая предѣловъ своего отечества, какъ это вынуждены дѣлать эмигранты изъ западно-европейскихъ странъ; но не слѣдуетъ придавать переселенію и преувеличеннаго значенія съ точки зрѣнія интересующаго насъ вопроса — поднятія общаго благосостоянія крестьянскаго населенія въ странѣ: единственнымъ для него выходомъ переселеніе можно будетъ считать только тогда, когда всѣ другія мѣры будутъ уже исчерпаны, когда изсякнутъ всѣ средства для его существованія дома, теперь же мы къ отысканію необходимыхъ для этого путей почти что, можно сказать, и не приступали; мы склонны игнорировать всѣ тѣ многообразныя рессурсы, которыя его еще окружаютъ на родинѣ, и все зло, всю бѣду современнаго положенія сводимъ къ одному только малоземелью, и закрываемъ глаза передъ тѣмъ просторомъ, который царитъ у насъ почти повсемѣстно, представляя широкое поле для болѣе производительнаго приложенія крестьянами своего труда и на своей землѣ, и на чужой, не исключая даже и того земельнаго простора, котораго мы часто совсѣмъ не видимъ только потому, что формы и пріемы крестьянскаго землепользованія, сложившіеся во времена давно минувшія, представляющія нынѣ лишь пережитки старины, упорно удерживаются наперекоръ измѣнившимся условіямъ современной жизни. Не говоря уже про то, какъ слабо используются у насъ природныя производительныя силы нашей земли, какъ много ее пропадаетъ совсѣмъ даромъ, какъ много крестьяне напрасно теряютъ своего труда, и времени, и силъ, стремясь распространяться съ ними только вширь, а не вглубь,— сколько у насъ еще пространствъ совсѣмъ не культурныхъ, на которыхъ ни хлѣба, ни травы, ни лѣса порядочнаго не ростетъ, сколько крестьяне даже на своихъ земляхъ такихъ пространствъ какъ слѣдуетъ не использовали, а иногда, благодаря неправильнымъ пріемамъ хозяйства, даже противъ прежняго понизили ихъ производительность! Поэтому, не бѣжать имъ надобно бы съ этихъ земель, не о томъ думать, какъ бы еще прихватить земель для распространенія на нихъ такихъ же неправильныхъ пріемовъ хозяйства, которыхъ никакая земля, сколь ни будь она отъ природы плодородна и богата, долго выдержать не можетъ, а къ тому стремиться, чтобы примѣнить къ этой землѣ все то, чего она требуетъ для того, чтобы съ лихвою окупить труды земледѣльца. Тамъ, гдѣ дѣйствительно нѣтъ объекта для достаточнаго и наиболѣе производительнаго приложенія крестья-

нами своего труда, тамъ надо и помочь имъ либо переселиться, либо расширить свое землевладѣніе, но при непремѣнномъ условіи улучшенія вмѣстѣ съ тѣмъ своего землепользованія. Безъ этого же — вся проектируемая нынѣ и усиленно проповѣдуемая односторонняя аграрная реформа будетъ въ пустую, и не ко благу страны, не ко благу самихъ же крестьянъ она поведетъ, а напротивъ очень скоро поставитъ ихъ въ положеніе еще худшее, еще неизмѣримо болѣе безъисходное, нежели настоящее. И придется тогда начинать опять съизнова, начинать съ того же, съ чего слѣдуетъ и необходимо начать сейчасъ, но только при условіяхъ уже гораздо болѣе трудныхъ, чѣмъ теперь, — такъ какъ и переселяться тогда ужъ будетъ некуда, исчезнутъ къ тому времени и тѣ слабые признаки культурности и прогресса даже въ области крестьянскаго хозяйства, не говоря уже про хозяйство частновладѣльческое, которые замѣчаются уже теперь, и которыя надо всячески развивать и поддерживать, а не сметать съ лица земли, идти впередъ, а не назадъ, ко временамъ первобытнымъ, замѣняя плугъ — сохою, молотилку — цѣпомъ, удобреніе земли — безпощаднымъ ея изъ году въ годъ истощеніемъ, многопольный сѣвооборотъ — трехпольемъ, а то и всякій правильный сѣвооборотъ бросая, — лишь бы больше было земли, лишь бы на большую площадь сѣмянъ разбросать, — а тамъ, что Богъ дастъ, не родится хлѣба, такъ казна прокормитъ.

Нужно ли добавлять, что на этой почвѣ стоять нельзя, не идя навстрѣчу самымъ страшнымъ бѣдствіямъ? Завлекать же на этотъ путь крестьянъ, поддерживая въ нихъ вѣру въ правоту ихъ убѣжденій и домогательствъ — земли и только земли, — значитъ брать на душу великій грѣхъ передъ тѣмъ же народомъ, которому можно многое простить, потому что онъ самъ не вѣдаетъ, что творитъ, но который надо просвѣщать и учить, протягивая ему руку помощи, когда онъ въ ней дѣйствительно нуждается, разбираясь въ его истинныхъ нуждахъ и потребностяхъ, — потребности въ знаніи прежде всего, — а не толкать его на гибель, затемняя передъ нимъ самые ясные и безспорные вопросы, потакая его самымъ неразумнымъ, а иногда и прямо разрушительнымъ стремленіямъ.

III.

Дѣйствительность и земельныя утопіи.

I.

Запросы и факты дѣйствительной жизни.

Въ предыдущихъ главахъ этой книги я привелъ схему, не скажу разрѣшенія, но нормальнаго улаженія, урегулированія земельнаго вопроса, отнятія у него его настоящей остроты. Поставленная въ такіе предѣлы, эта схема, очевидно, не согласна ни съ пожеланіями крестьянъ, домогающихся передачи въ ихъ руки всей земли, ни съ фантастическими планами мечтателей, ни на какую твердую почву не опирающихся, ни, тѣмъ менѣе, съ дикими и опасными для всего государственнаго хозяйства теоріями соціалистовъ. Схема эта представляетъ собою урегулированіе вопроса на законномъ основаніи, безъ колебанія правъ собственности, безъ разрушенія вѣками установившейся, но сравнительно недавно вступившей на путь серьезныхъ улучшеній, культуры, безъ какихъ либо потрясеній хозяйственнаго строя русской земли. Само собою разумѣется, что этими чертами проектируемыхъ мною коренныхъ мѣропріятій въ области крестьянскаго землевладѣнія вопросъ еще не исчерпывается, такъ какъ на ряду съ этимъ необходимъ еще цѣлый рядъ мѣръ, отчасти уже намѣченныхъ въ предыдущихъ главахъ, для улучшенія крестьянскаго землепользованія, мѣръ земельно-устроительныхъ,—уничтоженіе черезполосности, разселеніе, постепенное распространеніе хуторского хозяйства на отрубныхъ участкахъ и т. п.; необходимы межеваніе и установленіе точныхъ юридическихъ границъ владѣній, уничтоженіе или, по крайней мѣрѣ, урегулированіе сервитутовъ, составляющихъ нынѣ, особенно въ Западномъ краѣ, одинъ изъ главныхъ тормазовъ къ улучшенію полевой культуры и служащихъ, кромѣ того, постояннымъ яблокомъ раздора между землевладѣльцами и крестьянами.

Необходимо также установить въ законодательномъ порядкѣ юридическія права крестьянъ на землю, опредѣлить порядокъ и

условія перехода земель по наслѣдству, путемъ продажи и т. п., такъ какъ нынѣ всѣ такого рода условія крайне неопредѣленны и въ отношеніи ихъ дѣйствуетъ лишь такъ называемое обычное право, которое давно пора замѣнить закономъ писаннымъ.

На мѣрахъ этого рода я однако здѣсь останавливаться не буду. Въ отношеніи ихъ едва ли могутъ быть сомнѣнія и даже разногласія между представителями самыхъ разнообразныхъ партій, причемъ одни только выдвигаютъ ихъ на первый планъ, считая, что съ нихъ именно и слѣдуетъ начать, тогда какъ другіе придаютъ имъ лишь второстепенное значеніе, полагая, что къ осуществленію ихъ нельзя и приступать, пока не будетъ устранено то, что они считаютъ главнымъ зломъ — крестьянское малоземелье. Въ этотъ споръ я вдаваться не буду, думая, что я достаточно охарактеризовалъ и современное состояніе нашего земельнаго вопроса и тѣ предѣлы, въ которыхъ крестьянскому малоземелью можно пособить тамъ, гдѣ оно дѣйствительно существуетъ, но такъ какъ эти предѣлы все же очень узки, то безъ осуществленія мѣръ иного рода ни теперь, ни въ будущемъ, нельзя обойтись, если только стремиться къ дѣйствительному и прочному улучшенію крестьянскаго положенія.

Не хотѣлось бы мнѣ также касаться нескончаемаго спора между нашими общинниками и защитниками подворнаго хозяйства. Много копій въ этомъ спорѣ уже съ обѣихъ сторонъ поломано и исчерпаны едва ли не всѣ уже доводы въ пользу того или другого изъ этихъ положеній. Какъ можно было видѣть изъ предъидущаго, лично я къ поборникамъ общиннаго землевладѣнія не принадлежу и привелъ уже не мало данныхъ, доказывающихъ несостоятельность и даже пагубность, съ агрономической точки зрѣнія, установившихся у насъ при немъ порядковъ землепользованія. Еще рельефнѣе выступила бы эта несостоятельность, если бы остановиться на вредѣ частыхъ передѣловъ общинной земли, на невозможности для крестьянъ принимать мѣры къ улучшенію лишь временно состоящихъ въ ихъ пользованіи участковъ и т. п. Но, съ другой стороны, я не могу не признать столь же несостоятельными и установившіеся у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи порядки подворнаго владѣнія землею, при такой же дробности и многочисленности дѣлянокъ, — только навсегда закрѣпленныхъ за ихъ владѣльцами,—при такой же черезполосицѣ, при тѣхъ же пріемахъ обязательнаго для отдѣльныхъ хозяевъ веденія хозяйства, сѣвооборота, при общей пастьбѣ скота всей деревни на полевыхъ земляхъ, послѣ снятія съ нихъ урожая, и на

парахъ, что дѣлаетъ невозможнымъ введеніе на поляхъ травосѣянія, обращеніе къ черному или занятому пару и проч. Съ агрономической точки зрѣнія разницы между двумя формами владѣнія почти нѣтъ, разница только въ юридическихъ правахъ на землю, которою подворный хозяинъ можетъ располагать какъ собственникъ, тогда какъ въ общинѣ крестьянинъ и съ этой стороны связанъ, и будучи лишь временнымъ владѣльцемъ отведеннаго ему міромъ участка земли, совсѣмъ не обезпеченъ въ дальнѣйшемъ пользованіи имъ и не можетъ прочно обставить и своего хозяйства. Поэтому, я думаю, что тамъ, гдѣ развито подворное владѣніе, крестьяне и скорѣе и легче перейдутъ отъ существующихъ у нихъ, столь же пока несовершенныхъ, формъ землепользованія, къ хозяйству на отрубныхъ участкахъ; какъ мы увидимъ ниже, дѣйствительность вполнѣ подверждаетъ это положеніе. Интереса къ своему хозяйству у подворнаго владѣльца больше, нежели у общинника, а потому онъ скорѣе сознаетъ то, что для него лучше, и не остановится и передъ коренною ломкою установившагося порядка землепользованія, тогда какъ община упорно удерживаетъ старыя, прочно установившіяся формы и голосъ всякихъ новаторовъ всегда встрѣчаетъ самый энергическій отпоръ со стороны рутиннаго большинства. Какъ дѣды жили, такъ и мы, говоритъ обыкновенно большинство, не желающее признать, что дѣдовскія времена давно миновали,— въ упорномъ стремленіи крестьянъ къ удержанію дѣдовскихъ порядковъ именно и заключается одна изъ главныхъ бѣдъ настоящаго крестьянскаго положенія. Благодаря ему, крестьяне наши только и видятъ одинъ для себя исходъ — въ расширеніи своего землевладѣнія, которое имъ дастъ, по ихъ понятіямъ, возможность эти порядки удержать, и совершенно отрицательно относятся къ другому выходу — улучшенію своего хозяйства, которое дѣйствительно съ ними несовмѣстимо.

Существуетъ мнѣніе, раздѣляемое у насъ многими, что настоящія формы землепользованія и общиннаго землевладѣнія свойственны одной Россіи, только въ ней и установились, въ соотвѣтствіи съ нашими якобы исключительными условіями, и ни теперь, ни въ будущемъ, не могутъ быть измѣнены. Крестьяне въ средней Россіи глубоко убѣждены и въ томъ, что даже трехпольная система полеводства установлена самимъ Богомъ, и другой нѣтъ и быть не можетъ. Есть люди, которые утверждаютъ, что русскій народъ долженъ гордиться тѣмъ, что онъ основалъ свое земледѣліе на общинномъ началѣ, что этимъ онъ отличается отъ всѣхъ другихъ народовъ Европы, что этой

формѣ хозяйства принадлежитъ будущее, что она лучше всякой другой системы землевладѣнія обезпечиваетъ интересы сельскаго населенія въ его совокупности, гарантируетъ противъ образованія безземельнаго пролетаріата, сохраняя за всѣми членами общины, сколько ихъ ни есть теперь и сколько бы ни народилось въ будущемъ, право на извѣстный участокъ земли. „На каждую душу готова краюшка", говоритъ сложенная нашими крестьянами общинниками пословица. Только краюшка то ужъ очень плоха, — а въ будущемъ она человѣка и совсѣмъ не напитаетъ. Но въ основаніи этого ученія, скажу болѣе,— этого вѣрованія, лежитъ глубокое заблужденіе.

Въ дѣйствительности общинная форма землевладѣнія свойственна вовсе не одной Россіи и наши русскіе крестьяне отнюдь не могутъ претендовать на ея честь изобрѣтенія. Напротивъ того, черезъ нее прошли въ свое время всѣ народы Европы, но сохраняли ее только на первоначальныхъ ступеняхъ своего развитія, а затѣмъ постепенно перешли къ болѣе совершеннымъ и обезпечивающимъ развитіе и улучшеніе сельскаго хозяйства формамъ землепользованія, при чемъ нѣкоторые слѣды общинныхъ порядковъ во многихъ государствахъ Западной Европы и доселѣ еще сохранились.

Тоже приходится сказать въ отношеніи формъ использованія земли и полевой культуры при царящемъ у насъ трехпольѣ, которое нѣкогда было преобладающей системой культуры и на Западѣ, но гдѣ отъ нея теперь часто даже и слѣда не осталось. Приведу, напримѣръ, слѣдующія строки изъ книги извѣстнаго Карла Каутскаго, посвященной аграрному вопросу:

„Исходной точкой крестьянскаго хозяйства является дворъ крестьянина съ его хатой, которые составляютъ его частную собственность. Кромѣ дома съ необходимыми хозяйственными постройками, ему принадлежитъ и небольшой клочекъ земли вблизи двора, часто огороженный заборомъ. Тутъ — огородъ, на которомъ выращиваются самые необходимые для домашняго обихода овощи, прядильныя растенія, иногда растутъ и плодовыя деревья. Деревня состоитъ изъ большаго или меньшаго числа такихъ дворовъ или усадебъ. Вокругъ деревни расположены, раздѣленныя между дворохозяевами, пахотныя земли. Эти земли, по правиламъ наиболѣе распространеннаго трехпольнаго хозяйства, раздѣляются на три поля, или клина. Каждое поле въ свою очередь дѣлится на различное число участковъ въ зависимости отъ его мѣстоположенія и качества почвы. Въ каждомъ полѣ каждый дворъ пользуется извѣстнымъ числомъ этихъ участковъ. Внѣ подлежащихъ раздѣлу

земель лежатъ угодья недѣлимыя, состоящія въ общемъ пользованіи—выгоны, лѣсъ. Каждый дворъ, каждая семья обрабатываютъ отведенные имъ участки пахотной земли, однако, не по своему произволу или усмотрѣнію. Немедленно по снятіи урожая, поле обращается подъ пастбу скота всего селенія; точно также общимъ пастбищемъ служитъ и паръ. Хозяинъ не вправѣ занимать своихъ участковъ полевой земли такими растеніями, которыя могли бы помѣшать пастьбѣ на нихъ скота; всѣ обязаны примѣнять однообразные пріемы обработки почвы, каждое поле сѣвооборота занимать по очереди озимью, яровымъ хлѣбомъ, пускать подъ паръ. И такъ ведется у всѣхъ крестьянъ"...

Можно бы подумать, что эти строки рисуютъ картину любой современной русской общинной деревни, въ которой противъ этого описанія развѣ только огороды, да фруктовыя деревья отсутствуютъ. А между тѣмъ онѣ относятся... къ германскому хозяйству феодальныхъ временъ, и я, приводя почти дословный переводъ изъ историческаго очерка Каутскаго, только у глаголовъ прошедшее время замѣнилъ настоящимъ. Такимъ образомъ то, что въ Германіи было много столѣтій тому назадъ, у насъ существуетъ до сихъ поръ; тамъ эти первобытныя формы были вытѣснены культурою, перешли въ область преданій,— у насъ хотятъ культуру уничтожить, чтобы ихъ сохранить. Несомнѣнно, что въ тѣ давно прошедшія времена Германцы считали, что другихъ формъ землепользованія нѣтъ и быть не можетъ,— у насъ держатся того же взгляда и до сихъ поръ, держатся ихъ притомъ не одни крестьяне, но за ними и всѣ тѣ, кто утверждаетъ, что этими именно формами хозяйства и стоитъ русская земля,— малѣйшая критика ихъ разсматривается, какъ покушеніе на интересы и нужды крестьянства, которые будто бы къ тому и сводятся, чтобы обезпечить дальнѣйшее ихъ существованіе, за невозможностью якобы замѣнить ихъ чѣмъ либо инымъ. А между тѣмъ все зло, вся бѣда именно и состоитъ въ этихъ отжившихъ формахъ, которыя давно уже не соотвѣтствуютъ ни современной численности населенія, ни настоящимъ условіямъ жизни, ни самымъ азбучнымъ правиламъ раціональнаго хозяйства. Съ другой стороны, въ приведенной выше исторической справкѣ мы можемъ найти себѣ и нѣкоторое утѣшеніе. Отъ этихъ первобытныхъ порядковъ какъ Германія, такъ и другія страны Европы, съумѣли отрѣшиться безъ всякихъ потрясеній и аграрныхъ революцій. Мнѣ могутъ, пожалуй, указать на такъ называемую „крестьянскую войну", кровавый бунтъ крестьянъ, происходившій въ первой половинѣ XVI столѣтія въ Германіи и

охватившій почти всю страну. Но это возстаніе, вызванное притѣсненіями дворянъ, духовенства и полнымъ безправіемъ крѣпостныхъ крестьянъ, разыгралось главнымъ образомъ на почвѣ гражданской и религіозной свободы, вопросы же аграрные стояли тутъ совершенно на второмъ планѣ; въ числѣ 12 тезисовъ, выработанныхъ въ разныхъ мѣстахъ собраніями крестьянъ и положенныхъ ими въ основу своихъ домогательствъ, только немногіе касались свободнаго пользованія лѣсами, выгонами и сѣнокосами, права охоты и рыболовства, и возврата захваченныхъ дворянствомъ и духовенствомъ земель, причемъ крестьяне, однако, не простирали своихъ требованій къ такимъ землямъ и угодьямъ, на законное владѣніе которыми „духовные и свѣтскіе господа“ могутъ представить доказательства. Точно также, говоря о правѣ охоты, они разумѣли охоту только на своихъ земляхъ, и именно главнымъ образомъ право истребленія хищныхъ звѣрей и птицъ, опустошавшихъ ихъ поля, сады и виноградники, а по отношенію къ рыбной ловлѣ добивались лишь права рыболовства въ рѣкахъ, протекающихъ по ихъ владѣніямъ. Извѣстно, однако, что это возстаніе, совпавшее съ эпохою реформаціи, было повсемѣстно подавлено и принесло мало пользы крестьянамъ, не добившимся въ то время и личной свободы, причемъ любопытно, что даже Лютеръ, ярый борецъ противъ самовластія папства и проповѣдникъ свободы вѣры, выступилъ на защиту крѣпостнаго права, объявивъ, что попытка уничтожить его „совершенно противорѣчитъ евангелію и обнаруживаетъ разбойничьи замашки, потому что такимъ образомъ всякій отнимаетъ у своего господина свое тѣло, которое ему принадлежало (!). У Авраама и патріарховъ также были крѣпостные“ *).

Точно также и великая французская революція, конфисковавшая имѣнія монастырей и эмигрантовъ, не только не стремилась къ разрушенію права собственности, а напротивъ, закрѣпила его, въ ущербъ владѣнію общинному; такъ, декретомъ 1792 года общинное владѣніе было ограничено и постановлено, что всѣ земли и другіе предметы общиннаго пользованія, кромѣ только лѣсовъ, должны быть раздѣлены между членами общины, съ предоставленіемъ каждому владѣть участками на правѣ полной собственности. Только впослѣдствіи постановленіе это было нѣсколько смягчено предоставленіемъ раздѣла самой общинѣ, съ тѣмъ, однако, что-

*) Исторія крестьянской войны въ Германіи, Д-ра В. Циммермана, переводъ подъ редакціей Зайцева и Ткачева. Спб., 1865—1868 г.г.

если не менѣе 1/3 ея членовъ выскажется за раздѣлъ, то послѣдній долженъ быть произведенъ обязательно.

Приведенные мною выше порядки общиннаго землепользованія въ феодальныя времена въ Германіи были почти тождественны и во всѣхъ другихъ странахъ Европы, даже въ такихъ высококультурныхъ нынѣ государствахъ, какъ Англія, Франція, Данія и т. п. Во многихъ мѣстахъ они сохранялись почти въ неизмѣнномъ видѣ до конца XVIII и даже начала XIX столѣтій и вездѣ удерживали сельское поселеніе въ состояніи крайней нищеты, благодаря ничтожной производительности земли, съ періодическими, какъ у насъ, повальными неурожаями, голодовками, вплоть до необходимости для государства снабжать населеніе сѣменами для посѣва и хлѣбомъ для продовольствія, все равно, какъ у насъ и до нынѣ. Но я долженъ добавить, что далеко не вездѣ переходъ отъ примитивныхъ формъ землепользованія произошелъ по иниціативѣ самого крестьянскаго населенія, бывшаго столь же рутиннымъ, столь же упорно приверженнымъ къ старымъ порядкамъ тамъ, какъ и у насъ. Напротивъ, во многихъ мѣстахъ этотъ переходъ совершился по прямому вмѣшательству правительственной власти, путемъ изданія соотвѣтственныхъ законовъ и при непосредственномъ руководительствѣ и участіи въ дѣлѣ органовъ правительства, не взирая на все противодѣйствіе имъ со стороны крестьянъ. Такъ, Фридрихъ Великій въ Германіи, издавъ законъ о разверстаніи крестьянскихъ угодій съ помѣщичьими, для уничтоженія царившей въ то время черезполосицы, не останавливался и передъ мѣрами принужденія. Назначенныхъ имъ для того особыхъ коммисаровъ населеніе нерѣдко встрѣчало камнями. Позднѣе, именно въ 1821 году, сдѣланъ былъ въ Пруссіи дальнѣйшій шагъ въ этомъ дѣлѣ, былъ изданъ законъ, направленный къ уничтоженію общаго черезполоснаго владѣнія общины, при чемъ каждому члену общины предоставлено было ходатайствовать о разверстаніи къ одному мѣсту угодій; нежелавшимъ, однако, выходить изъ общины разрѣшалось продолжать владѣть землею по прежнему. Только освобожденіе отдѣльныхъ владѣльцевъ отъ сервитута выгона было впослѣдствіи поставлено въ зависимость отъ согласія общины, но должно было обязательно производиться, если его требовало такое число владѣльцевъ, во владѣніи которыхъ находилось не менѣе четвертой части земли, которую предстояло регулировать. Позднѣйшими законами, для общаго раздѣленія всей земли общины на отдѣльные отрубы (коммассація), установлено согласіе владѣльцевъ болѣе половины площади земли, предста-

вляющей въ то же время болѣе половины кадастроваго чистаго дохода. Въ Саксоніи закономъ 1861 года постановлено, что каждый собственникъ долженъ подчиниться обязательной коммассаціи, когда болѣе половины собственниковъ за нее высказывается, и когда она необходима для уничтоженія общаго владѣнія, или чтобы открыть доступъ къ землямъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ чужими владѣніями. Коммассація обязательно распространяется на пахатныя земли, луга, пески и пастбища,— на лѣса же только при наличности особыхъ условій.

Въ Даніи общинное владѣніе было уничтожено закономъ 1769 года. Каждый крестьянинъ получилъ право требовать отвода ему земли въ одномъ кускѣ, при чемъ на него же ложились и всѣ расходы по операціи. Въ силу позднѣйшаго закона, вышедшаго въ 1781 году, всякій крестьянинъ общинникъ получилъ право огородить свою землю на половинныхъ издержкахъ съ сосѣдомъ, выдѣлить свою землю изъ общиннаго владѣнія въ одномъ, двухъ и не болѣе какъ въ трехъ кускахъ. Если разверстанія требовали не всѣ члены общины, то расходы ложились на тѣхъ, кто его требовалъ. Замѣчательно, что осуществленію этой реформы, связанной съ разверстаніемъ земли между крестьянами и помѣщиками, въ Даніи болѣе всего противились помѣщики; тѣмъ не менѣе, къ началу XIX столѣтія уже половина всѣхъ общинныхъ земель была раздѣлена, и къ 1830 году реформа была закончена совершенно, поземельная община перестала существовать и окончательно водворилось единоличное владѣніе и индивидуальное хозяйство на отрубныхъ и по возможности округленныхъ участкахъ, съ жилищемъ владѣльца на каждомъ изъ нихъ.

Большое сходство съ нашими современными общинными порядками имѣло то, что существовало до XVIII вѣка въ Швеціи. Луга и пашни подвергались тамъ періодическимъ передѣламъ, повторявшимся въ нѣкоторыхъ деревняхъ черезъ каждые три года, соотвѣтственно срокамъ трехпольнаго хозяйства. Разработавшій росчисть изъ подъ общественнаго лѣса пользовался ею извѣстное число лѣтъ, послѣ чего росчисть снова запускалась подъ общественный лѣсъ. На состоявшихъ въ личномъ владѣніи присельныхъ пашняхъ и лугахъ царила полная черезполосность. Королевскимъ предписаніемъ 1749 года было положено начало „великаго разверстанія“, съ основною цѣлью раздѣлить всѣ общинныя земли на участки личнаго владѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ по возможности сократить число черезполосныхъ участковъ, принадлежавшихъ отдѣльнымъ дворамъ. Дѣло, однако, подвигалось впередъ довольно медленно, что вызвало

изданіе въ 1827 году новаго закона, согласно которому земли всякой деревни должны были быть разверстываемы по требованію хотя бы одного крестьянина,— при томъ на общій счетъ, съ отнесеніемъ соотвѣтственной доли расходовъ и на тѣхъ крестьянъ, которые о разверстаніи не просили, число же участковъ на дворъ не должно было превышать 6, но фактически теперь, съ повсемѣстнымъ почти, кромѣ самой сѣверной части государства, окончаніемъ реформы, число участковъ колеблется отъ одного до трехъ.

Также путемъ цѣлаго ряда законодательныхъ актовъ, начало урегулированію поземельныхъ отношеній было положено еще въ XIII столѣтіи въ Англіи, впрочемъ, сперва исключительно въ интересахъ лордовъ, получившихъ право требовать обязательнаго разверстанія и выдѣла части земли въ исключительное ихъ владѣніе путемъ огораживанія; впослѣдствіи это право было предоставлено и членамъ поземельной общины. Въ Шотландіи законы, регулирующіе поземельную собственность, были изданы въ концѣ XVII вѣка и черезъ сто лѣтъ вся земля тамъ была уже раздѣлена на отрубныя хозяйства. Однако, въ этихъ двухъ странахъ, при осуществленіи земельной реформы, интересы крестьянскаго населенія, въ особенности бѣднѣйшей его части, не были достаточно ограждены и до сихъ поръ еще сохранились тамъ слѣды старыхъ феодальныхъ порядковъ, въ видѣ, напримѣръ, права охоты лендлордовъ на крестьянскихъ земляхъ, и во всѣхъ трехъ государствахъ, входящихъ въ составъ Великобританскаго Королевства, господствуетъ крупное землевладѣніе. За то прочно сложился, принятый закономъ подъ свою охрану, институтъ фермерства, при которомъ сельское хозяйство въ рукахъ фермеровъ пышно развилось, тогда какъ юридическіе владѣльцы земли имъ совершенно не занимаются, довольствуются ничтожнымъ отъ земли доходомъ и, проживая въ своихъ историческихъ замкахъ, предаются всякимъ видамъ спорта, разводятъ скаковыхъ лошадей, охотятся. Въ Ирландіи же, гдѣ, какъ извѣстно, положеніе фермеровъ было особенно тяжело и необезпечено, выработаны были законы, направленные къ облегченію имъ выкупа арендуемыхъ ими участковъ въ собственность, на установленныхъ закономъ началахъ и при широкомъ содѣйствіи правительства, но безъ всякаго нарушенія въ то же время имущественныхъ правъ землевладѣльцевъ, безъ принудительнаго отчужденія ихъ земли.

Если такимъ образомъ, почти всей западной Европѣ, кромѣ развѣ такихъ странъ, какъ Италія, Испанія, удалось перейти отъ

старинныхъ формъ землепользованія, почти вездѣ бывшихъ къ тому же почти одинаковыми или весьма между собою сходными, къ современному высоко культурному ея состоянію, если производительность западно-европейскихъ земель, плодородіе которыхъ далеко уступаетъ нашему богатѣйшему въ мірѣ чернозему, во много разъ превышаетъ урожайность нашихъ почвъ, если тамъ, на западѣ, благодаря приложенію къ земледѣлію знаній и капиталовъ, оно такъ пышно развилось, то нѣтъ основанія отчаяваться въ будущемъ и намъ. Надо только отрѣшиться отъ исканія новыхъ, невѣдомыхъ міру, путей, отказаться отъ стремленія удивить міръ осуществленіемъ нигдѣ неиспытанныхъ, на практикѣ неприложимыхъ, теорій, примириться съ тою мыслью, что и намъ слѣдуетъ идти обычнымъ, проторенным нашими западно-европейскими сосѣдями путемъ, не обольщаясь идеею, что мы какой-то особенный народъ, для котораго общіе экономическіе законы не писаны, не смущаясь и тѣмъ, что наши почвенныя, климатическія и всякія иныя условія во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ западно-европейскихъ. Если такое отличіе и есть, то оно не всегда намъ въ ущербъ, какъ въ вопросѣ о качествѣ и плодородіи нашихъ почвъ, гдѣ преимущество въ значительной части Россіи на нашей сторонѣ, да и въ остальномъ оно не столь велико, чтобы сдѣлать для насъ недоступными тѣ результаты, которые давно уже достигнуты на западѣ. Нужно проникнуться убѣжденіемъ, что трудъ, знаніе и капиталъ такіе же мощные двигатели прогресса у насъ, какъ и вездѣ въ мірѣ, а земля лишь одно изъ орудій сельскохозяйственнаго производства.

Приходится мнѣ остановиться и на томъ, часто у насъ высказываемомъ и очень распространенномъ мнѣніи, что будто бы своеобразныя условія нашей родины вызываютъ необходимость для крестьянъ селиться кучно,— большими поселеніями по берегамъ рѣкъ,—что отдѣльные мелкіе поселки, а тѣмъ болѣе разбросанные по одиночкѣ хутора у насъ существовать не могутъ,— и снѣгомъ занесетъ, и воды нѣтъ, и проѣзда къ нимъ не будетъ и еще многое такое, что, однако, точно такъ же опровергается дѣйствительностью. Я не спорю, что русское, особенно великороссійское племя, и то по преимуществу въ средней Россіи, довольно упорно держится своей стародавней привычки селиться большими селами, тянущимися иногда на нѣсколько верстъ, — эту привычку наши крестьяне даже при переселеніи въ Сибирь съ собою переносятъ; они любятъ общественность, любятъ устраивать свои многочисленныя сборища и сходы, какъ для совмѣстнаго обсужденія своихъ общественныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ, такъ и для время-

препровожденія, для общей выпивки по праздникамъ; жить порознь имъ „скучно“, — какъ они сами говорятъ, а на людяхъ веселѣе. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ признать, что эта привычка есть скорѣе наслѣдіе прошлаго, тѣхъ временъ, когда надо было ютиться вмѣстѣ, среди дикихъ, непроходимыхъ, кишѣвшихъ разнымъ звѣрьемъ, а не то и разбойничьими шайками, лѣсовъ,— или среди степей, подъ страхомъ нашествія татарскихъ ордъ и т. п.; Русь тогда только что заселялась, простору было много, а людей мало и они поневолѣ жались вмѣстѣ, ради общей безопасности. Селились крестьяне въ то время по пріимуществу у воды, чтобы избѣжать искусственнаго добыванія ея, рытья колодцевъ, устройства запрудъ въ маловодныхъ мѣстностяхъ. Поэтому и осѣданіе рѣдкаго еще въ тѣ времена населенія шло преимущественно по рѣкамъ, а культура отъ этихъ же рѣкъ постепенно подвигалась внутрь страны, отъ долинъ къ водораздѣламъ, что и послужило основаніемъ къ современному длинноземелью. Теперь эти условія миновали, а привычки остались прежнія, хотя и прямо противоположныя интересамъ культуры.

Но требованія жизни понемногу берутъ свое, и если только не поддерживать искусственно эти пережитки давно миновавшихъ лѣтъ, населеніе неизбѣжно должно будетъ подчиниться новымъ условіямъ и постепенно разрѣжаться, приближаться къ вновь завоеваннымъ культурою мѣстамъ, образовать новыя деревни, выселки, хутора, односелія. И несомнѣнно, что каждый такой хуторъ, приближающій крестьянина къ его полю, будетъ способствовать поднятію культуры, повышенію производительности земли, лучшему использованію труда крестьянина, нынѣ, какъ мы показали, въ значительной степени расходуемому даромъ, на одинъ только переѣздъ отъ усадьбы къ полю и обратно. Такой порядокъ не можетъ долго удержаться, и если населеніе во многихъ мѣстахъ еще упорно борется за сохраненіе старыхъ порядковъ, отжившихъ пріемовъ культуры, то сила вещей должна будетъ взять свое и крестьянству придется уступить этой для него еще страшной, но и спасительной необходимости. Этотъ процессъ разселенія долженъ будетъ неизбѣжно наступить и постепенно совершается уже и теперь. Правда, что въ однихъ мѣстахъ онъ совершается легче, въ другихъ встрѣчается съ большими затрудненіями, которыя населеніе только постепенно сумѣетъ преодолѣть. Изъ этихъ затрудненій самое главное — отсутствіе, трудность добычи воды, что по преимуществу встрѣчается въ нашихъ среднихъ черноземныхъ и особенно южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ. Поэтому,

весьма вѣроятно, что здѣсь этотъ процессъ и наиболѣе замедлится. Однако, новѣйшія изслѣдованія показали, что и здѣсь эти затрудненія отнюдь не представляются неодолимыми. Сошлюсь въ этомъ случаѣ на въ высокой степени важный трудъ проф. Отоцкаго, который доказалъ, что если воды и не вездѣ выступаютъ у насъ на поверхность, то въ большей части мѣстностей Россіи водоносный слой все же проходитъ на такой глубинѣ, что добываніе воды при помощи простыхъ колодцевъ не можетъ представить особыхъ затрудненій, и только развѣ раіонъ, въ который входятъ южныя части губерній: Херсонской, Екатеринославской, войска Донского, Самарской, нѣкоторые уѣзды губерніи Харьковской, побережье Азовскаго и Чернаго морей, и вся степная часть Крыма могутъ считаться дѣйствительно маловодными, т. е. вода можетъ быть здѣсь добыта съ глубины отъ 15 до 30 и болѣе саженей. Во всей же остальной Россіи, на сѣверъ отъ южныхъ частей губерній: Херсонской, Екатеринославской, Самарской и Оренбургской, особыхъ затрудненій въ отношеніи рытья колодцевъ не представляется. Такимъ образомъ, едва ли возможно выставлять маловодность Россіи въ качествѣ неодолимаго препятствія къ разселенію крестьянъ изъ крупныхъ поселковъ на болѣе отдаленныя части ихъ надѣльныхъ земель. Еще менѣе серьезнымъ къ тому препятствіемъ, конечно, могутъ служить снѣжные заносы, не мѣшающіе уже теперь существованію, напримѣръ, совершенно уединенныхъ купеческихъ хуторовъ въ степяхъ южной и юго-восточной Россіи,— а также отсутствіе путей, проложеніе которыхъ на нашихъ равнинахъ напротивъ того легче, чѣмъ гдѣ либо.

Отсюда слѣдуетъ вывести то заключеніе, что никакихъ неодолимыхъ препятствій къ разселенію крестьянъ изъ крупныхъ селеній въ мелкія, къ образованію даже отдѣльныхъ, разбросанныхъ среди полей хуторовъ и односелій, наши естественныя условія не представляютъ, а то возраженіе, что въ маломъ селеніи, а тѣмъ болѣе въ уединенно лежащемъ хуторѣ, жить скучно, едва ли можно считать достаточно серьезнымъ аргументомъ. Болѣе серьезно то возраженіе, что при выселеніи изъ села труднѣе дѣтямъ посѣщать школу, дальше до церкви и т. п.,— но число церквей и школъ у насъ постепенно увеличивается, да и теперь въ большихъ селахъ приходится иногда до церкви и школы проходить нѣсколько верстъ, и съ этимъ неудобствомъ поневолѣ приходится мириться.

Думаю я, что возраженія противъ разселенія крестьянъ мелкими деревнями и даже отдѣльными хуторами у насъ болѣе тео-

ретическія, или основываются на стародавнихъ обычаяхъ и привычкахъ крестьянъ, и жизнь сама служитъ имъ опроверженіемъ, — необходимость постепенно беретъ свое. Доказательство этому можно найти въ замѣчательномъ изслѣдованіи А. А. Кофода „Крестьянскіе хутора на надѣльной землѣ", изданномъ Высочайше учрежденнымъ Совѣщаніемъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Ограничусь приведеніемъ только нѣкоторыхъ фактическихъ данныхъ изъ этого богатаго ими труда.

Стремленіе къ переходу отъ старыхъ порядковъ общиннаго, не разверстаннаго, черезполоснаго землепользованія къ хуторскому, отрубному владѣнію началось у насъ, по удостовѣренію г. Кофода, сравнительно недавно, но тѣмъ не менѣе сдѣлало уже быстрые шаги впередъ, подвигаясь постепенно отъ западныхъ губерній, гдѣ оно впервые зародилось,—къ центру и востоку. Всего ранѣе возникло это теченіе въ прибалтійскомъ краѣ,—въ пятидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія оно началось въ привислинскихъ губерніяхъ. Въ послѣднее десятилѣтіе оно уже приняло характеръ лавины, которая все увеличивается и увеличивается въ своемъ движеніи.

Есть мѣстности въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ большая часть усадебниковъ устроилась колоніально и перешла на жительство въ хутора: движеніе это не останавливается въ своемъ теченіи даже требованіемъ для перехода въ колоніи единогласнаго согласія всѣхъ усадебниковъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Кофодомъ, въ Калишской и Сувалкской губерніяхъ выселилось на хутора отъ 50 до 75% всѣхъ селеній, въ остальныхъ отъ 10 до 50%. Изъ прибалтійскихъ и привислинскихъ губерній стремленіе къ переходу къ хуторской системѣ перекинулось въ Западный край, начавшись съ Ковенской губерніи; постепенно разрастаясь, оно охватило уже 10 раіоновъ, отъ Подоліи до Полтавской губерніи и отъ границы Пруссіи до Смоленской. Въ послѣдней оно стало проявляться въ 1894 году, и послужили ему тамъ примѣромъ латыши, купившіе въ Порѣчьскомъ уѣздѣ одно имѣніе и раздѣлившіе его на хуторы; въ томъ же году разселились тамъ такимъ же образомъ уже 24 деревни. Всего, по удостовѣренію г. Кофода, въ 10 отмѣченныхъ имъ раіонахъ разселилось 712 деревень, образовавшихъ 19,540 хуторовъ, владѣющихъ 193,191 десятинами земли, или въ среднемъ безъ малаго по 10 десятинъ на хуторъ.

Первоначально движеніе шло медленно, въ годъ разселялось 1—4 деревни, въ 1888 году число это впервые превысило одинъ десятокъ, въ теченіе 1903 года разселились на хутора уже 122 де-

ревни. Въ первую половину 1904 года выселилось свыше 70 деревень. Въ настоящее время среди крестьянъ мысль о переходѣ къ хуторскому хозяйству распространилась далеко за предѣлы первоначальныхъ раіоновъ разселенія. Стремленіе къ нему начинаетъ проявляться въ губерніяхъ: Псковской, Новгородской, Петербургской, гдѣ примѣръ подаютъ опять тѣ же латыши, которые, кстати сказать, вмѣстѣ съ эстонцами и въ отдаленную Сибирь заносятъ свои пріемы хуторского водворенія и гдѣ я еще въ 1898 году лично посѣщалъ ихъ, въ то время еще только обстраивавшіяся по этой системѣ, разбросанныя среди тайги, поселенія. Наконецъ, въ самое послѣднее время то же стремленіе стало проявляться и въ центральныхъ нашихъ губерніяхъ — Воронежской, Рязанской; въ послѣдней, по словамъ цитируемаго нами автора, къ 1902 году уже выдѣлилось изъ состава крупныхъ поселковъ свыше 760 дворовъ, хотя здѣсь разселеніе и не принесло пока ожидаемыхъ результатовъ, такъ какъ оно не сопровождалось соотвѣтственною нарѣзкою земли выселившимся дворамъ, которые продолжали владѣть ею по прежнему сообща съ крестьянами тѣхъ поселковъ, изъ которыхъ они вышли и, слѣдовательно, земельная неурядица осталась прежняя.

Опытъ показалъ, что разселенію, тамъ, гдѣ оно является результатомъ сознательнаго убѣжденія крестьянъ въ его пользѣ, не служитъ помѣхою, вопреки общераспространенному мнѣнію, и трудность добыванія воды: такъ, въ юго-западномъ краѣ уже были примѣры рытья хуторянами колодцевъ двадцатисаженной глубины. Хуторское разселеніе идетъ, не смотря на отсутствіе какихъ-либо регулирующихъ его законовъ, противодѣйствіе мѣстнаго православнаго духовенства и, нерѣдко, даже крестьянскихъ учрежденій. Разселяются какъ крупныя, такъ и мелкія деревни. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ разселялись крестьяне и на земляхъ, пріобрѣтенныхъ при содѣйствіи Крестьянскаго Банка, съ разбивкою ихъ на отрубные участки.

Всего быстрѣе разселеніе прогрессируетъ тамъ, гдѣ оно впервые и началось, въ Западномъ краѣ, несмотря на цѣлый рядъ препятствій къ нему, которыхъ нѣтъ въ центральныхъ губерніяхъ, а именно, общіе съ помѣщикомъ толока и сервитуты. Не малымъ препятствіемъ къ разселенію являются въ Западномъ краѣ такъ называемые огородники,— владѣльцы усадьбъ и незначительныхъ участковъ земли, которыхъ всего труднѣе сдвинуть съ мѣста. Тѣмъ не менѣе, начавшееся движеніе пробиваетъ себѣ дорогу, не смотря на всѣ внѣшнія препятствія, добиваясь разверстанія об-

щихъ съ помѣщикомъ выгоновъ, соглашаясь на отмѣну сервитутовъ и не останавливаясь даже передъ прирѣзкой огородникамъ лишней земли. Въ случаѣ оставленія усадьбъ на прежнихъ мѣстахъ усадебники, тѣмъ не менѣе, обыкновеннно лѣтъ черезъ 5—6 выселяются на свои отрубные участки.

Результаты разселенія, по наблюденіямъ А. А. Кофода, тѣ же, что и въ Германіи. Производительность труда увеличивается по крайней мѣрѣ въ 1½—2 раза, цѣнность отрубныхъ участковъ по сравненіи съ черезполосными поднимается непосредственно послѣ разверстанія на 100%. Послѣ разверстанія качество скота рѣзко улучшается, тотчасъ появляется травосѣяніе и заводится лучшій инвентарь, начинаютъ лучше удобрять землю и болѣе тщательно ее обрабатывать. Вотъ интересныя фактическія данныя, сообщаемыя на этотъ счетъ г. Кофодомъ.

Какъ показали изслѣдованія на Волыни, въ общемъ подъемѣ благосостоянія крестьянъ тотчасъ послѣ выхода „на волоки" (на отрубные участки) не малую роль играетъ облегченіе въ обработкѣ, вслѣдствіе уменьшенія разстоянія земли отъ двора. По опредѣленію самихъ крестьянъ, нормальная семья, состоящая изъ хозяина, хозяйки и подростающихъ (не взрослыхъ) дѣтей, можетъ, при черезполосномъ владѣніи, обрабатывать 6 десятинъ, а въ „кругломъ" участкѣ — 10 десятинъ. Благодаря этому является возможность, въ большемъ, чѣмъ прежде, размѣрѣ, увеличивать заработокъ двора посредствомъ отхожихъ работъ. Полевое хозяйство у разселившихся крестьянъ расширилось. Земля лучше обрабатывается и ровнѣе удобряется, чѣмъ прежде. Часть парового поля, нерѣдко болѣе половины его, занимается картофелемъ, или засѣвается гречихою, просомъ, викою, чечевицею или горохомъ. Производительная площадь земли черезъ это значительно увеличивается. Многіе сѣютъ клеверъ. Указателемъ лучшаго состоянія пашни служитъ сильное расширеніе посѣвовъ пшеницы въ ущербъ ржи, а урожайность всѣхъ хлѣбовъ нѣсколько поднялась, вслѣдствіе чего появился избытокъ тамъ, гдѣ ранѣе былъ недохватъ. (Замѣтимъ, что Волынская губернія принадлежитъ къ числу самыхъ малоземельныхъ, такъ какъ на душу мужского пола, по даннымъ Департамента Окладныхъ Сборовъ, тамъ приходится только 1,7 дес. земли). Постройки у разселившихся, давно живущихъ на волокахъ, лучше, чѣмъ у ихъ собратьевъ въ деревнѣ. Крупнаго скота и въ особенности коровъ, стало не больше прежняго, но и не менѣе, за то преобладаютъ коровы улучшенныхъ породъ, для которыхъ прежде не было подходящаго лѣтняго корма. Теперь же

скотъ всегда подъ присмотромъ и подкармливается при надобности зеленымъ кормомъ. Удойливость коровъ возвысилась въ 3 — 4 раза противъ прежняго. Характеренъ сообщаемый г. Кофодомъ разсказъ на этотъ счетъ сельскаго старосты одной изъ выселившихся деревень: „Ранѣе“, говорилъ онъ, „бабы лѣтомъ всегда обвиняли другъ дружку въ колдовствѣ, ты, молъ, вѣдьма, мою корову сглазила — молока не даетъ, а теперь у насъ вѣдьмъ не стало, всѣ коровы съ молокомъ“. Молока оказывается больше даже у тѣхъ дворовъ, въ которыхъ, вслѣдствіе прекращенія общей пастьбы, держатъ коровъ меньше противъ прежняго.

Благопріятно отражается разселеніе и на нравственности крестьянъ. Сидя среди своей земли, говоритъ г. Кофодъ, крестьянинъ зорко слѣдитъ за ненарушимостью ея границъ и, оберегая свое, самъ пріучается къ уваженію чужой собственности и даже личности, вслѣдствіе чего, на Волыни, какъ и вездѣ, драки, потравы, порубки и земельные захваты начали прекращаться со дня выхода крестьянъ на волоки. Сокращается противъ прежняго даже и пьянство.

Любопытно, что при выходѣ на отрубные участки, крестьяне рѣдко дѣлятъ землю сами — это имъ не подъ силу, а приглашаютъ для этого землемѣра, да и проведенныя землемѣромъ межи считаются крѣпче. Распредѣленіе участковъ между отдѣльными дворохозяевами производится по жребію, или же по взаимному соглашенію, или даже съ торговъ.

Приведенныя данныя касаются Волынской губерніи, но тѣ же явленія выступаютъ съ большею или меньшею рельефностью и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, въ Ковенской губерніи, по переходѣ на хуторскіе участки крестьяне немедленно измѣняютъ прежній трехпольный сѣвооборотъ, и хотя опредѣленнаго сѣвооборота еще не выработали, но часто переходятъ къ 7 — 8 польному съ посѣвомъ клевера, льна и картофеля полными смѣнами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по словамъ г. Кофода, переходъ къ многопольному сѣвообороту совершается съ изумительной быстротой. Вслѣдствіе лучшей обработки, большей цѣлесообразности сѣвооборота и лучшаго удобренія, урожайность пашни сильно поднимается. Сами крестьяне разсчитываютъ, что вслѣдствіе того, что вся пашня теперь собрана около ихъ усадебъ, производительность труда ихъ увеличилась въ полтора раза. Значительно улучшаются, противъ прежняго, постройки, и въ особенности жилыя помѣщенія. По мѣрѣ возможности появляются у разселившихся новѣйшія и лучшія земледѣльческія орудія. Общее повышеніе

благосостоянія крестьянъ выражается и болѣе исправнымъ поступленіемъ съ хуторовъ повинностей. Нравственность тоже замѣтно повышается, пьянства меньше, число дѣлъ о потравахъ и оскорбленіяхъ значительно сокращается, или такихъ дѣлъ и вовсе не возбуждается. На уменьшеніе при разселеніи посѣщаемости школъ жалобъ не слышно, напротивъ, есть указанія на то, что вліяніе роста благосостоянія сказывается въ увеличеніи числа учениковъ. Что религіозность крестьянъ въ разселившихся селеніяхъ не уменьшается, видно изъ того, что католическіе ксендзы являются ревностными сторонниками этого движенія, которое они считаютъ вѣрнѣйшимъ средствомъ къ духовному поднятію народа потому именно, что оно содѣйствуетъ улучшенію его матеріальнаго положенія. Къ сожалѣнію, по удостовѣренію г. Кофода, отношеніе къ нему православнаго духовенства, напримѣръ, на Волыни, нѣсколько иное, — священники иногда ему прямо противодѣйствуютъ, изъ опасенія вѣроятно, что имъ придется больше ѣздить по приходу, и что крестьяне станутъ менѣе ревностно посѣщать церкви. Противятся иногда разселенію и бѣдняки и вообще наиболѣе малоземельные крестьяне, въ виду дороговизны переноса построекъ, а равно много-скотные дворы, изъ за потери возможности пользованія общими выгонами. Однако, по словамъ цитируемаго автора, идея хуторского хозяйства настолько проникла въ сознаніе крестьянъ, что выйти „на колонію“, собрать всѣ свои земли вокругъ двора, всякій желалъ бы, лишь бы была возможность это осилить.

Въ Витебской губерніи разселившіеся крестьяне точно также отъ трехпольнаго сѣвооборота переходятъ къ многополью, хотя впрочемъ не вездѣ удачно, вслѣдствіе крайней изнурительности для земли вводимаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ четырехпольнаго сѣвооборота, съ посѣвами трехъ колосовыхъ хлѣбовъ подъ рядъ, но въ другихъ мѣстахъ вводится болѣе правильный семипольный сѣвооборотъ, съ двумя полями клевера. Вездѣ, гдѣ переходятъ къ травосѣянію, число скота увеличивается и качество его повышается. Довольно часты случаи обмѣна между хуторянами своихъ участковъ, а равно и перепродажа ихъ. Цѣны на разверстанные участки доходятъ до 200 р., а мѣстами и до 300 р., за десятину невыкупленной надѣльной земли, превышая болѣе чѣмъ вдвое обычную цѣну за переуступку такой же земли до разверстанія. Стремленіе къ скупкѣ нѣсколькихъ участковъ въ однѣ руки и устройству слишкомъ крупныхъ хуторовъ, которые не могутъ быть обработываемы семьею покупщика, несомнѣнно,

существуетъ, но въ значительно меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ это можно было ожидать. Цѣны настолько высоки, что платить ихъ есть разсчетъ только сосѣду, могущему удобно присоединить покупаемый участокъ къ собственному хутору, и этимъ скупка сильно затрудняется.

Во всѣхъ упомянутыхъ выше мѣстностяхъ переходили къ хуторскому хозяйству крестьяне, владѣвшіе землею подворно, но въ послѣднее время стремленіе къ такому переходу стало проявляться и среди крестьянъ общинниковъ, и именно въ Смоленской губерніи, въ такой мѣстности, гдѣ ранѣе (до изданія закона 1893 года) существовали частые и даже ежегодные передѣлы, скидки-накидки земли, при полной въ то же время черезполосицѣ. Какъ уже сказано выше, примѣрами тутъ послужили латыши, и всего болѣе сопротивлялись разселенію богачи, у которыхъ было много скота, пользовавшагося общимъ пастбищемъ, но и они впослѣдствіи съ хуторскими порядками вполнѣ примирились. Разбивка участковъ производилась при помощи землемѣровъ. Постройки большею частью переносились на участки. Благопріятныя послѣдствія разселенія въ смыслѣ улучшенія хозяйства, увеличенія количества и улучшенія качества и молочности скота, повышенія нравственности, сокращенія пьянства и даже увеличенія посѣщаемости школъ, вслѣдствіе роста экономическаго благосостоянія хуторянъ, здѣсь тѣже, что и въ другихъ районахъ. Поземельная община распалась, а съ нею вмѣстѣ отошли въ область преданій и ея распорядки.

И все это совершается въ наши дни, у насъ въ Россіи, гдѣ въ то же время ведутся абстрактные споры на тему возможности или невозможности улучшенія крестьянскаго хозяйства, гдѣ доказывается незыблемость общины, для сохраненія которой въ неприкосновенности надо разрушить все то, что къ ея порядкамъ не подходитъ, надо прирѣзать крестьянамъ земли хотя бы въ ущербъ тѣмъ заработкамъ, которые являются однимъ изъ главныхъ подспорій ихъ существованія. Но иной, болѣе правильный выходъ изъ своего настоящаго положенія, нашли себѣ сами крестьяне, безъ всякой чужой помощи, а иногда даже не взирая на встрѣчаемыя ими противодѣйствія. Г. Пестржецкій, приводя въ своей извѣстной брошюрѣ „Опытъ аграрной программы“ длинныя выписки изъ труда г. Кофода, заканчиваетъ ихъ словами: „такимъ образомъ, факты доказываютъ, что аграрная эволюція въ Россіи идетъ тѣмъ же путемъ, что и въ остальныхъ цивилизованныхъ странахъ міра“. Къ этому заключенію я съ своей стороны всецѣло присоединяюсь.

Это и есть единственно вѣрный, здоровый путь для улучшенія нашего сельскаго хозяйства, для подъема народнаго благосостоянія, для развитія культуры и увеличенія производительности крестьянскаго труда, который не разбрасывать надо, а концентрировать вблизи и вокругъ жилища крестьянина, чтобы приблизить рабочую силу къ мѣсту ея приложенія, отчего она удесятерится и плодотворность ея возрастетъ во много разъ, тогда какъ то обратное стремленіе, которому хотятъ расчистить путь теперь простою прибавкою крестьянину земли, неизбѣжно приведетъ и къ чисто обратнымъ результатамъ.

При обсужденіи вопроса о крестьянскомъ землевладѣніи нерѣдко выдвигается мысль о необходимости установленія неотчуждаемости крестьянскихъ земель, какъ средствѣ противъ образованія сельскаго безземельнаго пролетаріата. Не устоитъ, будто бы, нашъ крестьянинъ передъ соблазномъ продажи своей земли, передъ возможностью сразу заполучить за нее крупный для него капиталъ, котораго онъ въ своихъ рукахъ не съумѣетъ долго удержать и помѣстить производительно, а либо затратитъ зря, либо еще того хуже — пропьетъ. Кромѣ того, нельзя допустить, чтобы отдѣльный крестьянинъ могъ, безъ согласія сельскаго общества, продажею своего участка, вводить въ его среду новыхъ и иногда нежелательныхъ для него членовъ. Я готовъ допустить, что эта опасность, особенно на первыхъ порахъ освобожденія крестьянина отъ власти земли и міра, можетъ быть и существуетъ, а потому необходимо будетъ временно установить нѣкоторыя ограничительныя въ этомъ отношеніи мѣры, но не вѣчно же смотрѣть на крестьянина какъ на малолѣтняго, котораго нельзя выпускать изъ подъ опеки. Думаю я, что крестьянство насильственно къ землѣ навсегда привязано быть не можетъ, никто не долженъ быть обязательно дѣлаемъ землепашцемъ, а, напротивъ, земледѣліе должно быть предметомъ свободнаго для всѣхъ промысла. Пока земля состоитъ въ общинномъ владѣніи, общество, конечно, должно имѣть право вмѣшательства при отчужденіи отдѣльными членами его своихъ участковъ, однако, безъ права запрета подобнаго отчужденія и съ сохраненіемъ за обществомъ преимущественнаго права на ихъ пріобрѣтеніе.

Но, по мѣрѣ перехода къ подворному владѣнію и образованія частной крестьянской собственности,— вѣрнѣе сказать, простой мелкой частной собственности, такъ какъ нѣтъ никакого основанія сохранять за крестьянствомъ характеръ какого-то обособленнаго, замкнутаго класса, — распоряженіе этой собственностью должно

быть сдѣлано свободнымъ и подчиняться только общимъ гражданскимъ законамъ. Всѣ опасенія скораго обезземеленія при этомъ крестьянъ, созданія сельскаго пролетаріата, скупа значительныхъ пространствъ земли въ однѣ руки и образованія обширныхъ земельныхъ латифундій, на мой взглядъ, совершенно неосновательны и подобные страхи призрачны. Да и странно даже,— съ одной стороны признавать, что крестьянинъ только и живетъ отъ земли, что она нужна ему, какъ воздухъ, что онъ прирожденный земледѣлецъ и только земледѣлецъ, а съ другой стороны высказывать опасеніе, что если его къ этой землѣ не привязать насильно, то онъ самъ же съ нея сбѣжитъ!

Защитники неотчуждаемости крестьянской надѣльной земли ссылаются на американскій законъ home-stead'a, но этотъ законъ на самомъ дѣлѣ вовсе не воспрещаетъ отчужденія земли, а только обставляетъ его извѣстными ограниченіями, согласіемъ членовъ семьи и т. п.; притомъ, онъ относится только до земель, безвозмездно предоставленныхъ штатами для заселенія, и установляетъ извѣстный minimum землевладѣнія, не допуская дробленія участковъ и продажи отдѣльно отъ земли хозяйственнаго инвентаря. Предупрежденіе чрезмѣрнаго дробленія земельныхъ участковъ — „распыленія земли“,— конечно, очень желательно, но для установленія такой мѣры у насъ еще твердыхъ фактическихъ данныхъ не имѣется, притомъ такое „распыленіе“ скорѣе всего происходитъ именно при общинномъ владѣніи и сохраненіи правъ всѣхъ членовъ общины на землю, и менѣе опасно при владѣніи подворномъ на началахъ полной собственности, когда земля состоитъ въ распоряженіи хозяина и отъ него зависитъ охранять свои владѣнія и не допускать ихъ раздробленія до такой нормы, при которой веденіе хозяйства становится уже невозможнымъ. Такимъ образомъ, неотчуждаемость земли, безъ установленія предѣльной нормы дробимости участка, что въ настоящее время невозможно, скорѣе поведетъ къ распыленію ея, нежели начало свободы распоряженія землею и владѣнія ею на правѣ полной собственности.

Опасенія же образованія обширныхъ латифундій столь же призрачны и противорѣчатъ тому, что имѣетъ мѣсто вездѣ въ иностранныхъ государствахъ и у насъ, — дробленіе поземельной собственности, а не концентрація ея. И такое дробленіе, конечно, не идущее далѣе извѣстнаго предѣла, въ соотвѣтствіи съ требованіями раціональнаго хозяйства, которое на слишкомъ крупныхъ, какъ и на черезчуръ мелкихъ участкахъ, вести нельзя, представляетъ собою явленіе вполнѣ нормальное и желательное. Но и

ему у насъ мѣстами ставятся преграды, въ видѣ устарѣвшихъ, не соотвѣтствующихъ современному строю жизни и нашему хозяйственному укладу, законовъ о маіоратныхъ или заповѣдныхъ имѣніяхъ, о поссессіонномъ владѣніи, и т. п., искусственно удерживающихъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ (маіораты) или родовъ (поссессіонное право), земельные участки въ десятки и сотни тысячъ десятинъ. Подобные законы давно пора упразднить, они то и поддерживаютъ латифундіи, которыя, напротивъ того, никогда не образуются, или не удержатся надолго, коль скоро въ отношеніи земли, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась, будутъ дѣйствовать общіе законы спроса, предложенія и свободнаго обмѣна.

Отмѣны законовъ, искусственно поддерживающихъ существованіе крупныхъ земельныхъ владѣній въ отдѣльныхъ рукахъ, безъ права свободнаго распоряженія ими, было бы достаточно, по моему мнѣнію, для того, чтобы совершающаяся во всемъ мірѣ эволюція постепеннаго раздробленія крупной поземельной собственности проявила бы себя въ полной мѣрѣ и у насъ. Но столь же искусственны были бы мѣры, направленныя къ насильственному дробленію этой собственности, въ видѣ напримѣръ прогрессивнаго поземельнаго налога, проповѣдуемаго извѣстнымъ Джорджемъ, въ цѣляхъ, впрочемъ, ужь не сокращенія, а полнаго уничтоженія частной собственности, подлежащей, по его теоріи, обложенію въ полной мѣрѣ приносимой ею ренты, для того, чтобы свести ея цѣнность въ рукахъ землевладѣльца на нѣтъ. Другіе не заходятъ такъ далеко и проектируютъ обложеніе прогрессивнымъ налогомъ только земельныхъ владѣній, превышающихъ извѣстный размѣръ.

Нѣкоторые видятъ необходимость вмѣшательства въ земельное дѣло государства для противодѣйствія такимъ нежелательнымъ явленіямъ, какъ скупъ отдѣльными лицами громадныхъ пространствъ земли, съ цѣлями чисто спекулятивнаго характера. Извѣстно, что, напримѣръ, въ Самарской губерніи есть такіе земельные спекулянты изъ купцовъ и даже разбогатѣвшихъ крестьянъ, которые сосредоточили въ своихъ рукахъ площади въ нѣсколько десятковъ, а иногда и свыше сотни тысячъ десятинъ, и которые затѣмъ, не ведя на нихъ своего хозяйства, или обрабатывая лишь незначительную часть этихъ земель, — снимая съ нихъ пѣнки, въ видѣ распашки для засѣва красными хлѣбами дѣвственныхъ цѣлинныхъ степей или старыхъ залежей, — остальное сдаютъ по высокой цѣнѣ малоземельнымъ крестьянамъ, кото-

рымъ некуда податься, такъ какъ все на десятки верстъ кругомъ закуплено этими спекулянтами. Аренду они берутъ, какую хотятъ, — тѣмъ выше, чѣмъ менѣе по сосѣдству земель казенныхъ, удѣльныхъ и другихъ владѣльцевъ, сдаваемыхъ за болѣе умѣренную цѣну, — а продать крестьянамъ, конечно, не согласятся ни одной пяди земли, ни по какой цѣнѣ. Тутъ крестьянской нуждѣ, конечно, надо придти на помощь одною изъ указанныхъ выше мѣръ. Но государство живетъ не одинъ день, и люди не вѣчны. У этихъ же новоявленныхъ лендлордовъ есть дѣти, между которыми послѣ ихъ смерти эти латифундіи раздѣлятся,— у тѣхъ опять будутъ дѣти, опять пойдутъ раздѣлы, и общій законъ дробленія поземельной собственности несомнѣнно вступитъ въ свои права.

Другихъ смущаютъ слѣдующія, дѣйствительно на первый взглядъ, внушительныя цифры распредѣленія у насъ частной поземельной собственности по размѣрамъ владѣнія. Если считать крупными владѣнія въ 1,000 дес. и свыше, средними — отъ 100 до 1,000 дес. и мелкими всѣ владѣнія, не превышающія 100 десятинъ, то окажется, что по 49 губерніямъ Европейской Россіи (кромѣ Донской Области, Царства Польскаго и Кавказа) землевладѣніе (по даннымъ 1877—1878 г.г., нынѣ, конечно, уже весьма устарѣвшимъ) распредѣляется такъ:

	Число владѣльцевъ:		Общая площадь владѣнія:		
Крупное владѣніе.....	15.826	3,3%	64.667,317 дес.		70,6%
Среднее »	60.651	12,6%	20.657,864	»	22,6%
Мелкое »	404.881	84,1%	6.280,668	»	6,8%

Изъ этихъ данныхъ дѣйствительно вытекаетъ такое преобладаніе крупной поземельной собственности, которое не можетъ считаться благопріятнымъ съ точки зрѣнія народнаго хозяйства. Но и тутъ дѣло опять таки въ томъ, что принимаются въ разсчетъ среднія цифры, которыя сами по себѣ ничего не выражаютъ и только затрудняютъ вѣрное освѣщеніе вопроса. Именно, если и получаются столь значительныя цифры крупной земельной собственности, то это только потому, что въ счетъ введены нѣкоторыя губерніи Россіи, преимущественно сѣверо-восточныя, Пермская, Уфимская, Вятская, гдѣ существуютъ громадныя частновладѣльческія, почти исключительно лѣсныя, владѣнія при горныхъ заводахъ, которые они обслуживаютъ горючимъ матеріаломъ. Тутъ же и тѣ поссесіонныя владѣнія, о которыхъ я упоминалъ. Съ другой стороны, есть губерніи, какъ напримѣръ, Вологодская,

Олонецкая, въ которыхъ преобладаютъ земли крестьянскія, государственныя и удѣльныя, а если и есть земли частно-владѣльческія, то это тоже по большей части крупныя лѣсныя дачи или горнозаводскія имѣнія. Наконецъ, и въ такихъ губерніяхъ, какъ Костромская, Новгородская, Минская, Нижегородская и Волынская, среди земель крупнаго частнаго владѣнія тоже преобладаютъ лѣса. Если всѣ эти 10 губерній изъ счета исключить, то получится картина уже совершенно иная. Именно, окажется, что на долю этихъ губерній приходится около $^1/_6$ всѣхъ крупныхъ владѣльцевъ, съ площадью владѣнія въ 22,829 тыс. десятинъ, составляющей свыше одной трети всего крупнаго владѣнія въ Россіи. Во всѣхъ же остальныхъ 39 губерніяхъ, по которымъ въ семидесятыхъ годахъ были собраны свѣдѣнія, на долю крупнаго владѣнія упадало уже не 70,6% всей площади, а менѣе половины,—47,9%. Можно еще замѣтить, что изъ площади крупнаго владѣнія въ Россіи свыше 42½% причитается на долю 13,458 владѣльцевъ съ площадью имѣнія отъ 1,000 до 5,000,—въ среднемъ съ небольшимъ 2,000 десятинъ, что, по условіямъ нашего хозяйства, не можетъ считаться площадью чрезмѣрною, и ужъ во всякомъ случаѣ не латифундія, подъ понятіе которой подойдутъ развѣ только владѣнія 2,368 лицъ, съ среднею площадью въ 16,000 дес., достигающею въ рукахъ немногихъ отдѣльныхъ владѣльцевъ, напримѣръ, на Уралѣ, и до нѣсколькихъ сотъ тысячъ десятинъ. Но, повторяю, всѣ эти цифры чрезвычайно устарѣли и конечно уже далеко не соотвѣтствуютъ настоящему времени.

Вообще, если вышеприведенныя данныя и указываютъ на преобладаніе у насъ, по размѣрамъ площадей, крупной поземельной собственности, передъ среднею и мелкою, то отсюда отнюдь еще нельзя выводить заключенія о томъ, что у насъ преобладаетъ и крупное частно-владѣльческое хозяйство. Не подлежитъ сомнѣнію, что не только въ упомянутыхъ выше губерніяхъ, но и во многихъ другихъ, площадь крупнаго владѣнія оказывается столь значительной только потому, что въ нее входятъ частно-владѣльческіе лѣса, при чемъ во многихъ, и притомъ значительныхъ, по размѣру территоріи, частныхъ имѣніяхъ, сельскаго хозяйства вовсе не ведется, или если и ведется, то на сравнительно небольшой площади, все же остальное состоитъ подъ лѣсомъ. Такія явленія имѣютъ мѣсто вовсе даже не въ однѣхъ только крайнихъ сѣверныхъ или восточныхъ губерніяхъ, а также и въ такихъ, какъ Новгородская, Тверская, Костромская, Владимірская, Минская, Волынская, въ сѣверныхъ частяхъ губерній Тамбовской

и Рязанской и т. п. Къ сожалѣнію, у насъ не имѣется данныхъ о томъ, какъ распредѣляется по категоріямъ владѣнія эксплоатируемая сельскохозяйственная площадь, но если бы они были, то картина получилась бы вѣроятно уже совершенно другая и оказалось бы совсѣмъ не то, что прежде, соотношеніе. Думаю, что тогда преобладающимъ явилось бы не владѣніе, а хозяйство среднее, и на ряду съ нимъ мелкое. Съ точки зрѣнія развитія сельскаго хозяйства, среднее и мелкое хозяйства являются наиболѣе желательными, но и въ числѣ крупныхъ есть не мало такихъ, которыя въ общемъ дѣлѣ играютъ немаловажную роль, и сокращеніе которыхъ отнюдь не могло бы считаться желательнымъ,— это именно всѣ хозяйства заводскія, — обслуживающія заводы винокуренные и въ особенности свеклосахарные, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и конскіе заводы. Къ разряду такихъ, въ высшей степени важныхъ для поднятія сельскохозяйственной культуры страны, относятся крупныя имѣнія при свеклосахарныхъ заводахъ въ губерніяхъ Кіевской, Подольской, Харьковской, отчасти Волынской и Воронежской. Нежелательными съ народно-хозяйственной точки зрѣнія можно признать лишь такія крупныя имѣнія, въ которыхъ владѣльцы сами хозяйства не ведутъ, или ведутъ его на сравнительно небольшой площади, а все остальное раздаютъ въ погодную аренду крестьянамъ, — но спрашивается, много ли такихъ имѣній и представляютъ ли они такую опасность для страны. такое зло, чтобы изъ за нихъ принимать такія государственныя мѣры, какъ прогрессивный поземельный налогъ или обязательное отчужденіе? Думаю, что нѣтъ, и что жизнь сама, безъ всякихъ мѣръ искусственныхъ, произвольныхъ, направитъ дѣло нормальнымъ путемъ, подобно тому, какъ оно шло и идетъ во всѣхъ другихъ странахъ. Тутъ надо еще имѣть въ виду и еще одно обстоятельство, отличающее насъ отъ такихъ странъ, какъ напримѣръ Англія и Ирландія съ ея лендлордами, сосредоточивающими громадныя территоріи въ своихъ рукахъ. Тамъ эти руки дѣйствительно крѣпкія, цѣпкія, да къ тому же еще тамъ этотъ порядокъ вещей поддерживается закономъ о маіоратномъ наслѣдованіи. У насъ же, наоборотъ, замѣчается, быть можетъ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, быстрое перемѣщеніе поземельной собственности изъ рукъ въ руки, распаденіе крупныхъ владѣній, и самые маіоратные законы, которые у насъ пытались искусственно насадить, не получили сколько нибудь широкого развитія, не пользуясь сочувствіемъ въ странѣ, какъ нѣчто намъ несродное, чужое. Давно ли у насъ даже обсуждались и проектировались законы, направленные къ

удержанію земель въ дворянскихъ рукахъ, въ предупрежденіе того таянія дворянскаго землевладѣнія, которое признавалось вреднымъ и опаснымъ въ политическомъ отношеніи? Но изъ этихъ законовъ тоже ничего не вышло, и жизнь идетъ своимъ чередомъ, неизбѣжная эволюція совершается изо дня въ день, и нѣтъ, казалось бы, надобности въ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ ея ускоренію, какъ и къ противодѣйствію ей. Да и самыя экономическія и хозяйственныя условія страны сдѣлали бы выработку и практическое осуществленіе всякихъ такого рода мѣръ крайне трудными, — во многихъ случаяхъ онѣ пошли бы наперекоръ требованіямъ жизни и потому не были бы жизненными въ самыхъ своихъ основахъ.

Даже самый вопросъ о томъ, что считать наиболѣе желательнымъ у насъ размѣромъ или типомъ хозяйства, не допускаетъ общаго рѣшенія. Одна мѣстность на другую не походитъ и формы хозяйства въ разныхъ частяхъ Имперіи складываются совершенно различно. Во многихъ мѣстахъ мы еще не ушли отъ формъ самаго экстенсивнаго хозяйства, которое нельзя по щучьему велѣнію замѣнить хозяйствомъ интенсивнымъ тамъ, гдѣ для него еще не настало время, гдѣ еще экономическія условія не вызываютъ необходимости его водворенія. Тамъ еще долгое время будутъ удерживаться и болѣе крупныя хозяйственныя единицы. Наоборотъ, тамъ, гдѣ условія уже измѣнились, гдѣ для интенсификаціи хозяйства пришла пора, тамъ она и совершается естественнымъ путемъ, и столь же естественнымъ путемъ получаютъ преобладаніе хозяйства среднія и мелкія передъ крупными, если только необходимость удержанія послѣднихъ не вызывается какой либо изъ тѣхъ цѣлей, о которыхъ уже была рѣчь, т. е. существованіемъ такихъ заводовъ, которые для средняго или мелкаго хозяйства недоступны. Но при естественномъ ходѣ развитія сельскаго хозяйства самое понятіе о хозяйствѣ крупномъ, среднемъ и мелкомъ является уже относительнымъ. Такъ, въ губерніяхъ Курской или Тульской, хозяйство въ 500 — 600 десятинъ представляется крупнымъ, — хозяйства въ 300 десятинъ считаются средними. Даже въ предѣлахъ одной губерніи, какъ напримѣръ Воронежской, въ Землянскомъ уѣздѣ крупными считаются имѣнія въ 500 до 1,000 десятинъ, а въ Бобровскомъ — имѣніе въ 500 десятинъ признается мелкимъ, но тамъ за то и удерживается еще хозяйство экстенсивное, съ залежнымъ сѣвооборотомъ, а для болѣе интенсивнаго хозяйства не хватаетъ рабочихъ рукъ. Дайте жизни идти своимъ чередомъ и она лучше

всякихъ искусственныхъ мѣръ, всякаго правительственнаго вмѣшательства и всякихъ законовъ совладаетъ съ предстоящими ей задачами.

Надо замѣтить еще, что въ противуположность тому, что представляетъ промышленность фабричная и заводская, которыя только выигрываютъ отъ концентраціи ея въ видѣ крупныхъ предпріятій, сельское хозяйство по самымъ условіямъ этого промысла не допускаетъ образованія слишкомъ крупныхъ хозяйственныхъ единицъ. Даже отдѣльныя крупныя земельныя владѣнія, хотя бы они эксплуатировались полностью за счетъ владѣльца, распадаются на отдѣльныя болѣе мелкія, болѣе или менѣе самостоятельныя единицы,—хутора, фермы, фольварки. И быть можетъ ни въ одной другой отрасли промышленности хозяинъ, хозяйскій глазъ, не играютъ такой роли, какъ именно въ сельскомъ хозяйствѣ. „Гдѣ хозяинъ ходитъ, тамъ хлѣбъ родится", говоритъ русская пословица. „Le meilleur engrais de la terre est le pied du propriétaire"— лучшее удобреніе для земли — хозяйская нога, замѣчаютъ французы. Уже по одному этому, хозяйство не можетъ и не должно быть слишкомъ крупнымъ, иначе хозяинъ за нимъ не усмотритъ. Съ другой стороны, въ сельскомъ хозяйствѣ играютъ большую роль личная опытность и даже искусство хозяина, требуется притомъ близкое знаніе имъ своей земли, въ слишкомъ же большомъ имѣніи ему за всѣмъ не услѣдить, трудно всѣ работы произвести своевременно, подъ должнымъ наблюденіемъ. Наконецъ, на большой территоріи помѣщичье хозяйство несетъ тѣ-же потери, что и крестьянское при длинноземельи, — отъ дальности расположенія полей, дороговизны провоза на нихъ удобренія, своза къ дому урожая и т. п. Все это ставитъ отдѣльной сельскохозяйственной единицѣ болѣе или менѣе ограниченные предѣлы, за которыми увеличиваются расходы эксплоатаціи и уменьшается чистая доходность предпріятія; устраиваемыя же для устраненія неудобствъ эксплоатаціи слишкомъ обширной территоріи хутора или фольварки вызываютъ новые накладные расходы на содержаніе лишняго персонала приказчиковъ, на возведеніе хозяйственныхъ построекъ, и кромѣ того получается уже до нѣкоторой степени то заглазное хозяйство, отъ котораго никогда нельзя добра ждать.

Другое коренное отличіе сельскаго хозяйства отъ прочихъ отраслей промышленности заключается въ томъ, что, благодаря только что приведеннымъ особенностямъ его, оно хотя и требуетъ затраты капитала, но тѣмъ не менѣе не представляетъ собою и

никогда не можетъ стать чисто капиталистическимъ производствомъ. Оно никогда не окажется столь выгоднымъ помѣщеніемъ капитала, чтобы привлекать къ себѣ капиталистовъ, тѣмъ болѣе, что и самое обращеніе капитала совершается въ немъ крайне медленно,— въ годъ, въ полтора года. Для него, конечно, нуженъ оборотный капиталъ,— но сколько оборотныхъ капиталовъ оно поглотило въ годы неурожайные, когда земля не только не окупала трудовъ и затратъ хозяина, но не возвращала иногда даже и сѣмянъ! Съ другой стороны, сельское хозяйство требуетъ значительныхъ затратъ капитала не только на пріобрѣтеніе земли, но и на все хозяйственное оборудованіе имѣнія, и затѣмъ такихъ же постоянныхъ затратъ на разныя меліораціи, при чемъ всѣ послѣдняго рода затраты только и представляютъ собою цѣнность, поскольку хозяинъ ихъ утилизируетъ и поддерживаетъ путемъ постоянныхъ новыхъ затратъ, иначе отъ нихъ въ короткое время можетъ не остаться слѣда. Рентабельность же хозяйства зависитъ не только отъ труда и умѣнія хозяина, но и отъ мѣстныхъ условій физической природы, передъ которыми онъ безсиленъ и, кромѣ того, отъ условій рынка при сбытѣ произведеній сельскаго хозяйства. Поэтому доходность сельскаго хозяйства подвержена всегда годъ отъ году значительнымъ колебаніямъ. И нѣтъ такого положенія хозяйства, какъ бы оно ни было уже совершенно, при которомъ не требовались бы все новыя и новыя затраты. Извѣстный французскій экономистъ и государственный дѣятель Мелинъ въ недавно вышедшей книгѣ своей „Le retour à la terre“ (Возвращеніе къ землѣ) утверждаетъ напримѣръ, что, по исчисленіямъ наиболѣе добросовѣстныхъ статистиковъ, во Франціи ежегодно закапывается въ землю, расходуется на разныя земельныя меліораціи, не менѣе полумилліарда франковъ! Какъ бы цѣнность земли при этомъ не возрастала, доходность ея всегда останется ниже доходности другихъ отраслей промышленности, и въ Западной Европѣ, не взирая на всѣ достигнутыя тамъ сельскохозяйственныя улучшенія, считается, что земля не можетъ приносить болѣе 2 — 2½ процентовъ на затраченный капиталъ, а часто и того менѣе, при чемъ съ теченіемъ времени доходность земли не только не возрастаетъ, а постепенно понижается. Правда, что до послѣдняго времени обращеніе капитала въ земельное имущество считалось если далеко не самымъ выгоднымъ, то наиболѣе вѣрнымъ его помѣщеніемъ, тѣмъ болѣе, что капитальная стоимость земли постоянно возрастала; теперь же, съ тѣхъ поръ, какъ появились соціалистическія теоріи націонализаціи земли и принудительнаго отчужденія ея у владѣльцевъ,

исчезаетъ и эта увѣренность, а вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ исчезнуть и всякое стремленіе къ дальнѣйшимъ улучшеніямъ земли, къ новымъ затратамъ, къ приложенію къ ней того труда и тѣхъ знаній, безъ которыхъ земля сама по себѣ не много принесетъ и производительность ея очень скоро начнетъ понижаться вмѣсто того, чтобы возростать, какъ было до сихъ поръ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она находилась въ рукахъ владѣльца — хозяина.

Такимъ образомъ, повторяю, сельское хозяйство не есть и никогда не сдѣлается чисто капиталистическимъ предпріятіемъ. Мнѣ не извѣстно даже ни одного случая, гдѣ бы сельскохозяйственныя имѣнія, даже хотя бы самыя крупныя, кромѣ только заводскихъ или тѣхъ, гдѣ требуются особенно значительныя, непосильныя для частнаго владѣльца, затраты напримѣръ по орошенію большихъ площадей, эксплоатировались акціонерными обществами или гдѣ бы сельское хозяйство велось на началахъ даже паевого предпріятія. Думаю, что это зависитъ отъ того, что ни въ обществахъ, ни въ товариществахъ такого рода, настоящаго хозяина нѣтъ, выгодность же сельскохозяйственнаго промысла не на столько высока, чтобы можно было для него реализировать акціи. Чѣмъ крупнѣе имѣніе, тѣмъ хозяйственная эксплоатація его труднѣе и относительно дороже, при чемъ, въ противоположность предпріятіямъ фабричнымъ, даже примѣненіе машинъ не можетъ понизить этой дороговизны далѣе извѣстнаго предѣла. Крупное земельное владѣніе неизбѣжно разбивается на отдѣльныя болѣе мелкія единицы, которыя затѣмъ во многихъ случаяхъ, если они не составляютъ неразрывной части одного цѣлаго, какъ въ заводскихъ хозяйствахъ, могутъ переходить и въ отдѣльныя руки. Такое дробленіе и будетъ постепенно совершаться само собою, точно также какъ постепенно будетъ сокращаться и величина отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ. Будущность же несомнѣнно принадлежитъ хозяйству среднему и мелкому. Послѣднее имѣетъ конечно во многихъ отношеніяхъ свои преимущества, но и свои невыгоды, для него труднѣе доступны разныя хозяйственныя улучшенія, оно не можетъ пользоваться нѣкоторыми машинами, удешевляющими работу; у мелкаго владѣльца нѣтъ и ему труднѣе достать необходимые на веденіе дѣла капиталы, что въ свою очередь компенсируется бо́льшимъ участіемъ въ дѣлѣ его личнаго труда и т. д.

Но совершенно уже недопустимыми, произвольными и безпочвенными я считаю такія, выставленныя въ программѣ нѣкоторыхъ изъ нашихъ политическихъ партій, теоріи, какъ ограниченіе максимальнаго

размѣра частнаго земельнаго владѣнія площадью въ 150 десят. и т. п. Если говорить о дачныхъ мѣстностяхъ подъ Петербургомъ или Москвою, то такой размѣръ имѣнія будетъ пожалуй даже слишкомъ великъ. На южномъ берегу Крыма 10 — 15 десятинъ виноградника считаются уже очень крупнымъ владѣніемъ. Ну, а въ какой нибудь Самарской, Екатеринославской, Херсонской губерніяхъ на такой площади сколько-нибудь прочно поставленное земледѣльческое частное хозяйство существовать не можетъ. Конечно, вездѣ въ Россіи могутъ быть такія мелкія хозяйственныя единицы, которыя доступны для обработки силами хозяина и его семьи, желательно даже, чтобы такихъ хозяйствъ развелось возможно болѣе, но для нихъ тоже площадь въ 150 десятинъ слишкомъ велика. Наоборотъ, хозяйство, ведущееся хотя бы самимъ хозяиномъ, но при помощи вольнонаемнаго труда, во многихъ мѣстахъ при такихъ размѣрахъ владѣнія у насъ существовать не можетъ. Вѣдь никто же, я полагаю, не станетъ отрицать желательности привлеченія къ сельскому хозяйству интеллигентныхъ силъ и денежныхъ капиталовъ. Не на одного же мужика, не на одинъ же трудъ земледѣльца намъ разсчитывать, если говорить о серьозномъ поднятіи сельскаго хозяйства въ Россіи. А между тѣмъ, площадь въ 150 десятинъ у насъ, въ большей части мѣстностей Россіи, и по сколько рѣчь идетъ только о хозяйствѣ земледѣльческомъ, полевомъ, не окупитъ труда интеллигентнаго человѣка, будетъ самымъ невыгоднымъ приложеніемъ того умственнаго капитала, который представляютъ собою его знанія и который во всякой другой области найдетъ себѣ лучшую оцѣнку, лучшее вознагражденіе. Не вездѣ же можно засаживать виноградники, не вездѣ сады разводить и дачи строить! Пускай будутъ и хозяйства въ 150 десятинъ и даже меньшей площади, тамъ, гдѣ для нихъ есть подходящія условія, пускай садятся на нихъ тѣ интеллигенты, которые и на такой площади съумѣютъ съ достаточною для нихъ рентабельностью примѣнить свой трудъ и удовлетвориться самымъ скромнымъ его вознагражденіемъ, но нельзя же всю Россію подводить подъ одинъ ранжиръ и искусственно сочинять для частнаго хозяйства предѣлъ, его же не прейдеши! Надо только удивляться тому, какъ у насъ склонны въ тиши кабинетовъ сочинять разныя апріорныя формулы и нормы, и затѣмъ ломать, гнуть подъ нихъ всею жизнью сложившіяся и жизнью же измѣняемыя условія страны, столь разнообразныя и многоразличныя, какъ и не снилось нашимъ мудрецамъ... А еще бюрократію обвиняютъ у насъ въ томъ, что она сочиняетъ законы,

не справляясь съ дѣйствительностью, но вѣдь до такихъ проектовъ всеобщей ломки и урегулированія жизни, насильственнаго вогнанія ея въ искусственныя, ни на чемъ рѣшительно не опирающіяся рамки, и бюрократія никогда не доходила. Нѣтъ, конечно, никакого сомнѣнія въ томъ, что и наша будущая Государственная Дума, какія бы партіи въ ней ни получили перевѣса, лишь бы въ составъ ея вошли люди дѣла, люди знающіе Россію и ея истинныя условія и нужды, не дастъ себя увлечь такими фантастическими измышленіями и за авторами ихъ, какъ бы красно они ни разглагольствовали, не послѣдуетъ.

До сихъ поръ я излагалъ только то, что, по моему крайнему разумѣнію, соотвѣтствуетъ дѣйствительности и коренится въ настоящихъ условіяхъ нашей сельской жизни. Я старался доказать, что общаго, повсемѣстнаго малоземелья у насъ не существуетъ, что условія крестьянскаго землепользованія мѣшаютъ крестьянамъ извлечь изъ своей земли всѣ возможныя выгоды даже при настоящихъ размѣрахъ ихъ землевладѣнія, я стремился показать фактическую несбыточность тѣхъ мечтаній, которыя основаны на прирѣзкахъ имъ несуществующихъ въ дѣйствительности пространствъ земли и т. п. Я долженъ былъ нѣсколько умѣрять пылъ всѣхъ тѣхъ, которые думаютъ достигнуть расширенія крестьянскаго землевладѣнія внутри Россіи за счетъ массоваго переселенія избытка населенія въ Сибирь, въ Среднюю Азію, на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Наконецъ, я вынужденъ былъ съ цифрами въ рукахъ доказывать, что отъ одного огульнаго расширенія крестьянскаго землевладѣнія на счетъ земель, состоящихъ нынѣ въ пользованіи частныхъ землевладѣльцевъ и обрабатываемыхъ трудами тѣхъ же крестьянъ, послѣдніе болѣе потеряютъ нежели выиграютъ. Доказывалъ я также и то, что улучшенія крестьянскаго хозяйства надо ожидать отъ его интенсификаціи и улучшенія, осуществимаго и при нынѣ существующихъ размѣрахъ владѣнія землею, и на дѣлѣ уже и теперь проявляющагося во многихъ частяхъ нашего отечества, и что, наоборотъ, отъ одной только общей и огульной прибавки земли крестьянамъ, на какихъ бы началахъ она ни была произведена, этотъ процессъ развитія хозяйства можетъ только остановиться и даже получить направленіе обратное, причемъ вмѣсто зарождающейся интенсификаціи хозяйства послѣдуетъ его регрессъ къ формамъ еще болѣе экстенсивнымъ, нежели существующія нынѣ.

Но тѣми неправильными, на мой взглядъ, и опасными для самихъ крестьянъ идеями, съ которыми я до сихъ поръ боролся,

дѣло не ограничивается. На ряду съ ними существуютъ теоріи, распространяются идеи, уже совершенно по моему мнѣнію неосуществимыя, фантастичныя, не соотвѣтствующія ни условіямъ нашей жизни, ни даже нравственной природѣ человѣка, со всѣми присущими ей свойствами и недостатками. Для того, чтобы такія идеи осуществить, нужно не только въ корнѣ перемѣнить весь строй нашего общества, переломать всю экономическую организацію страны, — да и не одной только нашей страны, а всѣхъ странъ міра, — но еще передѣлать и самую натуру человѣка, неприспособленнаго пока еще къ воспринятію и осуществленію этихъ идей на практикѣ. Тутъ мы уже вступаемъ въ область чистыхъ земельныхъ утопій, которыхъ, при всей ихъ неприложимости къ жизни, я не считаю, однако, возможнымъ совсѣмъ обойти молчаніемъ, чтобы меня не упрекнули въ игнорированіи того, что предлагается для созданія благополучія не только нашего крестьянства, но даже и всего человѣчества на новыхъ, хотя еще нигдѣ въ мірѣ не приложенныхъ, но, тѣмъ не менѣе, заманчивыхъ и якобы высоко плодотворныхъ началахъ.

Къ числу этихъ утопій я отношу ученіе объ общемъ крестьянскомъ артельномъ хозяйствѣ и идею о націонализаціи или соціализаціи земли.

II.

Ученіе объ общинномъ артельномъ хозяйствѣ.

Не такъ давно въ „Новомъ Времени“ г. Меньшиковъ вспомнилъ о книгѣ извѣстнаго сельскаго хозяина, бывшаго профессора, Александра Николаевича Энгельгардта, который въ своихъ „Письмахъ изъ деревни“, имѣвшихъ въ свое время громадный успѣхъ, доказывалъ, что вся земля должна перейти къ крестьянамъ на томъ основаніи, что помѣщики будто бы хозяйства не ведутъ и не умѣютъ вести, изъ своихъ имѣній бѣгутъ въ города, поступаютъ на службу, дѣлаются „людьми 20 числа“, а свои земли забрасываютъ, оставляютъ впустѣ, въ то время какъ крестьяне страдаютъ отъ малоземелья и съ завистью глядятъ на непроизводительно пустующія пространства помѣщичьихъ имѣній. При этомъ онъ высказывалъ, что въ будущемъ сельское хозяйство должно вестись на артельныхъ началахъ и что только при этомъ условіи оно можетъ разсчитывать на успѣхъ или дѣйствительный прогрессъ. Такъ какъ имя г. Энгельгардта пользуется у насъ

большимъ авторитетомъ, и ссылка на него г. Меньшикова можетъ многихъ смутить, то я не могу оставить этой ссылки безъ вниманія и долженъ разъяснить, что именно говорилъ покойный профессоръ-сельскій хозяинъ, и насколько можно съ его идеями согласиться. Мнѣ не хотѣлось бы полемизировать съ г. Энгельгардтомъ, котораго я искренно любилъ и уважалъ, преклоняясь передъ его талантомъ, который былъ даже моимъ учителемъ, но только химіи, а не сельской экономіи, и взглядовъ котораго на условія нашей деревенской жизни, на будущность частновладѣльческаго и крестьянскаго хозяйства, я никогда не раздѣлялъ. Но такъ какъ его книгу теперь цитируютъ и почерпаютъ изъ нея доказательства необходимости передачи помѣщичьей земли крестьянамъ, то я вынужденъ возобновить въ памяти читателей, что именно г. Энгельгардтъ проповѣдывалъ и, къ сожалѣнію, не могу не отнести его ученія къ числу тѣхъ утопическихъ теорій, которыя такъ часто выдвигаются не только у насъ, но и заграницею, въ области земельнаго вопроса. И опроверженія, доказательства утопичности ученія Энгельгардта я почерпну изъ его же книги, въ которой, увлекаясь своими идеями, онъ на повѣрку весьма часто самъ себѣ противорѣчитъ.

Не знаю, быть можетъ, А. Н. Энгельгардтъ и видѣлъ въ томъ углу Смоленской губерніи, гдѣ онъ „сѣлъ на хозяйство“ въ началѣ семидесятыхъ годовъ и просидѣлъ почти безвыѣздно свыше 20 лѣтъ, то запустѣніе помѣщичьихъ имѣній, наряду съ высокою производительностью хозяйствъ крестьянскихъ, которыя онъ такъ краснорѣчиво въ своихъ „Письмахъ изъ деревни“ описываетъ. Быть можетъ, въ то время, и тамъ, гдѣ онъ сосредоточилъ свою дѣятельность, такъ оно и было, но вѣдь никто иной же, какъ онъ, просвѣщенный хозяинъ, ученый, внесъ въ этотъ уголокъ, въ это темное царство, изъ котораго будто бы огульно бѣжали господа, лучъ свѣта, вѣдь онъ же научилъ крестьянъ и посѣвамъ льна на облогахъ, и употребленію фосфоритовъ на удобреніе, онъ же способствовалъ распространенію у нихъ клевера и т. п. Значитъ, полезную для крестьянъ роль просвѣтителя и иниціатора сельскохозяйственнаго прогресса сыгралъ онъ, помѣщикъ, безъ котораго крестьяне едва ли до всего этого сами додумались бы. Далѣе, если предположить, что для того времени и для того района было вѣрно все то, что онъ описываетъ,—запустѣніе помѣщичьихъ имѣній, обращеніе владѣльческихъ земель въ лежащія втунѣ непроизводительныя пустыни, наряду съ переудобренными почти до состоянія огородной земли, крестьянскими надѣлами, то я

долженъ признаться, что я никогда и нигдѣ, по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи, ничего подобнаго не видалъ и даже никогда о такомъ положеніи не слыхалъ. Конечно, Россія велика и всякія чудеса въ ней встрѣчаются, быть можетъ, и есть, или былъ въ ней такой своеобразный, особенный уголокъ, но онъ во всякомъ случаѣ составляетъ исключеніе, а не общее правило, и потому обобщать его условія никоимъ образомъ нельзя. Однако, слѣдуя далѣе за подробностями той картины окружающей его мѣстности, которую развертываетъ передъ нами талантливый, но увлекающійся писатель, мы находимъ у него вотъ что. Описывая хозяйство помѣщичье, въ томъ числѣ и свое, въ томъ видѣ, какъ оно было, когда онъ водворился въ имѣніи, онъ говоритъ: „болѣе половины полей запущено, на остальныхъ сѣялась по старому рожь, на которую нѣтъ цѣны и которую никто не покупаетъ, чуть у крестьянъ порядочный урожай,— овесъ, который родится очень плохо. Запашки, противъ того, что было при крѣпостномъ правѣ, уменьшены болѣе чѣмъ на половину". Въ другомъ мѣстѣ говорится: „большая часть земли помѣщичьей пустуетъ подъ плохимъ лѣсомъ, зарослями, лознякомъ, въ видѣ пустырей, на которыхъ нѣтъ ни хлѣба, ни травы, ни лѣса, а такъ — растетъ мерзость всякая... Обработка земли производится крайне дурно, кое-какъ, лишь бы отдѣлаться, хозяйственнаго порядка нѣтъ, скотоводство въ самомъ плачевномъ состояніи, скотъ навозной породы мерзнетъ въ плохихъ хлѣвахъ, кормится впроголодь, урожаи хлѣба плохіе. Производительность имѣній самая ничтожная и вовсе не окупаетъ того труда, который употребляется на обработку земли. Доходъ получается самый ничтожный... Пустыри, пустыри и пустыри". А между тѣмъ, нѣсколькими страницами ранѣе тотъ же А. Н. Энгельгардтъ говорилъ: „мы продаемъ молоко на сыроварни, которыя дѣлаютъ изъ него швейцарскіе сыры; сыры у насъ дѣлаютъ превосходные. Нужно быть спеціалистомъ-сыроваромъ, чтобы отличить нашъ сыръ отъ настоящаго, продаваемаго въ Петербургѣ въ фруктовыхъ лавкахъ. Очень можетъ быть, что нашъ сыръ продается тамъ за швейцарскій". Тутъ какъ-то не вяжется: скотъ навозной породы мерзнетъ, кормится впроголодь — какое же отъ такого скота можетъ быть молоко? — и вдругъ сыръ, котораго не отличишь отъ швейцарскаго!

Но допустимъ, что описаніе помѣщичьяго хозяйства вѣрно, что такъ все и было въ той мѣстности, гдѣ жилъ нашъ авторъ, и посмотримъ, лучше ли стояло дѣло у крестьянъ. А насчетъ крестьянскаго хозяйства онъ говоритъ слѣдующее: „въ нашей

губерніи и въ урожайные годы у рѣдкаго крестьянина хватитъ своего хлѣба до нови; почти каждому приходится покупать хлѣба, а кому купить не на что, онъ посылаетъ дѣтей, стариковъ, старухъ — въ кусочки, побираться по міру". Судя по этому, дѣло стояло не лучше и у крестьянъ, какъ о томъ можно судить еще изъ слѣдующихъ словъ: „Земли много, такъ много, что и обработать ее всю нѣтъ возможности. Земля богата и производительность ея можетъ быть громадно увеличена. Трудъ земледѣльца можетъ превосходно оплачиваться, будь онъ хоть немножко раціональнѣе приложенъ. Словомъ, всѣ данныя для развитія хозяйства, а между тѣмъ, всѣ, и владѣльцы, и *крестьяне* бѣгутъ отъ этой земли, отъ этого хозяйства"; и далѣе: „вообще деревенское хозяйство въ настоящемъ своемъ видѣ тоже ничего хорошаго не представляетъ". Значитъ, куда ни кинь, все клинъ, — и у помѣщика не хорошо, и у крестьянина не лучше...

Однако, по словамъ г. Энгельгардта, все это было, но за десять лѣтъ, на его глазахъ все измѣнилось въ томъ „счастливомъ уголкѣ", гдѣ была сосредоточена его дѣятельность,— измѣнилось, хотя за то же время земли у крестьянъ не прибавилось, новаго положенія насчетъ земли не вышло, отъ помѣщиковъ въ пользу крестьянъ земли не отобрали, а между тѣмъ: „говорю прямо, въ счастливомъ уголкѣ положеніе крестьянъ за послѣднія десять лѣтъ улучшилось, много улучшилось, *неизмѣримо улучшилось* (курсивъ автора). Десять лѣтъ назадъ въ деревняхъ описываемаго уголка было очень мало богачей, т. е. такихъ крестьянъ, у которыхъ своего хлѣба хватало до нови, не болѣе какъ по одному богачу на деревню, да и то даже у богачей хватало своего хлѣба только въ урожайные годы. Въ настоящее время дѣло находится въ совершенно другомъ положеніи. Въ одной изъ деревень послѣдніе два года уже всѣ были богачи, т. е. никто хлѣба не покупалъ, у всѣхъ хватало до нови. Въ другихъ деревняхъ почти на половину богачей и т. д. Не стало такой нужды въ хлѣбѣ, какъ было десять лѣтъ назадъ, не стало той нужды въ деньгахъ, когда нужно платить подати, потому что явилась возможность вырученныя отъ продажи пеньки, льна, скота деньги, которыя прежде шли на покупку хлѣба, обращать на уплату податей. Въ счастливомъ уголкѣ подати не залегаютъ, недоимокъ нѣтъ, ни о поркахъ, ни о продажѣ скота за подати не слыхать, между тѣмъ, какъ въ другой части той же волости — постоянныя недоимки, продажа скота и пр.". Это чисто сказочное перерожденіе и благополучіе А. Н. Энгельгардтъ объясняетъ тѣмъ, что, имѣя

достаточно хлѣба, удовлетворяя свою потребность въ деньгахъ продажею продуктовъ своего хозяйства, крестьяне не нуждаются въ дешевой запродажѣ своего лѣтняго труда; работая лѣтомъ на себя, они снимаютъ за деньги, или изъ-полу, покосы, арендуютъ землю подъ ленъ и хлѣбъ, и быстро поправляются, богатѣютъ, потому что не только получаютъ деньги за проданные продукты, но, имѣя много корму, держатъ болѣе скота, получаютъ болѣе навоза, которымъ и удобряютъ свои надѣлы.

Какъ же, въ силу какихъ причинъ, произошла такая счастливая перемѣна? „Первая общая причина — это увеличеніе урожаевъ хлѣба на крестьянскихъ надѣлахъ, вслѣдствіе постояннаго усиленнаго удобренія и происходящаго отъ того улучшенія, удобренія, утучненія надѣльной земли — отъ лучшей обработки, отъ употребленія лучшихъ, болѣе чистыхъ сѣмянъ ржи и т. п. Если крестьянскіе хлѣба въ чемъ и уступаютъ теперь господскимъ“ (надо думать изъ этого, что и на господскихъ земляхъ въ счастливомъ уголкѣ послѣдовали такія же улучшенія противъ того, что было описано выше), „то не потому, чтобы крестьянскія земли были болѣе истощены, хуже удобрены, чѣмъ панскія, а потому, что онѣ раздѣлены на узкія нивки, узкія же нивки, обрабатываемыя каждымъ хозяиномъ отдѣльно, препятствуютъ и хорошей обработкѣ, и правильному распредѣленію навоза“. Однако, все же далѣе говорится: „крестьянинъ прежде всего и болѣе всего запродаетъ свой трудъ; личный трудъ, заработокъ на сторонѣ зимою“ (хорошо, когда есть заработокъ зимою, но во многихъ мѣстахъ именно зимняго-то заработка и нѣтъ) „доставляетъ ему главный денежный доходъ“. Далѣе указывается, что, арендуя покосы, съ которыхъ сѣно крестьянинъ привозитъ къ себѣ, снимая земли, съ которыхъ точно также привозятся домой зерно, солома и мякина, добывая на сторонѣ дрова, послѣ сожженія которыхъ остается зола, онъ на счетъ всего этого увеличиваетъ запасы удобренія: „крестьянскіе надѣлы, постоянно удобряемые почвенными частицами, привозимыми извнѣ, съ хлѣбомъ, кормомъ, дровами, неминуемо должны годъ отъ году утучняться и, нѣтъ сомнѣнія, превратятся современемъ въ тучные огороды“. Еще далѣе доказывается, что въ помѣщичьихъ хозяйствахъ будто бы все происходитъ какъ разъ наоборотъ, земли истощаются, количество производимаго хлѣба уменьшается, запашки сокращаются и т. п., но тутъ уже мы за авторомъ не послѣдуемъ, считая, что если все это для счастливаго уголка быть можетъ и было вѣрно, то оно явно противорѣчитъ тому, что мы видѣли и видимъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ,

что подтверждаетъ статистика, противорѣчитъ, наконецъ, даже и тому, что авторъ говоритъ въ другихъ частяхъ своей же книги, хотя бы при описаніи своего, вѣдь тоже помѣщичьяго, хозяйства. И засимъ, для насъ все же не ясно, чѣмъ же такое благополучіе и процвѣтаніе крестьянскаго хозяйства въ описываемомъ уголкѣ достигнуто?

На этотъ счетъ авторъ высказывается довольно глухо, хотя въ концѣ концовъ все же можно понять, что главную роль тутъ играетъ заработокъ, сторонніе заработки, служащіе подспорьемъ къ собственному хозяйству крестьянина, и затѣмъ — аренда земли у помѣщиковъ; все это достигается, „когда крестьянинъ можетъ снять въ аренду земли, посѣять льну, переработать его у себя дома зимою. Вотъ это — заработки, когда, снявъ у помѣщика десятину облоги за 8, за 10 рублей, крестьянинъ посѣетъ ленъ и продастъ съ десятины льна и сѣмени на 100 рублей, а въ урожайный годъ да при хорошихъ цѣнахъ и на 150 рублей, и получитъ за свою работу отъ 90 до 140 р., занимаясь этимъ льномъ между дѣломъ, не упуская своего хозяйства, да кромѣ, того, въ барышахъ получитъ съ этой десятины костру для подстилки, да мякины на кормъ скотинѣ. Но кромѣ десятины льну, крестьянинъ можетъ еще обработать подъ хлѣбъ десятину перелому изъ подъ того же льна, а по перелому рожь и безъ навозу родится хорошо. Вотъ онъ и съ хлѣбомъ. Да еще соломка, мякинка скотинкѣ на кормъ — вотъ и навозъ“. Извѣстно, что теперь за десятину облоги подъ ленъ арендная плата и до 40 — 50 р. доходитъ, но по этому разсчету вѣдь и при такой цѣнѣ съемщикъ можетъ быть въ большихъ барышахъ; съ другой стороны, слѣдуетъ замѣтить, что если бы земля, снимаемая подъ ленъ, вошла въ общій обиходъ крестьянскаго трехпольнаго хозяйства, то уже льны на ней сѣять было бы нельзя, потому что она только тогда подъ ленъ и годится, когда долго лежала впустѣ, подъ лѣсною зарослью. или подъ травою, и слѣдовательно, при введеніи этой земли въ трехпольный оборотъ, все это благополучіе неминуемо бы исчезло. А благополучіе крестьянина при такой арендѣ земли подъ ленъ г. Энгельгардтъ описываетъ далѣе такими словами: „Хлѣбушкомъ со своего надѣла да съ арендованной земли крестьянинъ прокормится самъ, прокормитъ и свиненка, и куренка,— будетъ, значитъ, что и въ варево кинуть. Продавъ пенечку, ленокъ, сѣмячко, онъ выручитъ достаточно денегъ, чтобы заплатить подати, попу, купить на праздникъ вина, заарендовать въ будущемъ году покосъ, десятину-другую земли подъ ленъ и хлѣбъ.

Всѣмъ хорошо: подать Царю уплачена“ (я бы добавилъ — аренда помѣщику тоже), „мужикъ живетъ спокойно, ѣстъ сытно, на дворѣ у него копится навозъ и надѣлъ все утучняется, да утучняется“.

Такими яркими красками я бы самъ не рѣшился нарисовать картину крестьянскаго благополучія, возможнаго и, по словамъ А. Н. Энгельгардта, достигнутаго въ его счастливомъ уголкѣ, достигнутаго при томъ при настоящихъ условіяхъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія. Но я нарочно привелъ эти длинныя выписки изъ книги г. Энгельгардта буквально. Казалось бы, дальше уже идти некуда и лучшаго желать нечего. Въ возможности значительнаго улучшенія крестьянскаго хозяйства и повышенія крестьянскаго благосостоянія, хотя бы до описываемаго имъ почти сказочнаго уровня, я готовъ съ авторомъ согласиться, не раздѣляя только его взглядовъ на упадокъ обреченнаго будто бы на гибель помѣщичьяго хозяйства, тѣмъ болѣе, что я этого упадка не вижу, а напротивъ, вижу его прогрессивный и сравнительно даже весьма быстрый ростъ. Думаю также, что если крестьяне счастливаго уголка достигли такого благополучія, то это въ значительной степени благодаря дѣятельности въ немъ никого иного, какъ именно просвѣщеннаго помѣщика, самого А. Н. Энгельгардта. Все это для меня служитъ доказательствомъ необходимости сохраненія передового, конечно не подобнаго описываемому Энгельгардтомъ, упадающаго помѣщичьяго хозяйства,— наряду съ крестьянскимъ,— не только въ качествѣ двигателя сельскохозяйственнаго прогресса, но и для сохраненія тѣхъ „сторонних заработковъ“. которые и самъ г. Энгельгардтъ признаетъ необходимымъ для крестьянъ подспорьемъ къ ихъ хозяйству на своей землѣ, главнымъ условіемъ ихъ благополучія. Все это вполнѣ реально, вполнѣ осуществимо и достигнутые въ счастливомъ уголкѣ результаты могутъ повториться и вездѣ — вѣдь не клиномъ же на немъ русская земля сошлась!

Но, къ сожалѣнію, на этой фактической почвѣ А. Н. Энгельгардтъ не удержался и, предвѣщая исчезновеніе частновладѣльческаго хозяйства, будто бы никакой будущности у насъ, при наличности крестьянъ-землевладѣльцевъ, а не безземельныхъ кнехтовъ, какъ въ Германіи, не имѣющаго,— онъ видитъ будущность и благополучіе крестьянскаго хозяйства не въ томъ, что онъ такъ краснорѣчиво и привлекательно самъ же описалъ, а въ чемъ-то совершенно иномъ. Помѣщичье хозяйство должно, по его словамъ, погибнуть, вся земля перейти къ крестьянамъ, которые съ молокомъ матери всосали убѣжденіе, отъ дѣдовъ-прадѣдовъ его уна-

слѣдовали, что земля должна принадлежать имъ, и только имъ однимъ: „Зачѣмъ панамъ земля,— говорятъ они,— коли они около земли не понимаютъ, коли они хозяйствомъ не занимаются, коли земля пустуетъ? Вѣдь это Царю убытокъ, коли земля пустуетъ". „Не можетъ быть никакого сомнѣнія,— прибавляетъ нашъ авторъ уже отъ себя,— что будь крестьяне надѣлены землею въ достаточномъ количествѣ, производительность ея громадно увеличится, государство станетъ очень богато". Мы же утверждаемъ, что при переходѣ частновладѣльческой, обрабатываемой самими помѣщиками, земли къ крестьянамъ, производительность ея страшно понизится, страна не то что обѣднѣетъ, а прямо разорится. Любопытно, что во многихъ мѣстахъ своей книги, доказывая основательность своей и крестьянской мысли о переходѣ земли къ крестьянамъ, авторъ подкрѣпляетъ ее указаніемъ на то, что „у помѣщиковъ земли пустуютъ или обрабатываются не такъ, какъ слѣдуетъ; огромныя пространства плодороднѣйшей земли, напримѣръ изъ-подъ вырубленныхъ лѣсовъ, остаются невоздѣланными и заростаютъ всякою дрянью, не принося никому пользы", на нихъ „нѣтъ постояннаго хозяйства" и т. п. Повторяю, что если, быть можетъ, такъ это и было въ той мѣстности, которую описывалъ г. Энгельгардтъ, то повсемѣстно въ Россіи мы видѣли и видимъ совсѣмъ другое, какъ разъ обратное, а потому и вся аргументація его отпадаетъ и его доводы теряютъ всякую подъ собою почву.

Самъ же г. Энгельгардтъ ставитъ ожидаемому имъ отъ земельной реформы благополучію и богатству страны одно условіе, по его мнѣнію вполнѣ осуществимое, по моему же мнѣнію вполнѣ фантастическое, несбыточное — это именно уже не общинное только владѣніе землею, какъ теперь, а общинное хозяйство, обработка земли сообща, артельнымъ трудомъ, да еще при коренной передѣлкѣ всѣхъ теперешнихъ условій жизни, въ отдѣльныхъ дворахъ и избахъ, съ отдѣльными же въ каждой избѣ печами, отдѣльнымъ въ каждомъ дворѣ хлѣвомъ, амбаромъ и т. п., вмѣсто чего все это должно быть общее, артельное. Тогда лишь въ полной мѣрѣ осуществится крестьянское Эльдорадо. Тутъ, какъ для того, чтобы показать, чего желаетъ г. Энгельгардтъ, такъ и для того, чтобы доказать несбыточность его мечтаній, я опять обращусь къ выпискамъ изъ его же книги.

„Крестьяне живутъ отдѣльными дворами и каждый дворъ имѣетъ свое отдѣльное хозяйство. Въ деревнѣ, съ бытомъ которой я ознакомился до тонкости, находится 14 дворовъ. Въ этихъ 14 дворахъ ежедневно топится 14 печей, въ которыхъ 14 хозяекъ

готовятъ, каждая для своего двора, пищу. Какая громадная трата труда, пищевыхъ матеріаловъ, топлива и пр.! Если бы всѣ 14 дворовъ сообща пекли хлѣбъ и готовили пищу, то есть имѣли общую столовую, то достаточно было бы топить двѣ печи и имѣть двухъ хозяекъ. И хлѣбъ обходился бы дешевле и пищевыхъ матеріаловъ тратили бы меньше". Однако, пока каждая семья проживала бы въ отдѣльной избѣ, которую все равно нужно отапливать, чтобы не замерзнуть, то пришлось бы, по крайней мѣрѣ зимою, отапливать уже не 14 печей, а 16, т.-е. на двѣ больше. Развѣ и на житье поселиться всѣмъ 14 семьямъ вмѣстѣ и завести помѣщеніе вродѣ, что ли, семейныхъ рабочихъ казармъ при заводахъ и фабрикахъ? „Далѣе,— продолжаетъ авторъ,— зимою каждый дворъ долженъ имѣть человѣка для ухода за скотомъ, между тѣмъ какъ для всего деревенскаго скота было бы достаточно двухъ человѣкъ; ежедневно во время молотьбы хлѣба 14 человѣкъ заняты сушкою хлѣба въ 14 овинахъ; хлѣбъ лежитъ въ 14 маленькихъ сараяхъ, сѣно въ 14 пуняхъ и т. д. Мнѣ, помѣщику, напримѣръ, все обходится несравненно дешевле, чѣмъ крестьянамъ, потому что у меня все дѣлается огульно, сообща. (Однако, наемнымъ трудомъ, батраками, противъ которыхъ г. Энгельгардтъ такъ возстаетъ). У меня ежедневно всѣ 22 человѣка рабочихъ обѣдаютъ за однимъ столомъ, пищу имъ готовитъ одна хозяйка, въ одной печи. Весь скотъ стоитъ въ одномъ дворѣ, все сѣно, весь хлѣбъ положенъ въ одномъ сараѣ и т. п. Мои батраки, конечно, работаютъ не такъ старательно, какъ работаютъ крестьяне на себя, но такъ какъ они работаютъ артелью, то во многихъ случаяхъ, напримѣръ при уборкѣ сѣна, хлѣба, молотьбѣ, сдѣлаютъ болѣе, чѣмъ такое же количество крестьянъ, работающихъ поодиночкѣ на себя... Если бы крестьянскія земли и обрабатывались и удобрялись сообща не нивками, а сплошь, всѣми хозяевами вмѣстѣ, какъ обрабатываются помѣщичьи земли, и дѣлили бы уже самые продукты, то урожай хлѣбовъ у крестьянъ былъ бы не ниже, чѣмъ у помѣщиковъ. Кто ясно знаетъ суть нашего хозяйства,— говорится далѣе,— тотъ пойметъ, какъ важно соединеніе земледѣльцевъ для хозяйствованія сообща и какія громадныя богатства получались бы тогда. Хозяйство можетъ постоянно прогрессировать только тогда, когда земля находится въ общемъ пользованіи и обрабатывается сообща. Все дѣло въ союзѣ. Вопросъ объ артельномъ хозяйствѣ я считаю важнѣйшимъ вопросомъ нашего хозяйства".

Въ теоріи это можетъ быть и прекрасно, но вѣдь на дѣлѣ этого нѣтъ, никогда нигдѣ не было, кромѣ того времени, когда

трудъ былъ подневольный и къ такой совмѣстной работѣ люди сгонялись насильственно, какъ во времена крѣпостного права и барщины. А между тѣмъ къ этой мысли — общей работѣ всѣмъ селомъ, артелью,— авторъ возвращается много разъ въ своей книгѣ и видитъ въ ней единственный выходъ для крестьянства, ее онъ ставитъ условіемъ процвѣтанія въ будущемъ мужицкаго хозяйства, когда вся земля къ крестьянамъ перейдетъ, такъ какъ только при этомъ они съ нею и совладаютъ. Ее онъ рекомендуетъ и своему сыну, котораго мечтаетъ обратить въ землепашца, говоря ему: „Иди и паши землю, зарабатывай собственными руками хлѣбъ свой. Если найдешь другого, который пришелъ къ тѣмъ же убѣжденіямъ, соединись съ нимъ, потому что двое, работая вмѣстѣ, сообща, сдѣлаютъ больше, чѣмъ работая каждый въ одиночку; найдешь третьяго, еще того лучше. Если соединятся вмѣстѣ двѣ, три, десять, двѣнадцать паръ и будутъ работать сообща, каждый по силѣ и способности, то мясо чаще будетъ появляться (у крестьянина, который теперь видитъ его только по праздникамъ) на столѣ, будетъ иногда и баранинка въ будни“...

Но вѣдь это идиллія, которой добровольно конечно никогда крестьяне не осуществятъ, идиллія, отъ которой аракчеевщиной пахнетъ... И какъ только авторъ отъ этихъ фантазій переходитъ къ дѣйствительности, рисуетъ намъ яркія и правдивыя картины настоящей крестьянской жизни, такъ онъ самъ же себя блистательно опровергаетъ. Такъ, хотя онъ и говоритъ, что пользу работы артелью, сообща, крестьяне сами хорошо сознаютъ, однако не только къ ней не переходятъ, но, напротивъ, вездѣ, гдѣ это возможно, отъ общей огульной работы, не говоря уже цѣлымъ селомъ, но даже цѣлой семьей, стараются перейти къ работѣ по одиночкѣ, чтобы каждый работалъ только за себя и для себя. Въ прежнее время „крестьяне многія работы производили огульно, такъ какъ во многихъ случаяхъ огульная работа гораздо выгоднѣе“; хотя и теперь еще крестьяне берутъ нѣкоторыя работы сообща или цѣлой деревней, или нѣсколько товарищей, согласившись вмѣстѣ, но „въ послѣднее время это уже начинаетъ выводиться и на многія работы нанимаются отдѣльно, одиночками. Взявъ работу сообща, крестьяне производятъ ее въ раздѣлъ — каждый свою часть работы, отдѣльно отъ другихъ, и получаетъ соотвѣтственную часть изъ заработной платы. Крестьянская община, крестьянская артель — это не пчелиный улей, въ которомъ каждая пчела, не считаясь съ работою другихъ, трудолюбиво работаетъ по мѣрѣ своихъ силъ на пользу общую. Крестьяне всѣми мѣрами избѣгаютъ такого дѣла,

гдѣ нужно работать сообща, и предпочитаютъ работать, хотя бы и дешевле, но въ одиночку, каждый самъ по себѣ. Еще недавно, нѣсколько лѣтъ назадъ, крестьяне сосѣднихъ деревень, по старой привычкѣ, какъ въ крѣпостное время, убирали у меня сообща, всею деревнею, покосы, частью за деньги, частью изъ половины. Сообща всей деревней вмѣстѣ выходили на покосъ, вмѣстѣ огульно косили, вмѣстѣ убирали сѣно и клали его въ одинъ сарай, а потомъ и деньги, и свою часть сѣна дѣлили между собою по числу косъ". „Теперь уже такъ покосовъ не берутъ, ни у меня, ни у другихъ. Теперь или каждый беретъ особенный участокъ подъ силу на свое семейство, или, взявъ цѣлый лугъ, дѣлятъ его на нивки, и каждый коситъ и убираетъ свой участокъ; сѣно тутъ же дѣлится и развозится. Понятное дѣло, что въ такой работѣ, какъ уборка сѣна, выгоднѣе работать артелью, и при одинаковомъ стараніи, то есть если каждый работалъ бы такъ, какъ онъ работаетъ на себя въ одиночку, общее количество убраннаго сѣна было бы больше и сѣно вышло бы лучше, особенно если бы погода благопріятствовала уборкѣ и при дѣлѣ былъ умѣющій распорядиться хозяинъ. Но вотъ въ чемъ дѣло: при раздѣлѣ сѣна всѣ получили бы тогда поровну, по числу косъ, слѣдовательно тотъ, кто силенъ, умѣетъ ловко работать, старателенъ на работѣ, сообразителенъ, получилъ бы столько же, сколько и слабосильный, неловкій, лѣнивый, несообразительный. Вотъ тутъ то и камень преткновенія; вотъ тутъ-то и причина, почему крестьяне дѣлятъ взятый на скосъ лугъ на участки, подобно тому, какъ дѣлятъ на нивки свои поля и луга". „Косить сообща, огульно, идя въ одинъ рядъ, крестьяне ни за что не соглашаются, потому что, говорятъ они, на деревнѣ косцы не равные, не всѣ косятъ одинаково хорошо, а такъ какъ сѣно дѣлится по числу косъ, то выйдетъ несправедливо". Это при покосѣ. А вотъ какъ г. Энгельгардтъ описываетъ артельную пахоту: „Сговорились пахать (пахать облогу подъ ленъ всѣмъ вмѣстѣ) тогда-то. Выѣзжаютъ утромъ, пятеро уже пріѣхали, а двоихъ нѣтъ — проспали, выпивши вчера былъ, сбруя разладилась. Пріѣхавшіе стоятъ на десятинѣ, поджидаютъ опоздавшихъ, лошадямъ сѣнца подкинули, трубочки покуриваютъ, ругаются. Но вотъ пріѣхали и остальные; кому впередъ пахать — споръ, наконецъ установили очередь. Пашутъ. У одного соха разладилась. Всѣ стоятъ. Наладилъ, пошли. У одного лошадь и сбруя лучше, другой самъ плохъ. Неудовольствіе.

— Кабы я отдѣльно пахалъ, то выѣхалъ бы до·свѣту, а то въ деревнѣ жди, пока встанутъ, здѣсь жди,— говоритъ одинъ.

— Я на своихъ лошадяхъ давно бы вспахалъ, а тутъ жди; ну его, этотъ ленъ! — говоритъ другой.

Вспахали, выскородили, засѣяли и задѣлали. Скородятъ и задѣлываютъ бабы. Разумѣется, ругаются" и т. д.

Могутъ, пожалуй, сказать, что въ этихъ случаяхъ рѣчь шла не о настоящихъ артеляхъ, а только о сообща снятыхъ и производимыхъ работахъ, и что въ выработанныхъ русскою жизнью артеляхъ плотничьихъ, граборскихъ, дѣло ведется уже не такъ. Однако, описаніе А. Н. Энгельгардта опровергаетъ и это предположеніе. Въ плотничьихъ артеляхъ, по его словамъ, „обыкновенно, хозяиномъ дѣла является рядчикъ, берущій работу на свой страхъ, получающій отъ нея всѣ барыши и несущій всѣ убытки, а члены артели просто батраки, нанятые хозяиномъ-рядчикомъ за опредѣленную плату въ мѣсяцъ, на его, рядчика, харчахъ". Въ артеляхъ, знаменитыхъ на всю Россію, смоленскихъ граборей-землекоповъ дѣло стоитъ уже нѣсколько иначе, артельная форма болѣе полная, рядчикъ уже не хозяинъ, а членъ артели, первый между равными, — однако и тутъ равенство всего болѣе проявляется въ ѣдѣ и выпивкѣ, а работа ведется каждымъ за себя. Уступаю опять слово г. Энгельгардту: „Въ граборскихъ артеляхъ всѣ члены артели равноправны, ѣдятъ сообща и стоимость харчей падаетъ на всю заработанную сумму, изъ которой затѣмъ каждый получаетъ столько, сколько онъ выработалъ, по количеству вывезенныхъ имъ кубовъ, вырытыхъ саженей и пр. Работы, хотя и снимаемыя сообща, всею артелью, но производятся въ раздѣлъ. Когда роютъ канаву, то размѣряютъ ее на участки (по 10 саженъ обыкновенно) равной длины, бросаютъ жребій, кому какой участокъ рыть, потому земля не вездѣ одинакова, и каждый, равнымъ образомъ и рядчикъ, роетъ свой участокъ; если расчищаютъ кусты или корчуютъ мелкіе пни, тоже дѣлятъ десятину на участки (нивки) и опять по жребію каждый получаетъ участокъ. Словомъ *вся работа производится въ раздѣлъ*, — разумѣется, если это возможно — *и каждый получаетъ по количеству имъ выработаннаго* (курсивъ автора). Въ этомъ отношеніи рядчикъ имѣетъ только то преимущество передъ другими членами артели, что, сверхъ заработаннаго своими руками, получаетъ изъ артели еще извѣстный процентъ съ общей суммы заработка, въ вознагражденіе за хлопоты по пріисканію работы, разсчеты съ нанимателемъ и пр. Въ артеляхъ ни пьяницъ, ни пьянства нѣтъ. Никто въ артели не пьетъ въ одиночку, а если пьютъ, то пьютъ съ общаго согласія, всѣ вмѣстѣ, въ свободное время, когда это не мѣшаетъ работѣ. Всякія измѣненія въ хар-

чахъ дѣлаются тоже съ общаго согласія. Вообще согласіе въ артели замѣчательное и только работа производится въ раздѣлъ, при чемъ никто никогда другъ другу не поможетъ, хоть ты убейся на работѣ".

Таковы разные виды артельной работы мужика. Посмотримъ теперь, какъ авторъ описываетъ бабью работу, и притомъ не только наемную, у хозяина, но и свою, и даже работу у себя дома, семейную.

„Пришло время брать ленъ, выѣхали бабы. Пришло ихъ заразъ штукъ тридцать, выберутъ скоро. Разумѣется тутъ уже сообща, артелью, брать не станутъ, а раздѣлятъ десятину по числу бабъ на тридцать участковъ и каждая баба беретъ свой участокъ отдѣльно. Если во дворѣ нѣсколько бабъ, невѣстокъ, т.-е. если дворъ многосемейный и еще держится стариками не въ раздѣлѣ, то и у себя на нивѣ бабы одной семьи точно такъ же дѣлятъ ниву, для того чтобы одной не пришлось сработать болѣе, чѣмъ другой, для того чтобы работа шла скорѣй, потому что иначе сдѣлаютъ много меньше, такъ какъ каждая будетъ *бояться переработать* (курсивъ автора). Такъ какъ выборку льна можно производить въ раздѣлъ, то большого неудовольствія еще нѣтъ, ругаться, конечно, ругаются, но все-таки еще ничего; все это только цвѣточки, а ягодки будутъ впереди. Затѣмъ идетъ молотьба: тутъ опять раздѣляютъ работу, каждая баба счетомъ отбиваетъ и разстилаетъ извѣстное число сноповъ. Но вотъ наступило мятье; тутъ ужъ бабы окончательно выходятъ изъ себя, потому что работа производится въ такое время, когда бабы работаютъ въ деревнѣ на себя. Ленъ мяли артелью, и перекорамъ конца не было, потому что каждая баба старалась сработать какъ можно менѣе. Тридцать бабъ, работая каждая на себя, въ извѣстное время намнутъ напримѣръ 30 пудовъ льна, но тѣ же 30 бабъ въ то же время, работая артелью, намнутъ не болѣе 15 пудовъ. Мало того, если бабы работаютъ на себя и мнутъ ленъ отдѣльно за извѣстную плату отъ пуда. то десятина дастъ напримѣръ 35 пудовъ льна, если же работаютъ подесятинно, то та же десятина даетъ не болѣе 25 — 30 пудовъ, а 5 — 10 пудовъ останется въ кострѣ, пропадетъ безполезно, и хозяинъ получитъ отъ 10 до 20 руб. убытку, потому что бабѣ тогда все равно, сколько получится льна, и она даже будетъ стараться побольше спустить льна въ костру, чтобы меньше было работы и легче нести вязки льна въ амбаръ". И еще г. Энгельгардтъ старается доказать, что артельная, огульная работа, въ которой онъ видитъ единственный исходъ для нашего хозяйства, будетъ произво-

дительнѣе работы въ одиночку, обогатитъ крестьянство и всю страну! Да, если бы это не было противно человѣческой природѣ, если бы каждый не думалъ прежде всего о себѣ, а до пользы общей кому какое дѣло... Не помогаетъ тутъ и родство: „Даже родныя сестры, не говоря уже о женахъ родныхъ братьевъ, мнутъ ленъ въ раздѣлъ, каждая на себя, и не согласятся класть ленъ въ одну кучу и вѣшать вмѣстѣ, а заработную плату дѣлить пополамъ, потому что сила и ловкость неровныя, да и старатся такъ не будутъ и, работая вмѣстѣ, наминать будутъ менѣе, чѣмъ работая каждая порознь. Только мать съ дочерью иногда вѣшаютъ вмѣстѣ, но это лишь тогда, когда мать работаетъ на дочь и всѣ деньги идутъ дочери".

Въ другомъ мѣстѣ г. Энгельгардтъ въ такихъ еще болѣе мрачныхъ краскахъ рисуетъ домашнюю работу бабъ въ избѣ или во дворѣ: „Я знаю одинъ крестьянскій дворъ, состоящій изъ старика, старухи и пяти женатыхъ братьевъ. Старикъ совсѣмъ плохъ, старъ, слабъ,— хозяиномъ считается одинъ изъ братьевъ. Всѣ братья, хотя и молодцы на работѣ, но люди не очень умные и бойкіе. Бабы же какъ на подборъ, молодица къ молодицѣ, умныя, разумѣется по-своему, по бабьему, здоровыя, сильныя, всѣ отлично умѣютъ работать и дѣйствительно работаютъ отлично, когда работаютъ не на дворъ, а на себя, напримѣръ когда зимою мнутъ у меня ленъ и деньги получаютъ въ свою пользу. У себя же на дворѣ бабы на работу выходятъ поздно, которая выйдетъ раньше, поджидаетъ другихъ, работаютъ плохо, спустя рукава, гораздо хуже батрачекъ, каждая баба смотритъ, чтобъ не переработать, не сдѣлать болѣе, чѣмъ другая. Всѣ внутреннія хозяйственныя бабьи работы производятся въ раздѣлъ. Такъ, вмѣсто того, чтобы поставить одну изъ бабъ хозяйкой, которая готовила бы кушанье и пекла хлѣбы, всѣ бабы бываютъ хозяйками по очереди и пекутъ хлѣбы понедѣльно, одну недѣлю одна, другую—другая. Всѣ бабы ходятъ за водою и наблюдаютъ, чтобы которой-нибудь не пришлось принести лишнее ведро воды, даже беременныхъ и только что родившихъ, молодую, еще не вошедшую въ силу, дѣвку, дочь старшаго брата, заставляютъ приносить соотвѣтственное количество воды. Точно такъ же по очереди и доятъ коровъ; каждая баба моетъ отдѣльно бѣлье своего мужа и дѣтей; каждая своему мужу даетъ отдѣльное полотенце вытирать руки передъ обѣдомъ, каждая моетъ свою дольку стола, за которымъ обѣдаютъ". Далѣе этого казалось бы индивидуализація труда не можетъ идти, и однако она идетъ еще далѣе: „Случилось, что у трехъ бабъ были одно-

временно грудныя дѣти, которыхъ нужно было прикармливать молочной кашей, между тѣмъ зимою во дворѣ была всего одна рано отелившаяся корова, такъ что все молоко должно было идти на грудныхъ дѣтей. Казалось бы, чего проще хозяйкѣ выдоить ежедневно корову и сварить общую молочную кашу для всѣхъ дѣтей? Нѣтъ, ежедневно одна изъ бабъ дитятницъ по очереди доитъ корову, молоко раздѣляетъ на три равныя части и каждая баба отдѣльно варитъ кашу своему ребенку. Наконецъ, и этого показалось мало: должно быть боялись, что доившая можетъ утаивать молоко; стали дѣлать такъ: бабы доятъ корову по очереди, и та, которая доитъ, получаетъ все молоко для своего ребенка, т.-е. сегодня одна невѣстка доитъ корову, получаетъ все молоко себѣ, а потомъ три дня варитъ своему ребенку кашу на этомъ молокѣ, завтра другая невѣстка доитъ корову и получаетъ все молоко себѣ, послѣзавтра — третья...", а бѣдныя дѣти, которыхъ нужно прикармливать, получаютъ кашу, сваренную на свѣжемъ молокѣ, только черезъ два дня на третій. „Даже въ полевыхъ работахъ бабы вѣчно считаются... Каждая жнетъ отдѣльную нивку, и если она оставила высокое жнитво, то и всѣ другія оставляютъ такое же".

Положимъ, могутъ сказать, что этотъ примѣръ исключительный, что въ этомъ дворѣ хозяинъ-большакъ плохъ, не имѣетъ авторитета, не умѣетъ ввести распорядка и приказать, заставить работать,— ну, а кто же будетъ большакомъ въ артельной, союзной деревнѣ, какъ онъ заставитъ себя слушать, иначе развѣ какъ палкою, т.-е. опять-таки пріемами аракчеевскими? Нѣтъ, не только деревня, но и крестьянская семья — не пчелиный улей.

Читая вышеприведенныя строки—а ихъ изъ книги Энгельгардта можно выписать не мало и еще,—можно подумать, что онѣ взяты изъ писаній такого противника соціализма, какъ напр. Рихтеръ, который въ своей разошедшейся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ и переведенной на всѣ языки книжкѣ „Куда ведетъ соціализмъ"—почти такимъ же образомъ описываетъ будущность человѣчества при осуществленіи соціалистическихъ теорій, и пріемы, послѣдствія и результаты общаго совмѣстнаго труда, съ уничтоженіемъ въ немъ всякихъ индивидуальныхъ, личныхъ стимуловъ. Но трудно себѣ представить, что такъ говоритъ защитникъ этихъ теорій, по крайней мѣрѣ въ земельной области, А. Н. Энгельгардтъ. А почему? Потому что правда у него все же беретъ верхъ надъ фантастическою теоріею и рисуемыя имъ картины живой, неприкрашенной дѣйствительности рѣзко расходятся съ его же собственными идиллическими мечтами. И вотъ для того, чтобы помирить

эти бьющія ему самому въ глаза противорѣчія, онъ,— смутно высказываясь, что будто бы гдѣ-то, когда то, какъ слышно, уже были заведены общія артельныя хозяйства крестьянъ въ арендованныхъ ими помѣщичьихъ имѣніяхъ съ общею работою и раздѣломъ собранныхъ продуктовъ или вырученныхъ денегъ, отъ чего получились блестящіе результаты,— приходитъ однако къ тому заключенію, что крестьяне наши для такого дѣла еще не подготовлены, слишкомъ еще силенъ въ нихъ индивидуализмъ, сознаніе общей пользы у нихъ еще отсутствуетъ, а должны имъ придти на помощь и показать примѣръ интеллигенты. Этихъ интеллигентовъ онъ и зоветъ въ деревню, на землю, учиться крестьянскому труду. Правда, онъ еще ссылается на монастыри, въ которыхъ сельское хозяйство иногда процвѣтаетъ (Валаамъ, Соловки, Новый Аѳонъ и многіе другіе), содержатся прекрасныя породы скота, разводятся сады и т. п., но онъ упускаетъ при этомъ изъ виду во-первыхъ, что въ монастыряхъ людей соединяетъ религіозная идея отреченія отъ всѣхъ земныхъ благъ, что на первый планъ въ числѣ монастырскихъ добродѣтелей ставится слѣпое послушаніе, уничтожается всякая воля, всякая личная иниціатива, а во-вторыхъ, и это самое главное, тутъ нѣтъ семьи, нѣтъ женъ и дѣтей, нѣтъ невѣстокъ, которыя и молока-то для своихъ дѣтей не могутъ поровну подѣлить, а заставляютъ ихъ два дня изъ трехъ ѣсть кашку на прокисломъ молокѣ. Но, призывая интеллигентовъ, онъ хочетъ монастырскую религіозную идею замѣнить у нихъ идеей общей пользы, идеей просвѣтительной дѣятельности среди сельскаго населенія, въ области деревенскаго труда, для совмѣстной работы съ крестьянами. „Мало-ли теперь интеллигентныхъ людей, — говоритъ г. Энгельгардтъ, — которые, окончивъ ученіе, не хотятъ удовлетвориться обычной дѣятельностью — не хотятъ идти въ чиновники? Люди, прошедшіе университетъ, бѣгутъ въ Америку и заставляются простыми работниками у американскихъ плантаторовъ. Почему же думать, что не найдется людей, которые, научившись работать по-мужицки, станутъ соединяться въ общины, брать въ аренду имѣнія и обрабатывать ихъ собственными руками при содѣйствіи того, что даетъ знаніе и наука. Такія общины интеллигентныхъ земледѣльцевъ будутъ служить самымъ лучшимъ образцомъ для крестьянскихъ общинъ. Наконецъ, почему жъ бы выучившимся работать интеллигентнымъ людямъ не вступать въ союзъ съ крестьянами для совмѣстнаго арендованія и обработки земли? Покажи только, что ты дѣйствительно не праздно болтающій, а настоящій, способный работать, умственный человѣкъ, и община при-

метъ тебя, признаетъ тебя своимъ, будетъ слушать тебя и твою науку".

Извѣстно, что призывъ А. Н. Энгельгардта не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, къ нему начали массою стекаться интеллигенты обоего пола, стали обучаться тяжелой мужицкой работѣ — къ великому недоумѣнію крестьянъ, не понимавшихъ, зачѣмъ это люди ученые, способные къ лучше оплачиваемому труду, становятся съ ними заурядъ пахать, жать, косить, навозъ возить и т. п. Въ воображеніи какъ самого иниціатора этого движенія, такъ и его послѣдователей, уже рисовались заманчивыя картины дружной артельной земледѣльческой общины, цѣлыя интеллигентныя деревни и колоніи, которыя должны были своимъ примѣромъ увлечь мужика и просвѣтить его, но, какъ извѣстно, изъ всей этой затѣи въ концѣ-концовъ ровно ничего не вышло. Если кое-гдѣ такія колоніи и образовались, то очень скоро всѣ онѣ, за исключеніемъ лишь немногихъ, въ основу коихъ было положено какое-либо сектантское или мистическое ученіе,— распались, участники ихъ разъѣхались въ разныя стороны и либо посвятили себя сельскохозяйственнымъ занятіямъ уже на самыхъ обыкновенныхъ основаніяхъ, въ качествѣ единоличныхъ арендаторовъ имѣній, управляющихъ и т. п., либо даже пріобрѣли земельную собственность и стали хозяйничать на себя, либо обратились къ другимъ заработкамъ, болѣе для нихъ сподручнымъ и соотвѣтственнымъ, нежели тяжелый и плохо вознаграждаемый черный крестьянскій трудъ. А въ средѣ колонистовъ, пока ими дѣло велось, царили тѣ же внутреннія несогласія, тѣ же раздоры, тѣ же затрудненія при распредѣленіи работы и ея выполненіи, какъ и въ крестьянскихъ общинахъ или артеляхъ. Однимъ словомъ, интеллигенты оказались на практикѣ столь же мало подготовленными и способными къ проведенію въ жизнь началъ общаго, совмѣстнаго, артельнаго труда на пользу общую, какъ и простые крестьяне, работающіе успѣшно лишь постолько, посколько они работаютъ на себя. Полное фіаско такимъ образомъ послѣдовало и тутъ.

Въ самое послѣднее время мнѣ пришлось познакомиться съ трудомъ по аграрному вопросу одного очень извѣстнаго у насъ и пользующагося большимъ уваженіемъ профессора-агронома, и въ то же время хозяина-практика, И. А. Стебута, записка котораго, къ сожалѣнію, не поступила въ продажу,—и въ ней, среди разныхъ мыслей и соображеній по вопросу о поднятіи крестьянскаго хозяйства и производительности земли, къ которымъ я безусловно присоединяюсь, я нашелъ то же, что и у А. Н. Энгельгардта, увле-

ченіе идеею общественнаго хозяйства крестьянъ. Любопытно, что совершенно также, какъ г. Энгельгардтъ, и этотъ почтенный авторъ ссылается на то, что онъ слышалъ, что будто бы есть уже какое-то селеніе, осуществившее эту идею; что въ этомъ селеніи, находящемся гдѣ-то въ Гжатскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи, составленномъ изъ небольшого числа семействъ, связанныхъ между собою родствомъ, ведется общее хозяйство и урожай дѣлится между дворами. Однако и тутъ, вся ссылка ограничивается слухами, между тѣмъ какъ подобный фактъ, если бы онъ былъ справедливъ, конечно заслуживалъ бы ближайшаго вниманія, хотя онъ самъ по себѣ еще не много бы доказывалъ, уже потому, что тутъ, повидимому, идетъ рѣчь о нѣсколькихъ родственныхъ семействахъ, и кромѣ того, надо бы еще знать, долго ли подобное артельное хозяйство продержится безъ распаденія.

Въ одномъ изъ тѣхъ многочисленныхъ возраженій, которыя были вызваны моими статьями по земельному вопросу, проф. А. И. Чупровымъ указывалось, что обработка земли сообща, общимъ трудомъ, не составляетъ болѣе чистой утопіи, какъ я говорилъ, такъ какъ въ Италіи уже зародилось и существуетъ въ настоящее время нѣсколько, до 11, обществъ для коллективной аренды земли и обработки ея силами участниковъ этихъ обществъ. Началось дѣло съ того, что нѣкоторыя лиги рабочихъ попробовали снимать земли и имѣнія частныхъ владѣльцевъ въ аренду за общій счетъ всѣхъ участвующихъ въ нихъ членовъ и вести хозяйство не враздробь, какъ это обыкновенно бываетъ повсюду, а сообща, т. е. не нарушая цѣльности состава имѣнія и придерживаясь прежняго хозяйственнаго плана. Необходимые на веденіе дѣла капиталы были предоставлены имъ народными кредитными учрежденіями и нѣкоторыми рабочими обществами, обладавшими средствами. Члены обществъ поступаютъ въ имѣніе въ качествѣ обыкновенныхъ рабочихъ и получаютъ вознагражденіе въ общепринятомъ въ данной мѣстности размѣрѣ. Завѣдываніе предпріятіемъ находится въ рукахъ общаго собранія членовъ, административнаго совѣта и наблюдательнаго комитета. Для распоряженія имѣніемъ общество назначаетъ техническаго директора, бухгалтера и кассира. Изъ валового дохода прежде всего вычитаются издержки по оплатѣ рабочей силы; чистая прибыль, за вычетомъ запаснаго и вспомогательнаго фондовъ, распредѣляется между членами. Первыя общества пошли съ полнымъ успѣхомъ и начали вызывать себѣ подражаніе. Существующія общества для коллективныхъ арендъ стремятся теперь къ объединенію въ видахъ различныхъ

цѣлей. Общества хотятъ завести совмѣстное сельскохозяйственное техническое бюро, центральное счетное учрежденіе, взаимное страхованіе отъ града и отъ пожаровъ, вспомогательную кассу для членовъ на случай болѣзни, намѣреваются записаться въ національную кассу страхованія на случай старости и инвалидности.

Все это, конечно, прекрасно, и можно только пожелать подобнымъ обществамъ дальнѣйшаго развитія и успѣха. Но тѣмъ не менѣе выводить изъ факта ихъ существованія какія-либо общія заключенія нельзя,—вѣдь самъ проф. Чупровъ удостовѣряетъ, что всѣ эти общества зародились весьма недавно, и долго ли они продержатся, на сколько упрочится ихъ существованіе, еще не извѣстно. Не мало подобныхъ предпріятій возникало и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Италіи, и даже у насъ, вездѣ ихъ зарожденіе было встрѣчаемо съ большимъ сочувствіемъ и энтузіазмомъ, и тѣмъ не менѣе существованіе ихъ было всегда крайне эфемернымъ. Вспомнимъ хотя бы знаменитыя артельныя сыроварни Н. В. Верещагина, которыя такъ нашумѣли въ началѣ ихъ возникновенія, въ которыхъ видѣли начало зарожденія крестьянскихъ кооперативныхъ предпріятій, за которыми пойдутъ и такіе же кооперативные крестьянскіе крахмальные заводы, и льнотрепальни съ усовершенствованными машинами, и артельныя винокурни и многое другое. Обо всемъ этомъ тогда писалось, все это ожидалось, горячо привѣтствовалось,—и что же отъ этихъ артельныхъ сыроварень потомъ осталось? Но я долженъ еще добавить, что говоря объ утопичности крестьянскаго артельнаго хозяйства, хозяйствованія совмѣстнымъ личнымъ трудомъ, я вовсе не относилъ къ тому же разряду явленій разные союзы, кооперації, синдикаты сельскихъ хозяевъ для покупки, продажи и даже переработки произведеній своего хозяйства. Такіе союзы и синдикаты существуютъ и у насъ, особенно въ западныхъ губерніяхъ, и дѣятельность ихъ развивается вполнѣ успѣшно, при чемъ въ составъ ихъ входятъ хозяева и крупные, и мелкіе, а мѣстами, напримѣръ, въ Прибалтійскомъ краѣ, и крестьяне. Въ Западной Сибири, съ развитіемъ тамъ экспортнаго маслодѣлія, зародились, съ широкимъ денежнымъ содѣйствіемъ отъ бывшаго Министерства Земледѣлія, крестьянскія общественныя маслодѣльни, главнымъ образомъ возникшія для борьбы съ тѣми злоупотребленіями, которыя позволяли себѣ для эксплоатаціи крестьянъ — поставщиковъ молока, разные маслодѣлы-спекулянты, и надо надѣяться, что эти крестьянскія маслодѣльни пойдутъ успѣшнѣе прежнихъ верещагинскихъ артельныхъ сыроварень. Но вѣдь тутъ то же только союзъ.

кооперація, а отнюдь не общій артельный трудъ, который я главнымъ образомъ и считалъ утопичнымъ, и притомъ тутъ идетъ дѣло о такомъ простѣйшемъ производствѣ, какъ выдѣлка масла, которое не требуетъ крупныхъ затратъ, ни особыхъ техническихъ познаній; опытныхъ маслодѣловъ то же Министерство Земледѣлія готовило, выписавъ для этого сперва инструкторовъ изъ Даніи и Финляндіи, а сбытъ готоваго продукта на мѣстѣ вполнѣ обезпеченъ тѣми экспортными, большею частью иностранными, конторами, которыя тамъ же, въ Сибири, во множествѣ расплодились. Проф. Чупровъ указываетъ на существованіе заграницею кооперативныхъ винокуренъ и даже свеклосахарныхъ заводовъ, участниками которыхъ состоятъ мелкіе хозяева и крестьяне. Все это я хорошо знаю, но спрашиваю каждаго, кому извѣстны наши русскія условія, возможно ли теперь мечтать о томъ, чтобы наши крестьяне завели свои артельные свеклосахарные заводы и винокурни, или чтобы въ ихъ руки перешли такіе заводы въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя они разгромятъ, или которыя они даже, положимъ, законнымъ путемъ пріобрѣтутъ при содѣйствіи Крестьянскаго Банка? Знаю я и то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне выращиваютъ свекловицу для сосѣднихъ свеклосахарныхъ заводовъ, но отъ владѣльцевъ многихъ такихъ заводовъ слыхалъ не разъ, что они крестьянской свеклы вообще избѣгаютъ, такъ какъ она значительно хуже качествомъ, противъ заводской, съ меньшимъ содержаніемъ сахара, съ большимъ процентомъ солей и т. п. Приводимая проф. Чупровымъ справка о томъ, что будто бы въ Черниговской губерніи свеклосахарные заводы только одну треть перерабатываемой ими свекловицы выращиваютъ сами, а двѣ трети пріобрѣтаютъ отъ крестьянъ, едва-ли вѣрна. Вѣроятно, эти двѣ трети они пріобрѣтаютъ отъ плантаторовъ, въ числѣ которыхъ могутъ, конечно, попадаться и крестьяне (въ какомъ однако процентѣ — неизвѣстно), но извѣстно также и то, что тамъ, гдѣ заводчики желаютъ получить отъ крестьянъ хорошую свеклу, они снабжаютъ ихъ своими сѣменами, даже иногда распахиваютъ ихъ земли подъ свеклу своими плугами, въ другихъ же случаяхъ, какъ я указывалъ выше, они предпочитаютъ просто арендовать у крестьянъ ихъ надѣльныя земли и тогда уже сами ихъ обрабатываютъ, уплачивая за нихъ крестьянамъ высокую арендную плату. И вынуждены они иногда прибѣгать къ крестьянамъ въ качествѣ поставщиковъ свеклы, хотя бы съ ущербомъ для успѣшности производства, вслѣдствіе ея недоброкачественности, потому, что свеклосахарные заводы, принадлежащіе акціонернымъ

компаніямъ, выпускающимъ акціи на предъявителя, въ числѣ которыхъ могутъ быть и евреи и иностранцы, не имѣютъ права, по закону, пріобрѣтать въ собственность свыше 200 десятинъ земли.

Такимъ образомъ, выводить изъ этихъ фактовъ заключеніе о возможности возникновенія у насъ крестьянскихъ артельныхъ свеклосахарныхъ или винокуренныхъ заводовъ едва-ли не преждевременно,—а про далекое будущее я считаю совершенно излишнимъ говорить. Да, когда создадутся у насъ прочно поставленныя мелкія хозяйства, когда уничтожатся всякіе слѣды нашего современнаго крестьянскаго общиннаго землепользованія, съ его шуровыми полосками, передѣлами, когда крестьяне наши сдѣлаются настоящими сельскими хозяевами, и перестанутъ быть только землепашцами, какъ теперь, — тогда все это вѣроятно и станетъ возможнымъ, толковать же объ этомъ серьезно въ настоящее время, конечно, не приходится,—это одна утопія, хотя быть можетъ и заманчивая. „И все будетъ, да не теперя"—говоритъ русская пословица,—мы же разсуждаемъ о настоящемъ, а не о далекомъ будущемъ,—при томъ тѣмъ болѣе далекомъ, чѣмъ полнѣе и шире осуществятся мечты проповѣдниковъ такой аграрной реформы, которая направлена уже, конечно, не къ развитію и упроченію культуры, но напротивъ къ ея уничтоженію. А что крестьянское хозяйство и въ настоящее время, и при настоящихъ размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія, но только при другихъ условіяхъ землепользованія, и должно, и можетъ улучшиться, и мѣстами улучшается даже и теперь, объ этомъ я уже говорилъ и кладу именно это убѣжденіе въ основу всего своего труда.

Предвижу я еще одно возраженіе противъ моихъ доводовъ объ утопичности крестьянскаго общиннаго артельнаго труда въ области сельскаго хозяйства, — это именно указаніе на артели, устроенныя на югѣ извѣстнымъ Н. В. Левицкимъ. Однако, и подобныя возраженія, если они послѣдуютъ, я считаю мало убѣдительными. Я готовъ допустить, что пока во главѣ дѣла стоитъ такой убѣжденный, энергическій дѣятель, какъ г. Левицкій, когда артели создаются при его непосредственномъ участіи и подъ его руководствомъ, дѣло можетъ нѣкоторое время продержаться, но внутренней, жизненной силы, устойчивости въ немъ нѣтъ и разсчитывать на сколько нибудь прочное самостоятельное существованіе его невозможно. И вотъ что я нахожу по этому поводу въ упомянутой мною выше запискѣ проф. Стебута, увлеченнаго тою же идеею: „г. Левицкій, глубоко сочувствовавшій правильному устрой-

ству крестьянскаго хозяйства, усиливался создать крестьянскія артели, но его усилія разбивались, повидимому, о темноту крестьянской массы, а отчасти и о ихъ настоящее имъ до извѣстной степени октроированное землеустройство, невыгодно связывающее свободу ихъ дѣйствій въ этомъ отношеніи. Крестьяне образовали артели, увлекаемые къ этому возможностью получить въ видѣ ссуды на время деньги, въ которыхъ они всегда нуждаются, но когда эти деньги были израсходованы, артель распадалась".

Задавшись идеею привлеченія крестьянъ къ эксплоатаціи земли совмѣстно съ ея владѣльцемъ и заведенію имъ общаго съ арендаторами хозяйства, проф. Стебутъ попробовалъ эту идею осуществить и слѣдующимъ образомъ въ своей запискѣ описываетъ сдѣланную имъ въ этомъ смыслѣ попытку:

«Устроивъ отдѣльный хуторъ съ 120 десятинами полевой земли въ четырехпольѣ, по 30 десятинъ въ клину, я предложилъ крестьянамъ, въ числѣ 10 дворовъ, по 3 десятины въ клину на каждый дворъ, взять его въ аренду на слѣдующихъ условіяхъ, по возможности близкихъ къ существовавшимъ и существующимъ еще въ мѣстности, а именно: арендаторы должны были бы землю для обработки ея и для работъ на ней дѣлить по жребію, какъ это обыкновенно дѣлается крестьянами при арендованіи земли и при выполненіи работъ по найму въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ; затѣмъ удобрять землю они должны были бы по моему указанію, такъ какъ мнѣ лучше было извѣстно состояніе отдѣльныхъ частей поля въ отношеніи ихъ производительности, въ связи съ получавшимся ими удобреніемъ. Для того же, чтобы имѣть необходимый для удобренія навозъ, я обязывалъ арендаторовъ не увозить изъ хутора ни соломы, ни мякины, а стравливать эти послѣднія на хуторѣ арендаторскимъ скотомъ; примѣры этого послѣдняго встрѣчались также въ сосѣдствѣ — крестьяне ставили свой скотъ для зимняго прокормленія на частновладѣльческіе хутора. Въ видахъ же лучшаго кормленія скота я допускалъ занятіе части пара виковой смѣсью, какъ это дѣлалось у меня въ хозяйствѣ, и готовъ былъ отвести имъ часть суходольнаго луга. Наконецъ арендаторы обязывались сохранять четырехполье, при чемъ одно поле должно было быть занятымъ на двѣ трети картофелемъ, который находилъ себѣ выгодный сбытъ на сосѣдніе винокуренные и крахмальные заводы, а на одну треть выгономъ. Новаго противъ обычнаго въ мѣстности представляло мое требованіе, чтобы урожай хлѣбовъ свозился бы на хуторъ въ одно мѣсто, сообща обмолачивался, и обмолоченное зерно дѣлилось бы поровну

между арендаторами, при чемъ часть убраннаго зерна должна оставаться въ хуторскомъ амбарѣ до разсчета за аренду, остальная же могла быть сейчасъ-же разобрана арендаторами. Крестьяне какъ будто сочувственно отнеслись къ этому моему предложенію, но по истеченіи нѣкотораго времени высказали затрудненіе, которое они встрѣчаютъ въ арендованіи на такихъ условіяхъ въ томъ, что они, арендаторы, боятся возникновенія препирательствъ между ними, такъ какъ не будетъ человѣка, который бы распоряжался всѣмъ этимъ, и что было бы хорошо, если бы такое распоряженіе взялъ на себя я. Когда же я объяснилъ имъ, что желаю сдать въ аренду хуторъ вовсе не для того, чтобы покинуть хозяйство, но чтобы помочь имъ устроиться лучше, чѣмъ съ погоднимъ арендованіемъ отдѣльныхъ десятинъ, и потому готовъ взять на себя распоряженіе, сдѣлавшись даже ихъ соарендаторомъ, т. е. взявъ въ аренду такъ сказать у себя же одну изъ десяти долей, тогда они нашли какъ бы снова пріемлемымъ мое предложеніе. Но прошло еще нѣсколько времени, и интересовавшіеся, повидимому, этой арендой крестьяне заявили, что они встрѣчаютъ еще новое затрудненіе къ принятію моего предложенія въ томъ, что они не имѣютъ столько скота, сколько нужно для использованія всего количества соломы и мякины, которое можетъ получиться съ поля, да не имѣютъ и средствъ для пріобрѣтенія нужнаго въ этомъ случаѣ скота. Когда же я въ устраненіе этого затрудненія предложилъ ссудить имъ средства на пріобрѣтеніе необходимаго количества скота, съ тѣмъ, что эта ссуда будетъ возвращена мнѣ ими по частямъ съ извѣстной разсрочкой и безпроцентно, то всѣ затрудненія казались устраненными, и предложеніе мое встрѣчало полное сочувствіе. Но прошли еще годъ или два безъ того, чтобы крестьяне рѣшительно откликнулись на это предложеніе; а за тѣмъ явился ко мнѣ довольно богатый и умный крестьянинъ, который заявилъ, что онъ подыскалъ соарендаторовъ, и они готовы взять въ аренду хуторъ на предлагаемыхъ мною условіяхъ, лишь просятъ убавить на 200 рублей арендную плату. Я и на это согласился, но когда я переговорилъ съ собравшимися соарендаторами, то мнѣ сдѣлалось яснымъ, что арендаторомъ собственно будетъ одинъ этотъ богатый и умный крестьянинъ, и я долженъ былъ отказаться отъ этого моего плана. Очевидно, съ одной стороны, темнота массы, съ другой — отсутствіе у крестьянъ общности интересовъ, при чемъ зажиточный крестьянинъ слишкомъ эгоистиченъ для того, чтобы сочувствовать возможности для своего бѣднаго собрата улучшить свое положеніе, помѣшали осуществленію моего плана».

Думаю я, что какъ этотъ, такъ и всѣ подобные тому планы еще долго будутъ терпѣть такія же неудачи, и что слѣдовательно и эта идея сохозяйничанья владѣльца земли съ артелью крестьянъ арендаторовъ должна быть отнесена къ области утопическихъ мечтаній, при всей ея заманчивости и кажущейся выгодности для обѣихъ сторонъ.

III.

Идея національзаціи земли.

Посколько идея объ общемъ, артельномъ хозяйствѣ противорѣчитъ свойствамъ нравственной природы человѣка, постолько же противорѣчитъ какъ ей, такъ и основамъ сельскаго хозяйства, теорія національзаціи земли, по крайней мѣрѣ, въ чистомъ ея видѣ. По этой теоріи, какъ извѣстно, право частной собственности на землю отвергается совершенно,—земля, какъ и воздухъ, не можетъ принадлежать никому въ отдѣльности, человѣкъ можетъ пользоваться лишь тѣми плодами, которые онъ самъ, своими руками, изъ нея извлечетъ, и потому право на землю должно принадлежать каждому, кто пожелаетъ приложить къ ней свой трудъ. Земля—ничья—Божья,—говорятъ тѣ, кто Бога еще признаетъ,— общая — говорятъ другіе, и никто не можетъ присваивать себѣ то, что создано для общей пользы и потребы. Не можетъ никто передавать находящейся лишь временно въ его пользованіи земли своимъ наслѣдникамъ, а по смерти пользователя она должна возвращаться въ общій фондъ, распоряженіе которымъ должно принадлежать государству. Но при этомъ упускается изъ виду, что пользованіе землею можетъ быть успѣшно лишъ постолько, посколько къ ней приложенъ трудъ не одного лица, а цѣлыхъ поколѣній, что она только тогда можетъ быть предохранена отъ истощенія, дать максимумъ своей производительности, когда эксплоатація ея не будетъ ограничиваться предѣлами жизни одного человѣка, наконецъ, что кромѣ личнаго труда къ землѣ долженъ быть приложенъ и капиталъ. Положимъ, что проповѣдники этой теоріи отвергаютъ въ принципѣ и право наслѣдованія, и капиталъ, и сводятъ вопросъ объ эксплоатаціи земли къ обработкѣ ея личнымъ только трудомъ человѣка. Очевидно, что не много дастъ подобный трудъ, и при

невозможности свободнаго распоряженія обработанной землею, передачи ея своимъ дѣтямъ, потомству, пропадетъ и главный стимулъ къ работѣ, къ улучшенію земли, къ затратѣ на нее труда болѣе, нежели сколько потребно для удовлетворенія однѣхъ только насущныхъ, повседневныхъ потребностей человѣка. Между тѣмъ, сельскохозяйственное предпріятіе прежде всего требуетъ прочности, долговѣчности, въ иныхъ случаяхъ результаты вложеннаго въ землю труда въ полной мѣрѣ проявляются лишь тогда, когда перваго работника уже и на свѣтѣ нѣтъ,—взять хотя бы посадку деревьевъ, плоды которыхъ часто не ѣстъ тотъ, кто ихъ сажалъ. Мы воочію видимъ, къ чему приводитъ общинное землевладѣніе у нашихъ крестьянъ,—теорія же націонализаціи земли идетъ гораздо далѣе нашихъ общинныхъ порядковъ, установляющихъ передѣлы земли между членами общины, но не отвергающихъ права перехода по наслѣдтсву, отъ отца къ сыну, обработанныхъ участковъ, разрѣшающихъ частичную ихъ урѣзку по мѣрѣ возростанія населенія, нарожденія новыхъ ртовъ, но лишь въ рѣдкихъ случаяхъ допускающихъ отобраніе ихъ отъ одной семьи для передачи другой,—тутъ же предполагается установить право пользованія землею лишь на время жизни лица, съ отобраніемъ ея затѣмъ послѣ его смерти, въ распоряженіе государства — для предоставленія кому?— стороннему лицу, кто первый явится, съ устраненіемъ, быть можетъ, даже членовъ той же семьи, помогавшихъ отцу при обработкѣ даннаго участка. Далѣе этого нелогичность и гибельность подобной теоріи, очевидно, идти не можетъ.

Есть, правда, проповѣдники идеи націонализаціи земли въ болѣе смягченной формѣ. Право собственности на землю, говорятъ они, должно принадлежать государству, но отдѣльные участки земли могутъ быть передаваемы въ потомственное пользованіе отдѣльныхъ родовъ, до тѣхъ поръ, пока земля будетъ членами ихъ разработываться, съ сохраненіемъ за государствомъ права — не полнаго отобранія всей земли, отведенной роду, но лишь части ея, для равненія между всѣми, по мѣрѣ увеличенія народонаселенія и нарожденія новыхъ лицъ, желающихъ осуществить свое якобы прирожденное каждому человѣку право на землю. Но результаты подобнаго равненія мы тоже видимъ у насъ, въ нашихъ сельскихъ общинахъ, земельные порядки которыхъ едва ли могутъ быть признаны идеальными и сколько-нибудь заслуживающими распространенія. А между тѣмъ сельская община—единица сравнительно небольшая, хорошо знающая потребности, нужды и условія землепользованія каждаго изъ своихъ сочленовъ. Что же можно ожи-

дать тогда, когда эти порядки будутъ распространены на всю страну и перераспредѣленіе, равненіе земли будутъ дѣлать уже не сочлены той же общины, а агенты правительства, т. е., по-просту, чиновники! Впрочемъ, можетъ быть въ будущемъ государствѣ, осуществившемъ у себя идеалы соціализма, и чиновники будутъ идеальные... Во всякомъ случаѣ, подобное вмѣшательство правительственной власти въ сферу земельныхъ отношеній представляется едва ли желательнымъ и способнымъ повести къ улучшенію сельскаго хозяйства, съ повышеніемъ производительности земли. Скорѣе слѣдуетъ ожидать совершенно обратнаго.

Замѣчательно, что даже тамъ, гдѣ, какъ въ Ирландіи, правительство признало нужнымъ, въ огражденіе интересовъ арендаторовъ, вмѣшаться въ отношенія ихъ къ владѣльцамъ земли—лендлордамъ, оно далѣе облегченія выкупа земель арендаторами въ полную ихъ собственность не пошло и на путь обращенія земли въ казну—націонализаціи ея—не вступило. Точно также и въ Пруссіи, гдѣ, какъ мы уже видѣли, правительство ежегодно скупаетъ на значительныя суммы частновладѣльческія имѣнія, оно обращаетъ въ казну только лѣсъ и мало производительныя песчаныя пространства, тоже въ видахъ ихъ облѣсенія, всѣ же пригодныя для полевой культуры земли, по разбивкѣ ихъ на мелкіе участки и производства на нихъ разнаго рода меліораціонныхъ работъ,—предоставляетъ фермерамъ на условіяхъ аренды, но съ правомъ выкупа въ частную собственность, не увлекаясь идеями Бебеля, Каутскаго и другихъ германскихъ соціалистовъ объ обращеніи земель изъ частнаго владѣнія въ государственное или общественное (соціализація земли).

Еще менѣе находила себѣ сочувствія и въ правительствѣ, и въ средѣ населенія, теорія націонализаціи земли во Франціи, гдѣ она почти даже не поднималась, не взирая на сильное вліяніе соціалистическихъ партій въ парламентѣ и на значительные успѣхи соціалистическихъ идей въ области фабричнаго и рабочаго вопроса; и ни въ одной другой странѣ,— при значительномъ развитіи и преобладаніи во Франціи мелкой поземельной собственности и фермерскаго хозяйства въ имѣніяхъ болѣе крупныхъ, — поземельная собственность не стоитъ такъ твердо, какъ именно во Франціи, нигдѣ соціалистическія идеи не находятъ себѣ такъ мало сочувствія и отклика въ средѣ земледѣльческихъ классовъ населенія; пропаганда этихъ идей, столь распространенная и успѣшная въ городахъ и фабричныхъ центрахъ, во Франціи въ эту среду всего менѣе проникаетъ, имѣя въ ней

очень мало шансовъ на успѣхъ. За то Франція годъ отъ году и богатѣетъ, за то французскій крестьянинъ, зная цѣну какъ своего труда, такъ и оплодотвореннаго тяжелымъ рабочимъ потомъ цѣлыхъ поколѣній принадлежащаго ему земельнаго участка, и не дастъ себя увлечь никакими теоріями, въ основѣ которыхъ лежитъ отнятіе того, что есть, ради призрачныхъ благъ возвѣщаемаго въ будущемъ, но нигдѣ въ мірѣ не осуществленнаго и недоступнаго на землѣ благополучія; не вѣритъ онъ въ это благополучіе, коль скоро оно связано съ обезличеніемъ человѣка, съ лишеніемъ его и его потомковъ возможности и права пользоваться результатомъ своего труда, связано съ отказомъ отъ достиженія каждымъ своего личнаго блага, которое все же является стимуломъ всякой человѣческой дѣятельности и главнымъ двигателемъ прогресса на землѣ.

Всѣ эти, многихъ смущающія, но вполнѣ безпочвенныя теоріи грозятъ не только полнымъ застоемъ всей экономической жизни страны, но и регрессомъ во всѣхъ областяхъ труда и производительной дѣятельности человѣка, въ особенности же въ такой, какъ сельское хозяйство, гдѣ любовь къ дѣлу, знаніе, искусство и личный интересъ даже не одного только человѣка, а цѣлаго рода, играютъ главную роль. Вотъ почему можно быть твердо увѣреннымъ, что всѣ эти прекрасныя теоріи никогда не выйдутъ изъ области мечтаній, и ни теперь, ни въ будущемъ, не могутъ имѣть никакихъ шансовъ на свое осуществленіе. Но тѣмъ опаснѣе всякія попытки колебать твердо установившійся строй, какъ бы онъ ни былъ, съ точки зрѣнія высшей справедливости, несовершененъ, и вмѣсто постепеннаго его улучшенія и совершенствованія, стремиться къ полному его ниспроверженію и созданію чего-то новаго на развалинахъ стараго, когда это старое создавалось тысячелѣтіями, новое же подъ собою ничего, кромѣ призрачныхъ мечтаній, фантазій и утопій не имѣетъ и имѣть не можетъ.

Полагаю, что ни одинъ настоящій сельскій хозяинъ въ цѣломъ мірѣ не только не поставитъ, но даже не станетъ серьезно обсуждать вопроса о національзаціи земли. Чтобы не быть голословнымъ, въ подкрѣпленіе этого мнѣнія приведу интересный эпизодъ, разыгравшійся въ моемъ присутствіи на Международномъ Сельскохозяйственномъ Конгрессѣ 1891 года въ Гаагѣ, въ которомъ участвовали представители 17 странъ, въ числѣ 290 человѣкъ. Нѣкій г. Стоффель, голландецъ, внесъ на обсужденіе конгресса предложеніе о постепенномъ выкупѣ част-

ныхъ земель правительствомъ и общинами, съ цѣлью образованія изъ нихъ государственнаго и общественнаго земельнаго фонда. Свое предложеніе докладчикъ формулировалъ слѣдующимъ образомъ: 1) желательно, чтобы государству предоставлено было право пріобрѣтать, при условіи справедливаго вознагражденія, земли, остающіяся нынѣ необработанными или даже вообще мало производительныя, съ тѣмъ, чтобы отдавать ихъ въ аренду на льготныхъ условіяхъ сельскимъ рабочимъ, снабжая ихъ притомъ и необходимымъ капиталомъ для постройки усадьбы, обзаведенія инвентаремъ и улучшенія земли; 2) желательно, чтобы увеличеніе стоимости земли, являющееся результатомъ увеличенія численности населенія, проведенія желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, устройства портовъ и всякаго рода улучшеній, производимыхъ на правительственный или общественный счетъ, имѣло послѣдствіемъ повышеніе налоговъ, упадающихъ на частную собственность. Этимъ путемъ правительства и общины увеличили бы свои доходы, что было бы вполнѣ справедливо, потому что увеличеніе цѣнности земли въ подобныхъ случаяхъ является результатомъ не трудовъ и усилій отдѣльнаго лица, а цѣлаго общества или правительства; 3) необходимо, чтобы правительство въ широкихъ размѣрахъ предприняло осушку болотъ, разработку ландъ и другихъ непроизводительныхъ нынѣ земель и отнюдь не продавало бы ихъ частнымъ лицамъ, но лишь предоставляло во временное ихъ пользованіе, полученныя такимъ образомъ, производительныя земли; 4) необходимо, чтобы были нынѣ же приняты переходныя мѣры, которыя способствовали бы постепенному превращенію всей частной поземельной собственности въ общинную, такъ какъ только община можетъ эксплоатировать землю въ интересахъ всѣхъ, а не отдѣльныхъ лицъ.

Лишь третье изъ предложеній докладчика, относительно обширныхъ правительственныхъ меліораціонныхъ работъ для улучшенія земель непроизводительныхъ, разработка которыхъ часто не подъ силу отдѣльному лицу, было сочувственно встрѣчено собраніемъ; всѣ же остальные пункты доклада были единогласно отвергнуты, причемъ было высказано, что при эксплоатаціи путемъ аренды принадлежащихъ правительству земель, онѣ большею частью попадаютъ отнюдь не въ руки наиболѣе нуждающагося класса земледѣльцевъ, но, напротивъ, въ руки лицъ и безъ того состоятельныхъ, которыя имѣютъ возможность набирать себѣ такимъ образомъ обширныя пространства земли. Представитель Австріи замѣтилъ, что, какъ на его родинѣ, такъ, вѣроятно, и

во многихъ другихъ странахъ, государственныя и общественныя земли большею частью эксплоатируются и обрабатываются хуже всѣхъ другихъ, и что арендаторъ въ сущности ничего не выиграетъ отъ того, что будетъ имѣть дѣло съ правительствомъ въ качествѣ землевладѣльца, а не съ частными лицами, такъ какъ правительство въ этомъ случаѣ будетъ столь же заинтересовано въ извлеченіи возможно высшихъ доходовъ отъ принадлежащей ему земли, какъ и послѣднія. Далѣе, было обращено вниманіе на то, что общинное землевладѣніе есть форма, свойственная мѣстностямъ, стоящимъ на низшихъ ступеняхъ развитія, что она служитъ помѣхой всякому сельскохозяйственному прогрессу, что она нарушаетъ интересы частныхъ лицъ и т. п. Было указано, что даже въ Голландіи мѣстами до сихъ поръ еще существуютъ земли, находящіяся въ общинномъ владѣніи, но что земледѣльческій прогрессъ начинается, какъ показываетъ опытъ, лишь по мѣрѣ отмѣны общиннаго владѣнія.

Несмотря на энергическую защиту Стоффелемъ своего предложенія, которому онъ придалъ громкое названіе „идеи о національзаціи земли“, высказавъ, что въ настоящее время общество еще, быть можетъ, не подготовлено къ воспринятію столь великой мысли, которой принадлежитъ будущее, конгрессъ принялъ слѣдующее мотивированное заключеніе: „Принимая во вниманіе, что сосредоточеніе поземельной собственности исключительно въ рукахъ казны служило бы помѣхой къ развитію земледѣлія и тормазомъ ко всякому сельскохозяйственному прогрессу; что національзація земли представила бы серьезную опасность съ точки зрѣнія: 1) свободы отдѣльныхъ личностей, 2) прочности соціальныхъ отношеній, преимущественно въ средѣ сельскихъ классовъ населенія, и 3) моральныхъ и финансовыхъ интересовъ правительства, — конгрессъ признаетъ, что принципъ національзаціи почвы долженъ быть безусловно отвергнутъ“. На этомъ заключеніи, принятомъ въ общемъ собраніи единогласно (такъ какъ Стоффель удалился съ конгресса), обсужденіе этого оригинальнаго предложенія и закончилось.

Замѣтимъ, что даже Стоффель, бѣжавшій изъ собранія до вотированія резолюціи по внесенному имъ вопросу и не нашедшій ни одного голоса среди сельскихъ хозяевъ, членовъ конгресса, для его поддержки, предлагалъ не насильственную и безвозмездную конфискацію земель частнаго владѣнія, а выкупъ ихъ за справедливое вознагражденіе и притомъ только земель, не обрабатываемыхъ ихъ владѣльцами и вообще мало производи-

тельныхъ,— слѣдовательно, былъ очень далекъ отъ соціалистическихъ ученій насильственнаго отобранія земель и еще дальше отъ лозунга нашей соціально-революціонной партіи — вся земля крестьянамъ. И, тѣмъ не менѣе, ни въ комъ сочувствія своимъ идеямъ онъ не нашелъ и, уходя, призналъ современное общество еще недостаточно подготовленнымъ для ихъ воспріятія. А между тѣмъ, это было уже послѣ того, какъ на цѣломъ рядѣ соціалистическихъ конгрессовъ въ Швейцаріи, въ Германіи и въ другихъ странахъ широко пропагандировалась и распространялась въ милліонахъ экземпляровъ резолюція о націонализаціи земли, о предоставленіи ея въ руки истинныхъ тружениковъ — землеробовъ и т. п., резолюція, которая, къ слову сказать, встрѣтила серьезный отпоръ со стороны швейцарскихъ же и нѣмецкихъ крестьянъ.

Говорятъ еще, что идея націонализаціи земли уже нашла себѣ практическое осуществленіе въ Австраліи,— хотя при условіяхъ, совершенно своеобразныхъ, и съ нашими имѣющихъ мало общаго. Свободныя государственныя земли отводятся тамъ, подъ условіемъ обзаведенія хозяйствомъ, устройства фермы и распашки, или веденія скотоводства — на срокъ въ 999 лѣтъ. Въ Новой Зеландіи правительство имѣетъ право отчужденія частныхъ имѣній извѣстнаго болѣе или менѣе крупнаго размѣра, для разбивки ихъ на болѣе мелкіе участки, отдаваемые, затѣмъ, въ наслѣдственную аренду на такой же 999 лѣтній срокъ. Но тамъ правительство преимущественно озабочено привлеченіемъ въ страну, сравнительно мало заселенную, возможно большаго числа переселенцевъ, для водворенія въ краѣ земледѣльческой культуры, взамѣнъ прежняго пастбищнаго хозяйства, оставлявшаго значительныя пространства земли втунѣ лежащими и мало производительными. На ряду же съ этимъ тамъ существуетъ законъ, допускающій продажу въ полную частную собственность даже государственныхъ земель. Въ случаяхъ же допущеннаго закономъ отчужденія обширныхъ частныхъ владѣній, вѣроятно, попавшихъ въ частныя руки первоначальныхъ засельщиковъ — преимущественно крупныхъ овцеводовъ — путемъ захвата, все же рекомендуется производить отчужденіе по добровольному соглашенію съ владѣльцемъ, и только въ случаѣ недостиженія такого соглашенія примѣняется обязательный выкупъ. Такимъ образомъ, вполнѣ невѣрно утвержденіе нѣкоторыхъ авторовъ, что будто бы въ Австраліи провозглашенъ принципъ націонализаціи земли. Да и что такое 999 лѣтняя аренда? Кто знаетъ, что будетъ по прошествіи тысячелѣтія безъ года

и будутъ ли тогда земли отобраны отъ ихъ тысячелѣтнихъ пользователей, имѣющихъ, къ тому же, право свободной передачи-продажи своихъ фермъ другимъ лицамъ, — будутъ ли онѣ послѣ того пущены въ передѣлъ, и т. п.? этого, конечно, никто впередъ предвидѣть не можетъ. Подобная національзація земли, конечно, ничего страшнаго въ себѣ не заключаетъ, имѣя притомъ цѣлью развитіе и поднятіе сельскохозяйственной культуры, тогда какъ предлагаемая у насъ національзація имѣла бы неминуемымъ послѣдствіемъ немедленный ея упадокъ, при переходѣ частныхъ земель въ руки крестьянъ, особенно на началахъ не полной собственности.

Желающимъ же ознакомиться съ осуществленіемъ идеи національзаціи земли въ полномъ ея видѣ совсѣмъ нѣтъ надобности ходить за этимъ такъ далеко, какъ въ Австралію. Они могутъ видѣть это гораздо ближе, именно въ Турціи, Персіи и другихъ сопредѣльныхъ съ нами магометанскихъ государствахъ. Извѣстно, что по мусульманскому праву вся земля считается принадлежащей Аллаху и его намѣстнику на землѣ — Султану или Падишаху, который уже отъ себя отдаетъ ее въ пользованіе правовѣрнымъ, за извѣстную въ свою пользу подать или десятину. Нѣкоторыя земли составляютъ собственность духовныхъ установленій (вакуфы), частныя же лица могутъ владѣть на правѣ полной собственности только участками застроенными, домами въ городахъ и т. п. Всѣ же остальныя земли остаются въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ только до тѣхъ поръ, пока они ихъ обрабатываютъ, могутъ переходить и по наслѣдству, но поступаютъ обратно къ Падишаху и передаются имъ другимъ лицамъ, если владѣлецъ ими не пользуется или не вноситъ за нихъ установленной подати. Передача земли отъ одного владѣльца къ другому можетъ тоже происходить не иначе, какъ съ его разрѣшенія, при чемъ передается только право пользованія землею, право же собственности на нее всегда остается за властителемъ страны. Словомъ, это та самая національзація земли, о которой мечтаютъ соціалисты, съ тою только разницею, что земля считается принадлежащею не государству, а Султану, Падишаху, или Хану, которые представляютъ собою тамъ олицетвореніе государства. И, однако, едва ли можно сказать, чтобы осуществленіе этой якобы идеальной формы землепользованія много способствовало благосостоянію и богатству тѣхъ странъ, въ которыхъ она издавна примѣняется, и которыя столѣтіями стоятъ на низшихъ степеняхъ культуры, при полной нищетѣ ихъ обитателей. Нѣкоторое исключеніе составляютъ страны съ сравнительно высокою культурою земли, при широкомъ распространеніи орошенія,

какъ, напримѣръ, Хива и Бухара, но и тутъ, повидимому, болѣе обогащаются владыки этихъ странъ, нежели ихъ подданные, которые, впрочемъ, пользуются правомъ передачи своихъ орошенныхъ и обработанныхъ ихъ трудомъ земель, по наслѣдству, и даже правомъ продажи ихъ, тогда какъ проповѣдники идеи національзаціи земли въ чистомъ ея видѣ, кажется и подобной передачи не допускаютъ.

По сколько же принципъ національзаціи, или сохраненія правъ собственности государства на землю касается свободныхъ государственныхъ земель, это начало находитъ себѣ примѣненіе и у насъ, напримѣръ, въ отношеніи сибирскихъ земель, которыя правительство предоставляетъ переселенцамъ въ вѣчное потомственное пользованіе, сохраняя на нихъ свое право собственности, оставляя за собою право разработки нѣдръ и т. п., слѣдовательно, продолжая ихъ считать землями государственными, за которыя поселенцы уплачиваютъ не выкупъ, а оброкъ. Но изъ этого не вытекаетъ, чтобы наше правительство провозглашало въ Сибири принципъ національзаціи земли, тѣмъ болѣе, что и тамъ, какъ въ Австраліи, допускается въ извѣстныхъ случаяхъ и продажа казенной земли въ частную собственность.

Очень близко къ этому подходитъ и еще одна форма землевладѣнія, которую иногда предлагаютъ нѣкоторыя лица, выступающія противниками частной собственности на землю, это именно институтъ вѣчной наслѣдственной аренды. Но на самомъ дѣлѣ, этотъ институтъ можетъ существовать и при сохраненіи правъ частной собственности на землю и, слѣдовательно, отнюдь не является ея отрицаніемъ. При немъ только отдѣляется право собственности отъ права владѣнія и распоряженія землею, почему это начало можетъ быть примѣняемо одинаково и къ землямъ государственнымъ, и къ землямъ частнымъ, Такъ, при этой формѣ, собственникъ земли, безразлично — частное лицо или государство,—можетъ предоставить свою землю въ вѣчное, потомственное пользованіе арендатора, поселенца, фермера, припущенника, за опредѣленную единожды навсегда и неизмѣняемую арендную плату, лишаясь права отобранія земли отъ арендатора, покуда онъ добросовѣстно исполняетъ свои обязанности въ отношеніи собственника, но сохраняя за собою нѣкоторыя права, вытекающія изъ его права собственности на землю; такъ, онъ сохраняетъ за собою право отчужденія земли, залога ея, право разработки нѣдръ, какъ и связанныя съ поземельною собственностью юридическія и гражданскія права, напримѣръ, право ценза для всякихъ выборовъ. Арендатору

эта форма владѣнія землею представляетъ большія выгоды: она вполнѣ обезпечиваетъ его отъ всякихъ возможныхъ со стороны собственника земли или его потомковъ притѣсненій, не только путемъ его изгнанія, отнятія у него аренды, но и повышеніемъ на нее арендной платы, противъ первоначально установленной. Такъ какъ права арендатора на пользованіе землею обезпечены навсегда, то онъ, конечно, столь же обезпеченъ и въ отношеніи использованія всѣхъ тѣхъ улучшеній, которыя онъ на этой землѣ произведетъ. Кромѣ того, эта форма владѣнія землею, въ сущности для арендатора очень мало отличающаяся отъ права собственности на землю, — за исключеніемъ развѣ правъ на нѣдра, такъ какъ онъ является арендаторомъ только поверхности, — представляетъ еще ту очень значительную выгоду, что она избавляетъ его отъ необходимости единовременной затраты капитала на покупку земли въ собственность и даетъ ему, слѣдовательно, возможность всѣ свои средства обратить на веденіе хозяйства, на пріобрѣтеніе инвентаря, на разныя улучшенія. Часто арендатору предоставляется право и переуступки арендованной имъ земли другому лицу, съ согласія собственника земли, или даже и безъ такого согласія.

По отношенію земель государственныхъ, противъ установленія на нихъ такихъ формъ вѣчной наслѣдственной аренды въ принципѣ нельзя было бы возражать. Государство вѣчно и, слѣдовательно, вправѣ дѣлать и такія распоряженія, которыя распространяются на вѣчныя времена. Нѣсколько сомнительнѣе становится этотъ вопросъ по отношенію къ землямъ частныхъ собственниковъ, такъ какъ дарованіе права отдачи земель въ вѣчную аренду равносильно предоставленію имъ права такого распоряженія землею, которое заходитъ за предѣлы жизни человѣка и связываетъ всѣхъ будущихъ его потомковъ. До сихъ поръ наше законодательство стояло на совершенно другой почвѣ и не допускало не только вѣчной аренды, но даже и аренды сколько-нибудь продолжительной, что, къ слову сказать, составляетъ одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ нашихъ гражданскихъ законовъ, касающихся арендnаго дѣла. Само собою разумѣется, что чѣмъ сроки аренды продолжительнѣе, тѣмъ болѣе обезпечены и права арендатора и интересы собственника земли въ томъ отношеніи, что его землѣ не угрожаетъ истощеніе, что арендаторъ будетъ заботиться о поддержаніи имѣнія въ цѣлости и сохранности, не будетъ останавливаться передъ улучшеніями, требующими даже и значительныхъ затратъ, разъ онъ получаетъ увѣренность въ возможности ихъ использованія. Но отъ аренды болѣе или менѣе продолжительной

до аренды вѣчной еще очень далеко и насколько первая желательна, настолько, по моему мнѣнію, вторая является такимъ расширеніемъ правъ человѣка, идущимъ за предѣлы его жизни, которое едва ли можетъ быть съ юридической точки зрѣнія оправдано. Однако, я готовъ признать, что это вопросъ спорный, еще достаточно не разработанный, имѣющій свои хорошія и свои дурныя стороны.

До сихъ поръ, правительство у насъ стремилось къ тому, чтобы и существовавшія прежде формы вѣчной аренды, вродѣ напримѣръ чинша, превратить въ право полной собственности, предоставляя наслѣдственнымъ арендаторамъ-чиншевикамъ право выкупа своихъ чиншевыхъ участковъ. Въ великороссійскихъ губерніяхъ случаевъ примѣненія началъ вѣчной аренды мнѣ совершенно неизвѣстно, но и тамъ, гдѣ какъ, напримѣръ, въ Западномъ краѣ и въ Польшѣ, она издавна существовала въ отношеніи не только земли, но и разныхъ другихъ недвижимыхъ имуществъ, законодательство наше старалось развязать эти связывающія собственника съ арендаторомъ отношенія и не допускало установленія ихъ вновь. Во всякомъ случаѣ, между институтомъ вѣчной наслѣдственной аренды и идеей націонализаціи земли ничего общаго нѣтъ, ни въ теоріи, ни на практикѣ, но, какъ все межеумочное, это начало ставитъ дѣло, по моему мнѣнію, на почву неопредѣленную, могущую вести къ разнымъ осложненіямъ: право собственности—безъ права, или съ ограниченнымъ правомъ распоряженія, съ одной стороны; съ другой — право владѣнія и пользованія, безъ права собственности. Если даже допустить, что законъ не долженъ ставить преградъ къ установленію подобныхъ юридическихъ формъ и отношеній, то видѣть въ нихъ какой-то идеалъ будущей организаціи земельнаго дѣла я съ своей стороны не нахожу ни малѣйшаго основанія.

Относясь, такимъ образомъ, вполнѣ отрицательно къ идеѣ объ огульной націонализаціи земли, считая такую мѣру анти-экономической, вредной, долженствующей парализовать всякое развитіе хозяйства, я, однако, признаю эту мысль не только возможной къ осуществленію, но даже весьма желательной по отношенію къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ угодьямъ, и прежде всего къ лѣсамъ, а равно къ такъ называемымъ неудобнымъ землямъ, — пескамъ, болотамъ, и затѣмъ по отношенію къ нѣдрамъ земли, которыя у насъ считаются нераздѣльными съ ея поверхностью, тогда какъ во многихъ ино-

странныхъ законодательствахъ проведено начало ихъ раздѣльности, существовавшее и въ Россіи, со временъ Бергъ-Регламента Императора Петра I и вплоть до царствованія Императрицы Екатерины II. Но само собою разумѣется, что я отнюдь не считаю возможнымъ предложить, особенно въ видѣ сколько-нибудь общей мѣры, насильственное отчужденіе ни упомянутыхъ выше угодій, ни нѣдръ земли отъ ихъ настоящихъ владѣльцевъ, и исхожу при этомъ изъ совершенно иныхъ соображеній, нежели теоріи соціалистовъ. Я уже показалъ, что для правильной хозяйственной эксплоатаціи земли нужна принадлежность ея владѣльцу на правѣ полной собственности и никакое временное ея предоставленіе государствомъ или обществомъ въ срочное пользованіе частнаго лица не можетъ обезпечить максимильной ея производительности. Наоборотъ, упомянутыя выше угодья составляютъ во многихъ случаяхъ для частнаго владѣльца только бремя и сосредоточеніе ихъ въ рукахъ казны должно, напротивъ того, и обезпечить ихъ сохранность, — въ отношеніи лѣсовъ, — и повести къ устраненію того вреднаго вліянія, которое онѣ нынѣ иногда оказываютъ на окружающую ихъ мѣстность,—какъ летучіе пески, обширныя болотистыя пространства, распространяющія кругомъ себя малярію,— и способствовать приведенію ихъ въ культурное состояніе, путемъ закрѣпленія песковъ и осушки болотъ, что въ большинствѣ случаевъ частнымъ владѣльцамъ и особенно крестьянамъ не подъ силу.

То же и въ отношеніи нѣдръ земли, могущихъ содержать въ себѣ цѣнныя ископаемыя, скрытыя минеральныя богатства, розысканіе которыхъ, какъ и ихъ разработка, отдѣльнымъ владѣльцамъ иногда недоступно. Императоръ Петръ I, въ Бергъ-привилегіи 1719 года, выразился по этому дѣлу такъ: „Ежели владѣлецъ (земли) не имѣетъ охоты самъ строить (рудокопный, горный заводъ) и съ другими въ товарищество вступить не похочетъ, то принужденъ будетъ терпѣть, что другіе въ его земляхъ руду и минералы искать и копать будутъ, дабы Божье благословеніе подъ землею въ тунѣ не оставалось“. А между тѣмъ, владѣльцы такихъ земель, не имѣя средствъ на разработку таящихся въ нихъ подземныхъ богатствъ, и теперь еще иногда тормозятъ ихъ розысканіе, иногда же запрашиваютъ за право ихъ добычи съ предпринимателей, готовыхъ взяться за ихъ разработку, такія попудныя или арендныя платы, которыя либо дѣлаютъ ее совершенно невозможной, либо тяжелымъ бременемъ ложатся на цѣну ископаемыхъ и на выдѣлываемые изъ нихъ продукты, къ ущербу

для всего народнаго хозяйства страны. Но, съ отмѣною въ царствованіе Императрицы Екатерины II Петровскаго закона, никто уже такому образу дѣйствія землевладѣльцевъ помѣшать не можетъ.

Съ изданіемъ лѣсоохранительнаго закона, необходимаго въ видахъ предупрежденія признаваемаго вреднымъ обезлѣсенія поверхности земли, могущаго вслѣдствіе того произойти изсякновенія источниковъ, обмеленія рѣкъ, распространенія сыпучихъ песковъ и т. п., владѣльцы лѣсныхъ площадей сильно стѣснены и ограничены въ своемъ правѣ свободнаго распоряженія ими. Хотя лѣса сами по себѣ во многихъ мѣстностяхъ представляютъ собою громадную капитальную цѣнность, но, по условіямъ правильнаго лѣсовозобновленія и лѣсовозращенія, процентъ, приносимый этимъ капиталомъ, часто весьма ничтоженъ, и лѣса составляютъ для владѣльцевъ ихъ обыкновенно весьма невыгодную форму помѣщенія капитала, который при реализаціи его далъ бы владѣльцу гораздо больше. А между тѣмъ, подобная реализація часто либо совсѣмъ невозможна, либо очень затруднена, потому что Лѣсоохранительные Комитеты сплошной вырубки сколько нибудь значительной площади лѣса не разрѣшаютъ, а требуютъ правильнаго веденія лѣсного хозяйства, по утвержденному ими плану, съ болѣе или менѣе продолжительными оборотами рубки, смотря по породамъ лѣса, но безъ всякаго отношенія къ степени нужды лѣсовладѣльца въ денежныхъ средствахъ. И бываетъ иногда, что землевладѣльцу приходится продать все имѣніе, чтобы выплатить, напримѣръ, какой нибудь угрожающій ему долгъ, между тѣмъ какъ путемъ продажи на срубъ одного лѣса онъ могъ бы имѣніе полностью сохранить. Съ другой стороны, лѣсъ представляетъ собою такое имущество, цѣнность котораго постоянно возрастаетъ, не только вслѣдствіе ежегоднаго естественнаго прироста древесины, но и потому, что лѣсные матеріалы становятся на рынкѣ постепенно все дороже. Самое веденіе правильнаго лѣсного хозяйства и даже охраненіе лѣса отъ порубокъ для частныхъ владѣльцевъ часто весьма затруднительны и многіе изъ нихъ рады были бы отъ своихъ лѣсовъ отдѣлаться. Еще болѣе ограничены владѣльцы въ пользованіи лѣсами, за которыми признается защитное значеніе, при чемъ дѣйствующій законъ (ст. 718 Лѣсного Устава) предусматриваетъ даже возможность въ тѣхъ случаяхъ, когда сопряженныя съ денежными расходами хозяйственныя мѣры, необходимыя для сбереженія защитныхъ лѣсовъ, принадлежащихъ обществамъ, установленіямъ и частнымъ лицамъ, окажутся для владѣльцевъ непо-

сильными и они отъ принятія ихъ на свой счетъ откажутся, пріобрѣтенія такихъ лѣсовъ въ казну, по оцѣнкѣ, производимой на основаніи правилъ о вознагражденіи за имущества, отходящія изъ частнаго владѣнія по распоряженію правительства. Многіе лѣсовладѣльцы и рады были бы къ этой спасительной для нихъ статьѣ закона обратиться, но она ни разу не имѣла практическаго примѣненія, такъ какъ бывшее Министерство Земледѣлія не располагало никакими на то средствами.

Составляя такимъ образомъ въ рукахъ частныхъ лицъ, особенно небогатыхъ владѣльцевъ, часто одно бремя при наличности суроваго, но необходимаго въ государственныхъ интересахъ лѣсоохранительнаго закона, лѣса, напротивъ того, въ рукахъ казны и лучше сберегаются, и представляютъ собою громадный, постоянно возрастающій въ своей цѣнности капиталъ и даже лучше обезпечиваютъ интересы будущихъ поколѣній, потребность которыхъ въ лѣсномъ матеріалѣ будетъ точно также постоянно возрастать. Въ случаѣ же какихъ либо общественныхъ бѣдствій, голодовокъ, пожаровъ и т. п., казна приходитъ на помощь своими лѣсами нуждающемуся населенію, отпуская ему лѣсъ на постройки и на топливо по льготнымъ цѣнамъ, или даже безплатно, организуя въ лѣсахъ общественныя работы, разрѣшая въ нихъ пастьбу крестьянскаго скота, сборъ валежника, сухостоя, въ лѣтнее время сборъ грибовъ, ягодъ, даже охоту. Требовать того же отъ частныхъ владѣльцевъ нельзя и потому можно безошибочно сказать, что казенные лѣса лучше обслуживаютъ интересы мѣстнаго населенія въ настоящемъ, и болѣе гарантируютъ эти интересы въ будущемъ, нежели лѣса частновладѣльческіе. При томъ слѣдуетъ еще замѣтить, что, въ противуположность другимъ отраслямъ сельской промышленности, лѣсное хозяйство тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ оно распространяется на большую площадь, чѣмъ лѣсовладѣніе крупнѣе,— для мелкихъ же лѣсовладѣльцевъ не только правильная эксплоатація небольшихъ лѣсныхъ пространствъ, но и простая охрана ихъ, сопряжены часто съ громадными затрудненіями, — не убережешь мелкихъ лѣсныхъ дачь, раскинутыхъ среди другихъ земель, иногда по близости отъ селеній, жители которыхъ не имѣютъ своего ни прута, а съ другой стороны — какъ завести правильное лѣсное хозяйство, съ оборотомъ въ 50 — 60 лѣтъ, на площади лѣса въ какой нибудь десятокъ десятинъ? Все разомъ вырубить, если лѣсоохранительный комитетъ это и позволитъ, а потомъ вновь запустить вырубленную площадь подъ лѣсъ, какъ это требуется закономъ, значитъ на долго, на нѣсколько десятилѣтій, отказаться

отъ всякаго съ этой площади дохода, — даже скота на ней въ теченіе первыхъ 15 лѣтъ послѣ вырубки пасти не разрѣшаютъ, чтобы скотъ не поѣлъ молодой поросли. Просить о расчисткѣ, о превращеніи лѣса въ другой видъ угодій,— то ли же еще позволятъ, такъ какъ вырубка даже и мелкихъ площадей лѣса ведетъ къ общему обезлѣсенію страны. А если такой лѣсъ растетъ на легкой песчаной почвѣ, если онъ расположенъ по берегу рѣки, по склонамъ овраговъ, то и вовсе его расчистки не разрѣшатъ,— чего добраго еще защитнымъ признаютъ. И плачутся такіе владѣльцы надъ своими лѣсами, отъ которыхъ имъ одно только утѣшеніе,— лѣтомъ какъ въ паркѣ въ нихъ гулять, грибы-ягоды собирать, зимою — зайцевъ въ нихъ стрѣлять. Продажа подобныхъ лѣсныхъ площадей, особенно имѣющихъ дѣйствительно защитное значеніе, и расчистка которыхъ по этому допущена быть не можетъ, была бы для ихъ владѣльцевъ единственнымъ исходомъ.

Хотя, какъ уже сказано, лѣса въ рукахъ казны и лучше сохраняются, и правильнѣе эксплоатируются, и въ цѣнѣ съ теченіемъ времени значительно возростаютъ, и лучше интересы населенія обезпечиваютъ, я не считаю возможнымъ въ настоящее время, при отсутствіи у государственнаго казначейства средствъ даже на болѣе неотложныя нужды, предлагать пріобрѣтеніе казною лѣсовъ у частныхъ владѣльцевъ, съ принципіальной стороны признавая такую національзацію лѣсовъ весьма желательною, спасительною для страны, и даже во всѣхъ отношеніяхъ, какъ это можетъ быть подтверждено фактами, очень для казны выгодною. Прусское правительство, напримѣръ, такъ и дѣлаетъ, ассигнуя на это ежегодно значительныя средства. Но я уже указывалъ на то, что было бы крайне важно, чтобы хотя въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣнія, въ составѣ которыхъ есть лѣсныя площади, пріобрѣтаются крестьянами при содѣйствіи Крестьянскаго Банка, или самимъ Банкомъ, эти площади передавались бы лѣсному вѣдомству и входили бы такимъ образомъ въ составъ казенныхъ лѣсовъ. Далѣе этого въ настоящее время едва ли есть возможность идти.

Другое, не менѣе важное, значеніе, имѣлъ бы переходъ въ руки казны песчаныхъ площадей и обширныхъ болотистыхъ пространствъ, съ цѣлью закрѣпленія и облѣсенія первыхъ и осушки, приведенія въ культурное состояніе,— вторыхъ. Прусское правительство тоже такъ и дѣлаетъ. Песчаныя пространства, особенно такъ называемые летучіе пески, представляютъ собою обыкновенно совершенно ничтожную цѣнность, такъ какъ они большею частью

абсолютно непроизводительны, и кромѣ того, они нерѣдко опасны въ томъ отношеніи, что вѣтромъ песокъ съ нихъ разносится во всѣ стороны, засыпая окрестныя поля и культурныя земли, даже селенія. Не далѣе, какъ подъ Петербургомъ, напримѣръ, въ Сестрорѣцкѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ можно было видѣть, какъ песокъ съ прибрежныхъ дюнъ заносилъ крестьянскія избы, наметая вокругъ нихъ сугробы, на подобіе снѣжныхъ, доходившіе до самыхъ оконъ домовъ, и крестьянамъ приходилось изъ подъ нихъ откапываться, чтобы можно было отворять ворота для проѣзда во дворъ. Крайняя подвижность песковъ объяснялась въ данномъ случаѣ тѣмъ, что крестьяне пускали на нихъ свой скотъ, скорѣе для прогулки по берегу моря, нежели для пастьбы, такъ какъ взять тамъ было почти нечего,— растительность на нихъ была самая жалкая и скоро до тла вытравливалась скотомъ. Зло прекратилось, когда управленіе государственныхъ имуществъ, въ вѣдѣніи котораго песчаныя площади сестрорѣцкой дачи состояли, прекратило на нихъ пастьбу,—пески понемногу стали заростать травою и, какъ говорится, «успокоились». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приступлено было и къ ихъ засадкѣ ивою и сосною. Въ данномъ случаѣ такъ можно было поступить, потому что пески принадлежали казнѣ,—но иначе представляется дѣло тогда, когда пространства летучихъ песковъ принадлежатъ частнымъ владѣльцамъ, или, еще того хуже, входятъ въ составъ крестьянскихъ надѣльныхъ земель. Не всегда частные владѣльцы располагаютъ достаточными средствами, чтобы взяться за укрѣпленіе и облѣсеніе песковъ, а крестьянъ еще труднѣе побудить къ этому, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда расходъ на это дѣло принимаютъ на себя лѣсное вѣдомство или земство. Трудно добиться того, чтобы они не пускали своего скота на эти пространства, какъ скоро появляется на нихъ хоть какая-нибудь растительность, и скотъ немедленно разбиваетъ своими ногами тонкій задернѣлый слой, отъ чего вся работа пропадаетъ даромъ. Мнѣ случалось во многихъ мѣстахъ видѣть, какъ съ небольшой, сравнительно, площади летучихъ песковъ, особенно по берегамъ рѣкъ, пески заносили многіе десятки и сотни десятинъ пахатной земли, при чемъ подъ слоемъ песка въ нѣсколько футовъ толщины оказывался слой прекраснаго чернозема, а на покрывшемъ его сплошною пеленою пескѣ ничего уже не росло и бывшія нѣкогда культурными земли перешли мало по малу въ разрядъ совершенно неудобныхъ.

По весьма суммарному исчисленію, произведенному Министер-

ствомъ Земледѣлія нѣсколько лѣтъ тому назадъ, площадь безусловно безплодныхъ песчаныхъ пространствъ опредѣлялась въ 29-ти только губерніяхъ Европейской Россіи въ 4.672,000 десятинъ, причемъ установлено, что площадь эта ежегодно въ разныхъ мѣстахъ возрастаетъ на 1 до 6%, отъ разноса песковъ кругомъ на окрестные поля и луга, а равно отъ вырубки хвойныхъ лѣсовъ, которые одни, вмѣстѣ съ нѣкоторыми породами ивъ и нѣкоторыми травами, могутъ на такихъ песчаныхъ пространствахъ расти. Правда, что соединенными усиліями земствъ и Министерства Земледѣлія уже удалось закрѣпить, засадить шелюгою (особая порода ивы, прекрасно растущей даже на голомъ пескѣ) и затѣмъ сосною, многія тысячи десятинъ земли, но все же это лишь капля въ песчаномъ морѣ. При томъ, пока закрѣпленныя пространства остаются въ рукахъ ихъ владѣльцевъ и особенно крестьянъ, нѣтъ никакой увѣренности въ томъ, что они устоятъ передъ соблазномъ пустить на эти задернѣлыя пространства скотъ и тогда вся работа пропадетъ даромъ,— пески вернутся къ своему первобытному состоянію. Кромѣ того, для того, чтобы подобнаго рода работы были дѣйствительно успѣшны, необходимо, чтобы онѣ производились всѣми смежными владѣльцами такихъ песчаныхъ пространствъ одновременно, иначе одинъ владѣлецъ свой участокъ закрѣпитъ и лѣсомъ засадитъ, а съ сосѣдняго незакрѣпленнаго его опять пескомъ занесетъ, поверхъ посадокъ бугры песку намететъ и вся работа пропало.

Какъ уже сказано, цѣнность такихъ песчаныхъ пространствъ обыкновенно самая ничтожная, такъ какъ они большею частью абсолютно непроизводительны. Поэтому, пріобрѣтеніе ихъ въ казну было бы возможно за безцѣнокъ, а послѣ закрѣпленія ихъ и засадки сосною казна могла бы значительно увеличить на счетъ ихъ площадь своихъ лѣсовъ и современемъ получить цѣнные сосновые боры тамъ, гдѣ теперь лишь песчаные вихри разгуливаютъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда летучіе пески, владѣльцемъ ихъ не закрѣпляемые, угрожаютъ опасностью сосѣднимъ землямъ и селамъ, возможно даже отчужденіе ихъ по ст. 575 тома X. Св. Зак., въ видахъ государственной и общественной пользы. Тутъ примѣненіе этой статьи было бы вполнѣ умѣстно.

То же приходится сказать и относительно болотистыхъ пространствъ, площадь которыхъ у насъ во многихъ мѣстахъ, какъ извѣстно, громадна, исчисляется въ общемъ многими милліонами десятинъ. Слѣдуетъ замѣтить еще, что, не взирая на работы по осушенію болотъ, производимыя въ нѣкоторыхъ губерніяхъ казною,

удѣльнымъ вѣдомствомъ, городами, монастырями, частными лицами, и кое-гдѣ,— въ западныхъ губерніяхъ— даже и крестьянами при содѣйствіи меліоративнаго кредита, — общая площадь болотъ не только не сокращается, а даже увеличивается. Во многихъ случаяхъ это заболоченіе можетъ быть доказано документально, сравненіемъ старинныхъ плановъ съ современными. Оказывается, что многія пространства, которыя по старымъ планамъ значились лугами и даже пашнями, теперь представляютъ собою непроходимыя болота и топи. Объясняется это явленіе тѣмъ, что по мѣрѣ распашки прибрежныхъ луговъ и выгоновъ, по мѣрѣ вырубки лѣсовъ, росшихъ на легкой или песчаной почвѣ, стали мелѣть, заноситься землею и пескомъ, рѣки. Вода, не находя себѣ болѣе свободнаго стока къ морю, стала понемногу разливаться по сторонамъ, затопляя, заболочивая сосѣднія низменности. На сотни десятинъ искусственно осушенной земли стали являться тысячи— десятки тысячъ десятинъ вновь заболоченныхъ пространствъ. Это— фактъ, который безспорно констатированъ въ губерніяхъ Псковской, Новгородской, С.-Петербургской, Лифляндской и др. Доказано, напримѣръ, что съ появленіемъ и ежегоднымъ наростаніемъ песчаной гряды у истока рѣки Наровы изъ озера Пейпусъ, уровень воды въ этомъ озерѣ сталъ постепенно повышаться и вода начала затоплять его низменные берега. Нѣкоторые владѣльцы въ губерніяхъ Лифляндской и Эстляндской показали мнѣ это постепенное заболачиваніе своихъ земель не только на своихъ планахъ, но даже и въ натурѣ. Это, конечно, тоже такое зло, съ которымъ отдѣльный владѣлецъ не можетъ бороться, и для устраненія котораго требуется энергическое вмѣшательство государства. Кромѣ того, осушительныя работы, еще болѣе, нежели работы по закрѣпленію песковъ, требуютъ затраты значительныхъ капиталовъ и часто отдѣльнымъ владѣльцамъ, а тѣмъ паче крестьянамъ, совершенно не по силамъ, даже не взирая на содѣйствіе, могущее быть имъ оказаннымъ меліоративнымъ кредитомъ. Въ мѣстностяхъ болѣе южныхъ, помимо того вреда, который приносится болотами въ культурномъ отношеніи, есть еще другой вредъ, пожалуй, еще болѣе важный, въ санитарномъ отношеніи, такъ какъ болота являются гнѣздилищемъ маляріи. Борьба съ этимъ зломъ есть по этому тоже дѣло государственное. Правительству тутъ во многихъ случаяхъ придется выступать въ роли активной, такъ же, какъ и въ дѣлѣ закрѣпленія песковъ— и именно пріобрѣтать, по соглашенію съ владѣльцами, иногда, быть можетъ, и принудительно, въ видахъ общественной пользы, тѣ болотистыя про-

странства, осушка которыхъ имѣетъ наиболѣе важное значеніе. Такъ и поступаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ прусское правительство. Для этого тоже, конечно, потребуются значительныя денежныя средства, не столько на расходы по пріобрѣтенію подлежащихъ осушенію болотъ, отъ которыхъ владѣльцы ихъ въ большинствѣ случаевъ готовы будутъ отдѣлаться за безцѣнокъ, сколько на производство осушительныхъ работъ, рытья водоспускныхъ каналовъ, а затѣмъ и на превращеніе осушенныхъ пространствъ въ культурное состояніе. Но за то цѣнность этихъ пространствъ послѣ ихъ осушки возрастетъ во много десятковъ разъ, получатся роскошные луга и пастбища, и иногда, быть можетъ, и пахатныя и даже огородныя земли тамъ, гдѣ теперь совершенно непроходимыя топи, а изъ травъ развѣ только камышъ да осока растутъ. Разбросанныя среди болотъ болѣе возвышенныя мѣста можно будетъ и подъ заселеніе обратить, отвоевавъ такимъ образомъ у воды для нуждъ человѣка и культуры, съ теченіемъ времени, милліоны десятинъ земли. Вспомнимъ, напримѣръ, что сдѣлала въ этомъ отношеніи, правда, въ теченіе вѣковъ, Голландія, и не будемъ считать эти планы несбыточными фантазіями.

Что касается до того, какъ поступать правительству съ закрѣпленными имъ песчаными и осушенными болотистыми пространствами, то въ этомъ отношеніи я присоединяюсь къ мнѣнію упомянутаго выше, провалившагося на съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Гаагѣ, голландца Стоффеля, который высказывалъ, что выкупленныя правительствомъ непроизводительныя земли, по превращеніи ихъ въ культурное состояніе, должны затѣмъ навсегда оставаться собственностью правительства (или, по его предложенію, общества, что у насъ непримѣнимо), должны быть національзированы, и вотъ почему. Хотя упомянутая выше ст. 718 лѣсного устава, касающаяся выкупа въ казну защитныхъ лѣсовъ, и говоритъ, что за владѣльцами выкупленныхъ лѣсовъ сохраняется въ теченіе 10 лѣтъ право выкупить ихъ обратно, уплативъ сумму, равную той, за которую они были пріобрѣтены казною, съ добавленіемъ къ ней стоимости произведенныхъ въ лѣсу работъ и роста 6% въ годъ на обѣ суммы, я считаю, что по отношенію къ выкупленнымъ казною песчанымъ и болотистымъ пространствамъ эта статья не можетъ имѣть примѣненія. Дѣло въ томъ, что, по отношенію къ этимъ пространствамъ, однѣхъ только единовременно произведенныхъ работъ по ихъ закрѣпленію или осушкѣ еще мало, а надо постоянно поддерживать ихъ въ томъ состояніи, въ которое они приведены меліораціею. Закрѣпленные пески надо навсегда сохранить подъ

лѣсомъ, а лѣсъ, какъ уже сказано, всего цѣлесообразнѣе сосредоточить въ рукахъ казны. Въ данномъ случаѣ это особенно важно потому, что если закрѣпленные пески возвратить ихъ прежнимъ владѣльцамъ, хотя бы и со взысканіемъ съ нихъ стоимости произведенныхъ работъ, то нѣтъ никакихъ гарантій въ томъ, что нераціональнымъ использованіемъ этихъ угодій, вырубкою лѣса, расчисткою его, или даже прямо неосторожною пастьбою въ немъ скота, они легко могутъ быть приведены опять въ первобытное состояніе, превратиться вновь въ тѣ же сыпучіе, летучіе пески, и вся работа правительства пропадетъ даромъ,— придется начинать ее съ начала. Въ отношеніи же болотъ точно также необходимо постоянное поддерживаніе ихъ въ культурномъ состояніи, необходимы прочистка каналовъ, ремонтъ ихъ откосовъ и шлюзовъ, иначе каналы засорятся, обмелѣютъ, шлюзы разрушатся и заболачиваніе начнется сызнова. По нашимъ законамъ, въ случаѣ перехода земель изъ рукъ въ руки, прежній владѣлецъ, въ данномъ случаѣ правительство, не имѣетъ права ставить новому какихъ бы то ни было для него обязательныхъ условій,— онъ является полнымъ и неограниченнымъ распорядителемъ пріобрѣтенныхъ имъ земель, можетъ, если захочетъ, проложенные въ цѣляхъ осушенія этихъ земель каналы не то, что запустить, а даже засыпать, и слѣдовательно, вся правительственная меліоративная работа, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, пропадетъ даромъ. Только въ томъ случаѣ, когда правительство останется навсегда собственникомъ осушенныхъ имъ и на его счетъ земель, оно будетъ вправѣ, сдавая ихъ въ аренду на какіе угодно сроки, ставить обязательныя для арендатора условія эксплоатаціи этихъ земель, и либо само производить, либо требовать отъ него производства работъ, необходимыхъ для поддержанія исполненныхъ осушительныхъ сооруженій въ исправности, поддержанія осушенныхъ пространствъ въ культурномъ состояніи, не допуская новаго ихъ заболачиванія. Хотя у насъ и существуетъ изданный нѣсколько лѣтъ тому назадъ законъ о проведеніи осушительныхъ (и оросительныхъ) канавъ черезъ чужія земли, устанавливающій извѣстнаго рода сервитутъ стороннихъ владѣльцевъ по отношенію къ проведенію и поддержанію такихъ каналовъ, иногда за счетъ ихъ, если они и сами ими пользуются, или за счетъ того владѣльца, для надобностей котораго они прокопаны, но этого закона не достаточно, такъ какъ онъ нисколько не обезпечиваетъ цѣлости исполненныхъ сооруженій и поддержанія культурнаго состоянія осушенныхъ пространствъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они не выходятъ за пре-

дѣлы владѣній одного лица, за которымъ сохраняется право поступать съ ними какъ ему вздумается. Поэтому, тѣ пространства песковъ и болотъ, которыя однажды пріобрѣтены казною съ цѣлями меліоративными, должны навсегда остаться ея достояніемъ и быть эксплоатируемы ею лишь тѣми способами, которые не пойдутъ въ ущербъ сохранности на вѣчное время этихъ работъ и правильному функціонированію исполненныхъ сооруженій.

По всѣмъ этимъ основаніямъ, рѣшительно отвергая идею націонализаціи земли вообще; я являюсь поборникомъ ея, по сколько она касается лѣсовъ, песковъ и болотъ, которые во многихъ случаяхъ только въ рукахъ казны могутъ быть эксплуатируемы сообразно съ интересами обще-государственными и дать максимумъ своей производительности. Въ этихъ случаяхъ примѣненіе идеи націонализаціи является уже не утопіей, а вызывается дѣйствительными настоящими и будущими потребностями и пользами страны, почему по отношенію къ нимъ можетъ быть иногда допущено и начало принудительнаго отчужденія, въ полномъ соотвѣтствіи съ дѣйствующими на этотъ счетъ законами.

Что касается до нѣдръ земли, то о причинахъ желательности распространенія на нихъ правъ правительства въ интересахъ горной промышленности и народнаго хозяйства уже было говорено выше. Но такъ какъ дѣйствующимъ у насъ со временъ Императрицы Екатерины II закономъ права на нѣдра предоставлены владѣльцу поверхности земли, то отчужденіе нѣдръ отдѣльно отъ поверхности не можетъ быть теперь допущено, да законъ нашъ даже и не признаетъ отдѣленія правъ на нѣдра отъ права на поверхность. Только въ Польшѣ дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи другой законъ. Я не буду касаться здѣсь очень спорнаго вопроса о томъ, можетъ ли у насъ теперь быть возстановленъ принципъ такъ называемой „горной свободы“, т. е. право поисковъ ископаемыхъ и разработки ихъ помимо согласія владѣльца поверхности, дѣйствовавшій отъ временъ Петра I до Екатерины II, что несомнѣнно составило бы нарушеніе однажды дарованныхъ владѣльцамъ земель правъ на ихъ нѣдра. Думаю, однако, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда земли пріобрѣтаются отъ частныхъ владѣльцевъ Крестьянскимъ Банкомъ, для дальнѣйшей перепродажи крестьянамъ, какъ равно и тогда, когда подъ водвореніе крестьянъ отводятся земли казенныя, правительство можетъ выговаривать сохраненіе за собою правъ на нѣдра, хотя для этого и потребуется изданіе новаго спеціальнаго закона, такъ какъ нынѣ права на поверхности и на нѣдра нераздѣльны. Можетъ быть, слѣдовало бы измѣнить законъ

и въ томъ смыслѣ, чтобы владѣльцы земли, продавая ее банку или даже непосредственно крестьянамъ, могли сохранить права на разработку нѣдръ, что имѣло бы существенное значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда наличность тѣхъ или иныхъ ископаемыхъ въ данномъ имѣніи уже констатирована, и еще болѣе — когда они служатъ предметомъ разработки, причемъ для горнопромышленниковъ нужна только сравнительно небольшая площадь поверхности, для выхода шахтъ, рудничныхъ сооруженій, заводскихъ зданій, рабочихъ помѣщеній, а остальную часть ея, они, копаясь подъ землею, охотно готовы будутъ уступить, чего теперь сдѣлать не могутъ. Впрочемъ, въ этомъ направленіи можно бы пойти еще далѣе, и не касаясь вопроса объ обязательномъ отчужденіи нѣдръ, допустить свободное въ юридическомъ отношеніи отдѣленіе ихъ, по желанію владѣльца, отъ поверхности, какъ это допущено законодательствомъ многихъ странъ, и только у насъ почему то, ко вреду для горной промышленности, воспрещено. Такимъ образомъ, можно сохранить права казны на нѣдра, установить національзацію ихъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство передаетъ земли крестьянамъ не только въ вѣчное оброчное пользованіе, какъ въ Сибири, но и въ полную собственность, въ отношеніи поверхности, и допустить для всякихъ сдѣлокъ частныхъ лицъ между собою или съ крестьянами начало раздѣльности нѣдръ отъ поверхности. И то и другое пойдетъ на встрѣчу жизненнымъ требованіямъ, не нарушая въ то же время никакихъ рѣшительно имущественныхъ интересовъ, ничьихъ законно пріобрѣтенныхъ правъ, какъ это несомнѣнно сдѣлало бы провозглашеніе принципа горной свободы,— т. е. предоставленіе каждому права копаться въ чужой землѣ и извлекать изъ нея то, что въ ней находится, безъ согласія, а иногда и вопреки желанію владѣльца этой земли. Считаю, впрочемъ, нужнымъ замѣтить, что въ отношеніи казенныхъ земель начало горной свободы у насъ уже существуетъ, и намъ его, конечно, необходимо сохранить, такъ какъ казна можетъ поступаться своими интересами въ пользу развитія промышленности, но не имѣетъ права требовать того же отъ частныхъ лицъ.

IV.

Аграрныя программы разныхъ нашихъ политическихъ партій.

Разсмотрѣвъ возможно обстоятельно и всесторонне нашъ земельный вопросъ съ точки зрѣнія истинныхъ интересовъ и нуждъ крестьянскаго населенія, въ связи съ общими интересами всего народнаго хозяйства страны, я считаю не лишнимъ теперь показать, какъ думаютъ подойти къ разрѣшенію этого вопроса разныя наши политическія партіи, которыя послѣ манифеста 17 октября расплодились, какъ грибы послѣ дождя, и всѣ безъ исключенія удѣляютъ ему очень большое вниманіе, отводя ему въ своихъ платформахъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Болѣе того, многія изъ нихъ на этомъ именно вопросѣ главнымъ образомъ опираются, думая увлечь за собою населеніе тѣми благами и перспективами, которыя онѣ ему сулятъ въ своихъ аграрныхъ программахъ. Но тѣмъ важнѣе ихъ разсмотрѣть въ связи съ тѣми фактическими данными, которыя были приведены мною въ предъидущихъ главахъ, для того, чтобы выяснить, на сколько онѣ отвѣчаютъ запросамъ дѣйствительной жизни и что можетъ сулить нашему крестьянству болѣе или менѣе полное ихъ осуществленіе, если бы оно оказалось даже фактически возможнымъ. Для этого я воспользуюсь интересною сводною таблицею аграрныхъ программъ всѣхъ партій, начиная отъ крайнихъ лѣвыхъ, вплоть до самыхъ консервативныхъ правыхъ, которая была напечатана въ № 45 газеты „Русь“ отъ 3 марта этого года и которая въ значительной степени облегчаетъ мнѣ ихъ обзоръ, снимая съ меня вмѣстѣ съ тѣмъ возможный упрекъ въ неправильной передачѣ ихъ пожеланій.

Замѣчу прежде всего, что всѣ партіи, безъ изъятія, какъ крайнія лѣвыя, такъ и самыя крайнія правыя, консервативныя, признаютъ необходимымъ придти на помощь крестьянской нуждѣ, но только средства для удовлетворенія этой нужды предлагаютъ самыя различныя. Отмѣчу, кромѣ того, еще, что всѣ партіи сходятся и на томъ еще, что необходимо предоставленіе крестьянамъ полной гражданской свободы и отмѣны тѣхъ ограниченій, которыя до нынѣ отдѣляютъ ихъ отъ прочихъ сословій, причемъ нѣкоторыя партіи проектируютъ, какъ извѣстно, и уничтоженіе всякихъ

сословныхъ, классовыхъ различій вообще. При оцѣнкѣ разныхъ предложеній я уже не буду входить въ критическій разборъ ихъ возможныхъ послѣдствій для страны и народа, а только ссылаться на разныя мѣста этой книги, въ которой тѣ или другія теоріи или предположенія были детально разобраны, въ связи съ современными условіями и запросами народной жизни.

Какъ я уже говорилъ и ранѣе, крайнія лѣвыя партіи, соціалъ-революціонеры и соціалъ-демократы, къ которымъ примыкаетъ и бундъ (извѣстное воззваніе котораго съ лозунгомъ — „вся земля крестьянамъ“ исходитъ изъ тѣхъ же основныхъ началъ, что и аграрныя программы этихъ двухъ партій) — проповѣдуютъ идею полной соціализаціи земли, съ насильственнымъ ея отобраніемъ у частныхъ владѣльцевъ путемъ безвозмездной конфискаціи, и обращеніе всей земли навсегда въ общенародное достояніе. При этомъ соціалъ-революціонная партія, милостиво относясь къ участи тѣхъ лицъ, которыя пострадаютъ отъ такого имущественнаго переворота, признаетъ за ними право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособленія къ новымъ условіямъ личнаго существованія. Земля ничья и право на пользованіе ею даетъ лишь трудъ, она изъемлется изъ торговаго оборота и поступаетъ въ завѣдываніе центральныхъ и мѣстныхъ органовъ народнаго самоуправленія; пользованіе землею должно быть уравнительно трудовымъ, т. е. обезпечивать потребительную норму, на основаніи приложенія собственнаго труда, единоличнаго или въ товариществѣ; рента (не совсѣмъ понятно, о какой рентѣ тутъ можетъ еще быть рѣчь?) должна быть путемъ спеціальнаго обложенія обращена на общественныя нужды и т. п. Эта программа отличается наибольшею рѣшительностью и радикальностью, причемъ очевидно проектируетъ отобраніе въ обще-народный фондъ всѣхъ земель, въ томъ числѣ и крестьянскихъ, причемъ крестьяне въ отношеніи пользованія землею въ будущемъ должны будутъ подчиниться тѣмъ же органамъ безсословнаго управленія, которые и явятся настоящими распорядителями и вершителями судебъ всего будущаго народнаго хозяйства въ странѣ. Сомнительно, чтобы подобныя теоріи могли найти себѣ большое число приверженцевъ даже среди крестьянъ, которые мечтаютъ объ отобраніи земель у частныхъ владѣльцевъ въ свою пользу, а никакъ не въ распоряженіе какихъ-то органовъ центральнаго, областного и мѣстнаго управленія.

Довольно близко къ этому примыкаетъ программа такъ называемаго всероссійскаго крестьянскаго союза, которая высказываетъ,

что прекратить бѣдствія народа, проистекающія отъ недостатка земли, можетъ только переходъ всей земли въ общую собственность всего народа, причемъ должны быть отобраны безъ выкупа земли монастырскія, церковныя, удѣльныя, кабинетскія и государевы; что же касается до земель частновладѣльческихъ, то онѣ подлежатъ отобранію частью безъ вознагражденія, частью за вознагражденіе, на условіяхъ, которыя будутъ впослѣдствіи опредѣлены учредительнымъ собраніемъ. Пользоваться землею могутъ только тѣ, кто будетъ обрабатывать ее силами своей семьи, безъ наемнаго труда.

Для лучшей же характеристики того, къ чему стремятся крестьяне въ области земельнаго дѣла и посколько возможно за ними въ этомъ отношеніи послѣдовать, привожу выписку изъ приговора крестьянъ Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи, предназначеннаго ими для внесенія въ Государственную Думу. Въ составленіи этого приговора участвовали почти всѣ деревни Макарьевскаго уѣзда и онъ единогласно одобренъ крестьянами. Вотъ что говорится въ той части этого приговора, которая касается земельнаго вопроса.

„Въ виду увеличившихся въ Россіи безпорядковъ и разныхъ смутъ, Государственная Дума должна неотложно принять всѣ мѣры къ успокоенію и удовлетворенію крестьянъ въ ихъ нуждахъ и требованіяхъ. Такъ какъ мы, крестьяне, съ 1861 года получили надѣлъ по 5 десятинъ на душу, а со времени полученія этого надѣла произошолъ большой приростъ народонаселенія, то 5 десятинъ для крестьянина неудовлетворительно, какъ для хлѣбопашества, такъ и для выгона скота. А для протопленія и домашнихъ построекъ лѣсного матеріала вовсе не имѣется. Поэтому просимъ Государственную Думу къ прежнему земельному надѣлу добавить, какъ то строеваго и дровяного лѣса и земли для пашни и покоса — а также и на имѣющійся приростъ въ народѣ. *Затѣмъ по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ поручить кому слѣдуетъ провѣрить вновь народившійся приростъ народа и удовлетворить оный прирѣзкою вновь на прибылыя души землею: пахотной, луговой и лѣсомъ безплатно.* А если же безплатно нельзя будетъ, то чрезъ покупку по добросовѣстной оцѣнкѣ. Прирѣзку земли сдѣлать по смежности съ нашими надѣлами изъ помѣщичьихъ, землевладѣльческихъ, а гдѣ таковыхъ не окажется, то изъ казенныхъ, удѣльныхъ и монастырскихъ дачъ, но преимущественно болѣе подходящихъ удобствомъ для хлѣбопашества и *не требующихъ удобренія,* такъ какъ у крестьянъ скота мало, по случаю истощенія средствъ. А если у

крестьянъ нѣтъ лошадей и коровъ, то и удобренія быть не можетъ, а купить удобренія, стоющаго дорого, крестьяне не въ силахъ".

Этотъ любопытный приговоръ показываетъ, что даже надѣлъ въ 5 дес. на душу крестьяне считаютъ, благодаря приросту населенія, теперь уже недостаточнымъ и домогаясь немедленной прирѣзки земли, лѣса и покосовъ, заранѣе предвидятъ необходимость новой такой-же прирѣзки не далѣе, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ, на прибылыя души. При этомъ еще они требуютъ земли, могущей родить безъ удобренія, котораго имъ неоткуда взять, конечно при настоящихъ условіяхъ ихъ хозяйничанья. Сомнительно, чтобы Государственная Дума рѣшилась вступить на путь разрѣшенія земельнаго вопроса и улучшенія быта крестьянъ по этому рецепту.

Нѣсколько туманнѣе и сбивчивѣе аграрная программа соціалъ-демократической партіи, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ она изложена въ сводѣ, и притомъ она подвергалась многимъ измѣненіямъ на разныхъ съѣздахъ и конференціяхъ, такъ что даже трудно себѣ уяснить, что окончательно предлагается. Хотя однимъ изъ пунктовъ этой программы допускается конфискація помѣщичьихъ, казенныхъ, церковныхъ, монастырскихъ и удѣльныхъ земель, однако, рядомъ съ этимъ предполагается, повидимому, и сохраненіе частной поземельной собственности, такъ какъ идетъ тутъ рѣчь и объ обложеніи особымъ налогомъ землевладѣльцевъ-дворянъ, воспользовавшихся выкупной ссудой, и объ урегулированіи судомъ арендныхъ отношеній, пониженіи непомѣрно высокихъ арендныхъ платъ и объявленіи недѣйствительными сдѣлокъ, имѣющихъ кабальный характеръ.

Слѣдуетъ замѣтить, что ни о какихъ мѣрахъ для улучшенія хозяйства и поднятія производительности земли въ этихъ программахъ не упоминается вовсе, какъ будто никакой и надобности заботиться объ этомъ нѣтъ. Общее благополучіе воцарится на землѣ уже отъ одного того, что каждый будетъ пользоваться землею въ мѣрахъ обезпеченія потребительной нормы, — всякій же избытокъ производства противъ этой нормы будетъ повидимому подлежать обложенію особой рентой на общественныя нужды, т. е. другими словами, конфисковаться. Хороша будущность, которую всѣ эти программы сулятъ нашей странѣ!

Далѣе, цѣлый рядъ партій: радикальная, свободомыслящихъ, конституціонно-демократическая, демократическихъ реформъ и умѣренно-прогрессивная, во главѣ своихъ программъ ставятъ увеличеніе площади землепользованія населенія, обрабатывающаго

землю личнымъ трудомъ, надѣленіе землею безземельныхъ, тѣхъ, кто ведетъ хозяйство на арендуемой землѣ, и всѣхъ вообще крестьянъ-земледѣльцевъ. Земли частновладѣльческія подлежатъ отчужденію, по мнѣнію радикальной партіи — за минимальное, на счетъ государства, вознагражденіе, по мнѣнію другихъ—за справедливое вознагражденіе, исчисляемое, однако, не по рыночной цѣнѣ и не по арендным платамъ, но по нормальной для данной мѣстности доходности. При этомъ партіи радикальная, свободомыслящихъ, и демократическихъ реформъ предлагаютъ опредѣлить максимальный предѣлъ частнаго землевладѣнія, — по мнѣнію послѣдней. въ зависимости отъ условій разныхъ мѣстностей, но не свыше, однако, 100 десятинъ. Все количество земли, превышающее установленный максимумъ, должно подлежать обязательной экспропріаціи, притомъ независимо отъ потребности въ землѣ данной мѣстности. О совершенной невозможности установленія какой-либо максимальной нормы частнаго землевладѣнія уже было говорено выше, норма же въ 100 десятинъ очевидно должна будетъ уничтожить все лучшее культурное земледѣльческое хозяйство въ странѣ. Кромѣ того, по проекту партіи свободомыслящихъ, обязательному отчужденію должны будутъ подлежать преимущественно земли, черезполосныя съ крестьянскими надѣлами и состоящія въ арендномъ пользованіи сельскаго населенія. Программа партіи демократическихъ реформъ изъемлетъ отъ отчужденія земли мелкихъ владѣльцевъ, если онѣ не служатъ препятствіемъ для сосѣднихъ крестьянскихъ хозяйствъ и если владѣльцы этихъ земель ведутъ на нихъ самостоятельное хозяйство, а равно участки, занятые подъ дачи; заботы о сохраненіи дачныхъ резиденцій городскихъ жителей идутъ такимъ образомъ впереди заботъ о сохраненіи культуры и сельскаго хозяйства! Отчужденныя земли должны поступить въ общій государственный земельный фондъ и предоставляются затѣмъ лицамъ, обрабатывающимъ землю собственнымъ трудомъ, въ аренду или безсрочное владѣніе, личное, или общинное, или подворное, въ размѣрахъ, не превышающихъ тѣхъ площадей, которыя могутъ быть обработаны трудомъ домохозяевъ или членовъ отдѣльныхъ обществъ, при чемъ сосредоточеніе нѣсколькихъ надѣловъ въ однѣхъ рукахъ свыше извѣстной нормы не допускается, и запрещается также отдѣльному лицу имѣть свыше одного надѣла изъ государственнаго земельнаго фонда.

Всѣми этими партіями, а равно партіею демократическаго союза конституціоналистовъ, предлагается урегулированіе арендныхъ отношеній, не только въ смыслѣ, конечно, вполнѣ справед-

ливаго и необходимаго вознагражденія арендатора за произведенныя, но не использованныя улучшенія (программы партій конституціонно-демократической и демократическихъ реформъ), но и обезпеченія арендатору (независимо отъ желанія собственника земли) возобновленія аренды по истеченіи арендnаго срока, съ правомъ, затѣмъ, установленія государствомъ, особыми поземельно-устроительными и кадастровыми комиссіями, или судомъ, предѣльной высоты арендныхъ цѣнъ, съ правомъ пониженія цѣнъ, признаваемыхъ непомѣрно высокими, и примѣненія началъ объ отвѣтственности за ростовщичество къ арендnымъ договорамъ, какъ и вообще къ сдѣлкамъ въ области земельныхъ отношеній (программа партіи демократическихъ реформъ). Всѣ эти партіи, какъ равно и всѣ аграрные писатели, приравнивающіе взиманіе владѣльцами высокихъ арендныхъ платъ за землю къ ростовщичеству и требующіе примѣненія противъ такъ называемаго ими земельнаго ростовщичества такихъ же карательныхъ законовъ, которые установлены противъ ростовщичества денежнаго, упускаютъ, однако, изъ виду одно, казалось бы, не маловажное обстоятельство. Дѣйствительно, во многихъ странахъ, въ томъ числѣ и у насъ въ Россіи, существуютъ законы, воспрещающіе взиманіе, при денежныхъ ссудахъ, чрезмѣрныхъ, лихвенныхъ процентовъ. Такое же воспрещеніе проектируется и противъ лихвенныхъ арендныхъ платъ, направленныхъ къ эксплоатаціи земельной нужды населенія. Я уже говорилъ въ одной изъ предыдущихъ главъ о крайней трудности, чтобы не сказать невозможности, нормированія арендныхъ платъ, установленія максимальныхъ ихъ предѣловъ, при крайнемъ разнообразіи мѣстныхъ условій, различной цѣнности и доходности земель, неоднородности ихъ качества и т. п. Максимальный предѣлъ денежнаго по ссудамъ процента установленъ для цѣлой Россіи одинъ,— едва ли кто-либо рѣшится установить такую же однообразную во всей странѣ и для всякихъ земель арендную норму, — но дѣло еще не въ этомъ, а вотъ въ чемъ. Законы противъ ростовщичества устанавливаютъ тотъ предѣлъ процента, за которымъ онъ признается лихвеннымъ, и подвергаютъ виновнаго въ его взиманіи уголовной карѣ. Но нѣтъ ни въ одной странѣ такого закона, который обязывалъ бы лице, владѣющее капиталомъ, отдавать его въ ссуду на такихъ условіяхъ и за такой процентъ, который онъ признаетъ для себя невыгоднымъ. Всякій капиталистъ ограниченъ только въ отношеніи высоты процента при отдачѣ своихъ денегъ въ ростъ, но въ распоряженіи имъ, помимо такой отдачи, онъ воленъ поступать, какъ ему заблаго-

разсудится,—хочешь—отдавай взаймы за процентъ, не свыше законнаго, хочешь—въ Банкѣ или въ шкатулкѣ держи, или даже хоть въ землю про черный день зарывай, никто тебѣ въ этомъ не помѣха. Но въ отношеніи землевладѣльцевъ хотятъ поступить совершенно иначе. Если бы шла рѣчь только о воспрещеніи взимать за отдаваемыя въ другія руки земли арендныя платы свыше извѣстнаго нормальнаго предѣла, и если бы оказалось возможнымъ изыскать практическіе пріемы для установленія этихъ предѣльныхъ нормъ, то съ этимъ можно было бы согласиться, въ видахъ охраны крестьянъ отъ эксплоатаціи ихъ земельной нужды. Однако, на дѣлѣ предлагается нѣчто иное и именно то, что въ отношеніи денежныхъ ростовщиковъ нигдѣ никакимъ закономъ не установлено. Предполагается не только ограничить землевладѣльцевъ въ правѣ установленія арендныхъ цѣнъ по своему усмотрѣнію, но обязать ихъ—хочешь, не хочешь—сдавать свою землю въ аренду по цѣнамъ, не свыше для нихъ назначеннымъ. Пусть владѣлецъ найдетъ болѣе для себя выгоднымъ отказаться отъ сдачи своихъ земель по этимъ цѣнамъ,—это ему не разрѣшается; пусть онъ въ своемъ хозяйствѣ, при собственной эксплоатаціи, выручитъ отъ нихъ больше—свободное распоряженіе землями, не въ примѣръ тому, что предоставлено на волю капиталистовъ, ему возбраняется, устанавливается, какъ я уже замѣтилъ выше, новый обязательный сервитутъ аренды. Всякій переходъ отъ арендnаго хозяйства къ собственному уже безусловно воспрещается, — землевладѣлецъ въ своей собственной землѣ не воленъ. При этомъ опять таки обыкновенно ссылаются на Ирландію, но я уже показалъ, что между ирландскими условіями и нашими нѣтъ ничего общаго, тамошнее фермерство отъ нашихъ хозяйственныхъ условій кореннымъ образомъ отличается и ирландскіе исконные арендаторы принадлежащихъ лендлордамъ земель точно также мало имѣютъ общаго съ нашимъ постоянно мѣняющимся контингентомъ погодныхъ съемщиковъ, какъ и наши помѣщики съ ирландскими лендлордами. Говорить о назначеніи предѣльныхъ арендныхъ платъ за земли можно было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы рядомъ съ этимъ была сохранена за владѣльцами ихъ свобода распоряженія своими землями, свобода сдавать ихъ земли въ аренду по назначеннымъ для нихъ цѣнамъ, или нѣтъ,—но этого то у насъ именно и не хотятъ допустить. И сдавать земли въ аренду свыше предѣльной цѣны тому, кто пожелаетъ ее взять, хотя бы сегодня одному, завтра другому, потому что постояннаго контингента арен-

даторовъ у насъ нѣтъ и отъ долгосрочныхъ контрактовъ наши крестьяне часто сами отказываются, — и отказывать въ сдачѣ ея въ аренду на условіяхъ, которыя владѣлецъ признаетъ для себя невыгодными—не моги! Это начало, повторяю, и въ отношеніи денежныхъ ростовщиковъ никогда не примѣнялось, и только нашихъ землевладѣльцевъ желаютъ ему подчинить, въ отличіе отъ всякихъ иныхъ собственниковъ. Но спрашивается, почему же тогда не установить и предѣльныя квартирныя цѣны на дома въ городахъ? вѣдь тутъ тоже эксплоатація нужды бѣдныхъ квартиронанимателей—явленіе не рѣдкое. На этомъ пути можно далеко зайти...

Упомянутыя выше партіи, къ которымъ въ данномъ случаѣ примыкаютъ и почти всѣ другія, до самыхъ умѣренныхъ включительно, признаютъ необходимость упорядоченія и реорганизаціи межевого дѣла, съ цѣлью исправленія границъ крестьянскихъ надѣловъ, уничтоженія черезполосицы и т. п. Удивительно только предложеніе партіи свободомыслящихъ, которая,—если судить по своду газеты „Русь“,—признаетъ необходимымъ упраздненіе особаго межевого вѣдомства, всѣхъ мѣстныхъ межевыхъ органовъ и особыхъ комиссій по размежеванію. Не слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что г.г. свободомыслящіе додумались и до ненужности всякихъ межъ и границъ, для достиженія полной свободы владѣнія и пользованія землею,—гдѣ нравится, тамъ и бери землю и распространяйся во всѣ стороны и паши сколько хочешь и можешь, пока не встрѣтишь другого, столь же свободно-мыслящаго насчетъ земли, и тогда уже—чья возьметъ, кто кого одолѣетъ? Впрочемъ, я скорѣе готовъ предположить какую нибудь ошибку въ передачѣ газетою „Русь“ этого пункта программы означенной партіи, такъ какъ иначе подобное предложеніе являлось бы уже слишкомъ невѣроятнымъ и смѣлымъ, даже при самомъ широкомъ полетѣ свободной мысли.

Кромѣ чисто соціалистическихъ партій, которыя, какъ уже сказано, вопроса объ улучшеніи сельскаго хозяйства совсѣмъ не касаются и, пожалуй, даже ставятъ ему искусственныя преграды, въ видѣ ренты на избытки производства противъ потребительной нормы, всѣ другія предлагаютъ широкое содѣйствіе къ улучшенію сельскаго хозяйства, интенсификаціи его, развитію культуры, поднятію производительности земли и т. п., не сознавая, однако, что первыми же пунктами своихъ программъ, направленными къ ликвидаціи и сокращенію частновладѣльческаго хозяйства, вплоть до невозможныхъ въ Россіи нормъ, онѣ прежде всего

приводятъ къ полному почти уничтоженію уже существующей у насъ культуры, къ упраздненію тѣхъ поучительныхъ примѣровъ ея, которые крестьяне теперь видятъ въ области помѣщичьяго хозяйства, при чемъ дѣлу едва ли помогутъ проектируемая нѣкоторыми изъ этихъ партій сельскохозяйственная инспекція, агрономическая пропаганда, кооперації, союзы и всякаго рода единенія, направленныя къ улучшенію земледѣлія, какъ равно и всеобщее страхованіе урожаевъ. О потеряхъ, которыя понесутъ крестьяне на заработкахъ при сокращеніи или ликвидаціи частно-владѣльческаго хозяйства, никто изъ представителей крайнихъ лѣвыхъ партій не задумывается, но за то предлагается отмѣна дѣйствующихъ правилъ о наймѣ на сельскія работы,—къ слову сказать, ни для кого не стѣснительныхъ, потому что они никогда и нигдѣ не примѣнялись и ни кого ни отъ чего не ограждаютъ; взамѣнъ того, проектируется распространеніе рабочаго законодательства на сельскихъ рабочихъ, учрежденіе сельскохозяйственной инспекціи для наблюденія за правильнымъ примѣненіемъ законодательства по охранѣ труда въ этой области и введеніе уголовной отвѣтственности сельскихъ хозяевъ за нарушенія этого законодательства. Объ установленіи же какихъ-либо правилъ для обезпеченія исполненія рабочими принятыхъ на себя обязательствъ, конечно, нигдѣ и рѣчи нѣтъ,—вѣроятно, потому, что о существованіи случаевъ ихъ неисполненія со стороны рабочихъ составителямъ аграрныхъ программъ этихъ партій ничего не извѣстно, или же они считаютъ это явленіемъ вполнѣ допустимымъ и законнымъ. Партія демократическаго союза конституціоналистовъ предлагаетъ весьма симпатичную мѣру страхованія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, которую, однако, при условіяхъ нашей сельской жизни весьма трудно осуществить. Вѣдь постояннаго класса сельскихъ рабочихъ, какъ въ фабричной области, у насъ совсѣмъ почти нѣтъ, и конечно, не составители либеральныхъ программъ будутъ думать о его созданіи,—страхованіе же рабочихъ постоянно переходящихъ съ мѣста на мѣсто, работающихъ сдѣльно, ежедневно мѣняющихся, представитъ едва ли преодолимыя трудности. При томъ, не мало несчастныхъ случаевъ происходитъ у насъ при работѣ крестьянъ въ своемъ хозяйствѣ, на своихъ поляхъ, и тутъ уже никакого спеціальнаго страхованія противъ нихъ не придумаешь.

Въ программы всѣхъ упомянутыхъ выше партій, кромѣ соціалистическихъ, входитъ широкое содѣйствіе со стороны государства и общества въ дѣлѣ переселенія и разселенія на свободныя

земли въ предѣлахъ Европейской Россіи и за предѣлами ея, съ облегченіемъ крестьянамъ устройства ихъ хозяйственнаго быта на новыхъ мѣстахъ. Эти предложенія, конечно, всецѣло совпадаютъ и съ тѣмъ, что мы сами говорили въ предыдущихъ статьяхъ. Только крайнія соціалистическія партіи о переселенческомъ вопросѣ совсѣмъ умалчиваютъ, хотя имъ болѣе всѣхъ слѣдовало бы о немъ позаботиться, такъ какъ отъ проектируемыхъ ими порядковъ всякій, конечно, захочетъ сбѣжать, пока они еще на всю страну не распространятся. Впрочемъ, они, быть можетъ, примутъ мѣры для того, чтобы этому бѣгству противодѣйствовать...

Всѣ перечисленныя выше программы исходятъ изъ того, очевидно, принимаемаго ими за аксіому, положенія, что вся бѣда современнаго крестьянскаго быта зависитъ отъ малоземелья крестьянъ и что главная задача—въ расширеніи крестьянскаго землевладѣнія на счетъ всѣхъ другихъ видовъ землевладѣнія въ Россіи, хотя бы съ полнымъ уничтоженіемъ или болѣе или менѣе значительнымъ сокращеніемъ частновладѣльческаго хозяйства, даже со всѣми представляемыми имъ для крестьянъ заработками. Все дѣло въ томъ, чтобы увеличить крестьянамъ площадь своей земли, обрабатываемой личнымъ ихъ трудомъ, какая бы ни была конечная производительность этого труда, выгодность или убыточность его для нихъ самихъ. Всѣ эти предложенія въ большей или меньшей мѣрѣ исходятъ изъ мысли о необходимости борьбы съ частнымъ землевладѣніемъ, съ злоупотребленіями землевладѣльцевъ, съ эксплоатаціею ими народнаго труда и крестьянской нужды,—вплоть до приравненія ихъ къ ростовщикамъ и обращенія противъ нихъ всей строгости карательныхъ законовъ. Насколько всѣ подобнаго рода мнѣнія справедливы — я уже говорилъ выше, и больше къ этимъ вопросамъ возвращаться не буду—сказаннаго достаточно, чтобы судить о томъ, что въ дѣйствительности большая часть этихъ программъ сулитъ русской землѣ.

Перехожу теперь къ изложенію аграрныхъ программъ партій болѣе умѣренныхъ и стоящихъ, по моему мнѣнію, на вполнѣ реальной, а не фантастической почвѣ. Изъ нихъ партіи: прогрессивная русскихъ промышленниковъ и торговцевъ, прогрессивно-экономическая, торгово-промышленная, правового порядка и союзъ 17 октября, включаютъ въ свои программы увеличеніе площади землевладѣнія и землепользованія крестьянъ малоземельныхъ и безземельныхъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это является дѣйствительно необходимымъ, въ малоземельныхъ мѣстностяхъ, а также на счетъ отрѣзковъ, необходимыхъ для благосостоянія деревни;

союзъ 17 октября допускаетъ въ этихъ случаяхъ, а равно при недостаточности другихъ мѣропріятій, въ случаѣ государственной важности, отчужденіе земель частныхъ лицъ и разныхъ вѣдомствъ, но не иначе, однако, какъ за справедливое вознагражденіе; къ этому взгляду примкнулъ и съѣздъ предводителей дворянства въ Москвѣ, въ январѣ этого года, признавшій, что при разрѣшеніи аграрнаго вопроса долженъ быть поставленъ въ основаніе принципъ частной собственности, но указавшій на возможныя отъ сего отступленія примѣнительно къ ст. 575 т. X св. законовъ. Какъ этотъ съѣздъ, такъ и партія торговопромышленная, выдвигаютъ въ дѣлѣ увеличенія крестьянскаго землевладѣнія на первый планъ роль Крестьянскаго Банка, который долженъ, по мнѣнію съѣзда предводителей, поставить главной своей задачей воспособленіе и содѣйствіе покупкамъ земли малоземельными и дѣйствительно нуждающимися въ ней земледѣльцами, а также производить таковыя за свой счетъ по существующимъ мѣстнымъ цѣнамъ. Банкъ долженъ при этомъ утратить характеръ чисто кредитнаго учрежденія, дѣйствующаго исключительно на общихъ началахъ ипотечныхъ операцій, а правительство должно оказывать ему финансовую поддержку при осуществленіи такихъ покупокъ. Далѣе высказывается пожеланіе о предоставленіи крестьянскимъ обществамъ права заклада своихъ надѣловъ для покупки земли, какъ равно и права продажи надѣловъ Крестьянскому Банку при выходѣ крестьянъ изъ общины. Платежи по ссудамъ Крестьянскаго Банка должны быть понижены до сравненія съ платежами въ Банкъ Дворянскій. Государственныя, казенныя и удѣльныя земли, со включеніемъ тѣхъ лѣсныхъ площадей, которыя могутъ быть превращены въ другой видъ угодій, должны быть отводимы земледѣльцамъ за уплату по оцѣнкѣ.

Какъ видно, всѣ эти начала весьма близко подходятъ къ тѣмъ, которыя и я приводилъ въ разныхъ частяхъ своей книги, признавая необходимость и неотложность удовлетворенія крестьянской земельной нужды тамъ, гдѣ она дѣйствительно существуетъ, но не путемъ дополнительнаго надѣленія крестьянъ землею, а путемъ покупки у частныхъ землевладѣльцевъ и выкупа у казны. Принудительное отчужденіе признается возможнымъ лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ и я его допускалъ. Далѣе предлагается цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ поднятію крестьянскаго благосостоянія и улучшенія крестьянскаго землепользованія, также вполнѣ согласныхъ съ тѣми воззрѣніями, которыя я проводилъ и подробно мотивировалъ, видя въ нихъ, — а не въ про-

стомъ расширеніи площади землевладѣнія, — главный и вѣрнѣйшій выходъ изъ настоящаго бѣдственнаго положенія крестьянъ.

Союзъ 17 октября на первомъ планѣ ставитъ отмѣну исключительныхъ законоположеній, юридически принижающихъ податныя сословія, и административной надъ крестьянами опеки; вмѣстѣ съ партіями русскихъ промышленниковъ и торговцевъ, прогрессивно-экономической, торгово-промышленной и правового порядка, онъ требуетъ устраненія препятствій и содѣйствія государства къ переходу отъ общиннаго землевладѣнія и землепользованія къ подворному и личному. Право личной собственности на землю признаетъ и демократическій союзъ конституціоналистовъ. Тѣ же партіи включаютъ въ свои программы право свободнаго выхода изъ общины и признаютъ необходимымъ уничтоженіе черезполосности, отграниченіе и размежеваніе надѣльныхъ земель и обязательное разверстаніе черезполосныхъ крестьянскихъ и помѣщичьихъ земель, при чемъ союзъ 17 октября проектируетъ даже обязательное отчужденіе отрѣзковъ, мѣшающихъ хозяйственной цѣльности владѣнія. Въ программѣ того же союза стоитъ признаніе мірского землевладѣнія — институтомъ гражданскаго права, слѣдовательно, уничтоженіе всѣхъ тѣхъ законодательныхъ постановленій, которыми оно нынѣ искусственно поддерживается.

Московскій съѣздъ предводителей дворянства высказался по этимъ вопросамъ еще опредѣленнѣе. Именно, онъ также настаивалъ на необходимости обязательнаго отмежеванія и разграниченія крестьянскихъ надѣловъ на государственный счетъ и вообще облегченія способовъ и порядка размежеванія и уничтоженія черезполосности и сервитутовъ, вмѣстѣ съ облегченіемъ свободнаго перехода отъ общиннаго владѣнія къ подворному и хуторскому, съ правомъ свободной продажи своего участка при переходѣ къ новой осѣдлости. Прогрессивная партія русскихъ промышленниковъ и торговцевъ и партія торгово-промышленная требуютъ особаго содѣйствія правительства къ округленію земельныхъ владѣній, къ устройству хозяйства на отрубныхъ участкахъ, кромѣ того, какъ и первая,—къ урегулированію земельныхъ сервитутовъ. Партіи прогрессивно-экономическая и правового порядка упоминаютъ о необходимости способствованія разселенію крестьянъ, при чемъ первая говоритъ и о переселеніи, союзъ же предводителей требуетъ расширенія и упорядоченія переселенческаго дѣла, при самомъ широкомъ участіи въ этомъ дѣлѣ мѣстныхъ общественныхъ органовъ, настаивая притомъ на скорѣйшей регистраціи казенныхъ земель, подлежащихъ отводу переселенцамъ.

Отсюда видно, насколько программы этихъ умѣренныхъ партій во всемъ, что касается владѣнія землею, которое они считаютъ необходимымъ закрѣпить и обосновать на началахъ полной собственности, далеки отъ взглядовъ представителей крайнихъ лѣвыхъ партій, стремящихся, наоборотъ, къ столь же полному уничтоженію частной земельной собственности и соціализаціи всей земли, не исключая и крестьянской. Насколько мнѣ приходилось слышать, крестьяне, которые такъ стремятся къ завладѣнію помѣщичьею и казенною землею, напротивъ, за рѣдкими исключеніями, очень энергически возражаютъ противъ мысли о томъ, что не только помѣщичьи, но и ихъ собственныя земли будутъ отобраны „въ казну“, — при чемъ въ обильно распространяемыхъ среди нихъ прокламаціяхъ соціалистическаго характера очень не нравится имъ проповѣдь о томъ, что каждому будетъ отводиться земля лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ можетъ личнымъ трудомъ ее обработать, и безъ права передачи ея по наслѣдству своимъ дѣтямъ. Это уже съ ихъ сокровенными мечтами о раздѣлѣ частновладѣльческой земли не вяжется, да и о всеобщемъ земельномъ равненіи, о пресловутомъ „черномъ передѣлѣ“, мечтаютъ только тѣ крестьяне, у которыхъ земли меньше, чѣмъ у ихъ сосѣдей, — всѣ же остальные, хотя готовы брать все, что можно, о томъ, чтобы изъ своего владѣнія что-либо другимъ уступить, и слышать не хотятъ; болѣе того, какъ я уже говорилъ не разъ, когда заходитъ рѣчь о дополнительномъ надѣлѣ, они понимаютъ его не иначе, какъ только въ видѣ земельной прирѣзки всѣмъ крестьянамъ по душамъ, совершенно безотносительно къ тому, кто чѣмъ владѣетъ въ настоящее время.

Далѣе, въ программахъ партій прогрессивно-экономической и союза 17 октября, мы находимъ упоминаніе объ урегулированіи арендныхъ земельныхъ отношеній, что между прочимъ было выставлено и на съѣздѣ крестьянъ старообрядцевъ въ Москвѣ, которые по многимъ другимъ вопросамъ земельнаго дѣла близко примыкали къ воззрѣніямъ партій, требующихъ принудительнаго отчужденія земель у помѣщиковъ въ пользу крестьянъ. Слѣдуетъ замѣтить, при томъ, что жалобы на малоземелье высказывались здѣсь всѣми крестьянами, въ томъ числѣ и сибиряками, не взирая на ихъ пятнадцати десятинные душевые надѣлы, что уже само по себѣ достаточно подрываетъ значеніе и убѣдительность подобнаго рода жалобъ.

Наконецъ, всѣ эти партіи, въ отличіе отъ крайнихъ лѣвыхъ много мѣста удѣляютъ въ своихъ программахъ мѣрамъ къ под

нятію производительности земледѣлія, при томъ, по мнѣнію партіи правового порядка, безотносительно къ тому, кому бы ни принадлежала земля. Тутъ указывается на необходимость широкаго распространенія въ средѣ населенія сельскохозяйственныхъ знаній, поднятія сельскохозяйственныхъ производствъ, организаціи отхожихъ промысловъ, содѣйствія къ насажденію среди земледѣльческаго населенія кустарныхъ производствъ, распространенія и облегченія мелкаго и меліоративнаго кредита. Партія прогрессивная русскихъ промышленниковъ и торговцевъ, какъ и прогрессивно-экономическая, предлагаютъ учрежденіе Государственнаго Банка поземельнаго кредита; союзъ 17 октября указываетъ на необходимость преобразованія Крестьянскаго Банка, въ чемъ къ нему примыкаютъ и многія другія партіи, партіи же свободомыслящихъ и демократическихъ реформъ высказываютъ, что онъ долженъ получить характеръ органа по пріобрѣтенію земель для государственнаго земельнаго запаса. Выше уже было приведено мнѣніе на этотъ счетъ съѣзда предводителей дворянства, которые тоже считаютъ, что Банкъ долженъ измѣнить свой характеръ кредитнаго ипотечнаго учрежденія и поставить главной своей задачей, при поддержкѣ правительства, расширеніе землевладѣнія нуждающихся въ землѣ крестьянъ.

Тотъ же съѣздъ высказываетъ, что поднятіе культуры и развитіе сельскохозяйственной производительности, въ связи съ организаціей сбыта сельскохозяйственной промышленности, требуетъ измѣненія нашей финансовой политики вообще.

Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что крайнія лѣвыя, соціалистическія партіи отрицаютъ право частной поземельной собственности, требуютъ перехода всей безъ исключенія земли въ руки государства, или общества, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ отрицаютъ, какъ извѣстно, даже и самую идею государства. Для осуществленія сего онѣ предлагаютъ простую конфискацію всѣхъ частно-владѣльческихъ земель, признавая возможнымъ оказать лишь временную милостыню тѣмъ, кто отъ подобной операціи пострадаетъ. Нѣкоторыми предлагается не только отмѣна въ будущемъ всѣхъ падающихъ на крестьянство выкупныхъ и оброчныхъ за землю платежей, но даже возвратъ землевладѣльцами тѣхъ выкупныхъ платежей, которые они въ прежнее время за землю получили. Другой рядъ партій проектируетъ образованіе государственнаго земельнаго фонда на счетъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ и частновладѣльческихъ, подлежащихъ обязательному отчужденію по справедливой, но отнюдь

не рыночной, минимальной оцѣнкѣ, признавая возможнымъ сохранить частное землевладѣніе лишь на небольшихъ клочкахъ земли, обставляя распоряженіе ими цѣлымъ рядомъ ограниченій, въ видѣ урегулированія арендныхъ отношеній, сельскохозяйственной инспекціи для огражденія сельскихъ рабочихъ отъ нанимателей, съ установленіемъ противъ послѣднихъ даже уголовныхъ каръ за нарушеніе правилъ объ охранѣ труда, допуская на ряду съ этимъ и мѣры къ поднятію производительности земли и улучшенія сельскаго хозяйства. Третьи, наконецъ, признавая необходимость расширенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьянскаго землевладѣнія, допуская даже при извѣстныхъ условіяхъ и не иначе, какъ за вознагражденіе по дѣйствительной стоимости, принудительное отчужденіе отдѣльныхъ участковъ частновладѣльческой земли, когда это нужно для уничтоженія черезполосицы, взаимнаго округленія владѣній и т. п., при сохраненіи неприкосновенности права частной земельной собственности и распространенія началъ ея также и на крестьянъ, придаютъ существенное значеніе облегченію крестьянамъ выхода изъ общины, съ правомъ реализаціи надѣльной земли, и разселенію крестьянъ на отрубные участки, какъ главному условію улучшенія сельскаго хозяйства и повышенія производительности земли. На ряду съ этимъ они говорятъ и объ упорядоченіи переселенія и объ улучшеніи крестьянскаго землепользованія, въ которомъ они видятъ болѣе мощное средство къ поднятію крестьянскаго благосостоянія, нежели въ простомъ расширеніи площади землевладѣнія. Весь мой настоящій трудъ къ тому и направленъ, чтобы подтвердить именно это положеніе.

V.

Въ чемъ же истина?

Я уже говорилъ, что главной задачей моего заканчиваемаго нынѣ труда было—въ земельномъ вопросѣ разобраться, отдѣлить въ немъ истину отъ заблужденій и дать твердыя основы для правильнаго его разрѣшенія. Я долженъ былъ показать призрачность тѣхъ мечтаній о неограниченномъ будто бы у насъ земельномъ просторѣ, который даетъ возможность въ значительной мѣрѣ площади крестьянскаго землевладѣнія расширить, и затѣмъ удосто-

вѣрялъ, что даже на счетъ всѣхъ имѣющихся у насъ въ наличности земель казенныхъ, удѣльныхъ, монастырскихъ и частновладѣльческихъ, возможно было бы увеличить душевое владѣніе крестьянъ на столь ничтожную, относительно, величину, которая не оказала бы сколько нибудь замѣтнаго вліянія на повышеніе благосостоянія сельскаго населенія, низкій уровень котораго зависитъ не отъ малоземелья, въ сущности только относительнаго, но отъ цѣлаго ряда другихъ причинъ. Ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, не можетъ быть такого положенія, при которомъ имущественное благосостояніе народа покоилось бы только на принадлежащей крестьянамъ землѣ, съ игнорированіемъ того, что доставляетъ крестьянину его трудъ, оплачиваемый нынѣ во многихъ случаяхъ лучше при примѣненіи его на чужой, частновладѣльческой, а не на собственно принадлежащей ему землѣ, какъ ни расширяй ея площадь. Я подтверждалъ это данными о меньшей производительности крестьянской земли по сравненію съ частновладѣльческой, благодаря лучшимъ пріемамъ обработки послѣдней, приложеніемъ къ ней знаній и капиталовъ. Разсчеты того, что приноситъ крестьянамъ ихъ земля, по сравненію съ тѣмъ, что они зарабатываютъ на земляхъ помѣщичьихъ, показали, что при переходѣ ихъ полностью въ руки крестьянъ, не только на началахъ выкупа, но даже безвозмездно, съ полной ликвидаціей культурнаго помѣщичьяго хозяйства, и независимо отъ колоссальныхъ черезъ это потерь для всего народнаго хозяйства, для благосостоянія страны, сами крестьяне отъ такой реформы болѣе потеряютъ, нежели выиграютъ. Разбираясь далѣе въ вопросахъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія, я выяснилъ, что бѣдность нашихъ крестьянъ зависитъ не столько отъ недостатка у нихъ земли, сколько отъ ненормальныхъ условій крестьянскаго землепользованія, которыя съ особонною силою даютъ себя чувствовать въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ общиннымъ хозяйствомъ. При этомъ, я приводилъ фактъ, указывающій на то, что плохое состояніе крестьянскаго хозяйства въ значительной степени является результатомъ неправильной его организаціи, нарушенія нормальнаго соотношенія между посѣвною и кормовою площадями на ихъ земляхъ, распашки луговъ и выгоновъ, обусловливающихъ упадокъ скотоводства, недостатокъ удобренія, а въ силу этого и уменьшеніе производительности земли. Отсутствіе этихъ необходимыхъ для нихъ угодій крестьяне отчасти восполняютъ арендою ихъ у частныхъ лицъ, казны и удѣловъ, аренда же ими пахотныхъ земель не всегда можетъ служить доказательствомъ ихъ мало-

земелья, такъ какъ въ качествѣ арендаторовъ выступаютъ далеко не бѣднѣйшіе изъ нихъ, при чемъ во многихъ случаяхъ аренда, даже погодная, вовсе не носитъ того вынужденнаго характера, который ей приписываютъ, а часто является чисто предпринимательской и даже спекулятивной. Это дѣлаетъ крайне труднымъ вмѣшательство закона или власти въ урегулированіе арендныхъ цѣнъ, хотя въ другихъ отношеніяхъ урегулированіе арендныхъ отношеній и приданіе имъ большей устойчивости, большаго обезпеченія интересовъ обѣихъ сторонъ, не только желательно, но даже необходимо. Указывая на несомнѣнное малоземелье нѣкоторыхъ категорій крестьянъ и на крайнюю необходимость придти на помощь ихъ земельной нуждѣ, какъ и предоставленія крестьянамъ возможности пріобрѣтенія тѣхъ земельныхъ участковъ особаго характера, которые имѣютъ насущное, жизненное для деревни значеніе, я не признавалъ за малоземельемъ характеръ явленія общаго, повсемѣстнаго, не взирая на то, что нѣтъ въ Россіи такой области, гдѣ бы не раздавалось со стороны крестьянъ жалобъ на земельное утѣсненіе, что является результатомъ стремленія ихъ къ удержанію стародавнихъ, отжившихъ формъ полевого хозяйства, не соотвѣтствующихъ болѣе измѣнившимся современнымъ условіямъ. Выясненіе дѣйствительной потребности крестьянъ въ землѣ и способовъ удовлетворенія ихъ земельной нужды требуетъ подробныхъ мѣстныхъ изслѣдованій, такъ какъ никакія напередъ установленныя нормы и мѣрки тутъ непріемлемы, и во многихъ случаяхъ потребной для того земли можетъ на мѣстѣ не оказаться, вслѣдствіе чего придется способствовать переселенію нѣкоторой части крестьянъ, которое въ свою очередь требуетъ урегулированія и упорядоченія и широкаго содѣйствія переселяющимся.

Признавая за государствомъ, въ соотвѣтствіи съ дѣйствующимъ закономъ, несомнѣнное право на отчужденіе частновладѣльческихъ имуществъ въ видахъ государственныхъ и общественныхъ нуждъ, я отвергалъ, однако, необходимость въ огромномъ большинствѣ случаевъ обращенія къ этой крайней мѣрѣ, связанной съ нарушеніемъ правъ собственности, колебаніе которыхъ крайне опасно. Потребныя для крестьянъ земли могутъ быть пріобрѣтаемы ими покупкою у землевладѣльцевъ, путемъ добровольнаго съ ними соглашенія, при содѣйствіи Крестьянскаго Банка и подъ контролемъ особыхъ мѣстныхъ земельныхъ коммиссій. Независимо отъ сего, самъ Банкъ долженъ выступить въ качествѣ покупателя частновладѣльческихъ земель, для предоставленія ихъ

затѣмъ крестьянамъ по предварительной разбивкѣ пріобрѣтенныхъ земель на удобные для веденія хозяйства отрубные участки, и на извѣстныхъ, обязательныхъ для покупателей ихъ условіяхъ, гарантирующихъ правильность веденія этого хозяйства на нихъ и въ будущемъ. Оспаривая возможность широкаго развитія въ ближайшемъ будущемъ переселеній въ болѣе отдаленныя области Россіи, гдѣ, при всемъ ихъ необъятномъ земельномъ просторѣ, мало земель, пригодныхъ для немедленнаго заселенія, я указывалъ на разселеніе крестьянъ въ предѣлахъ ихъ надѣльныхъ земель, а также въ предѣлахъ своей или ближайшихъ губерній, какъ на мѣры легче осуществимыя и имѣющія болѣе важное значеніе для поднятія сельскохозяйственной промышленности въ странѣ. На рядѣ примѣровъ я показалъ полезные результаты разселенія крестьянъ хуторами на отрубныхъ участкахъ ихъ надѣльныхъ земель, явленіе, получившее въ послѣдній годъ уже широкое развитіе преимущественно на западѣ Россіи, откуда оно однако постепенно подвигается и въ глубь строны. Защитникамъ общинныхъ порядковъ, считающихъ притомъ общинное землевладѣніе явленіемъ якобы составляющимъ преимущество Россіи передъ другими странами, я возражалъ, указывая на то, что въ старые годы, на первыхъ ступеняхъ развитія сельскаго хозяйства, общинные порядки, со свойственными имъ передѣлами, дробленіемъ земель на полоски, обязательными пріемами обработки земли и вытекающей отсюда низкой ея производительности, — существовали повсемѣстно и постепенно, отчасти подъ непосредственнымъ давленіемъ правительственной власти, уступили свое мѣсто формамъ хозяйства болѣе совершеннымъ. Тому же пути естественной эволюціи должны неизбѣжно послѣдовать и мы, при чемъ правительство должно придти на помощь сельскому населенію въ дѣлѣ распространенія улучшенныхъ культуръ и пріемовъ хозяйства. Засимъ, я перешелъ уже въ область чисто утопическихъ ученій объ общинномъ артельномъ хозяйствѣ, о націонализаціи земли и т. п., указавъ, однако, тѣ случаи, когда націонализацію не всей земли вообще, но отдѣльныхъ угодій, и прежде всего лѣсныхъ площадей, слѣдуетъ признать весьма желательной и даже въ высшей степени цѣлесообразной. Наконецъ, разбирая аграрныя программы разныхъ нашихъ партій, я выяснилъ, на сколько однѣ изъ нихъ являются утопичными и даже опасными для блага государства и для развитія народнаго хозяйства, тогда какъ другія, наоборотъ, кладутъ въ свою основу истинныя и правильно понятыя потребности населенія, отвѣчая запросамъ и фактамъ дѣйствительной жизни, а не

отвлеченнымъ теоріямъ. Вотъ въ немногихъ словахъ резюме всей моей книги. Не мнѣ, конечно, судить о томъ, насколько успѣшно я выполнилъ свою задачу, но одно только могу сказать, что я старался отнестись къ вопросу безпристрастно, съ полнѣйшею объективностью, и стремился обосновать свои заключенія на фактахъ, выведенныхъ изъ долголѣтнихъ моихъ наблюденій въ области народной жизни и сельскаго хозяйства въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, до Сибири, Кавказа и Туркестана включительно.

Съ самаго начала появленій моихъ статей по земельному вопросу въ газетѣ „Слово“, вошедшихъ нынѣ въ составъ этой книги, онѣ встрѣтили не мало возраженій и нападокъ. Настоящая книга вызоветъ ихъ вѣроятно еще больше, но я этимъ не смущаюсь, такъ какъ лишь всестороннее разсмотрѣніе дѣла можетъ показать, на чьей сторонѣ истина. Жаль только, что нѣкоторыя возраженія предъявлялись мнѣ тогда, когда серія моихъ статей еще не была закончена, и потому мнѣ приписывались и такія заключенія, къ которымъ я никогда и не думалъ приходить. Такъ, напримѣръ, говорилось, что я будто бы отрицаю выгодность перехода въ крестьянскія руки даже тѣхъ земель, которыя нынѣ крестьяне арендуютъ. Но это совершенно не вѣрно, напротивъ того, я доказывалъ, что надо всѣ мѣры употребить къ тому, чтобы эти земли перешли къ крестьянамъ, при чемъ только находилъ излишнимъ даже и по отношенію къ этимъ землямъ примѣненіе начала принудительнаго отчужденія, потому что увѣренъ въ томъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ владѣльцы добровольно согласятся на продажу этихъ земель крестьянамъ, или Банку, и отъ большого числа землевладѣльцевъ слышалъ прямыя въ этомъ смыслѣ заявленія. Но я говорилъ, и готовъ еще разъ повторить, во первыхъ, что если крестьяне арендуемыя ими нынѣ угодья, наиболѣе для нихъ важныя въ хозяйственномъ отношеніи,—луга и выгоны,—по переходѣ въ ихъ руки распашутъ, то они отъ этого потеряютъ, даже по сравненію съ настоящимъ, во вторыхъ,—я указывалъ на то, что едва ли этимъ именно способомъ можно удовлетворить нужду бѣднѣйшей части населенія, такъ какъ и теперь, какъ показываютъ изслѣдованія, значительная часть этихъ земель фактически находится въ рукахъ крестьянъ сравнительно болѣе обезпеченныхъ, дворовъ болѣе сильныхъ,—бѣднота же и въ этомъ случаѣ останется ни причемъ. Если же предполагать, что помѣщичьи земли, которыя нынѣ такими крестьянами арендуются, должны быть отняты сперва у помѣщиковъ, а потомъ у ихъ на-

стоящихъ арендаторовъ—крестьянъ, для передачи другимъ, бѣднѣйшимъ крестьянамъ, то это будетъ такая ломка, такая перекройка всѣхъ установившихся земельныхъ отношеній и условій землепользованія, которыя внесутъ смуту въ среду самихъ крестьянъ и воздвигнутъ ихъ одинъ противъ другихъ. Да многіе изъ этихъ бѣднѣйшихъ крестьянъ не будутъ въ силахъ съ этими землями даже совладать и отъ себя передадутъ ихъ другимъ, болѣе состоятельнымъ и мощнымъ, подобно тому, какъ они сдаютъ имъ же нынѣ и свои надѣлы. Такимъ образомъ, отъ мысли облагодѣтельствовать этимъ способомъ именно бѣднѣйшую, самую слабую часть сельскаго населенія, приходится во многихъ случаяхъ отказаться.

Далѣе, мнѣ было приписано мнѣніе о томъ, что будто бы даже даровой переходъ земель крестьянамъ былъ бы для нихъ невыгоденъ и велъ бы ихъ только къ раззоренію. Подобное мнѣніе было бы очевидно совершеннымъ абсурдомъ, если бы оно относилось къ тѣмъ землямъ, которыя арендуются нынѣ ими за деньги,—или о такихъ пространствахъ, которыя остаются нынѣ внѣ всякой культуры; но я привелъ разсчеты, изъ которыхъ можно было видѣть, что крестьяне въ дѣйствительности болѣе потеряютъ, нежели выиграютъ, въ случаѣ даже безвозмездной передачи имъ тѣхъ земель, на которыхъ ведется нынѣ улучшенное помѣщичье хозяйство, въ области котораго крестьяне имѣютъ заработковъ на большую сумму, чѣмъ сколько могутъ принести имъ тѣ же земли въ ихъ рукахъ. Мои разсчеты были признаны основанными на неполныхъ и не вѣрныхъ данныхъ, съ допущеніемъ разныхъ произвольныхъ обобщеній; но на абсолютную вѣрность не только этихъ, но и вообще всѣхъ тѣхъ статистическихъ цифръ, которыми намъ приходится располагать при обсужденіи аграрнаго вопроса, я никогда и не претендовалъ. Многія данныя я заимствовалъ изъ того же источника, которымъ всего чаще пользуются и мои оппоненты, именно изъ матеріаловъ, разработанныхъ и опубликованныхъ Департаментомъ Окладныхъ Сборовъ въ то время, когда во главѣ его стоялъ бывшій впослѣдствіи Главноуправляющимъ Землеустройствомъ и Земледѣліемъ Н. Н. Кутлеръ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ я даже прямо выписывалъ тѣ соображенія и выводы, которые находилъ въ этихъ трудахъ, хотя и не придавалъ всѣмъ этимъ даннымъ преувеличеннаго значенія и самъ указывалъ на ихъ шаткость и неполноту. Дѣйствительно, данныя, напримѣръ, о доходности крестьянскаго хозяйства на надѣльныхъ земляхъ, имѣющіяся въ этомъ источникѣ, относятся только до 27 губерній

и, обобщая ихъ, я поступалъ болѣе или менѣе произвольно и гадательно, на что, впрочемъ, и самъ указывалъ. Оттуда же я почерпалъ и свѣдѣнія о заработкахъ крестьянъ на помѣщичьихъ земляхъ, дополняя ихъ другими данными, взятыми мною не съ вѣтру, а изъ практики разныхъ имѣній,—данныя о заработкахъ крестьянъ на сельскохозяйственныхъ заводахъ — изъ отчетовъ Главнаго Управленія казенной продажи питей и неокладныхъ сборовъ. Конечно, всѣ эти данныя только приблизительны, но въ чемъ можетъ заключаться главная ихъ ошибочность? Мнѣ указываютъ, что размѣры заработковъ крестьянъ въ частныхъ имѣніяхъ приняты мною слишкомъ высокими,—однако, въ томъ же упомянутомъ мною выше источникѣ валовая выручка крестьянъ отъ работъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ опредѣлена въ 500 милліоновъ рублей,—безъ тѣхъ дополнительныхъ суммъ отъ службы крестьянъ въ частныхъ экономіяхъ и на заводахъ, которыя я счелъ нужнымъ прибавить, показавъ методъ ихъ исчисленія,—а средняя норма стоимости полной обработки и уборки одной десятины опредѣляется тамъ же ровно въ 15 рублей. Эту же сумму принималъ и я, только увеличивъ ее на счетъ означенныхъ дополнительныхъ заработковъ. На этихъ цифрахъ, конечно, приблизительныхъ и суммарныхъ, я и счелъ себя вправѣ опираться, для столь же, конечно, приблизительныхъ и суммарныхъ выводовъ, при чемъ самъ же указывалъ, что ошибки даже въ десятки милліоновъ рублей тутъ не могутъ имѣть никакого значенія. А приводимый мною разсчетъ выручки крестьянъ въ имѣніи съ свеклосахарнымъ заводомъ ужъ безусловно вѣренъ, такъ какъ онъ заимствованъ изъ отчетности этого имѣнія и тутъ, слѣдовательно, всякая произвольность исключена. Далѣе, мнѣ указываютъ, что цифры выручки крестьянъ отъ ихъ надѣльныхъ земель не вѣрны, преуменьшены, что при исчисленіи ихъ многія статьи дохода въ разсчетъ не введены, что въ дѣйствительности выручка эта должна быть значительно выше. Готовъ допустить и это, но только такое предположеніе умаляетъ доводы о безъисходной крестьянской нуждѣ, о недостаточности надѣльной земли даже для ихъ прокормленія, и слѣдовательно, взятыя мною данныя скорѣе рисуютъ положеніе крестьянъ въ худшемъ свѣтѣ, нежели оно есть на самомъ дѣлѣ, по заключеніямъ моихъ оппонентовъ.

Возражаютъ, наконецъ, и противъ—уже не моихъ доводовъ, а несомнѣннаго факта,—низшей урожайности земель крестьянскихъ по сравненію съ частновладѣльческими, или признаютъ

эту разницу незначительной. Дѣйствительно, въ оффиціальныхъ данныхъ она составляетъ только 18—20 процентовъ, что, однако, уже само по себѣ весьма не мало, если отнести эту разницу въ урожайности къ общей площади крестьянскихъ надѣльныхъ земель и общему сбору съ нихъ всѣхъ хлѣбовъ. Но я утверждаю, что въ дѣйствительности разница значительно больше, и могу доказать, что во многихъ случаяхъ она доходитъ и до 30—40%, а по сравненію съ лучшими помѣщичьими хозяйствами и до 50% въ среднемъ, а въ неурожайные годы еще того болѣе. Дѣло въ томъ, что показываемая въ оффиціальныхъ источникахъ цифра сбора съ частновладѣльческихъ земель представляется огульной, обнимаетъ земли, какъ находящіяся въ собственномъ хозяйствѣ владѣльцевъ, такъ и сдаваемыя въ аренду крестьянамъ, и послѣднія-то значительно и понижаютъ средній выводъ, такъ какъ урожаи на арендныхъ земляхъ въ общемъ всегда ниже не только по сравненію съ первыми, но даже съ надѣльными крестьянскими землями. Исправить эту погрѣшность нельзя, такъ какъ сборы хлѣбовъ отдѣльно на земляхъ, эксплоатируемыхъ самими помѣщиками, и сдаваемыхъ въ аренду крестьянамъ, не регистрируются; однако, и тѣ цифры, которыми мы располагаемъ, даютъ выводы поразительные, которыхъ развѣ только слѣпой не видитъ, — при чемъ онѣ особенно рельефны, если взять въ разсчетъ годы неурожайные, т. е. тѣ именно, которые наиболѣе пагубно отражаются на благосостояніи крестьянъ, вызываютъ необходимость заботъ о ихъ прокормленіи, на что расходуются государствомъ сотни милліоновъ рублей. Возьму данныя, которыя приводитъ въ своей брошюрѣ „Опытъ аграрной программы“ Д. И. Пестржецкій. Приводя цифры сбора съ 1 десятины въ пудахъ и въ процентахъ у владѣльцевъ и у крестьянъ съ 1891 по 1898 годъ, онъ говоритъ слѣдующее: „въ среднемъ, сборы хлѣбовъ съ единицы пространства у частныхъ землевладѣльцевъ лучше, чѣмъ у крестьянъ въ урожайные годы (начиная съ 90-хъ годовъ) на 20—25%, въ неурожайные на 40% и болѣе. Разница была особенно сильна въ засушливый 1891 годъ, достигнувъ 86%. Это положеніе выступаетъ особенно рельефно, если взять урожайность частновладѣльческихъ и крестьянскихъ земель лишь въ неурожайныхъ губерніяхъ (14). Въ этомъ году, по сравненію съ частными землевладѣльцами, крестьяне недополучили по 14 пудовъ на десятину чистаго остатка. На 43,8 милліона десятинъ посѣвной площади крестьянъ это составляетъ 613 милл. пудовъ, или на 1 душу 9 пудовъ, количество, которое было бы вполнѣ достаточно для предотвращенія голода“.

„Въ 1897 году въ 16 неурожайныхъ губерніяхъ у 27,7 милліоновъ крестьянъ было 19,1 милл. дес. посѣвовъ. И хлѣбовъ они не дополучили противъ владѣльцевъ по 8,7 пуд. на десятину, или въ суммѣ 165 милл. пудовъ зерна, по 6 пудовъ на душу. Если бы въ 1897 году сборы хлѣба у крестьянъ равнялись владѣльческимъ, то они имѣли бы зерна по 15 пудовъ на человѣка, кромѣ сѣмянъ, и неурожая и голода не существовало бы".

„Въ отдѣльныхъ, хорошо ведущихся русскихъ хозяйствахъ, урожаи хлѣбовъ приближаются къ западно-европейскимъ. Средняя урожайность съ десятины въ им. Моховомъ, Тульской губ., И. І. Шатилова, въ періодъ времени съ 1876 по 1895 г., выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ: для ржи—82,2; пшеницы—88,8; овса—102,5 пудовъ. Въ томъ же имѣніи въ неурожайномъ 1891 году пшеница дала 39 и 41 п. съ десятины, тогда какъ сосѣдніе владѣльцы едва вернули сѣмяна. Озимая рожь дала 26 пудовъ, по сосѣдству 10—12 пудовъ. Овесъ далъ 114 пудовъ, по сосѣдству 40—80 пудовъ. Въ Тульской губерніи, въ с. Кроткомъ, у И. В. Стебута, ржи уродилось въ этомъ году 44½ п., а у крестьянъ того же уѣзда 10,4 пуда. Въ Саратовской губерніи у кн. Волконскаго рожь дала 48 п., у сосѣднихъ крестьянъ отъ 12 до 29 п., овесъ у него 30½ п., у крестьянъ отъ 12 до 15 п. и т. д. Въ имѣніи Земетчино, кн. А. С. Долгорукова, Моршанскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, урожаи на надѣльныхъ земляхъ были въ этомъ году меньше экономическихъ въ 4—5 разъ. Любопытно, что при этомъ рельефно сказалось вліяніе улучшенной обработки земли; именно, на земляхъ, вспаханныхъ экономіей и сданныхъ крестьянамъ въ одногодичную аренду, урожаи были меньше экономическихъ всего въ 2 съ небольшимъ раза". Все это — факты, которыхъ никто и ничѣмъ опровергнуть не можетъ.

Дѣлая изъ всѣхъ изложенныхъ въ этой книгѣ фактовъ соотвѣтственные выводы и заключенія, я стремился къ тому, чтобы выяснить причины современнаго обостренія у насъ въ Россіи земельнаго вопроса, но видѣть въ моихъ предложеніяхъ, какъ и во всякихъ другихъ, кѣмъ бы они ни дѣлались и какъ бы ни формулировались, разъ они касаются только вопроса о владѣніи землею, а не болѣе широкаго вопроса о землеустройствѣ и землепользованіи, выходъ изъ бѣдственнаго положенія нашихъ крестьянъ нельзя до тѣхъ поръ, пока не будутъ предприняты широкія мѣры для поднятія производительности земли, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась, причемъ необходимо признать, что на этомъ пути частные землевладѣльцы сдѣлали уже болѣе рѣшительные шаги,

нежели крестьяне; да оно впрочемъ, и не могло быть иначе. Поэтому, не назадъ надо намъ теперь идти, не разрушать то, что уже достигнуто въ области культуры, а впередъ, поддерживать существующее, укрѣплять и развивать его. Неимущимъ и малоимущимъ крестьянамъ-землепашцамъ надо дать возможность увеличенія своего землевладѣнія на законномъ основаніи, безъ нарушенія чьихъ-бы то ни было правъ, такъ какъ, не считаясь съ этими правами, на которыхъ покоится существованіе всякаго общества и всего народнаго хозяйства, нельзя быть увѣреннымъ и въ будущемъ; можно только вызвать новые катаклизмы и смуты.

Въ упомянутой выше книгѣ французскаго экономиста Мелина „Le retour à la terre“ (Возвращеніе къ землѣ), я нахожу слѣдующія строки, вполнѣ подтверждающія эту мысль: „Коль скоро это начало (право собственности) будетъ затронуто и разрушено въ лицѣ хотя бы одного только собственника, то же неминуемо постигнетъ и всѣхъ, кто бы они ни были, крупные или мелкіе. Нужно быть очень наивнымъ, чтобы думать, что когда государство конфискуетъ и распредѣлитъ между нуждающимися крупныя владѣнія, оно на этомъ прекрасномъ пути остановится и пощадитъ остальныя. Хотя бы оно того и хотѣло, оно уже этого не сможетъ. Всѣ тѣ, кто не получитъ своей доли добычи,— а такихъ всегда останется большинство,— съумѣютъ его убѣдить въ необходимости предпринять новую серію экспропріацій, чтобы дать и имъ мѣсто на пиру. Пусть мелкіе владѣльцы, которыхъ хотятъ, отведя имъ глаза, увлечь въ этотъ общій потокъ, хорошенько подумаютъ: они рискуютъ своей головой такъ же, какъ и всѣ остальные, а когда, благодаря ихъ слабости, революціонеры станутъ господами, она не долго уцѣлѣетъ у нихъ на плечахъ“.

Сколько времени продлится неизбѣжная при этомъ всеобщая вакханалія, сколько войскъ придется для борьбы съ нею правительству мобилизировать, — если еще останутся въ это время какіе либо правители и войска — сказать трудно, но одно только можно утверждать навѣрняка, что послѣ того, какъ эта волна разрушенія прольется по всей землѣ, послѣ долгаго періода полнаго хаоса и всеобщаго, въ томъ числѣ и крестьянскаго, разоренія, — экономическій строй страны постепенно начнетъ вновь, на развалинахъ прежняго, слагаться въ прежнія же формы жизни и труда, потому что другія могутъ существовать только въ воображеніи разныхъ мечтателей, которые изъ-за своихъ теорій не хотятъ считаться съ дѣйствительностью и никакихъ уроковъ исторіи не признаютъ. Ихъ я, конечно, и не надѣюсь переубѣдить, но въ здравый смыслъ русскаго народа

я вѣрю и потому не сомнѣваюсь въ томъ, что когда онъ только будетъ въ состояніи уразумѣть, куда наши пропагандисты хотятъ его завести, онъ первый отъ нихъ отшатнется и не дастъ себя болѣе увлекать никакими сладкорѣчивыми обѣщаніями. Вся бѣда въ сущности даже и не въ томъ, что онъ слышитъ подобнаго рода обѣщанія, отвѣчающія, быть можетъ, и его сокровеннымъ мечтамъ, а въ томъ, что онъ ничего другого не слышитъ, не слышитъ ни откуда того слова правды, которой онъ жадно ищетъ, но нигдѣ не находитъ. И это слово правды должно быть ему сказано. Усмиренія войсками безпорядковъ, пока они еще не всеобщи, можно достигнуть, но вѣдь экзекуціи, какъ бы онѣ ни были суровы, еще ничего народу не докажутъ, а заставятъ его развѣ временно со своими требованіями попримолкнуть, но не убѣдятъ народа въ ихъ неправотѣ. Если всѣ настоящія ужасныя проявленія народной смуты принимаютъ иногда столь острый, чисто болѣзненный, психическій характеръ, то однѣми мѣрами усмиренія и устрашенія вылечить народа нельзя, а можно только эту болѣзнь вогнать внутрь народнаго организма, откуда она рано или поздно прорвется наружу только съ еще большею силою. Но если одною вооруженною силою съ этимъ зломъ въ его корнѣ совладать нельзя, то нельзя побороть его и путемъ потворства и уступокъ.

Теперь хотятъ уничтожить помѣщичье хозяйство въ пользу крестьянъ, не останавливаясь и передъ насиліемъ, но не надо забывать, что всякая палка о двухъ концахъ, — какъ бы она не ударила «однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику». Земельнымъ же неурядицамъ и смутамъ конца не будетъ до тѣхъ поръ, пока въ общее сознаніе и въ сознаніе самихъ крестьянъ не проникнетъ мысль о томъ, что не одна земля должна создать ихъ благополучіе, а земля въ соединеніи со знаніемъ, капиталомъ и трудомъ, долженствующимъ искать себѣ примѣненія тамъ, гдѣ онъ можетъ оказаться наиболѣе производительнымъ, способнымъ создать наиболѣе цѣнностей и благъ. Чтобы повести по этому пути нашихъ крестьянъ, на ряду съ прочими сословіями, отъ которыхъ они отдѣлены нынѣ лишь искусственными и устарѣвшими законодательными нормами, нужны серьезныя правительственныя мѣропріятія, нужна помощь населенію со стороны правительства, земства, общества, людей науки и практики, а не увлеченіе односторонними теоріями, видящими зло только въ одномъ — въ крестьянскомъ малоземельѣ, понятіи вполнѣ относительномъ, и не желающими поставить вопросъ болѣе широко и бороться со всею совокупностью условій, держащихъ нынѣ крестьянство въ

состоянія невѣжества, темноты и безправія. Вывести его изъ этого состоянія на путь широкаго прогресса и свѣта должна будетъ наша Государственная Дума, на которую теперь возлагаетъ свои надежды вся Россія. Надо желать, чтобы Дума и въ земельномъ вопросѣ съумѣла разобраться и отличить истину отъ всякихъ безпочвенныхъ теорій, какъ бы онѣ ни представлялись заманчивыми, но которыя при малѣйшей попыткѣ къ ихъ осуществленію могутъ только ввергнуть нашу родину въ пучину всякихъ золъ и бѣдствій. И будетъ послѣдняя лесть горше первой.

Тѣмъ не менѣе, намъ говорятъ, что крестьянскія земельныя вожделѣнія надо удовлетворить, такъ какъ внѣ этого, будто бы, никакого исхода нѣтъ, безъ прирѣзки земли крестьянамъ, безъ дополнительнаго земельнаго надѣла народная масса не успокоится и сама возьметъ себѣ то, чего ей не отдадутъ добровольно. Передъ напоромъ стихійной силы, конечно, никакія разсужденія не помогутъ, насильно толпа можетъ не только землю захватить, но и все на своемъ пути уничтожить, никакой культурѣ передъ нею не устоять и даже говорить о сохраненіи культуры при такомъ катаклизмѣ было бы смѣшно. Нѣкоторые писатели намъ этотъ катаклизмъ и пророчатъ. Но возражать противъ подобныхъ доводовъ я считаю совершенно излишнимъ, — если такова та будущность, которая насъ ожидаетъ, которую намъ сулятъ — то не спасетъ отъ нея и дополнительное надѣленіе крестьянъ землею, и отобраніе ея отъ помѣщиковъ, и даже пресловутый черный передѣлъ не дастъ крестьянамъ того, что они отъ него ожидаютъ. Теперь они будто бы готовятся идти противъ частныхъ владѣльцевъ, хотятъ помѣщичье хозяйство съ лица земли стереть, прихвативъ заодно и заводы и фабрики, выгнать изъ селеній всякихъ господъ, уничтожить чиновниковъ, чтобы былъ одинъ мужикъ, — чтобы на развалинахъ теперешняго общественнаго строя мужицкое царство водворилось, — чтобы были только—вверху Царь, а подъ нимъ народъ, — между ними никого и не нужно. Не знаю, быть можетъ, такъ кое-гдѣ крестьяне и разсуждаютъ и подобныя перспективы себѣ рисуютъ. Но я оспариваю, чтобы подобное настроеніе было всеобщимъ, я вѣрю въ здравый смыслъ русскаго крестьянства и убѣжденъ въ томъ, что на этотъ путь онъ не дастъ себя увлечь ни агитаторамъ со стороны, ни даже проводникамъ такихъ стремленій изъ своей же собственной среды; — крестьяне сами сознаютъ, что на этомъ пути имъ нельзя будетъ остановиться и если сегодня они поднимутся противъ помѣщиковъ, то завтра возстанутъ село противъ села, мужикъ противъ мужика, и пойдетъ тогда уже не

смута, а взаимный грабежъ, взаимное другъ друга истребленіе по всей русской землѣ, передъ которымъ поблѣднѣютъ всѣ ужасы пережитыхъ нами аграрныхъ безпорядковъ и погромовъ. Но если этого не миновать, то всуе было бы писать всякіе проекты о дополнительномъ надѣленіи крестьянъ до той или нормы, о частичномъ принудительномъ отчужденіи земли по той или иной оцѣнки и т. п. Неужели можно воображать, что народъ, который будто бы не нынѣ — завтра со всѣми господами по своему расправится, съ такими полумѣрами примирится? Ужъ если разрушать, такъ такъ, чтобы и званія не оставалось, ужъ если брать, такъ все, ужъ если отчуждать, такъ даромъ, — коли земля принадлежитъ мужикамъ и помѣщики ее неправо отъ нихъ отобрали и удерживаютъ, то за что же ихъ еще и вознаграждать, — просто землю отъ нихъ отобрать, и дѣлу конецъ. Но я именно хотѣлъ доказать, что дѣлу тутъ не конецъ, а развѣ только начало.....

Нѣтъ, такъ народъ, во всей его массѣ, такъ русскій умный мужикъ не разсуждаетъ и такія рѣчи въ его уста влагать не слѣдуетъ. Черный передѣлъ — и въ его головѣ только мечта, только говоръ о немъ смутный въ народъ идти можетъ, но отъ словъ до дѣла еще далеко. И даже тѣ аграрные безпорядки, что доселѣ происходили, не могутъ считаться переходомъ отъ словъ къ дѣлу. Теперь еще, конечно, рано писать ихъ исторію и мы еще слишкомъ мало данныхъ имѣемъ, чтобы судить о томъ, чѣмъ они въ дѣйствительности были вызваны, но все же можно и теперь уже утверждать, что во многихъ случаяхъ тѣ селенія, тѣ крестьяне, которые всего болѣе безчинствовали и грабили, и жгли, и громили, не принадлежали къ числу самыхъ малоземельныхъ, или вовсе безземельныхъ. Причины этихъ погромовъ очень сложны и разнообразны въ разныхъ мѣстахъ. Иногда тутъ и личная ненависть противъ того или другого владѣльца, того или другого управляющаго имѣніемъ, играла роль, и обострившаяся до крайности нужда населенія послѣ неурожая минувшаго года, и стремленія къ грабежу, и вино, и подстрекательство—подстрекательство Царскимъ именемъ,—и убѣжденіе въ своей правотѣ и безнаказанности, а пуще всего—стихійное увлеченіе, психозъ толпы, подвигающій ее на самые безумные, безсознательные поступки. Поднялась волна, невѣдомо какъ и почему, и смыла все, что было передъ нею, и опять улеглась;—мужикъ, который вчера безчинствовалъ, подъ вліяніемъ какого-то заразительнаго афекта, въ состояніи либо опьяненія, либо полной психической невмѣняемости, сегодня самъ въ ужасѣ отъ того,

что онъ надѣлалъ,—не иначе, какъ нечистый попуталъ... И нельзя поручиться за то, чтобы такіе же безпорядки, затихшіе, или усмиренные въ одномъ мѣстѣ, не возникли бы впослѣдствіи въ другомъ, нельзя надѣяться на то, что мы эру подобныхъ народныхъ волненій миновали, именно потому, что возникновеніе ихъ нельзя связывать съ какими нибудь опредѣленными причинами. Безусловно неправы тѣ, кто утверждаетъ, что они являются послѣдствіемъ ничего иного, какъ только крестьянскаго малоземелья. Невѣрно и то, чтобы этимъ способомъ, путемъ бунта, народъ искалъ выхода изъ своего тяжелаго положенія, потому что тогда эти безпорядки не были бы столь случайны, столь неосмысленны,—не было бы столь дикихъ проявленій буйства, какъ вырываніе языковъ у животныхъ, какъ потопленіе въ рѣкахъ цѣлыхъ тысячъ овецъ, какъ оргіи въ церквахъ и т. п. Не было бы рядомъ съ этимъ вполнѣ разумнаго, сознательнаго стремленія крестьянъ къ расширенію своего землевладѣнія путемъ прикупки земли при содѣйствіи Крестьянскаго Банка,—а между тѣмъ, всѣмъ извѣстно, какъ часто крестьяне теперь обращаются къ помѣщикамъ съ ходатайствомъ именно о продажѣ имъ земли, при чемъ многіе землевладѣльцы, не дожидаясь вовсе закона о принудительномъ отчужденіи, идутъ на встрѣчу этимъ желаніямъ крестьянъ, и такого рода сдѣлокъ уже теперь совершается не мало; было бы ихъ еще гораздо больше, если бы въ то же время крестьянамъ съ разныхъ сторонъ не внушалось, что имъ не слѣдуетъ идти на покупку земли, которая должна и можетъ имъ достаться даромъ, что Царь для нихъ землю не то выкупитъ, не то отберетъ у помѣщиковъ, что объ этомъ теперь уже законъ по Царскому приказу пишутъ, а какъ только Дума соберется, такъ она на томъ и порѣшитъ. Неудивительно, если при этомъ въ умахъ крестьянъ образуется величайшая путаница и они уже перестаютъ отличать истину отъ лжи, право отъ насилія, добро отъ преступленія.

Если бы могло быть доказано, если бы можно было вѣрить въ то, что путемъ дополнительнаго надѣленія крестьянъ землею по программамъ тѣхъ или другихъ партій, или при помощи какой-нибудь еще болѣе радикальной мѣры принудительнаго отчужденія большей или меньшей части частновладѣльческой земли, будетъ не только положенъ предѣлъ смутѣ, но и создано прочное благополучіе крестьянскаго населенія, то я и самъ не задумался бы стать въ ряды поборниковъ такой мѣры. Я бы первый сталъ убѣждать нашихъ землевладѣльцевъ, что имъ слѣдуетъ немедленно и без-

прекословно подчиниться требованію объ отрѣзкѣ отъ нихъ четверти — трети — половины ихъ земли, притомъ, не для того только, чтобы спасти остальное, не въ видѣ подачки народу, но въ цѣляхъ общаго блага, поднятія крестьянскаго благосостоянія, съ которымъ связано и богатство всей страны. Я бы напомнилъ, какъ въ эпоху освобожденія крестьянъ лучшіе представители русскаго дворянства пошли на встрѣчу великой идеѣ Царя-Освободителя, я бы призывалъ къ пожертвованію частными интересами передъ высшимъ интересомъ государственнымъ и общественнымъ, допускающимъ даже по закону принудительное отчужденіе имущества отдѣльныхъ лицъ ради подобныхъ цѣлей и нуждъ. И я увѣренъ, что наши землевладѣльцы, по крайней мѣрѣ огромное большинство ихъ, сознательно и добровольно пошли бы на встрѣчу требуемой отъ нихъ жертвы. Но когда съ съ одной стороны проповѣдуется нарушеніе имущественныхъ интересовъ, попраніе правъ собственности ради призрачныхъ совершенно цѣлей созданія народнаго блага на такихъ началахъ, на которыхъ его въ дѣйствительности построить нельзя, когда съ другой не только нѣтъ увѣренности въ томъ, что это благо будетъ подобнымъ способомъ осуществлено, а, напротивъ, есть всѣ данныя за то, что подобная мѣра ничего, кромѣ общаго потрясенія и разрушенія не принесетъ,—поневолѣ приходится передъ нею задуматься и спросить себя,—да въ этомъ ли дѣло, этимъ ли способомъ вопросъ можетъ быть радикально разрѣшенъ? И если на такой вопросъ, по внимательномъ и всестороннемъ обсужденіи его, нельзя отвѣтить иначе, какъ отрицательно, то нельзя на этотъ путь и становиться, а надо изыскивать другіе пути, менѣе радикальные, но за то и болѣе вѣрные, хотя и медленные. Быстро вѣдь все только разрушить можно, но ничего не создать. Если же раздѣлять мнѣнія тѣхъ, которые думаютъ, что разрушенія намъ все равно не избѣжать, что оно уже началось и остановить его невозможно, тогда не о чемъ больше, и безполезно говорить. Только я убѣжденъ, что большинство съ этимъ мнѣніемъ не согласится и главная масса русскаго народа волною разрушенія еще не захвачена и до потери способности здраваго разсужденія еще не увлечена, иначе я своей книги и писать бы не сталъ. И пусть не думаютъ, что я являюсь въ ней защитникомъ узко понятыхъ кастовыхъ интересовъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Противуположность интересовъ въ Россіи крупнаго и мелкаго, помѣщичьяго и крестьянскаго землевладѣнія, существованіе между ними антагонизма, я въ общемъ безусловно отрицаю. Но не могу же я при-

нимать призрачные интересы за дѣйствительные, какъ не считалъ бы возможнымъ поддерживать интересы однихъ въ ущербъ другихъ. Къ счастью, вопросъ такъ вовсе не стоитъ, и не въ пожертвованіи одними интересами въ пользу другихъ надо видѣть исходъ, а, напротивъ, въ согласованіи этихъ интересовъ, во взаимодѣйствіи ихъ,—вполнѣ возможномъ и достижимомъ безъ всякой ломки, безъ всякаго насилія, только на почвѣ здраваго смысла, изученія фактовъ, и логики.

Любопытно, что неизбѣжность полнаго упадка сельскаго хозяйства въ Россіи, въ случаѣ уничтоженія частновладѣльческаго хозяйства и перехода всѣхъ земель къ крестьянамъ, не отрицается даже самими соціалистами, какъ можно видѣть изъ словъ одного изъ главныхъ ихъ апостоловъ, К. Каутскаго. Въ предисловіи своемъ къ послѣднему изданію русскаго перевода его книги „Эрфуртская программа", изданномъ у насъ отдѣльною брошюрою, продаваемою, для большаго ея распространенія, по 3 к. за экземпляръ, Каутскій, перечисляя мѣры, необходимыя для водворенія въ странѣ соціалистическаго рая, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „одного раздѣла земель крупныхъ землевладѣльцевъ между крестьянами мало; онъ можетъ повести за собой даже окончательный упадокъ сельскаго хозяйства въ Россіи. Результатомъ такого раздѣла явилось бы единственно уничтоженіе тѣхъ сельскохозяйственныхъ предпріятій, которыя до сихъ поръ еще скорѣе другихъ могли раціонально воздѣлывать землю при помощи усовершенствованныхъ орудій и машинъ. Все земледѣліе Россіи было бы тогда низведено къ уровню нищенскаго крестьянскаго хозяйства". Для устраненія такой совершенно основательно имъ предрекаемой будущности, Каутскій предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ, тоже вполнѣ основательныхъ, какъ-то: народныя школы, снабженіе сельскихъ обществъ усовершенствованными орудіями и машинами для лучшей обработки земли, и достаточнымъ количествомъ скота, предоставленіе населенію безлѣсныхъ частей Россіи средствъ для замѣны дерева, употребляемаго на постройки, желѣзомъ, камнемъ или кирпичемъ, введеніе раціональнаго лѣснаго хозяйства, и проч. Нужныя же на осуществленіе всего этого значительныя средства можно, по его словамъ, добыть лишь при помощи гигантскаго займа, который, однако, онъ категорически отвергаетъ во первыхъ потому, что крупный русскій заемъ въ ближайшемъ будущемъ за границею невозможенъ (?) а во вторыхъ потому, что онъ повелъ бы лишь къ новому отягощенію налогового бремени народа,—либо—и къ этому онъ вполнѣ склоняется—

прекращеніемъ процентныхъ платежей по прежнимъ нашимъ займамъ, т. е. путемъ государственнаго банкротства, распущеніемъ постояннаго войска, отнятіемъ у монастырей не только ихъ земельныхъ имуществъ (что, какъ мы видѣли, не много дастъ, всего нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ), но и всѣхъ ихъ другихъ богатствъ, золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней, вѣроятно, вплоть до содранія дорогихъ ризъ и украшеній съ иконъ и т. п. Спрашивается, на этотъ ли путь хотятъ вывести насъ тѣ, кто, не называя себя соціалистами, проповѣдуютъ однако насильственное, огульное принудительное отобраніе земель у помѣщиковъ въ пользу крестьянъ! И нельзя не отдать справедливости соціалисту Каутскому, что онъ по крайней мѣрѣ не стѣсняется ставить точки на і и откровенно доводитъ свою теорію до конца.

Нельзя не отдать ему справедливости и въ томъ, что онъ не увлекается нашею современною крестьянскою общиною и отказывается видѣть въ ней первую стадію осуществленія аграрнаго соціализма, отъ которой, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нашихъ соціалистовъ, такъ легко будетъ сдѣлать и всѣ послѣдующіе шаги. Въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ сходится съ другимъ не менѣе его извѣстнымъ соціалистомъ и анархистомъ Бакунинымъ, который много лѣтъ назадъ въ письмѣ къ своимъ друзьямъ, Герцену и Огареву, приверженцамъ какъ разъ послѣдняго мнѣнія, по поводу нашей общины высказывался такъ: „Вы все готовы простить, пожалуй, готовы поддерживать все, если не прямо, такъ косвенно, лишь бы оставалось неприкосновеннымъ ваша мистическая святая святыхъ,— великорусская община, отъ которой мистически вы ждете спасенія не только для великорусскаго народа, но и для всѣхъ славянскихъ земель, для Европы, для міра. Вы запнулись за русскую избу, которая сама запнулась, да и стоитъ вѣка въ китайской неподвижности со своимъ правомъ на землю. Почему эта община, отъ которой вы ожидаете такихъ чудесъ въ будущемъ, въ продолженіе десяти вѣковъ прошедшаго существованія не произвела изъ себя ничего, кромѣ самаго гнуснаго рабства? Гнусная гнилость и совершенное безправіе патріархальныхъ обычаевъ, безправіе лица передъ міромъ и всеподавляющая тягость этого міра, убивающая всякую возможность индивидуальной иниціативы, отсутствіе права не только юридическаго, но простой справедливости въ рѣшеніяхъ того же міра и жестокая безцеремонность его отношеній къ каждому безсильному и небогатому члену, его систематичная притѣснительность къ тѣмъ членамъ, въ которыхъ проявляются притязанія на малѣйшую самостоятельность, и готов-

ность продать всякое право и всякую правду за ведро водки— вотъ, во всецѣлости ея настоящаго характера, великорусская крестьянская община".

Нечего сказать, не идеализируетъ Бакунинъ ни нашу общину, ни крестьянскіе деревенскіе порядки, а между тѣмъ, онъ еще сельскохозяйственной стороны дѣла и общинныхъ аграрныхъ порядковъ совсѣмъ не касается. И то, что такъ рѣзко высказываетъ Бакунинъ, можно и отъ любого мужика въ деревнѣ услыхать, если по душѣ съ нимъ поговорить, но только съ глазу на глазъ, а не передъ цѣлымъ сельскимъ сходомъ и не въ присутствіи начальства... Повторю то, что я сказалъ въ началѣ,— чтобы съ успѣхомъ лечить болѣзнь, надо прежде всего поставить правильный ея діагнозъ, надо выяснить тѣ слабыя мѣста, которыя по преимуществу вызываютъ проявленія этой болѣзни, и направить всѣ усилія на ихъ уврачеванія. Это выясненіе и показываетъ, что не въ малоземельи нашего крестьянскаго населенія лежитъ корень дѣла, не отъ него проистекаетъ народная бѣдность, которую одною только прирѣзкою земли не устранить, ненормальныхъ, болѣзненныхъ явленій въ народной жизни не уврачевать. Напротивъ того, дѣло гораздо сложнѣе и заключается во всей обстановкѣ, во всѣхъ условіяхъ жизни и дѣятельности нашего крестьянства, въ хозяйственной неурядицѣ, въ запутанности земельныхъ отношеній въ предѣлахъ самого крестьянскаго землевладѣнія,— въ низкомъ, даже при современныхъ условіяхъ, уровнѣ полевой культуры, въ принудительныхъ ея формахъ, въ гнетѣ міра надъ отдѣльными лицами, въ искусственной привязкѣ крестьянина къ землѣ, почти закрывающей для него пути ко всякимъ другимъ профессіямъ и источникамъ существованія.

При всѣхъ этихъ и еще многихъ другихъ условіяхъ, перечислять которыя вновь здѣсь было бы невозможно, даже настоящій фондъ крестьянскаго землевладѣнія, представляющій собою огромный капиталъ, является, при существующихъ порядкахъ его эксплоатація, обезцѣненнымъ, малопроизводительнымъ, плохо вознаграждающимъ крестьянскій трудъ и приносящимъ поэтому всему русскому народу ничтожный процентъ, хотя бы по сравненію съ тѣмъ, что даетъ у насъ же земельный фондъ, находящійся въ рукахъ другихъ сословій. Отъ передачи этого фонда цѣликомъ крестьянамъ русское народное богатство не возрастетъ, а еще болѣе уменьшится, ко вреду всѣхъ безъ исключенія классовъ населенія, въ томъ числѣ и самихъ крестьянъ. Отдѣльные случаи малоземелья, острой земельной нужды, почти лишающей крестьянина воз-

можности существованія отъ земли и на землѣ, несомнѣнно есть, подобные случаи нужно выдѣлить и принять всѣ мѣры къ тому, чтобы ихъ устранить цѣлымъ рядомъ законныхъ для того, но отнюдь не насильственныхъ, способовъ. При наличномъ же населеніи русской Имперіи, возрастающемъ годъ отъ году быстрѣе даже чѣмъ въ другихъ государствахъ Европы, сколько нибудь значительно расширить площадь крестьянскаго землевладѣнія нельзя уже по той простой и неустранимой причинѣ, что для этого никакой земли не хватитъ, и потому еще, что преслѣдованіе одной этой задачи принесетъ русскому народу во всей его совокупности и въ частности самимъ же крестьянамъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, закрывъ для нихъ всѣ другіе способы наиболѣе производительнаго примѣненія своего труда, который останется у нихъ на расширенныхъ надѣлахъ въ огромной своей части неиспользованнымъ, а потому еще пуще теперешняго будетъ обезцѣненъ.

Далѣе, если уже теперь, какъ показываетъ факты и разсчеты, производительность самой земли обратно пропорціональна ея площади, то при сколько нибудь значительномъ увеличеніи этой площади въ рукахъ крестьянъ производительность эта упадетъ еще болѣе.— произойдетъ регрессъ отъ первыхъ, слабыхъ еще, но все таки уже проявляющихъ свои результаты, шаговъ къ введенію интенсивнаго хозяйства — къ хозяйству экстенсивному, для котораго, однако, какъ ни расширяй площадь крестьянскаго землевладѣнія въ предѣлахъ возможнаго, земли все таки не хватитъ. Въ общемъ, одна и та же площадь земли можетъ дать и больше, и меньше, въ зависимости отъ способовъ ея эксплотаціи, и можно смѣло утверждать, что при настоящихъ условіяхъ крестьянскаго землепользованія, она даетъ минимумъ того, что могла бы дать, въ рукахъ даже тѣхъ же крестьянъ, но при условіяхъ лучшаго ея расположенія, при устраненіи ея дробленія на безчисленное число полосъ, при округленіи владѣній, при ослабленіи столь пагубнаго длинноземелья, при уничтоженіи неизбѣжныхъ нынѣ пріемовъ принудительной, однообразной культуры (того, что нѣмцы называютъ Flurzwang), парализующихъ всякія стремленія отдѣльныхъ крестьянъ къ улучшенію пріемовъ обработки ихъ собственныхъ участковъ.

О малоземельи, какъ явленіи общемъ, можно было бы говорить тогда, когда было бы доказано, что уже исчерпано все то, что можетъ быть сдѣлано для достиженія максимальныхъ нормъ производительности земли при настоящихъ размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія, а между тѣмъ этого не только нѣтъ, но крестьяне наши въ большей части мѣстностей Россіи, собственно говоря, на

этотъ путь даже еще и не вступали, по крайней мѣрѣ сознательно, и, тѣмъ не менѣе, уже имѣются на лицо факты, показывающіе, что интенсификація хозяйства является и приноситъ свои плоды какъ бы сама собою, въ силу естественнаго хода вещей. Теперь уже намъ и съ этого пути предлагаютъ повернуть обратно. Спрашивается, до куда же, до пріемовъ какой эпохи намъ идти назадъ? Нашъ земледѣльческій строй складывался въ тѣ времена, когда людей было мало, а просторъ былъ необъятный, когда крестьяне могли свободно распространяться во всѣ стороны — и въ степи, и въ лѣса, повсюду, куда соха и топоръ ходили,— но вѣдь этихъ временъ уже не возвратишь, и для свойственнаго этому періоду развитія хозяйства даже и въ Сибири становится тѣсно. А между тѣмъ, вѣдь именно это составляетъ идеалъ и нашего современнаго крестьянина и потому нѣтъ такого уголка русской земли, гдѣ бы не раздавались его жалобы на земельное утѣсненіе.

Дѣйствительной крестьянской земельной нуждѣ и нужно, и можно помочь, но помочь не въ силу какого-то будто бы прирожденнаго всякому человѣку права на землю, а въ силу сознанной необходимости улучшенія экономическаго благосостоянія нашихъ крестьянъ въ тѣхъ случаяхъ, когда безъ этого имъ негдѣ и не на чемъ приложить своего труда. Но это случаи не повсемѣстные и не общіе,—если дѣло свести къ нимъ, то и земельный вопросъ станетъ разрѣшимымъ мирнымъ путемъ, безъ необходимости обращенія къ насилію, съ чьей бы стороны оно ни исходило, разрѣшимымъ на правильныхъ экономическихъ основаніяхъ, а не въ силу какихъ бы то ни было абстрактныхъ теорій, въ родѣ идеи націонализаціи земли. И притомъ, такое разрѣшеніе вопроса можетъ конечно, совершиться не въ одинъ день, и не въ одинъ годъ. Намъ говорятъ,— и что еще хуже, смущаютъ этимъ крестьянина, — землю нужно дать мужику немедленно, сейчасъ, голодный ни одного дня ждать не можетъ,— упуская при этомъ изъ виду, что вѣдь и голодный ѣсть земли не станетъ, и земля важна только какъ средство крестьянину заработать себѣ пропитаніе, но нельзя же одновременно закрывать передъ нимъ всѣ тѣ пути, которые даютъ ему нынѣ возможность заработать много болѣе того, что ему дастъ земля, — хотя бы она и вся была сосредоточена въ его рукахъ. Къ несчастью, наши радѣтели о народномъ благѣ, которые все это благо сводятъ къ одному только вопросу о владѣніи землей, не сознаютъ того, что, суля крестьянину журавля въ небѣ, они въ то же время отнимаютъ у него синицу изъ рукъ; и если бы этотъ журавль и былъ бы пойманъ,

онъ оказался бы не журавлемъ, и даже не синицей, и всѣ эти прекрасные посулы свелись бы къ прямому и уже непоправимому ущербу для того же мужика. Такъ, вѣрно мнѣ говорили Саратовскіе крестьяне, о которыхъ я упоминалъ въ одной изъ предыдущихъ главъ, что одной землей не проживешь, пусть земли хотя и больше станетъ, а горя съ ней пуще прежняго намыкаешься. Какъ земли не можетъ человѣкъ ѣсть, такъ не можетъ онъ ее и родить, а надо къ тому прилаживаться, что кому дано, и съ чѣмъ кто можетъ совладать. Точно также и трудъ свой надо примѣнять тамъ, гдѣ онъ будетъ всего производительнѣе, а отъ одного только перехода земли изъ однѣхъ рукъ въ другія этотъ трудъ станетъ не болѣе, а менѣе производителенъ, будетъ вознаграждаться хуже и, слѣдовательно, всякая аграрная реформа, направленная только къ увеличенію крестьянскаго землевладѣнія на счетъ частновладѣльческаго хозяйства, отъ котораго въ сущности крестьяне уже и теперь получаютъ больше, чѣмъ сами владѣльцы,— всякая такая реформа не улучшитъ, а ухудшитъ положеніе крестьянъ, сокративъ ихъ приходъ на сумму большую, чѣмъ сколько принесетъ имъ увеличенная площадь земли въ ихъ рукахъ. Задача предстоящей намъ аграрной политики должна состоять не въ этомъ, а въ томъ, чтобы придти на помощь крестьянамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда безъ такой помощи они сами по себѣ безсильны свое благосостояніе поднять — по недостатку земли, въ однихъ случаяхъ, по неудобному ея расположенію, въ другихъ, по отсутствію знанія въ третьихъ, по дороговизнѣ и недоступности кредита въ четвертыхъ и т. д. и т. д. Во всякомъ случаѣ, вопросъ слишкомъ сложенъ и многостороненъ, чтобы его какою либо одною общею, хотя бы и самою радикальною, мѣрою можно было быстро разрѣшить. Болѣе того, я скажу, что чѣмъ радикальнѣе будетъ такая мѣра, тѣмъ болѣе она опасна и тѣмъ менѣе отъ нея можно ожидать успѣха. Не поможетъ тутъ даже и тотъ черный передѣлъ, о которомъ мечтаютъ крестьяне, поддерживаемые въ этой идеѣ соціалистами, которые если, быть можетъ, иногда и искренни, то во всякомъ случаѣ говорятъ безъ достаточнаго знанія дѣла и не принимая въ разсчетъ дѣйствительности, передъ которою всѣ ихъ теоріи должны будутъ разлетѣться прахомъ.

Не знаю, удалось ли мнѣ въ моихъ статьяхъ убѣдить моихъ непредъубѣжденныхъ читателей, что вопросъ о поднятіи крестьянскаго благосостоянія къ одному вопросу о малоземельѣ сводить нельзя, безъ риска впасть въ роковую для русскаго государства и для русскаго крестьянства ошибку? Если малоземелье есть повсюду по

понятіямъ самихъ крестьянъ, то это малоземелье только относительное, зависящее отъ неприспособленности изстари удерживающихся хозяйственныхъ формъ и пріемовъ земледѣлія къ современнымъ экономическимъ условіямъ страны, численности населенія, даже къ нашимъ естественнымъ и почвеннымъ условіямъ. Если прежде неистощенная дѣвственная земля родила много, безъ приложенія къ ней усиленныхъ трудовъ земледѣльца,— кое какъ вспахалъ, вѣрнѣе поцарапалъ, землю, сѣмена выбросилъ—жди урожая,—то теперь, послѣ долгихъ лѣтъ настойчиво удерживаемой первобытной культуры, земля уже не можетъ давать того, что она давала прежде, а потому и трудъ теперь надо не разбрасывать въ ширь на возможно большей площади, а напротивъ его сосредоточивать; только при этомъ условіи и земля и трудъ будутъ давать максимумъ своей производительности, всякая же мѣра, направленная къ удержанію отжившихъ формъ экстензивнаго хозяйства, а тѣмъ паче къ ихъ возстановленію тамъ, гдѣ онѣ начали уже понемногу замѣняться формами культуры болѣе интензивной, будетъ шагомъ назадъ, а не впередъ.

Я старался выяснить дѣло, показать правду, какъ она есть, освободивъ ея отъ всякихъ фантастическихъ прикрасъ, которыми увлекаются, къ сожалѣнію, не одни только крестьяне, видящіе въ прирѣзкѣ земли единственное для себя спасеніе и не задающіеся вопросами ни о томъ, откуда эту землю взять, ни о томъ, много ли ее на каждаго придется, ни о томъ, что она имъ дастъ тогда, когда она къ нимъ въ дѣйствительности отойдетъ, и что они отъ этого выиграютъ. Я не могу, конечно, надѣяться на то, чтобы мои разъясненія всѣхъ этихъ важнѣйшихъ въ настоящее время вопросовъ дошли бы до народа и доказали бы ему тщету и призрачность его надеждъ на улучшеніе его благосостоянія именно этимъ путемъ. Но я хотѣлъ только обстоятельнымъ, безпристрастнымъ разборомъ земельнаго вопроса предостеречь тѣхъ, кто и сами увлекаются возможностью скораго, но односторонняго его разрѣшенія, и невольно, быть можетъ, вводятъ въ заблужденіе другихъ. Пусть же всѣ, кто мои мнѣнія въ данномъ случаѣ раздѣляютъ, воспользуются приведенными мною фактами, для того, чтобы бороться съ этими односторонними, хотя и заманчивыми теоріями, и возьмутъ на себя трудъ проводить въ народную среду отрезвляющее слово правды, если и противорѣчащее общераспространеннымъ въ крестьянствѣ и даже въ нѣкоторой части нашего образованнаго общества воззрѣніямъ на земельный вопросъ, но тѣмъ не менѣе единственно могущее подвинуть этотъ

вопросъ къ правильному его разрѣшенію, взамѣнъ тѣхъ новыхъ бѣдствій, разочарованій и невзгодъ, къ которымъ неизбѣжно поведутъ всякія ошибки при его постановкѣ и разрѣшеніи на невѣрныхъ или односторонніхъ основаніяхъ, если бы даже это было сдѣлано въ цѣляхъ успокоенія и облагодѣтельствованія народныхъ массъ. Истина, какъ бы она ни была горька, всегда лучше заблужденій, даже самыхъ привлекательныхъ,—неправдою же весь свѣтъ пройдешь, да назадъ не вернешься, а тутъ еще на неправый путь можно и весь народъ увлечь, къ его собственной погибели и несчастью. Эту неправду я и поставилъ себѣ задачею разоблачить, въ интересахъ русскаго народа. Моей книги онъ, конечно, не прочтетъ, но отголосокъ ея такъ или иначе, черезъ посредство тѣхъ, которыхъ мнѣ удастся убѣдить въ правотѣ моихъ воззрѣній, можетъ быть, до него дойдетъ и удержитъ его на краю той пропасти, передъ которою онъ въ настоящее время стоитъ, готовый въ нее ринуться, не сознавая той опасности, которая ему угрожаетъ, и тѣхъ бѣдствій, которыя онъ себѣ же готовитъ въ будущемъ, если во время на этомъ пути не остановится и не опомнится, пока еще не поздно. Помочь русскому крестьянству и можно, и нужно,—медлить съ этимъ теперь уже нельзя, и такъ много времени упущено. Надо дать ему землю тамъ, гдѣ именно земля ему всего нужнѣе, но нельзя обольщать себя надеждою, что въ этомъ и заключается разрѣшеніе всего аграрнаго вопроса, такъ какъ это только одна сторона его, притомъ далеко не важнѣйшая. Даже нѣкоторые изъ защитниковъ принудительнаго отчужденія признаютъ, что это мѣра только палліативная, полезное значеніе которой даже съ ихъ точки зрѣнія распространится на какія-нибудь 10—15 лѣтъ, а затѣмъ придется все же идти къ тому, съ чего я предлагаю начать сейчасъ—улучшеніе крестьянскаго хозяйства, подъемъ производительности земли, распространеніе знанія среди народа, дарованіе ему общегражданскихъ правъ, устраненіе тѣхъ путъ, которыми онъ нынѣ со всѣхъ сторонъ окруженъ. Въ этомъ все спасеніе, а не въ прирѣзкѣ какой-нибудь десятины земли, къ тѣмъ двухъ-трехъ, на которыхъ онъ нынѣ періодически голодаетъ и изъ году въ годъ недоѣдаетъ. Хлѣбомъ съ этой лишней десятины его до сыта не накормишь и благосостоянія его не поднимешь. Вопросъ надо поставить шире и искать корень зла тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно есть, а не тамъ, гдѣ онъ только кажется и самимъ крестьянамъ, и тѣмъ, которые не хотятъ вникнуть въ дѣло глубже.

А затѣмъ, я обращусь съ однимъ еще послѣднимъ словомъ и къ самимъ нашимъ землевладѣльцамъ. Докажите, что вамъ

близки и дороги интересы вашего сосѣда-крестьянина. Согласитесь на продажу ему той земли, которую онъ у васъ проситъ, въ особенности той, которой вы сами издавна не пользуетесь, которая въ площадь вашего хозяйства не входитъ. Не ставьте крестьянину такихъ условій, на которыя онъ согласиться не можетъ,— вы сами знаете, что онъ можетъ разумно вамъ предложить, безъ ущерба для себя и безъ нарушенія вашихъ интересовъ. Пусть не скажутъ враги ваши, что обращеніе къ принудительному отчужденію необходимо, потому что иначе нельзя побудить васъ къ уступкѣ малоземельнымъ крестьянамъ, по справедливой оцѣнкѣ, земли, въ тѣхъ предѣлахъ, которые будутъ признаны дѣйствительно необходимыми для удовлетворенія ихъ насущной земельной нужды. Эту нужду вы знаете не хуже разныхъ аграрныхъ писателей и когда настанетъ время осуществленія земельной реформы, съумѣете ее выяснить и всесторонне и безпристрастно, не останавливаясь въ потребныхъ случаяхъ, въ видахъ народнаго блага, передъ пожертвованіемъ долею и своихъ имущественныхъ интересовъ для того, чтобы создать вокругъ себя обезпеченное и довольное населеніе, среди котораго вы найдете и полезныхъ, вѣрныхъ работниковъ для своихъ хозяйствъ, для своихъ полей. Отчужденіе части вашихъ земель дастъ вамъ средства на улучшеніе остальной части, которая въ вашихъ рукахъ останется, а отъ сосредоточенія труда на меньшей площади вы только выиграете, такъ какъ сказанное мною выше о томъ, что интенсификація хозяйства обратно пропорціональна площади земли, относится въ равной мѣрѣ и къ землямъ крестьянскимъ, и къ землямъ помѣщичьимъ.

Какъ ни тяжела настоящая минута, какъ ни грозятъ вамъ съ одной стороны революціонеры-соціалисты, а съ другой и тѣ же ослѣпленные, увлеченные ихъ подстрекательствомъ крестьяне, не бѣгите изъ деревни, не покидайте этихъ самыхъ крестьянъ, съ которыми вы и ваши предки мирно прожили добрыми сосѣдями десятки и сотни лѣтъ. Вѣдь переживаемое нами смутное время не можетъ долго продолжаться, — тотъ афектъ, подъ вліяніемъ котораго приходилъ народъ васъ громить, какъ угаръ пройдетъ,—и вы нужны народу для того, чтобы его образумить, вернуть на путь истинный. Вѣдь онъ самъ не вѣдалъ, что творилъ. Но не всѣ же виновны, да и виновные свой грѣхъ сознаютъ, когда опомнятся и поймутъ, куда и кто ихъ хотѣлъ завести, когда они вновь получатъ способность разсуждать. Вы нужны народу какъ его руководители, какъ насадители культуры на русской землѣ.

ваши хозяйства должны и впредь давать заработки крестьянамъ и служить для нихъ примѣромъ. Вы должны и впредь, какъ доселѣ, нести помѣстную службу народу и въ земствѣ, и на разныхъ другихъ должностяхъ. Когда нибудь тѣ преграды, которыя теперь искусственно отдѣляютъ крестьянъ отъ прочихъ классовъ населенія, ставя ихъ въ положеніе безправныхъ подопечныхъ, падутъ, и ваша связь съ ними станетъ еще тѣснѣе прежняго, — они перестанутъ въ каждомъ баринѣ видѣть начальство, въ каждомъ общественномъ дѣятелѣ—чиновника,—вы отъ нихъ же въ будущемъ станете получать полномочія, довѣріе ихъ къ вамъ еще только возрастетъ. И въ новыхъ государственныхъ учрежденіяхъ, и въ Думѣ, и въ преобразованномъ Государственномъ Совѣтѣ вы явитесь уполномоченными представителями народа и часто лучше его самого съумѣете быть истолкователями его истинныхъ пожеланій и нуждъ. Не можетъ, не долженъ одинъ безумный годъ порвать ту связь, которая издавна соединяла васъ съ народомъ и которая, напротивъ того, станетъ тѣмъ крѣпче, чѣмъ болѣе вы съ нимъ сблизитесь и сольете свои интересы съ его интересами на почвѣ общаго труда въ области той коренной отрасли промышленности—сельскаго хозяйства,—которая питаетъ всю Россію и на которой хватитъ мѣста и для крупныхъ, и для среднихъ и для мелкихъ хозяевъ-собственниковъ, въ которыхъ должны будутъ рано или поздно превратиться наши крестьяне-землепашцы. А когда это время наступитъ, отойдетъ въ область преданій и весь нашъ современный аграрный вопросъ, съ его настоящею остротою и взаимнымъ непониманіемъ, — исчезнутъ какъ дымъ и разныя земельныя утопіи, уступивъ мѣсто трезвому отношенію къ жизни и ея практическимъ запросамъ. Тогда и русская земля станетъ съ лихвою окупать труды земледѣльца, тогда поднимется ея производительность, забудутся современные повальные неурожаи, голодовки, и на основахъ правильно и прочно организованнаго сельскаго хозяйства получатъ нормальное развитіе и всѣ прочія отрасли промышленности, создастся и тотъ внутренній рынокъ для продуктовъ нашего земледѣлія, при отсутствіи и ограниченности котораго мы остаемся данниками иностранныхъ державъ, которыя теперь ограждаются отъ насъ китайскою стѣною покровительственныхъ и запретительныхъ таможенныхъ тарифовъ; мы тогда уже не будемъ въ нихъ болѣе нуждаться, такъ какъ главными потребителями продуктовъ нашего производства сдѣлаемся мы сами, а заграницу будемъ вывозить уже отъ своихъ дѣйствительныхъ избытковъ, за полнымъ прежде

всего удовлетвореніемъ своихъ домашнихъ потребностей, а не отъ своей бѣдности, какъ теперь, будемъ, притомъ, вывозить уже не дешевое сырье, какъ теперь, а продукты обработанные, болѣе цѣнные, иногда заграницею же изъ нашего сырья приготовленные. Разчистимъ же поскорѣе пути къ постановкѣ нашего земледѣлія на тѣхъ основахъ, при которыхъ эти результаты только и могутъ быть достигнуты, но не станемъ на ложный путь, который отброситъ насъ, наше сельское хозяйство, нашу страну, на сотни лѣтъ назадъ, и эту будущность еще болѣе отдалитъ. Во чтобы то ни стало, культуру намъ надо охранить, не поступаясь тѣми успѣхами, которые она у насъ уже сдѣлала, а напротивъ стараясь пріобщить къ ней и наше крестьянское населеніе, хотя бы оно необходимости ея еще и само пока не сознавало.

Важнѣйшія опечатки.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
IV	3 сверху	знаній	знанія
„	12 »	сопряжены	сопряженъ
49	3 »	большой	большей
56	7 снизу	получившихся	получавшихся
125	4 »	размѣрахъ	размѣровъ
127	13 »	существующихъ черезполосного	существующихъ формъ черезполосного
140	22 сверху	Банку	Банкомъ
158	14 снизу	небольшія	небольшіе
173	13 сверху	многообразныя рессурсы, которыя	многообразные рессурсы, которые
174	15 »	которыя	которые
180	14 »	ея честь изобрѣтенія	честь ея изобрѣтенія
187	10 »	пріимуществу	преимуществу
212	13 снизу	льны	льна
246	18 »	пропало	пропала
248	7 сверху	рытья	рытье
266	8 »	улучшенія	улучшенію
267	12 снизу	особонною	особенною
269	15 сверху	послѣдній годъ	послѣдніе годы
„	17 »	строны	страны
278	19 »	въ народъ	въ народѣ
281	3 »	другихъ	другимъ
284	16 »	показывастъ	показываютъ
285	5 »	уже	же
288	9 снизу	двухъ—трехъ	двумъ—тремъ
291	4 сверху	приготовленные	приготовляемые

3 2044 009 531 393

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOK DUE
SEP 12 1986
FEB - 7 1989
2779528

STALL-STUDY
CHARGE

WIDENER
BOOK DUE
JAN 15 1992